This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

EDWARD WHYMPER, AT THE AGE OF 25.

ZOREV, P

П. Зоревъ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ОБЗОРЪ ПЕРВАГО ПЕРІОДА
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

Москва
1907 г.

DK256
Z6

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1907.

ОТЪ АВТОРА.

Первый періодъ освободительной борьбы, начавшійся эпохой „довѣрія“ и закончившійся обнародованіемъ манифеста 17 октября, протекалъ при условіяхъ, позволявшихъ печати говорить не иначе какъ путаясь въ тенетахъ, разставленныхъ безчисленными циркулярами. Ощупью, едва дерзая касаться насущнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, русская пресса, мало-по-малу, подходила къ своему священному праву — освѣщать темныя стороны укоренившихся на Руси порядковъ и критиковать дѣйствія правящихъ сферъ. Почти въ такомъ же положеніи находились и общественно-выборныя учрежденія.

Вслѣдствіе этого и на изложеніи предлагаемой книги, представляющей собою попытку дать очеркъ постепеннаго развитія общественныхъ силъ, отразилась степень тогдашней всеобщей зависимости отъ „бюрократическаго“ давленія. Я полагаю, однако, что при изложеніи событій по даннымъ современной имъ прессы, общая картина получаетъ болѣе правильный колоритъ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

„Историческіе дни 6—8 ноября точно вѣчевой колоколъ всколыхнули русское общество“, писало „Право“— и лучше нельзя было выразить значеніе момента. Въ эти дни первый съѣздъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей, имѣя за собою грозную силу пробуждавшейся страны, выработалъ схему реформъ, требовавшихся жизнью и достоинствомъ нашего отечества. Давно и смутно ожидавшійся протестъ, наконецъ, вырвался изъ груди многострадальной Россіи, — протестъ противъ самовластной бюрократіи, пышно разросшейся на почвѣ Положенія объ усиленной охранѣ, не считавшейся съ законами и позволявшей закрѣпощеннымъ „обывателямъ“ влачить существованіе лишь въ качествѣ поднадзорныхъ враговъ своего отечества.

Протестъ этотъ уже нельзя было обойти привычными приказными пріемами; требовался отвѣтъ передъ лицомъ цѣлаго міра. Охваченная возбужденіемъ страна искала теперь не успокоенія, а борьбы съ организованнымъ произволомъ—до возстановленія народныхъ правъ, попранныхъ зазнавшейся полурусской бюрократіей.

Гроза нежданной войны, тяжкимъ бременемъ упавшая на страну и своими ужасами поразившая всѣ народы, сдѣлала еще тягостнѣе и безъ того едва возможное существованіе. Она же, однако, пробудила въ широкихъ слояхъ общества сознаніе гражданскаго долга и заставила организоваться общественныя силы, старательно разъединявшіяся „системой“, въ интересахъ властнаго произвола.

Начиная эту борьбу, русское общество мало считалось съ силой того сопротивленія, которое предстояло ему встрѣтить со стороны безотвѣтственной бюрократіи; оно еще имѣло наивность полагать, что въ это тяжкое время даже и наше правительство сочтетъ необходимымъ внять голосу ея лучшихъ сыновъ, что оно способно уважать указанія жизни, опыта и науки... Къ сожалѣнію, оказалось, что постановленія перваго ноябрьскаго съѣзда общественныхъ дѣятелей были встрѣчены „властями" не какъ забота представителей общества о мирномъ обновленіи страны, а какъ происки крамолы; дальнѣйшія же событія устранили всякія сомнѣнія въ томъ, что правительствовавшая бюрократія рѣшилась, не стѣсняясь ничѣмъ, отстаивать свои привилегіи, во что бы это ни обошлось для истекавшей кровью страны... Но Россія стала на порогъ новой жизни и надо было стремиться, чтобы лучъ надежды не погасъ, а обратился въ яркое и теплое солнце.

Общественный подъемъ возникъ почти внезапно, но причины, вызвавшія его, накоплялись десятками лѣтъ. Люди такъ привыкли терпѣть, что отчаялись надѣяться и въ озлобленіи желали худшаго: „Чѣмъ хуже,— тѣмъ лучше!.." И они дождались желаннаго. Это была деспотическая власть В. К. фонъ-Плеве, установившая, по опредѣленію „Петербургск. Вѣдомостей", режимъ жестокій, лицепріятный и разрушительный для основъ самого правительства. Обезличенное и безгласное общество не могло оказать никакого противодѣйствія бюрократіи, и результаты политики осаживанія выразились въ событіяхъ, пережитыхъ Россіей въ годину злополучной войны.

Общее впечатлѣніе, предшествовавшаго войнѣ, 1903 г.: полуспячка, вялость общества и бодрствованіе полиціи; кое-какія подготовки къ административнымъ преобразованіямъ; нѣкоторыя узаконенія относительно функцій и порядковъ управленія; ассигнованіе средствъ изъ

государственной казны для разнообразныхъ мѣропріятій къ усиленію полицейской охраны (учреждена уѣздная полицейская стража съ расходомъ въ 10.377.000 р.).

Дѣятельность правительственныхъ органовъ, кромѣ упомянутаго усиленія полиціи, выразилась въ расширеніи полномочій мѣстныхъ административныхъ властей, объявленіемъ многихъ мѣстностей въ состояніи усиленной охраны, а также предоставленіемъ особыхъ полномочій генералъ-губернаторамъ московскому и варшавскому и главноуправляющему на Кавказѣ. Въ министерствѣ внутр. дѣлъ особая комиссія разрабатывала задачи по усиленію губернаторской власти, при чемъ проводилась мысль о подчиненіи губернаторскому надзору судебныхъ установленій и системы преподаванія въ гимназіяхъ, институтахъ и университетахъ.

Самое состояніе страны въ смыслѣ спокойнаго теченія жизни было неблагопріятно. Хроника правит. мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію различныхъ безпорядковъ, имѣла для мирнаго времени необычайные размѣры. Для подавленія таковыхъ административныя власти въ 1903 г. прибѣгали къ содѣйствію войскъ съ употребленіемъ оружія, между проч. въ Гомелѣ, Баку, Карсѣ, Шушѣ, Тифлисѣ, Кіевѣ, Михайловкѣ, Златоустѣ („Русскія Вѣдом.").

Продолжало въ этомъ году работы и подвело итоги „особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности". Совѣщаніе, послѣ обмѣна мнѣній при участіи приглашенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, признало, что экономическое неблагополучіе происходитъ отъ такихъ причинъ, которыя выдвигаютъ на первый планъ „широкія мѣропріятія къ подъему культурнаго уровня населенія и къ улучшенію его правового положенія; т.-е. что причина бѣдствія заключается прежде всего въ малой культурности крестьянъ и въ неудовлетворительности ихъ соціально-правоваго положенія". Однако обсужденіе важнѣйшихъ частей записки земскихъ дѣятелей было отклонено.

Относительно печати дѣятельность властей выразилась, кромѣ наложенія обычныхъ взысканій на періодическую печать, въ учрежденіи отдѣльныхъ цензоровъ въ нѣкоторыхъ городахъ.

Крестьянское хозяйство оставалось попрежнему въ ожиданіи необходимыхъ мѣръ и поддержки со стороны правительства.

Среди полной безцвѣтности и мертвенности общественной жизни, сколько-нибудь свѣтлымъ пятномъ выдѣлялось усиленіе связи между земствами разныхъ губерній и совмѣстная ихъ работа на пользу страны, какъ въ „комиссіи объ оскудѣніи центра", такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Какъ эта совмѣстная дѣятельность земскихъ людей, такъ и созывъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, дали общественнымъ дѣятелямъ поводъ выразить правительству очень скромное пожеланіе, чтобы земствамъ была предоставлена „возможность созыва районныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей по вопросамъ земскаго хозяйства и чтобы, въ виду знакомства земствъ съ мѣстными условіями, законопроекты, касающіеся мѣстной хозяйственной жизни, прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, передавались на заключеніе земскихъ собраній".

Народное образованіе находилось въ неопредѣленно переходномъ состояніи. По обыкновенію оно страдало недостаткомъ средствъ и полною несостоятельностью удовлетворять всеобщую потребность. Своимъ чередомъ шли и волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, они были въ университетахъ — казанскомъ, петербургскомъ, томскомъ, варшавскомъ, а также въ кіевскомъ политехникумѣ и женскомъ петербургскомъ медицинскомъ институтѣ.

Что касается до иностранной политики, то къ концу года она приняла явно угрожающій характеръ на Дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Японіей изъ-за затянувшейся оккупаціи Манчжуріи

и споровъ за вліяніе въ Кореѣ. Либеральная пресса тогда же отмѣтила энергичныя военныя подготовленія Японіи, доказывавшія, что соглашеніе встрѣчаетъ весьма значительныя препятствія на своемъ пути.

Такова въ общихъ чертахъ картина положенія, въ которомъ находилась Россія передъ самымъ кризисомъ. Положеніе достаточно мрачное и безъ войны; но ея грозный призракъ, къ сожалѣнію, обратился въ дѣйствительность, ужасомъ, позоромъ и горемъ превзошедшую всѣ опасенія.

Газета „Наши Дни" въ № 14 такъ опредѣлила настроеніе, предшествовавшее войнѣ: „Къ началу 1904 г., несмотря на всю тягость реакціи, достигшей, повидимому, своего апогея, общее настроеніе весьма оживилось. Это совершенно ясно сказалось въ подъемѣ провинціальной прессы и на съѣздахъ по техническому образованію и пироговскомъ. Полицейская реакція имѣла только то вліяніе, что отношенія обострялись... Съѣзды какъ извѣстно, были прерваны, послѣдовали массовыя высылки, отличавшіяся удивительною жестокостью. Но движеніе уже не могло остановиться и росло; электричество накоплялось, и всякому внимательному наблюдателю представлялось яснымъ, что гроза должна разразиться... Въ это самое время прокатился громъ войны... Неожиданность самаго момента объявленія войны, отчасти и удача нападенія, разбудили національное самолюбіе и заставили думать, что было бы несвоевременно противопоставлять стремленія къ внутреннимъ преобразованіямъ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, для успѣха которой необходимо напрячь всѣ силы... Но это настроеніе оказалось болѣе чѣмъ мимолетнымъ... Каждый день приносилъ новыя доказательства, какъ опрометчиво бюрократія ввергла страну въ эту несчастную войну, которая была неизбѣжна благодаря безумнымъ авантюрамъ".

I.

Князь Святополкъ-Мирскій.

Катастрофа 15 іюля, происшедшая въ моментъ тяжелаго всеобщаго отрезвленія, отразилась повсемѣстно, какъ первый блескъ молніи послѣ душнаго вечера. Все насторожилось и какъ бы пробовало вздохнуть полною грудью.

Послѣдовавшее затѣмъ длительное ожиданіе, хотя-бы признаковъ грядущаго направленія, поддерживало общее оживленіе. Въ политической жизни русскаго общества едва ли встрѣчались случаи такой настойчивой оцѣнки свойствъ государственныхъ дѣятелей, стоявшихъ такъ или иначе близь власти.

Только 26 августа назначенный министромъ, кн. Святополкъ-Мирскій былъ мало извѣстенъ обществу за предѣлами виленскаго генералъ-губернаторства; припоминалось только, что онъ нѣкоторое время при Плеве состоялъ товарищемъ министра. Болѣе чѣмъ скромная печать того времени съ жадностью собирала и обсуждала почти все, что имѣло отношеніе къ личности и дѣятельности новаго министра. Получавшіеся печатью отзывы, заявленія самого князя и, наконецъ, трогательные проводы, устроенные ему населеніемъ Вильны,— все это вселяло надежду на нѣкоторый поворотъ внутренней политики къ лучшему.

Прощаніе Вильны съ своимъ генералъ-губернаторомъ дѣйствительно носило исключительный характеръ. Небывалое, по почину самихъ „обывателей“, выраженіе признательности администратору края, который раньше, будто бы, отличался непримиримостью интересовъ своего разноплеменнаго населенія, показывало, что̀ именно питало эту непримиримость и чего можно было достигнуть безъ примѣненія „особыхъ“ полномочій, а не сходя лишь съ пути справедливости. Подъ управленіемъ Святополкъ-Мирскаго населеніе края стало жить точно подъ другими законами.

Проводы, состоявшіеся въ Вильнѣ, нельзя оставлять безъ вниманія, такъ какъ подобное явленіе опредѣленно показывало, какъ жаждалъ народъ только законности, не связанной путами бюрократическихъ циркуляровъ.

Толпы провожавшихъ сплошной стѣной стояли по всему пути, украшенному флагами, тріумфальными арками и освѣщаемому факелами; на вокзалѣ публика забрасывала отъѣзжавшаго цвѣтами, а часть толпы нѣкоторое время бѣжала съ поѣздомъ...

Теперь, когда подвластный россійскій обыватель превращается въ гражданина, былыя возвеличиванія „особъ“ хотя бы и симпатичныхъ, кажутся не то досадными, не то унизительными, но тогда въ нихъ выразилось дѣйствительное чувство угнетеннаго общества, готоваго благодарить за ничтожное вниманіе къ своимъ собственнымъ правамъ, узурпированнымъ „властями“. Годъ спустя „высшія сферы“ должны были сознать, какъ мало требовалось шагнуть навстрѣчу народнымъ „мечтаніямъ“, чтобы завоевать всеобщія симпатіи... Отмѣна исключительныхъ законовъ, устраненіе цензурныхъ стѣсненій, амнистія гонимыхъ за любовь къ свободѣ и вѣру, обѣщаніе приступить къ улучшенію земельныхъ надѣловъ — вотъ все, что еще такъ недавно заставило бы милліоны людей превозносить тѣхъ, кто даровалъ

бы эти „милости“... Близорукія и своекорыстныя „сферы“ пропустили великій и рѣдкій моментъ; онѣ предпочли обратить страну въ арену возстанія.

Князь Святополкъ-Мирскій былъ на вѣрномъ пути. Только силою двухъ словъ, сказанныхъ не зря и твердо исполненныхъ, онъ вызвалъ привязанность населенія; вступая въ должность генералъ-губернатора кн. Святополкъ-Мирскій произнесъ очень краткую рѣчь къ должностнымъ лицамъ, въ которой между прочимъ упомянулъ, что считаетъ своей задачей *благо населенія*. И этими словами онъ дѣйствительно руководствовался въ своей дѣятельности.

Телеграммами изъ Вильны было сообщено, что, будучи назначенъ министромъ, князь Святополкъ-Мирскій, признавая трудность положенія и необходимость терпѣнія, объяснилъ, что онъ еще не имѣетъ опредѣленной программы, но желаетъ служить *благу народа*. Такимъ образомъ, если и была программа, то она состояла изъ этихъ двухъ словъ уже испытанной силы. Онъ заявилъ себя сторонникомъ прогресса, выразилъ увѣренность въ успѣхѣ земства.

Прощаясь съ представителями печати въ Вильнѣ, министръ сказалъ: „Я придаю большое значеніе печати, особенно провинціальной, и думаю, что печать, служа искренно и благожелательно, можетъ принести громадную пользу, содѣйствуя правительству въ трудномъ дѣлѣ управленія“.

При пріемѣ 16 сентября въ Петербургѣ высшихъ чиновъ министерства, князь произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что въ основу направленія ввѣреннаго ему министерства будутъ положены начала, провозглашенныя Манифестомъ 26 февраля 1903 года, и высказалъ, что административный опытъ привелъ его „къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ

и довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще".

Было произнесено слово „довѣріе", и съ этого момента наступила новая эпоха русской исторіи,—эпоха борьбы всего общества за права гражданина.

Картина перваго періода этой эпохи обрисовалась довольно ясно, такъ какъ печать немедленно воспользовалась упомянутымъ „довѣріемъ" и указаніемъ на пользу служенія ея благу народа. Напряженная дѣятельность прогрессивной печати въ этомъ направленіи естественно вызвала оппозицію другого лагеря,—охранителей бюрократизма и присвоенныхъ имъ привилегій безотвѣтственности.

Въ этой борьбѣ прогрессивная печать хотя и сдержанно, но успѣла сказать очень многое. „Пріотворились ворота цензуры"; образовалась щель, такъ испугавшая „Московскія Вѣдомости". Чувствуя себя спокойно подъ защитой этихъ крѣпкихъ воротъ, охранители бюрократическихъ и дворянскихъ привилегій просмотрѣли однако другую щель: ту свободную и примитивную каѳедру, которую представляютъ собою желѣзныя дороги, фабрики, отхожіе промыслы и даже всеобщая воинская повинность.

Въ первой главѣ въ общихъ чертахъ было обрисовано внутреннее состояніе Россіи въ предшествовавшемъ году. Чтобы установить точнѣе ненормальность этого состоянія, вызвавшаго *Высочайшій Манифестъ 26 февраля 1903 года,* долженствовавшій служить базисомъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства, необходимо остановить вниманіе на главныхъ его положеніяхъ.

Манифестъ устанавливалъ необходимость укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ *въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни;* требуетъ отъ исполнителей Высочайшей воли твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни, уповая на честное исполненіе

всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга; повелѣваетъ труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи передать для дальнѣйшей разработки при ближайшемъ участіи дѣятелей, *довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ.*

Такимъ образомъ, этимъ актомъ признавалось, что усовершенствованіе государственнаго порядка и установленіе прочнаго строя мѣстной жизни могутъ быть выполнены лишь при тѣсномъ единеніи сыновъ отечества. Слѣдовательно, манифестъ призывалъ слово правды и твердое знаніе *мѣстной жизни.* То и другое дѣйствительно могъ дать только голосъ населенія, а никакъ не административные органы, долженствующіе служить лишь посредниками между верховною властью и населеніемъ, тѣмъ менѣе—канцелярскія работы бюрократіи.

Однако послѣдовавшая за манифестомъ работа т.-е. Стишинскаго, вопреки *даже* безцеремонно урѣзаннаго *) мнѣнія дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ, т.-е. голоса 11.000 „мѣстныхъ людей", въ изслѣдованіяхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, выразилась изобрѣтеніемъ своего, „министерскаго проекта" совершенно иного направленія, противнаго общему голосу. „Трудная задача парированія этого удара общественному благоустройству и народному благосостоянію", писали „Русскія Вѣдомости", „выпала всецѣло на долю печати, которая однако не могла говорить даже вполголоса, да на болѣе энергичныхъ представителей земской

*) Предсѣдатель балашевской уѣздной управы послалъ управляющему канцеляріей особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности бумагу, которую приводимъ дословно:

„Управа имѣетъ честь извѣстить васъ, что приложенные при отношеніи отъ 20 ноября за № 780 три выпуска свода трудовъ мѣстныхъ комитетовъ ею получены. Кромѣ того, управа вторично считаетъ нужнымъ обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что значи-

сферы, заявленія которыхъ тоже не могли дойти по назначенію".

Но на этотъ разъ намѣренія бюрократіи не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ Указъ 12 декабря 1904 г. уже прямо повелѣвалъ, „чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи".

II.

Призраки „весны".

Время, въ которое новому министру пришлось вступить въ управленіе внутренними дѣлами, дѣйствительно было чрезвычайно, почти небывало-трудное. Неудачный ходъ тяжелой войны, и безъ того крайне тягостно отражавшейся на всѣхъ сторонахъ жизни громадной имперіи, а въ особенности на крестьянскомъ быту и на рабочемъ классѣ; народное хозяйство, расшатанное враждебнымъ отношеніемъ правительства къ активному участію гражданъ въ общественной дѣятельности; общее недовольство, вызывавшееся свободнымъ произволомъ административныхъ властей, — все

тельная, наиболѣе важная часть протоколовъ балашевскаго уѣзднаго комитета не нашла себѣ мѣста въ вашей сводкѣ, что объясняется (отношеніе ваше на имя нашего уѣзднаго предводителя дворянства) тѣмъ, что бывшій саратовскій губернаторъ Энгельгартъ, несмотря на офиціальное разъясненіе о предѣлахъ компетенціи комитетовъ, счелъ возможнымъ и законнымъ *скрыть* часть протоколовъ отъ особаго совѣщанія о нуждахъ крестьянской промышленности.

„Въ настоящее время было бы крайне желательно, чтобы вы обратились ко всѣмъ губернаторамъ, которые дѣйствовали столь же произвольно, какъ и названный (а такихъ случаевъ было несомнѣнно весьма много), и предложили имъ дослать все то, что они неправильно задержали въ своихъ канцеляріяхъ".

это образовало атмосферу, въ которой народное правосознаніе, пробужденное несправедливостью и утѣсненіемъ, получило, такъ сказать, окончательную отдѣлку.

Громадный періодъ вынужденнаго молчанія образовалъ такое скопленіе всевозможныхъ протестовъ и обличеній, что масса ихъ дѣйствовала прямо-таки подавляюще на изумленнаго читателя, предъ глазами котораго возставала чудовищная картина правонарушеній. Возникъ удивительный вопросъ: да какъ же это мы жили?

Понятно, какая масса вполнѣ законныхъ просьбъ и указаній свалилась сразу на министерство и одновременно съ этой массой заботъ Святополкъ-Мирскому предстояла еще болѣе важная задача проведенія хотя бы необходимѣйшихъ реформъ, въ борьбѣ съ неизбѣжными противодѣйствіями.

Находившаяся еще подъ угрозами законовъ о печати прогрессивная пресса настойчиво и все въ усиливавшемся темпѣ заявляла требованія общества, боясь потерять моментъ, который давалъ возможность высказаться какъ можно ярче.

Жадность публицистики была понятна; „Вѣстникъ Европы“ по поводу ея писалъ:

„Подобно тому какъ глубокій вздохъ облегчаетъ сдавленную грудь, возможность откровенной рѣчи цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ дольше продолжалось вынужденное молчаніе. Печати долго приходилось бороться съ противнымъ вѣтромъ, лавировать, ежеминутно опасаясь крушенія. Удивительно ли, что она воспользовалась перемѣной вѣтра, возможностью идти впередъ по давно намѣченной дорогѣ?.. Періодическая пресса составляетъ легкое передовое войско мысли, пролагающее пути, освѣщающее ихъ со всѣхъ сторонъ, все приготовляющее для движенія. Оставаясь вѣрною самой себѣ, она не можетъ не уходить впередъ, подобно

тому, какъ партизанскій отрядъ не можетъ идти въ хвостѣ арміи. Говорить о частностяхъ, не сводя ихъ въ одно цѣлое, не связывая ихъ одной общей идеей, для печати трудно, иногда даже невозможно...“ „Все это вполнѣ примѣнимо и къ настоящей минутѣ, съ тою только разницей, что теперь гораздо сильнѣе солидарность между прогрессивною печатью и прогрессивною частью общества. Сознавая эту солидарность, печать должна была использовать сегодняшній день, ничего не откладывая на неопредѣленное завтра“.

Понятно, что въ словахъ новаго министра дѣятели прогрессивной печати желали уловить не звуки камертона, вновь обязывающіе говорить сообразуясь съ желаніями правительства, хотя бы и либерально настроеннаго, а звуки разрываемыхъ цѣпей; они стремились установить, что дана, наконецъ, возможность честно и смѣло высказать завѣтныя мечты русскаго общества.

Прежде всего, конечно, обратили на себя вниманіе прощальныя слова князя къ представителямъ провинціальной печати, по поводу которыхъ „Русскія Вѣдомости“ воспользовались случаемъ очертить дѣйствительно невозможное положеніе этой печати слѣдующими словами: „Заслуги дѣятелей печати, польза, приносимая ими, трудъ, талантъ и знанія, влагаемые ими въ свое дѣло, рискъ и трудности, съ нимъ соединенные,—все это игнорировалось, но зато тѣмъ суровѣе примѣнялись къ ея органамъ мѣры ограничительныя, устрашительныя и карательныя... При этомъ общество оставалось обыкновенно въ совершенной неизвѣстности о причинахъ, вызвавшихъ такую строгую кару, и могло только догадываться, что поводомъ къ ней послужило „направленіе“, проявлявшееся „среди строкъ“, получившихъ разрѣшеніе или какой-нибудь промахъ, выразившійся въ помѣщеніи того, что въ данный моментъ признавалось администраціей неудобнымъ для оглашенія“.

это образовало атмосферу, въ которой народное правосознаніе, пробужденное несправедливостью и утѣсненіемъ, получило, такъ сказать, окончательную отдѣлку.

Громадный періодъ вынужденнаго молчанія образовалъ такое скопленіе всевозможныхъ протестовъ и обличеній, что масса ихъ дѣйствовала прямо-таки подавляюще на изумленнаго читателя, предъ глазами котораго возставала чудовищная картина правонарушеній. Возникъ удивительный вопросъ: да какъ же это мы жили?

Понятно, какая масса вполнѣ законныхъ просьбъ и указаній свалилась сразу на министерство и одновременно съ этой массой заботъ Святополкъ-Мирскому предстояла еще болѣе важная задача проведенія хотя бы необходимѣйшихъ реформъ, въ борьбѣ съ неизбѣжными противодѣйствіями.

Находившаяся еще подъ угрозами законовъ о печати прогрессивная пресса настойчиво и все въ усиливавшемся темпѣ заявляла требованія общества, боясь потерять моментъ, который давалъ возможность высказаться какъ можно ярче.

Жадность публицистики была понятна; „Вѣстникъ Европы“ по поводу ея писалъ:

„Подобно тому какъ глубокій вздохъ облегчаетъ сдавленную грудь, возможность откровенной рѣчи цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ дольше продолжалось вынужденное молчаніе. Печати долго приходилось бороться съ противнымъ вѣтромъ, лавировать, ежеминутно опасаясь крушенія. Удивительно ли, что она воспользовалась перемѣной вѣтра, возможностью идти впередъ по давно намѣченной дорогѣ?.. Періодическая пресса составляетъ легкое передовое войско мысли, пролагающее пути, освѣщающее ихъ со всѣхъ сторонъ, все приготовляющее для движенія. Оставаясь вѣрною самой себѣ, она не можетъ не уходить впередъ, подобно

тому, какъ партизанскій отрядъ не можетъ идти въ хвостѣ арміи. Говорить о частностяхъ, не сводя ихъ въ одно цѣлое, не связывая ихъ одной общей идеей, для печати трудно, иногда даже невозможно...“ „Все это вполнѣ примѣнимо и къ настоящей минутѣ, съ тою только разницей, что теперь гораздо сильнѣе солидарность между прогрессивною печатью и прогрессивною частью общества. Сознавая эту солидарность, печать должна была использовать сегодняшній день, ничего не откладывая на неопредѣленное завтра“.

Понятно, что въ словахъ новаго министра дѣятели прогрессивной печати желали уловить не звуки камертона, вновь обязывающіе говорить сообразуясь съ желаніями правительства, хотя бы и либерально настроеннаго, а звуки разрываемыхъ цѣпей; они стремились установить, что дана, наконецъ, возможность честно и смѣло высказать завѣтныя мечты русскаго общества.

Прежде всего, конечно, обратили на себя вниманіе прощальныя слова князя къ представителямъ провинціальной печати, по поводу которыхъ „Русскія Вѣдомости“ воспользовались случаемъ очертить дѣйствительно невозможное положеніе этой печати слѣдующими словами: „Заслуги дѣятелей печати, польза, приносимая ими, трудъ, талантъ и знанія, влагаемые ими въ свое дѣло, рискъ и трудности, съ нимъ соединенные,—все это игнорировалось, но зато тѣмъ суровѣе примѣнялись къ ея органамъ мѣры ограничительныя, устрашительныя и карательныя... При этомъ общество оставалось обыкновенно въ совершенной неизвѣстности о причинахъ, вызвавшихъ такую строгую кару, и могло только догадываться, что поводомъ къ ней послужило „направленіе“, проявлявшееся „среди строкъ“, получившихъ разрѣшеніе или какой-нибудь промахъ, выразившійся въ помѣщеніи того, что въ данный моментъ признавалось администраціей неудобнымъ для оглашенія“.

Стѣсненіе провинціальной печати усмотрѣніями цензоровъ иногда доходило до предѣловъ глупости *).

Картина подчиненія дѣятелей печати не законамъ, а дикому произволу помпадуровъ, царившихъ въ провинціи, довольно ярко была очерчена въ статьѣ „Страстотерпцы", помѣщенной въ „Русск. Вѣдомостяхъ". Повелитель г. Одессы З., напр., начиналъ и кончалъ телефонные переговоры съ редакціей кабацкой руганью, и это было столь обычно, что не представлялось нужнымъ спрашивать, кто именно объясняется. Впрочемъ, непечатная ругань употреблялась его превосходительствомъ и при личныхъ объясненіяхъ; сотрудники газеты принуждены были, подъ угрозой высылки изъ города въ 24 часа, выслушивать окрики: „молчать!.. ты мерзавецъ, поганецъ!" и т. п., если они осмѣливались помѣщать въ газетѣ ничтожныя замѣтки изъ мѣстной жизни, разъ это не соотвѣтствовало интересамъ повелителя.

Общественное мнѣніе преслѣдовалось какъ факторъ, опасный для исконныхъ устоевъ, а сами „обыватели" почитали себя счастливыми, если заботливое вниманіе „начальства" не останавливалось на ихъ существованіи, ограниченномъ массою обязательныхъ постановленій. Вниманіе, въ лучшемъ случаѣ, било по карману.

Наглость властнаго усмотрѣнія не только въ области редакторскихъ помышленій, но даже и въ дѣйствіяхъ, вытекавшихъ изъ приказовъ и озорства того же „начальства", не имѣла никакихъ предѣловъ. Курьезный въ этомъ отношеніи случай припоминался

---

*) Въ „Нашей Жизни" приведенъ слѣдующій курьезъ. Въ статьѣ объ осадѣ Саратова Пугачевымъ говорилось, что пугачевцы шли на приступъ съ криками: „Умремъ за батюшку-государя!" Цензоръ „государя" зачеркнулъ и поставилъ: „самозванца", и вышло, что пугачевцы кричали: „Умремъ за батюшку-самозванца!"

г. Дорошевичъ въ фельетонѣ „Печать“: цензоръ, исправлявшій ранѣе должность судебнаго слѣдователя, какъ юристъ не могъ вынести неправильной, по его мнѣнію, квалификаціи преступленія названнаго газетой „буйство“ и, зачеркнувъ названіе замѣтки, написалъ „разбой“; но мѣстный помпадуръ усмотрѣлъ въ такомъ названіи желаніе редакціи вызвать сенсацію и газету закрылъ.

Печать приглашалась служить истинѣ, и въ то же время, одна только прикосновенность гражданъ къ печатному слову накладывала на нихъ клеймо неблагонадежности и отдавала въ полную власть внѣсудебныхъ карателей. Подобныя условія не могли, конечно, внушать большого довѣрія къ намекамъ министра на намѣреніе правительства расширить свободу гласности. Требовались не слова, а дѣйствія, направленныя къ осуществленію реформъ.

«Нужно, чтобы отъ административныхъ воздѣйствій были гарантированы сами дѣятели печатнаго слова. Иначе расширеніе свободы гласности окажется призрачнымъ. Гарантія личности—необходимое условіе дѣйствительной свободы слова, т.-е. истинной гласности. Но гарантія личности не можетъ быть создана только для одной категоріи гражданъ. Тамъ, гдѣ ея не существуетъ для всѣхъ, ея нѣтъ ни для кого. Дѣятели русской печати получатъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ только тогда, когда ее получитъ все русское общество. Эта увѣренность нужна всѣмъ, безъ нея не можетъ быть свободныхъ гражданъ и поэтому не можетъ быть и свободнаго слова. Русскіе люди страдаютъ не только отъ того, что уста ихъ запечатаны казенными печатями, но и отъ того, что почва подъ ихъ ногами подвержена постояннымъ колебаніямъ. Поприще ихъ дѣятельности походитъ на театральные подмостки, изрѣзанные безчисленными трапами, ежеминутно готовыми открыться подъ ногами по мановенію невидимаго режиссера. Кто не знаетъ, что въ эти трапы ежегодно проваливаются сотни жертвъ, которыя остаются неизвѣстными не только для потомства, но и для современниковъ? Многія изъ нихъ исчезаютъ безслѣдно и навсегда, оставляя по себѣ только неутѣшное горе близкимъ, а тѣ, которые всплываютъ вновь на поверхность жизни, рѣдко возвращаются ненадломлен-

ными если не духовно, то физически. Кто сумѣетъ выразить словами пережитое изъ-за гекатомбъ, приносившихся ежегодно Молоху административнаго произвола? Кто сосчитаетъ раны, нанесенныя сердцамъ многихъ русскихъ отцовъ и матерей? Кто будетъ настолько смѣлъ, чтобы отрицать губительныя послѣдствія всего этого для роста и развитія Россіи? Недавнее время богато разительными примѣрами необыкновенной шаткости той утлой ладьи, на которой русскій обыватель совершаетъ свой жизненный путь. Высылка членовъ воронежскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, устраненіе отъ должностей видныхъ и уважаемыхъ земскихъ дѣятелей, административныя кары, постигшія или, вѣрнѣе, періодически постигавшія многихъ наиболѣе выдающихся представителей интеллигенціи, ссылка участниковъ ученыхъ съѣздовъ и т. д.,— всѣ эти *удары русскому самосознанію* *), вѣдь это — только немногіе бьющіе въ глаза примѣры того, что стало у насъ заурядным явленіемъ. Русское общество страдаетъ отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Нужно, чтобы кошмаръ, который давилъ его, больше не повторился». *(Русск. Вѣд.)*

„Міръ Божій", обсуждая взглядъ кн. Святополкъ-Мирскаго на роль гласности и напоминая о выраженномъ Государемъ желаніи слышать отъ печати только правду, высказалъ, что „если бываютъ моменты, когда правды нельзя говорить по разнымъ основаніямъ, тогда искренняя и уважающая себя печать должна молчать. Печать, замкнувшаяся въ грозномъ молчаніи,—то пушкинское „народъ безмолвствуетъ",—гораздо внушительнѣе для врага, чѣмъ печать, *топящая искру правды въ морѣ пустословія...* *).

Рѣчь министра къ чинамъ вѣдомства, указавшая на силу „довѣрія", была, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы косвеннымъ обращеніемъ къ живымъ силамъ народа. Многолѣтній гнетъ до такой степени понизилъ въ обществѣ уровень сознанія собственнаго достоинства, что оно, оставляя безъ вниманія вопросъ о томъ, кому болѣе надлежитъ заботиться о довѣріи, ухватилось за слова Святополкъ-Мирскаго какъ за якорь спасенія. И надо признать, что обращеніе это подѣй-

*) Курсивъ нашъ.

ствовало на русское общество такъ, какъ дѣйствуетъ весеннее солнце на мерзлую землю: всюду просыпалась жизнь... Потому слова министра породили во всей прессѣ и между людьми всѣхъ слоевъ толки о „вѣяніи весны". Но это же обращеніе къ „довѣрію" вызвало и безпокойное ерзанье органовъ охранительной печати.

Печать либеральнаго направленія старалась открыть передъ правительствомъ душу народа, жаждавшаго вниманія и утѣшенія. Печать реакціи, въ тревогѣ за свои личныя судьбы, поспѣшила поправить свое неожиданно-шаткое положеніе попытками наведенія министра на подходящую программу. Она приняла всѣ мѣры, чтобы заглушить голоса защитниковъ сѣраго люда, сгустить туманъ недовѣрія и даже не постѣснилась пропагандировать кулачную расправу, пользуясь инстинктами невѣжества. Весна не бываетъ безъ грязи.

„Русскія Вѣд.", останавливая вниманіе на словахъ министра, писали:—„Русское общество давно уже не слыхало отъ представителей власти ничего подобнаго этимъ словамъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Мысль, заключающаяся въ нихъ, будучи широко и правильно примѣнена, дѣйствительно можетъ привести къ разрѣшенію „самыхъ важныхъ задачъ исполинской имперіи, — задачъ, касающихся блага болѣе 100 милліоновъ народа".

„Петербургскія Вѣд." въ статьѣ г. Ж. „На очереди" высказали, что „въ силу укоренившагося недовѣрія всякаго рода попытки населенія хоть слегка шагнуть впередъ—организація библіотекъ, чтеній, доступныхъ лекцій, артелей, потребительныхъ обществъ, клубовъ для литературнаго развлеченія и для взаимопомощи,— подолгу или совсѣмъ не осуществлялись. Довольно и этого бѣглаго перечня, чтобы ясно представить себѣ, какая печальная задержка силъ происходила въ населеніи. Жизнь всегда рвется впередъ и, не находя хорошаго, естественнаго исхода, заявляетъ себя уродливо и грубо. Хулиганство, полумилліардное пьянство, оди-

чаніе уѣздовъ, карты, буйство — вотъ наиболѣе видимыя конвульсіи лишенной довѣрія жизни. А рядомъ съ этимъ все растетъ наиболѣе живой, отзывчивый, талантливый и наиболѣе ненужный при системѣ недовѣрія слой населенія — интеллигенція. И силъ много, и порывы широкіе, и мечтанія свѣтлыя, но нѣтъ исхода для энергіи, и бездѣствіе окисляетъ неиспользованныя силы въ гнетущее раздраженіе".

Органы другого направленія откликнулись на рѣчи, конечно въ присущемъ имъ стилѣ. Кто не узнаетъ князя Мещерскаго въ нижеслѣдующихъ строкахъ, по поводу бесѣды министра съ корреспондентомъ газеты „Echo de Paris": „Въ общемъ, скажу откровенно, этотъ разговоръ производитъ очень симпатичное впечатлѣніе, ибо отъ него дышитъ прямотою и искренностью, то-есть тѣмъ, что есть неотъемлемая принадлежность той высокой порядочности, о которой я говорилъ недавно..." Кн. Мещерскій великодушно выноситъ князю Святополкъ-Мирскому аттестацію „порядочности"... Далѣе на разсужденіяхъ руководителя „Гражданина" останавливаться не стоитъ.

Переходимъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", органу г. Грингмута. Этотъ органъ приступаетъ къ дѣлу страстно и рѣшительно. Рѣчь вѣдь идетъ тоже о „благѣ"... о благополучіи охранителей. Могутъ померкнуть надежды и разсчеты. Необходимо тотчасъ же направить дѣйствія колеблющейся воли правительства въ желательное русло. Мысль изложена такъ: „Россія,—мы не можемъ скрывать отъ себя этого очевиднаго факта, — переживаетъ въ настоящее время тяжелый внѣшній и внутренній кризисъ. Кризисъ этотъ, правда, не вызванъ какими-либо коренными недугами ея государственнаго организма, а *лишь навѣянъ* болѣзненнымъ самовнушеніемъ и ложными, разрушительными бреднями нашего общества, подчинившими своему пагубному вліянію даже нѣкоторыя сферы нашей высшей бюрократіи. Но если этотъ кризисъ и легко устранимъ твердою и

разумною волей правительства, то тѣмъ не менѣе онъ очень серьезенъ и даже опасенъ, и устраніе его требуетъ большой энергіи и громаднаго запаса благоразумной осмотрительности... Но какъ бы ни были нелѣпы эти утопіи, какъ бы ни были ложны теоріи, вызвавшія наше общественное безуміе, мы не можемъ ихъ игнорировать; мы должны съ ними бороться, мы должны лѣчить наше общество, освобождая его отъ безумія и возвращая ему ясность мысли и трезвость взгляда на государственную и національную сущность Россіи. Борьба эта не легка, и лѣченіе это можетъ быть произведено лишь опытною, искусною рукой вдумчиваго цѣлителя общественныхъ недуговъ".

„Къ такому именно государственному врачеванію и призванъ нынѣ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій" (№ 237).

Министру необходимо было принять къ свѣдѣнію это послѣднее указаніе г. Грингмута, а равно обратить вниманіе и на предостереженіе по адресу „нѣкоторыхъ сферъ".

Затѣмъ и въ статьѣ *Неосновательныя ликованія* г. Грингмутъ, все еще не терялъ надежды. Онъ выражалъ увѣренность, почерпнутую изъ „достовѣрнаго источника", что разработка „проекта крестьянской реформы, выработаннаго ближайшими сотрудниками фонъ-Плеве, г.г. Стишинскимъ и Гурко", будетъ продолжаться и при новомъ министрѣ на тѣхъ же основаніяхъ... „Къ этому проекту остается приложить лишь послѣднюю руку чтобы перенести его затѣмъ на окончательное обсужденіе въ законодательной формѣ. Въ виду этого весьма понятно, что новый министръ далекъ отъ мысли разрушить всѣ результаты этого *драгоцѣннаго, вдумчиваго* труда..." Высочайшій указъ 12 декабря, однако, долженъ былъ разрушить расчеты г. Грингмута и надежды грингмутовцевъ. Оказалось, что и „вдумчивые" труды могутъ быть ошибочными и удалять страну отъ искомаго блага.

Оказалось, что торжественное провозглашеніе г. Грингмутомъ неосновательными ликованій „нашихъ либераловъ“, было просто успокоительной микстурой для его единомышленниковъ.

Доза бромистаго калія была необходима тѣмъ болѣе, что совершенно неожиданно заговорила пробуждавшаяся Москва, „сердце Россіи“. Въ засѣданіи московской думы 21 сент. городской голова князь Голицынъ произнесъ рѣчь, въ которой, указавъ, что къ голосу Москвы по поводу событій государственной жизни издавна привыкла прислушиваться вся Россія, заявилъ, что въ настоящее время возникъ случай, когда Москвѣ не подобаетъ оставаться безмолвной. „Въ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ общественныя учрежденія не могутъ не усмотрѣть знаменательнаго обѣщанія признать за ними тотъ характеръ, тотъ смыслъ, которые положены были въ ихъ основу, — характеръ и смыслъ органовъ всей мѣстной жизни, мѣстнаго труда...“

„Надлежитъ русскому обществу устами своихъ избранниковъ отозваться на этотъ призывъ, внушающій увѣренность, что это довѣріе, это единеніе будетъ отнынѣ одушевлять дѣятельность нашего высшаго правительственнаго органа. Надлежитъ первой въ Россіи городской общинѣ—первой привѣтствовать эти слова, столь отвѣчающія кореннымъ потребностямъ современнаго русскаго общества“.

Дума единогласно постановила отправить князю П. Д. Святополкъ-Мирскому телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Московская городская дума привѣтствуетъ ваше сіятельство съ началомъ дѣятельности, на васъ Монаршею волею возложенной, привѣтствуетъ вашъ знаменательный призывъ къ труду, основанному на довѣріи къ обществу и къ общественнымъ учрежденіямъ. Въ единеніи правительственной дѣятельности съ живыми общественными силами московское городское общество видитъ единственно вѣрный путь къ достиженію на-

роднаго блага и къ развитію и совершенствованію внутренняго строя Россіи“ (Р. Сл.).

По поводу указанной болѣзненно-тревожной статьи „Моск. Вѣдомостей“, „Русскія Вѣдомости“ отозвались слѣдующими правдивыми и сдержанными строками:

„*Моск. Вѣд.*“ имѣютъ полное право предаваться своимъ мечтамъ и надеждамъ, но не меньшее право надѣяться и ждать лучшаго имѣютъ тѣ, кто вмѣстѣ съ покойнымъ Б. Н. Чичеринымъ убѣждены, что необходимый „новый шагъ на пути гражданскаго и государственнаго развитія можетъ совершиться только дружнымъ дѣйствіемъ правительства и общества“, что „не безпрекословное подчиненіе, отжившее свой вѣкъ и показавшее свою несостоятельность, а свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ, на почвѣ взаимнаго довѣрія, долженъ быть знаменемъ всякаго образованнаго русскаго человѣка, любящаго свое отечество; въ этомъ заключается вся будущность Россіи. И этотъ шагъ можетъ и долженъ быть сдѣланъ не путемъ насилія и переворотовъ, а по собственной иниціативѣ правительства, законнымъ шествіемъ по проложенному пути и развитіемъ началъ, заключающихся въ произведенныхъ реформахъ“.

Но вѣдь убѣдить и образумить можно только заблуждающихся, а никакъ не заблуждающихъ. Они знали, что творили.

Поворота мнѣнія „Моск. Вѣдомостей“ конечно не воспослѣдовало, а напротивъ того, усилилась и такъ уже напряженная бдительность. Въ этомъ направленіи дѣятельность охранительной печати вызвала вниманіе и такого круга читателей, на который она можетъ быть не разсчитывала. „Моск. Вѣд.“, „Гражданинъ“, и нѣкот. пресмыкающіеся органы печати изъ столицъ и забитой провинціи, своими рѣчами, взывавшими къ закрѣпленію беззаконій и застоя, только увеличивали массу желавшихъ выбраться изъ бюрократическаго болота. Кромѣ того, угрозы и доносы не слѣдовало

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] и общественныя [illegible]

[illegible] собраніяхъ [illegible] выборъ [illegible]

[illegible] со [illegible] для [illegible] по вопросамъ [illegible] земскихъ собраній.

[illegible] со всѣми [illegible] мѣры, которыя были приняты по отношенію къ земскимъ обществамъ, съѣздамъ и инымъ общественнымъ организаціямъ и парализовали или и совсѣмъ прекратили ихъ дѣятельность.

„Необходимо, чтобы съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ полномочій администраціи былъ возстановленъ нормальный ходъ общественной жизни“.

Вновь свободная печать, неограниченныя въ выборѣ предметовъ обсужденія земскія собранія, съѣзды дѣятелей и иныя общественныя организаціи разработаютъ вопросы, касающіеся будущности русскаго народа и

государства, тогда уже,—предсказываютъ „Моск. Вѣдомости",—либеральная партія представитъ другой, болѣе обширный ультиматумъ".

„Но до этого еще далеко. Пока надо добиться всѣхъ „пяти пунктовъ" перваго списка. Съ этою цѣлью, какъ слышно, приняты слѣдующія мѣры: 1) На предстоящихъ земскихъ собраніяхъ всѣ въ одинъ голосъ будутъ требовать принятія „пяти пунктовъ", торжественно провозглашенныхъ московскою газетой и поставленныхъ на „платформу" либеральной партіи. 2) Одновременно вся либеральная печать будетъ бить въ набатъ, доказывая, что Россія не можетъ жить, если не будутъ приняты эти роковые „пять пунктовъ". 3) Когда раздадутся требованія „пяти пунктовъ" въ земскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, ученыхъ обществахъ, различныхъ съѣздахъ и организаціяхъ, тогда всѣ органы либеральной прессы въ одинъ голосъ заявятъ, что русское общественное мнѣніе изрекло свою волю, предъ которою, какъ предъ волей народа, останется только преклониться. 4) Для успѣха этой всероссійской агитаціи нѣтъ надобности ждать оффиціальнаго юридическаго принятія означенныхъ „пяти пунктовъ", а нужно дѣйствовать такъ, какъ будто они фактически уже приняты, а именно—свободно обсуждать въ печати вопросы государственнаго устройства, какъ будто никакой цензуры не существуетъ; въ земскихъ собраніяхъ трактовать объ этихъ вопросахъ, не стѣсняясь законами опредѣляющими земскую компетенцію; устраивать общероссійскіе земскіе съѣзды, не испрашивая на то разрѣшенія; заниматься въ ученыхъ обществахъ и общественныхъ организаціяхъ разрѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ, считая чрезвычайныя полномочія администраціи какъ бы уже прекратившимися и замѣненными „нормальнымъ ходомъ общественной жизни". 5) Присвоивъ себѣ эту фактическую свободу, публицисты и ораторы либеральной партіи должны будутъ *постепенно*, но неукоснительно повышать свой

тонъ, освобождаясь отъ условныхъ выраженій „эзопова“ языка, а называя вещи настоящимъ именемъ, такъ чтобы черезъ нѣкоторое время уже могъ быть формулированъ упомянутый выше *второй* ультиматумъ, съ совершенно ясными и категорически выраженными дальнѣйшими пунктами либеральной программы, до конечной ея цѣли включительно“.

Такимъ образомъ, разсматривая 5 пунктовъ „ультиматума“, почтенная газета предугадала намѣренія „внутреннихъ враговъ“ и *сама* выработала подходящую программу для развитія ихъ дѣйствій; иначе сказать, указала тотъ путь, котораго неминуемо будетъ держаться всякое общество, вырываясь изъ бюрократическихъ оковъ.

Развѣдочнымъ заботамъ „Моск. Вѣдомостей“ вторилъ, конечно, и цѣновщикъ „порядочности“—кн. Мещерскій. Онъ счелъ нужнымъ призвать къ порядку пять пунктовъ опаснаго „ультиматума“, указавъ кому слѣдуетъ на давно испытанную пользу вервій для связыванья по рукамъ и ногамъ. (См. „Гражд.“ № 77).

Этой, „полемикой“ можно и ограничиться для характеристики начавшейся борьбы направленій. Борьба эта гораздо ярче выступаетъ при бѣгломъ просмотрѣ всѣхъ тѣхъ откликовъ, которые дружнымъ и сильнымъ потокомъ понеслись со всѣхъ концовъ страны немедленно послѣ того, какъ телеграфъ сдѣлалъ „довѣріе“ общимъ достояніемъ.

Впрочемъ, одновременно и довольно часто доносились и жалобы на то, что „весна“ во многихъ мѣстахъ не признавалась администраціей, какъ совершенно несвоевременная; по всѣмъ календарямъ „весна“ должна наступать не ранѣе 9 марта, а „довѣріе“ — слѣдуетъ понимать лишь по разъясненію „Московскихъ Вѣдостей“.

Никакія усилія заметавшихся охранителей произвола не могли заглушить общаго желанія — не то что говорить,—а кричать правду. Стремленія остановить тече-

ніе плотиной изъ подходящихъ циркуляровъ не имѣли успѣха: отдѣльные ручьи сливались въ общій потокъ.

Конечно, далеко не всѣ постановленія, телеграммы и адресы разныхъ земствъ, думъ и обществъ сдѣлались достояніемъ печати. Но и то, что доведено до всеобщаго свѣдѣнія, вполнѣ ярко освѣтило картину оживленія и возникнувшихъ надеждъ.

Въ числѣ первыхъ учрежденій, поспѣшившихъ примкнуть къ почину московской думы и бѣлозерскаго земства, отмѣчены печатью думы: кіевская, одесская, харьковская, тифлисская, нижегородская, минская, тульская, курская, владимірская, витебская, саратовская, ростовская, елисаветградская, тарусская и др., а изъ земствъ: волынское, изюмское, рязанское, орловское, сумское, балашевское, хвалынское, московское, петербургское, елецкое, подольское, харьковское, тамбовское, тверское, черниговское и др., а также область Войска Донского.

Предсѣдателемъ *сапожковскаго* уѣзднаго земскаго собранія М. П. Ремезовымъ, по поводу рѣчи министра, было сказано слѣдующее:

„Какъ извѣстно, въ 1864 году волей Императора Александра II было создано земство. Было ясно, что, призывая къ жизни земскія учрежденія, правительство имъ довѣряло. Но послѣдовавшія затѣмъ сокращенія земскихъ правъ доказывали несомнѣнно, что взглядъ правительства измѣнился; оно переставало довѣрять земству, что рѣзко сказывалось на уменьшеніи его компетенціи. Если теперь, когда мы услышали призывъ къ совмѣстной работѣ, основанной на взаимномъ довѣріи, когда въ отвѣтной телеграммѣ министра внутреннихъ дѣлъ мы услышали какъ бы подтвержденіе словъ, сказанныхъ имъ публично, предъ лицомъ печати, всего міра, если теперь мы снова заслужили къ себѣ довѣріе, то мы можемъ ходатайствовать и о возвращеніи намъ прежнихъ *правъ*“ („Русск. Вѣд.“).

Составленію телеграммы *подольскаго* уѣзднаго зем-

скаго собранія, по сообщенію „Руси“, предшествовала слѣдующая рѣчь предсѣдателя управы А. Н. Миткевича-Далецкаго:

«Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Святополкъ-Мирскій, на пріемѣ чиновъ министерства заявилъ, какъ извѣстно собранію, что въ основу своей будущей дѣятельности по управленію ввѣреннымъ ему министерствомъ онъ ставитъ довѣріе къ обществу, къ сословнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, т.-е. къ мѣстному самоуправленію. Въ этихъ словахъ министра содержится обѣщаніе, что земство получитъ возможность развивать свою дѣятельность въ соотвѣтствіи съ запросами мѣстной общественной жизни, настойчиво требующими своего удовлетворенія. Между тѣмъ, общественныя силы, призванныя служить на благо родной страны, не находя должнаго къ себѣ довѣрія со стороны администраціи, могли проявиться только частично и не имѣли того единенія, которое одно является залогомъ успѣшной общественной работы. Общественная энергія находилась, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи и, стѣсненная съ одной стороны недовѣріемъ, а съ другой—произволомъ, не могла вылиться въ живое дѣло и способствовала накопленію недовольства существующими порядками. Въ настоящее время, согласно заявленію министра, открывается широкій просторъ, наступаетъ время, когда земскіе люди вновь получаютъ возможность посвящать всѣ свои силы на служеніе тому дѣлу, служить которому они были призваны незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ, творцомъ великихъ реформъ. Вполнѣ понятнымъ является то нетерпѣніе, съ которымъ вся Россія ожидаетъ проявленія и дальнѣйшаго осуществленія въ жизни многознаменательныхъ словъ, встрѣченныхъ такимъ горячимъ всеобщимъ сочувствіемъ. Мы глубоко убѣждены, что безвозвратно прошло то время, когда всѣ мы находились подъ тяжкимъ гнетомъ, убивающимъ всякую живую мысль и желаніе отдавать свои силы общественному служенію».

Собраніе единогласно присоединилось къ предложенію управы и отправило министру телеграмму. Затѣмъ отъ имени собранія послана телеграмма бывшему предсѣдателю губернской управы Д. Н. Шипову съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу оставленія имъ службы въ земствѣ.

Со всѣхъ концовъ неслись эти радостныя привѣтствія, пожеланія,—эти первыя ласточки русской весны.

Но охранители исконныхъ устоевъ пожелали подъискать и иныхъ „ласточекъ“.

Сподвижникъ г. Грингмунта, дворянинъ Сергѣй Нилусъ, подобравъ нѣсколько случаевъ кощунственнаго ограбленія церквей, смѣло приписалъ ихъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Моск. Вѣд.“ и названной „Первыя ласточки весны“ — новымъ вѣяніямъ... И такъ, уже одно чаяніе свободы начало превращать русскихъ людей въ изверговъ и негодяевъ!

Безграничное и безнаказное униженіе русскаго народа, обязательное для казеннаго патріотизма, достигло здѣсь, кажется, своего апогея.

Тревога охранительнаго лагеря при видѣ „ласточекъ“ значительно усилилась, особенно когда онъ усмотрѣлъ стремленіе либеральной печати привести „весенніе“ мотивы и желанія въ систему.

Еще бы! Зашаталось все не соотвѣтствующее „весеннему“ настроенію: и административная опека, и двадцатилѣтнія „временныя“ правила объ усиленной охранѣ, и тягостные законы о печати, и стѣсненіе земской дѣятельности... всѣ испытанные пріемы закрѣпощенія общества. Что же и дѣлать охранителямъ, какъ не охранять порядки охраняющіе только ихъ самихъ... Вѣдь заговорили и заговорили что-то ужъ очень непочтительно всѣ „наши либералы“. Такъ, напримѣръ, въ передовой статьѣ 14 октября „Русскія Вѣдомости“ вполнѣ откровенно устанавливали „фактъ полнаго несочувствія большинства русскаго общества той политикѣ, которой слѣдовало правительство въ сферѣ внутренняго управленія.

„Заявленія земскихъ собраній и городскихъ думъ свидѣтельствуютъ, что измѣненіе правительственной политики въ направленіи, намѣченномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчаетъ назрѣвшей и всѣми сознанной потребности. Съ самаго начала 80-хъ годовъ главной задачей нашего государственнаго управленія было подавленіе „крамолы“, и эта задача наложила

свою печать на весь ходъ правительственной дѣятельности, не только административной, но и законодательной".

„Такимъ путемъ были, наприм., проведены временныя правила 1882 г. для печати. Ихъ иниціаторъ гр. Толстой обвинялъ печать въ томъ, что она „систематически разноситъ ядъ разрушительныхъ и ложныхъ идей, въ особенности въ тѣ классы народа, среди которыхъ превратныя внушенія печати въ состояніи произвести наибольшій вредъ".

„И эти временныя мѣры, вызванныя „настоятельной спѣшностью дѣла" и выработанныя наскоро, сохранили силу закона въ теченіе цѣлыхъ 22-хъ лѣтъ! Такимъ же порядкомъ,—черезъ комитетъ министровъ, было издано Положеніе 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка".

„Примѣняемыя на основаніи сего мѣры самимъ закономъ признаются „исключительными"; ихъ введеніе влечетъ за собою пріостановку дѣйствующихъ въ обыкновенное время законовъ; поэтому онѣ могутъ быть приводимы въ дѣйствіе лишь на короткій срокъ. Между тѣмъ въ теченіе болѣе двухъ десятилѣтій срокъ дѣйствія усиленной охраны былъ ежегодно продолжаемъ, при чемъ нѣкоторыя мѣстности все время оставались подъ ея дѣйствіемъ, какъ будто въ нихъ въ теченіе такого долгаго періода не прекращалось „нарушеніе общественнаго спокойстія" и власть оказывалась безсильной прекратить „преступныя посягательства". Казалось бы, самый этотъ фактъ долженъ былъ навести на мысль о неудовлетворительности Положенія 14-го августа 1881 г. и непригодности установленныхъ имъ мѣръ: вѣдь онѣ примѣняются не въ завоеванной враждебной странѣ, а въ самомъ сердцѣ Россіи"...

„Увлеченіе борьбой съ крамолой привело къ чрезмѣрному распространенію самаго понятія „крамолы". Подъ понятіе „крамолы" стали подходить не только дѣянія, предусмотрѣнныя раздѣломъ III Уложенія о

наказ., а даже выраженіе сочувствія существующимъ въ Имперіи на законномъ основаніи учрежденіямъ, если послѣднія навлекли на себя подозрѣніе въ неблагонадежности, и, наконецъ,—всякая выходящая изъ ряда вонъ по своей энергіи общественная дѣятельность. При такомъ взглядѣ на „крамолу“ надобность въ борьбѣ съ нею никогда, конечно, не прекращалось. Это обстоятельство создало и крайне ненормальныя отношенія между представителями власти и населеніемъ: какъ бы воскресли явленія XVI вѣка и вновь стали другъ противъ друга подозрительная и могучая „опричнина“ и заподозрѣнная, беззащитная „земщина“... Расширеніе полномочій администраціи — точнѣе, административнаго произвола—естественно должно было подорвать въ народѣ уваженіе къ закону и чувство законности, а среди начальствующихъ лицъ укоренить взглядъ на народъ, какъ на подчиненную, безгласную массу... Такое устраненіе общественныхъ силъ отъ воздѣйствія на законодательную дѣятельность имѣло послѣдствіемъ переполненіе нашего Свода законами, не имѣющими жизненнаго значенія, идущими въ разрѣзъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ“.

Затѣмъ, „Русск. Вѣдомости“ въ статьѣ 24 октября, переходятъ къ вліянію недовѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія; они говорятъ, что ближайшее двадцатилѣтіе въ этомъ отношеніи представляется особенно характернымъ. Общество стремилось „возможно шире поставить народно-просвѣтительную работу, но на его пути воздвигались все новыя и новыя преграды“.

Подкрѣпляя выводъ фактами, газета указываетъ, что, „несмотря на тормазы, земство упорно продолжало просвѣтительную дѣятельность и, наконецъ, поставило на очередь вопросъ о введеніи всеобщаго обученія“. Но въ самый разгаръ этой работы появился законъ о фиксаціи земскаго обложенія, отнявшій у земствъ средства для проведенія мѣры. Спустя годъ послѣдо-

валъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21 іюня 1901 года, ограничивающій земское книгоиздательство; законъ, благодаря которому земство „лишилось такого права, которое принадлежитъ каждому обывателю". Въ то время, какъ Леухины, Земскіе и другіе подобные издатели могли издавать для народа все, что они признавали нужнымъ, подчиняясь лишь требованіямъ общей цензуры, земства не могли получить разрѣшеніе на изданіе сказки „О рыбакѣ и рыбкѣ".

И такія-то отповѣди день за днемъ! Какъ должны были огорчаться „охраняемые охранители", эти истинные враги Россіи, прикрывавшіеся маской патріотизма, при чтеніи, наприм., слѣдующихъ строкъ въ *Политическихъ письмахъ* „Руси" (31), г. А. Порошина:

„Основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегіи, министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе, хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать Государю!"—заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые Государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т.-е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать... И въ такомъ-то государственномъ обиходѣ страна пребывала сто лѣтъ. Сто лѣтъ тяжелаго, разлагающаго всѣ живыя силы, недуга,—и намъ говорятъ: „ахъ, пришла весна!" Нѣтъ, не весна пришла, но пришло выздоровленіе. И потому я вижу и вѣрю не въ весну, я вѣрю въ выздоровленіе и обновленіе дѣятельныхъ силъ государства: для того, чтобы остаться лежать въ постели, выздоравливать не стоитъ. Надо работать, догонять другихъ, строить зданіе Россіи, а не только хранить унаслѣдованное, ибо это значитъ потерять его".

„Весна... По грязи весенняго поля тащитъ свою соху мужикъ, мокрый отъ слякоти и пота. На вѣткѣ сидитъ птичка и чирикаетъ: „какъ хорошо свѣтитъ солнышко,

какъ пріятно это устроено: былъ холодъ, а теперь тепло!“ Это въ головѣ у звонкой птички, а въ головѣ у мужика: „какъ бы успѣть работой, чтобы потомъ не голодать“. И мужикъ, и птичка думаютъ объ одномъ, о весеннемъ днѣ, но думаютъ разно. Нѣтъ, не картины весны вспоминаются въ переживаемыя минуты, но тяжело громыхаютъ грозныя слова: „Лукавый рабъ и лѣнивый“...

„Да, передъ нами, рабами Россіи, не радости климата, но время серьезной и безотложной работы, время выздоровленія отъ давней государственной ошибки“...

***

Такое теченіе зловредной публицистики побудило г. Грингмута призвать на страницы „Московскихъ Вѣдомостей“ всю свою доблестную рать. Во всеоружіи „бранныхъ“ доспѣховъ выступили гг. Нилусъ, Бодиско, дворяне Павловы, „Spectator“ и прочіе *извѣстные* дѣятели... Выступили, окруживъ себя ореоломъ бюрократическаго патріотизма и группами присяжныхъ статистовъ въ образѣ пейзанъ, „студентовъ“ и т. п., смотря по надобности, а также при участіи поэтовъ и поэтесъ.

Прелести „выхода“ одного изъ сотрудниковъ „Моск. Вѣд.“ *Н. А. П—ва* столь оригинальны, что слѣдовало бы привести цѣликомъ всю его статью *Петербургскія письма* изъ № 293 газеты, но и нижеслѣдующее даетъ ясное понятіе о пріемахъ охранительной прессы:

«Возражать и спорить, негодуетъ Н. А. П—въ, съ разгулявшейся въ эти дни печатью, разумѣется, нельзя. Публицисты ведутъ себя, какъ хмѣльные рабочіе въ послѣпраздничные дни. Сами ли они пойдутъ по своимъ мѣстамъ, или ихъ загонятъ, а коноводовъ удалятъ,—поживемъ, увидимъ». Затѣмъ, публицистъ съ хмѣльнымъ настроеніемъ, оглядывается на жизнь государства и замѣчая, что вездѣ попрежнему кипитъ трудъ, «что всѣ зарабатываютъ, кто рубли, кто сотни», что «на Востокѣ тоже работаютъ: мерзнутъ, мокнутъ, умираютъ»—заявляетъ:

«И вотъ, въ средѣ этой неоглядной толпы работниковъ

гомонится сотня, скажемъ—тысяча, какихъ-то жалкихъ, частью полуголодныхъ, частью пресыщенныхъ людишекъ, которые изо дня въ день нарушаютъ спокойствіе страны. Дѣлалось прежде все это потайно, въ ограниченной средѣ читателей, а въ послѣднее время злоба, вся зависть и ненависть перенесена на столбцы газетъ, и въ рѣзкой, до послѣднихъ предѣловъ, формѣ, всѣми способами дискредитируется довѣріе народа къ правительству.

«Есть и въ другихъ странахъ партіи, есть защитники той и другой системы управленія, есть и борьба болѣе или менѣе интенсивная, но нигдѣ нѣтъ поносителей своей страны, клеветниковъ народа, сословій, національности, религіи; нѣтъ предателей, выдающихъ всѣ слабыя стороны управленія, экономическаго состоянія, арміи, финансовъ и т. п. Въ переживаемые нами дни ворота цензуры пріотворились, и вся стая, какъ одинъ, кинулась на законы съ разинутою пастью и налитыми кровью глазами».

«И нервная дрожь беретъ обывателя: а ну какъ ворота отворятся, и вырвутся эти церберы на волю! Плеяда нашихъ писателей-политиковъ размножилась до крайности; и въ процессѣ этого размноженія есть любопытная сторона: изъ печати ушли люди науки, сгинули куда-то, уступивъ мѣсто полуграмотному уличному дилетантизму. Не менѣе прискорбнымъ должно быть признано упрямое молчаніе сословій дворянства и купечества, имѣющихъ всѣ данныя, чтобы имѣть свой голосъ, свои органы и, стало быть, вліяніе на печать и на внутреннюю жизнь».

«Читая изо дня въ день все то же, безконечное то же, не носящее въ себѣ ни одного признака труда или здраваго смысла, не касающееся ни одною идеей нуждъ народа, хочется крикнуть: Съ кѣмъ вы боретесь, кого обманываете? Вѣдь вы нападаете на тѣхъ, которые вамъ отвѣчать-то не могутъ: вѣдь не могутъ же законъ и правительство спорить и оправдываться предъ упреками и руганью, которыми ихъ поносятъ газеты?

«Послѣдніе мѣсяцы предательски освѣтили дѣло общественной агитаціи: бѣснуется полсотни публицистовъ, на что-то намекаютъ столько же думъ и земствъ и... баста, выдохлись, кончили, писать не о чемъ, и лишь съ яростью шарманщика вертятъ ручку осипшей машины, надрывая уши читателей все тѣмъ же мотивомъ».

«Вдумываясь въ этотъ тонъ, въ самоуниженіе печати, въ брань своего, невольно поддаешься на минуту гипнозу монотоннаго причитанья этихъ клеветниковъ Россіи,—но

только на минуту, и, приходя въ себя, вспоминая миллоны рабочихъ веселыхъ, здоровыхъ, далекихъ и отъ этихъ мыслей, и отъ газетъ, и отъ унылаго, трусливаго общества, заглядывая жаднымъ взоромъ туда, къ своимъ, на ихъ бивуаки, на молодецкую пѣсню и громовое *ура*,—хочется радоваться и надѣяться, и вѣрить, что нашъ народъ, оклеветанный обществомъ, печатью, живетъ своею жизнію, живетъ и побѣдитъ не однихъ японцевъ, но и тотъ мракъ, ту ненавистную лѣнь, непредпріимчивость, которая царитъ въ средѣ скверно образованнаго общества».

«И чудится мнѣ смѣшной образъ: предъ громадой Русской земли и ея исторіи, предъ несокрушимымъ памятникомъ ея славы, сидитъ жалкая ворона-интеллигенція, съ окровавленнымъ клювомъ, и что-то тоскливо-жалко каркаетъ и долбитъ гранитъ.

«Смѣшная эта ворона! Не пойметъ она, что не ея немощи подточить гранитъ, свалить это великое зданіе.

«Не каркай попустому, ворона, смотри кверху—на вершинѣ сидитъ орелъ, онъ величаво спокоенъ, онъ стережетъ Россію».

Такъ писали исторію „публицисты“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Г-нъ Н. А. П—въ, въ поспѣшности очернить благородныя стремленія лучшихъ людей, не замѣтилъ даже для глупца очевидную нелѣпость, обратить въ шайку предателей и союзниковъ Японіи, все русское общество въ составѣ думъ, земствъ, публицистовъ, яко бы воспрянувшихъ для попранія законовъ... защищаемыхъ „Моск. Вѣдомостями“! Призывъ къ сословіямъ оказался, какъ увидимъ, безрезультатнымъ, если не считать вызваннаго охранителями и описаннаго далѣе безчинства подставной „публики“ въ тамбовскомъ земскомъ собраніи. Дворяне же и промышленники продолжали вполнѣ опредѣленно высказывать либеральныя желанія на земскихъ собраніяхъ, въ думахъ, на биржахъ и т. д. Единственно, что дышало *правдоподобіемъ* въ указанной статьѣ, такъ развѣ только „нервная дрожь“, охватившая автора, при видѣ пріоткрытыхъ воротъ цензуры. Печать дѣйствительно не замедлила обнаружить во всей наготѣ ту хорошо скрытую сторону „административной воли“, которую такъ лелѣяли господа охранители.

Въ стремленіи поколебать силу „довѣрія“, не бо́льшаго успѣха достигъ и другой, болѣе опытный, ратоборецъ крѣпостничества, г. Д. Бодиско. Въ статьѣ его „*Къ вопросу о довѣріи*“ приложены старанія выяснить публикѣ, какъ именно должно понимать и принимать довѣріе властей. По мнѣнію Д. Бодиско, „извѣстная часть нашей печати“ совершенно ошибочно поспѣшила раздуть привѣтствія за „довѣріе“ въ наступленіе новой эры:

«Замѣчательно, что въ этомъ «благодаримъ за довѣріе» звучала нотка не столько благодарности къ доброму слову, сколько желанія какъ бы «выразить *свое* довѣріе» правительству — *наподобіе довѣрія, вотируемаго парламентскими партіями*».

«Вообще во всѣхъ возникшихъ толкахъ и ожиданіяхъ «новой эры» чувствуется какое-то непонятное недоразумѣніе: въ своей рѣчи министръ выразился вполнѣ точно и опредѣленно въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его будетъ основана на довѣріи къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ, *на началахъ предначертанныхъ въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 г.*»

«Извѣстно, что сей Манифестъ изданъ и обнародованъ въ періодъ дѣятельности В. К. Плеве, при чемъ этотъ мудрый и честный государственный человѣкъ не остался бы одного дня у дѣлъ, еслибъ его политическіе взгляды расходились съ Высочайше предначертанною въ Манифестѣ программой, встрѣченною въ обществѣ и печати единодушнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ. Если замѣститель В. К. Плеве, выразился ясно, что ставитъ въ основу своей дѣятельности Высочайшую Волю, выраженную въ Манифестѣ, если этотъ же Манифестъ являлся основною программой въ направленіи бывшаго министра, то гдѣ же и въ чемъ наши гг. «либералы» сумѣли усмотрѣть въ будущемъ проявленіе «новой эры» въ направленіи внутренней политики государства?

Г. Бодиско допускаетъ впрочемъ, что „довѣріе къ общественнымъ силамъ — дѣло несомнѣнно хорошее, даже прямо необходимое“, *но*—только подъ контролемъ правительства, а то вѣдь „тверское земство, къ примѣру сказать, давно бы объявило себя „Тверскою республикой“ (!), „хотя несомнѣнно и то, что тверскіе

мужички приняли бы свое республиканское правительство въ *дубье...*"

Подобно Н. А. П—ву, — Дм. Бодиско не замѣтилъ курьезности своихъ выводовъ. Если два министра, основывая политику на началахъ, предначертанныхъ однимъ и тѣмъ же Манифестомъ 26 февраля, идутъ къ достиженію цѣли при помощи совершенно противоположныхъ мѣропріятій, то, слѣдовательно, исходя отъ этихъ *началъ*, они вносятъ въ дѣло свои индивидуальныя качества. А самое главное,—политика создается не столько провозглашеніемъ тѣхъ или иныхъ формулъ, сколько проведеніемъ ихъ въ жизнь.

III.

Пробужденіе.

Несмотря на тревожные сигналы изъ охранительнаго лагеря и противодѣйствіе извѣстныхъ сферъ, прогрессивное теченіе шло дружно и безостановочно. Множество равнодушныхъ къ политикѣ и даже люди прямо не сочувствовавшіе освободительному движенію, примкнули къ общему потоку. Война и политика Плеве возбудили общее вниманіе къ внутреннимъ недостаткамъ страны, къ тѣмъ промахамъ и ошибкамъ самовластной бюрократіи, которые не только разрушали отжившіе кумиры, но и потрясали глубоко престижъ самой націи...

„Давно ли то было? И вотъ будто дымъ
Все это исчезло, распалось:
Все... все,—что отъ дѣдовъ наслѣдьемъ святымъ,
Отъ славныхъ отцовъ намъ досталось;
Что куплено было тяжелымъ трудомъ,
Ихъ потомъ кровавымъ добыто,
Къ чему шла Россія столь долгимъ путемъ,
За что столько крови пролито!" („Русь" № 372).

Изумленному взору націи представилась необъятная панорама многообразныхъ злоупотребленій и неустройствъ. Открылась картина запущенной болѣзни

колоссальнаго организма, не только находящагося безъ призора, но и насильственно изнуряемаго.

Русскому обществу очень долго внушалась мысль, что наша страна и нашъ народъ таятъ въ себѣ такой непочатый и почти неподдающійся учету запасъ свѣжихъ силъ и нетронутыхъ богатствъ, что предъ этой кладовой культура другихъ народовъ—гниль и мишура.

Почему же эти силы спятъ и почему богатства не обогащаютъ страну? Почему остаются обездоленными и бѣдствуютъ въ невѣжествѣ тѣ, которые могли бы узрѣть свѣтъ и быть счастливы?

А тѣмъ временемъ неподдающіеся учету запасы уже учитывались... какъ-то незамѣтно, но довольно быстро. Медъ уже давно течетъ по русскимъ усамъ. Утекаютъ лѣса, всякое сырье, металлы, нефть... утекаютъ, оставляя на долю населенія Россіи лишь грубый трудъ, созерцаніе, да удовольствіе пріобрѣтать тѣ же продукты по удвоеннымъ цѣнамъ. Такъ народъ не культурный обрекается въ рабское служеніе передовымъ націямъ. Мы, русскіе, несомнѣнно, захудали; и удивительно ли, что дальновидные иностранцы находили медленность введенія реформъ полезной для Россіи.

Нація очнулась и поняла наконецъ, что ея тяжелый и гибельный сонъ шелъ на пользу лишь тѣхъ, кто стремился задерживать ее во власти тьмы, хищно бодрствуя среди мрака. Она съ ужасомъ озиралась и старалась уразумѣть, почему же для нея, для нашей дѣвственной націи, оказываются необходимыми безграничные сроки созрѣванія, давно миновавшіе для народовъ Запада и Востока. Почему мы все еще не становимся на принадлежащее намъ мѣсто, и почему ни исторія, ни наука, ни другіе народы насъ не ждутъ. Почему варварская Японія могла созрѣть въ какія-нибудь 30 лѣтъ и сдѣлаться предметомъ удивленія для насъ, давно считающихся европейцами?

Да, слишкомъ долго не истощались вѣками собранные запасы терпѣнія и удивительная живучесть народа,

ограничившаго свои потребности до минимума. Дореформенная жизнь была хорошей школой „подлыхъ сословій“. И изъ матеріала, созданнаго этой-то школой, защитники застоя черпаютъ свои аргументы, не стѣсняясь преслѣдовать просвѣщеніе народа какъ источникъ оскудѣнія и разврата.

Да. Русскій народъ очнулся. Свѣтобоязнь, внушенная навязанными опасеніями утраты самобытности, давно исчезла. Онъ захотѣлъ свѣта и пошелъ къ нему. Недозрѣлость стала тяготить и своей разорительностью.

Собственно общество уже цѣлое столѣтіе оспаривало свою „зрѣлость“, но начальство всѣхъ ранговъ неуклонно призывало спорщиковъ къ порядку.

«Мы знаемъ *почему* мы не «дозрѣли» и мы знаемъ, *какъ* намъ дозрѣть. Мы не дозрѣемъ до тѣхъ поръ, пока общество не получитъ возможности опредѣленнымъ образомъ вліять на законодательную правительственную дѣятельность государственной власти... Пусть только у общества будетъ власть, — и Россія покроется густой сѣтью цвѣтущихъ народныхъ школъ. Пусть только у общества будетъ свобода,—и Россія сумѣетъ воспользоваться ею. *Кантъ* еще въ началѣ XIX вѣка сказалъ: *Народу нужна свобода для того, чтобы онъ могъ для нея созрѣть*». («Сынъ Отеч.».)

Мысли, выраженныя въ привѣтствіяхъ, постановленіяхъ и адресахъ, создались не угодливостью или выгодоискательствомъ, а сознаніемъ дѣятелей „довѣріемъ общественныхъ облеченныхъ“, близко стоящихъ къ народу, того—чего жаждетъ народъ. Говорили его, народа, слуги, а не слуги канцелярій и чиновныхъ особъ. Говорили люди, рискуя карьерой и... можетъ быть, свободой. Какъ же можетъ еще выражать свои желанія народъ, не имѣющій иныхъ представителей?

Выступили новые люди, новыя силы; привѣтствуя ихъ, даже „Новое Время“ признало громадное значеніе ихъ труда:

„Вотъ эти-то люди, слившіе свое подавляющее большинство съ небольшимъ ядромъ наслѣдственно образованнаго общества, теперь составляютъ все русское

общество, то общество, которое создаетъ общественное мнѣніе и руководитъ имъ, въ которомъ нарождаются политическія теченія, которое возбудило къ жизни провинцію и выставило на очередь много новыхъ и неожиданныхъ вопросовъ... Выросъ посѣвъ тамъ, гдѣ искони была безплодная, необработанная почва, выросъ посѣвъ, и хлѣбъ впервые появился на рынкѣ, удивляя всѣхъ своимъ обиліемъ, качествомъ зерна, вскормленнаго дѣвственной почвой, дешевизной и неожиданностью (?) конкуренціи. Но горе тѣмъ, кто станетъ думать, что этотъ посѣвъ случайный, что по времени рынокъ вновь освободится для немногихъ его старыхъ владѣльцевъ, что все пойдетъ попрежнему, безъ заботъ и безъ труда".

Русская исторія сошла съ мертвой точки. Такъ порѣшило *русское* общество, русское не по уставу націонализма, а по искреннему и острому желанію реальнаго блага русскому народу и всѣмъ слившимся съ нимъ племенамъ. Поэтому оживленіе не ограничилось „ласточками весны", а пошло глубже.

IV.

Горькая правда.

Состоявшійся въ началѣ ноября въ Петербургѣ съѣздъ земскихъ дѣятелей, наступившая затѣмъ сессія земскихъ собраній и пришедшійся кстати 40-лѣтній юбилей судебныхъ уставовъ,—все это дало поводы русскому обществу высказать горькую правду почти цѣликомъ и повѣдать о той гнетущей силѣ бюрократіи, которая или сковывала, или разрушала все по своему произволу.

Въ печати рѣшительный походъ противъ бюрократическаго строя былъ открытъ статьею *кн. Е. Трубецкого* „Война и бюрократія" („Право", № 39), замѣчательной по силѣ и правдивости. Эта статья была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской прессы.

Остановившись на полнѣйшей зависимости общественной воли отъ желаній и намѣреній бюрократіи,— являвшейся поэтому той рукой, которая щедро разсыпала передъ русскимъ народомъ крупные „сюрпризы“, и указавъ, какихъ жертвъ вслѣдствіе того стоитъ война, кн. Трубецкой поставилъ вопросъ: „Кто же виноватъ въ этомъ?“ Уже никакъ не русское общество, которое если и виновато, то виновато только въ томъ, что оно „спало по приказанію начальства“.

„Въ теченіе многихъ лѣтъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы оно не пробудилось. Когда изрѣдка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человѣческое слово, это разсматривалось какъ нарушеніе общественнаго спокойствія и безопасности. Раздавался грозный окрикъ: „молчать, лежать смирно“, и сильная рука пришибала ницъ поднявшуюся голову. Россія за послѣдніе годы походила на дортуаръ въ участкѣ. На заявленія земствъ о тѣхъ или другихъ общерусскихъ нуждахъ отвѣтъ былъ одинъ: „общерусское дѣло васъ вовсе не касается“. Имъ ставились въ вину ходатайства даже самыя скромныя и справедливыя, напримѣръ, ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ извѣстно, недавно упраздненнаго Высочайшимъ манифестомъ“.

„Общество наше не могло стоять на стражѣ общенаціональныхъ интересовъ, потому что оно не имѣло необходимыхъ для того органовъ, потому что это выходило за предѣлы его компетенціи. Въ немъ систематически усыплялось національное самосознаніе. И пока оно спало, надъ нимъ бодрствовала всевидящая, всесильная бюрократія!

„Ей было ввѣрено наше общерусское дѣло; она должна была насъ оберегать и опекать, она обязана была предусмотрѣть и отстранить отъ насъ всякую опасность. Что же она предусмотрѣла?“

„Отвѣтомъ служатъ событія на Дальнемъ Востокѣ. Мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ.

„Дерзнетъ ли кто винить за это наши войска? Развѣ они не удивляютъ міръ чудесами неслыханнаго героизма! Нѣтъ, не армія и не флотъ терпѣли пораженія. То были пораженія русской бюрократіи! Думать иначе — значило бы сваливать вину на нашу доблестную армію; а это было бы не только несправедливо, но и преступно".

„Усыпившая общество бюрократія сама поддалась гипнозу сонной общественной атмосферы, а потому явила въ себѣ яркое воплощеніе главнѣйшихъ нашихъ общественныхъ недостатковъ — нашей апатіи, нашей лѣни и нашей безпечности. Она искала врага, но внѣшняго врага она не замѣтила, потому что вниманіе ея было отвлечено въ другую сторону: *ей грезился врагъ внутри государства!* Она привела къ молчанію всѣхъ тѣхъ, кто могъ во-время предостеречь, указать на дѣйствительную опасность и довести правду до Престола. Теперь мы пожинаемъ плоды того, что мы посѣяли."

„Въ то время, когда люди умѣренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться въ легальныхъ органахъ печати, нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Неужели въ этомъ заключается цѣль нашихъ законовъ о цензурѣ и печати? Неужели мы не видимъ вытекающей отсюда грозной опасности и неужели мы когда-нибудь встрѣтимъ ее такъ же, какъ были нами встрѣчены однажды японскіе миноносцы въ Портъ-Артурѣ?" *).

*) „Когда въ достопамятную ночь 27 января японскіе миноносцы появились на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура, они были приняты нашими моряками за своихъ. Говорятъ даже, что они были встрѣчены словами: „Иванъ Ивановичъ, это вы?"

„Если эти слова дѣйствительно были произнесены, то говорившій, несомнѣнно, выразилъ тогдашнее наше общерусское настроеніе. Погруженная въ глубокій, многолѣтній сонъ, Россія не видѣла врага въ то время, когда онъ уже стоялъ подъ стѣнами Портъ-Артура. Громъ пушекъ разбудилъ ее не сразу, въ первую минуту она не осмыслила нависшей надъ ней грозной опасности: ей почудилось, не свой ли толкаетъ ее подъ бокъ. Сквозь сонъ она молвила: „Иванъ Ивановичъ, это вы?" Отвѣтомъ былъ взрывъ!" („Война и бюрократія").

„Бюрократія у насъ, какъ и вездѣ, составляетъ необходимый элементъ государственной жизни; но, чтобы быть на высотѣ своей задачи, *она должна пропитаться общественнымъ духомъ и подчинять свою дѣятельность общественнымъ цѣлямъ.* Она должна стать доступной общественному контролю и править съ обществомъ, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкой надъ безгласнымъ стадомъ, а *орудіемъ* Престола, опирающагося на общество".

„Г. министръ внутреннихъ дѣлъ на-дняхъ говорилъ о необходимомъ довѣріи правительства къ обществу. Въ добрый часъ! Привѣтствуя эти слова, пожелаемъ отъ души, чтобы они поскорѣе стали дѣломъ. Пусть только смѣлѣе и громче раздастся призывъ къ обществу; тогда мы вступимъ на единственно спасительный для насъ путь національнаго обновленія. Тогда намъ нечего бояться ни внѣшняго, ни внутренняго врага. И престолъ, собравшій вокругъ себя Землю, будетъ славенъ, великъ и силенъ".

Для должнаго отвѣта на эту статью выступилъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ" г. *Spectator* съ статьею „*Маклаки парламентаризма*", сразу обзывая статью „Война и бюрократія" „наглымъ пріемомъ" и доводя до всеобщаго свѣдѣнія, что „мы еще никогда не читали въ русской печати такого возмутительнаго, хлесткаго вздора; но, конечно, при начинающейся (!) у насъ свободѣ лжи, намъ не то еще придется читать въ русскихъ газетахъ". Затѣмъ, приводя нѣкоторые факты для доказательства, что Англія въ Трансваалѣ, Италія въ Адуѣ и Австрія при Садовой тоже встрѣчались съ „сюрпризами", г. *Spectator* восклицаетъ: „А между тѣмъ авторъ статьи въ газетѣ „Право" хочетъ увѣрить насъ, что подобные сюрпризы возможны лишь для тѣхъ государствъ, которые не имѣютъ парламента!" „Или онъ и на вышеназванныя государства распространяетъ возмутительную клевету, взведенную имъ на Россію, утверждая, что всѣ они предъ огорошившими ихъ сюрпризами тоже похо-

дили на „дортуары въ участкѣ“? Или, можетъ быть, онъ не знаетъ всѣхъ перечисленныхъ нами фактовъ?

„Конечно, знаетъ, вѣдь онъ—„профессоръ“, но онъ, какъ истинный маклакъ, тщательно скрываетъ эти факты, чтобы продать товаръ лицомъ. Какъ это ему не стыдно!“

Заслуженная отповѣдь на эту наглость, послѣдовала со стороны профессора С. Трубецкого, помѣстившаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ такое письмо:

«Московскія Вѣдомости» (№ 287) объявили «слово и дѣло» на моего брата Евгенія за статью его въ «Правѣ», требуютъ удаленія его съ каѳедры университета св. Владиміра за государственную измѣну и призываетъ «другаго адмирала Рождественскаго», который расправился бы съ нимъ, какъ съ союзникомъ японцевъ... Случай не новый; вѣдь еще не такъ давно, по поводу убійства В. К. фонъ-Плеве, та же газета обвиняла въ этомъ преступленіи одного изъ самыхъ уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей русскихъ Д. Н. Шипова!..

«Полемизировать съ сикофантами представляется невозможнымъ. Есть морскія животныя, которыя ограждаютъ себя отъ всякаго преслѣдованія, окружая себя такою грязною и смрадною жидкостью, что самый небрезгливый противникъ останавливается. Но всему есть предѣлъ и всему время. Четверть вѣка свободно, безпрепятственно говорили одни гаеры слова, доносчики и юродивые; и вотъ теперь, когда честнымъ, независимымъ русскимъ людямъ открывается пока еще маленькая возможность высказаться, вся та нечисть, которая гнѣздилась въ нашей печати и плодилась въ ней въ отсутствіи свѣта и воздуха, закопошилась въ испугѣ. Вѣрныя традиціямъ «Московскія Вѣдомости» кричатъ свое «слово и дѣло» въ тоскѣ по Бирону, который бы ихъ услыхалъ...

«Политическіе проходимцы и наушники, которые четверть вѣка эксплуатировали и подрывали русскій патріотизмъ, смѣютъ произносить слово «измѣна», говоря о честныхъ и порядочныхъ русскихъ людяхъ, клеветать на общественныхъ дѣятелей, имена которыхъ и враги произносятъ съ уваженіемъ. Они, всю жизнь проповѣдывавшіе систематическое отрицаніе права, стремившіеся замѣнить власть произволомъ и законъ—самовластіемъ кромѣшниковъ, смѣютъ называть измѣнниками истинно-русскихъ людей, которые

вѣрятъ, что Престолъ долженъ быть «славенъ, великъ и силенъ» не въ разрушеніи, а въ созиданіи, не въ угнетеніи народнообщественныхъ силъ, а въ живомъ и дѣйствительномъ общеніи, единеніи, сближеніи съ землей, смѣютъ обвинять въ измѣнѣ людей, которые не хотятъ допускать, чтобы изъ основного закона Имперіи дѣлали орудіе полицейскаго абсолютизма, враждебнаго личности и обществу, праву, просвѣщенію и культурѣ.

«Четверть вѣка организованнаго, систематическаго провокаторства, систематическаго надругательства надъ русскимъ обществомъ не остались безъ слѣда, воспитывая чувства ненависти и злобы; и вотъ теперь провокаторы, видя смуту, посѣянную ими, обвиняютъ въ «развращеніи молодежи» людей, отдавшихъ жизнь служенію академическимъ идеаламъ.

«И, чтобы окончательно доказать свою «истину», «Московскія Вѣдомости» требуютъ, чтобы «кіевскаго профессора» заставили замолчать, чтобы отъ него оградили «беззащитное» общество и несчастную молодежь. Они приглашаютъ его въ тотъ самый «дортуаръ», существованіе котораго они отрицаютъ. Этого мало, они взываютъ къ «новому адмиралу Рождественскому», который уничтожилъ бы въ лицѣ «профессора» союзника японцевъ...

«И всѣ эти безумныя вещи говорятся въ такое серьезное, отвѣтственное время... Довольно!.. Опомнитесь господа!.. «Встаньте! Судъ идетъ!»

Отповѣдь довольно увѣсистая; но „Московскія Вѣд." продолжали свою дѣятельность неуклонно въ духѣ свойственномъ ихъ обязанностямъ.

Въ нижегородскомъ губернскомъ земствѣ гласный П. А. Рождественскій произнесъ рѣчь по поводу возбужденія „массы симпатичныхъ ходатайствъ" и между прочимъ замѣтилъ, что „недостаточно ходатайствъ,—необходимо еще поддержать свои ходатайства..."

„Мы этой возможности лишены. Является поэтому *насущная потребность для населенія участвовать въ законодательной работѣ*. Не пугайтесь, прошу васъ, этихъ „страшныхъ" словъ. Среди насъ нѣтъ ни крамольниковъ, ни враговъ правительства. Но мы должны откровенно заявить *о насущной потребности нашего участія въ законодательствѣ*. Какой можетъ быть вредъ отъ

того, что правительство узнаетъ о народныхъ нуждахъ непосредственно отъ заинтересованныхъ въ нихъ людей? Стремиться къ этому — наша *священная обязанность!* Позволю себѣ маленькій намекъ (вы поймете его): не подлежитъ сомнѣнію, что масса юношей, неопытныхъ, способныхъ дѣлать ошибки, принимаетъ у насъ участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми слѣдовало бы заниматься зрѣлымъ людямъ. Ненормально, можетъ быть, преждевременное развитіе молодежи. Господа, у васъ есть дѣти, есть младшіе братья! Не возлагайте на нихъ непосильное дѣло. *Сами беритесь за него! Не бойтесь, что на васъ взглянутъ какъ на крамольниковъ*, если вы захотите служить родинѣ. *Намъ нужно объединиться*, идти навстрѣчу нуждамъ населенія. Это возможно только, если будутъ представители населенія при законодательной работѣ. Въ какой формѣ это можетъ осуществляться, я не знаю. Но наша священная обязанность — просить объ этомъ, особенно теперь, когда *мы слышимъ призывъ правительства къ обществу.* Не пугайтесь. Вы только поможете правящимъ классамъ. Я прошу передать мое предложеніе въ комиссію и разобрать въ связи съ ходатайствами о земскомъ положеніи". (Курсивъ „Моск. В." № 295).

Озаглавивъ свою статью *Нижегородскіе „крамольники"* и подчеркивая для вящей ясности нѣкоторыя выраженія г. Рождественскаго, „Московскія Вѣд." возглашаютъ:

„Общее вниманіе приковываютъ къ себѣ происходящія повсемѣстно въ Россіи сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. И дѣйствительно, зрѣлище этихъ скромныхъ уѣздныхъ хозяйственныхъ органовъ, трактующихъ о полномъ государственномъ переустройствѣ, представляетъ нѣчто совершенно необычное,—не только у насъ въ Россіи, но и гдѣ бы то ни было. Времена смутъ и революцій, конечно, полны всякими неожиданностями. Но самовольное превращеніе уполномоченныхъ по завѣдыванію дѣлами о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ уѣздовъ

въ народныхъ трибуновъ, громящихъ государственную власть и занимающихся проектами коренного государственнаго переустройства *въ странѣ, управляемой законнымъ правительствомъ*,—представляется явленіемъ еще не бывалымъ".

„Нижегородскихъ гласныхъ нисколько не смутило даже то обстоятельство, что подъ именемъ „непосильнаго дѣла", къ которому ихъ призывалъ г. Рождественскій, онъ разумѣлъ такія дѣла, за которыя *на нихъ взглянутъ какъ на крамольниковъ*, и ратовалъ за то, чтобы за эту крамолу взялись сами гласные, избавивъ отъ подобной дѣятельности молодежь; не смутила даже явная ложь о мнимомъ призывѣ правительства къ обществу, такъ какъ въ дѣйствительности *никакого призыва не было...*"

Передержка мыслей гласнаго Рождественскаго произведена настолько явно, что говоритъ сама за себя.

Г-нъ А. Артемьевъ въ № 316 „Руси" по поводу зачисленія нижегородцевъ въ „крамольники" замѣчаетъ: „Для „Московскихъ Вѣдомостей", пѣвшихъ гимны *уѣзднымъ* трезвымъ людямъ, ужасно „зрѣлище этихъ скромныхъ уѣздныхъ хозяйственныхъ органовъ, трактующихъ о полномъ государственномъ переустройствѣ". Но это доказываетъ лишь, что и насчетъ уѣздныхъ земствъ московская газета была точно такъ же невѣжественна, какъ невѣжественна она насчетъ всей русской дѣйствительности.

„Плохо было бы дѣло, когда нижегородскіе дворяне оказались бы крамольниками, а столпомъ россійской державы—Карлъ-Амалія Грингмутъ".

V.

Козни „внутреннихъ враговъ“.

Земскія собранія, происходившія послѣ призыва министра къ взаимному довѣрію, приковывали къ себѣ общее вниманіе; этотъ всеобщій интересъ очень тревожилъ охранителей.

Сосредоточилось же вниманіе общества главнымъ образомъ на ожидавшемся въ Петербургѣ въ ноябрѣ „частномъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей и предсѣдателей земскихъ управъ“. Да и было бы болѣе чѣмъ странно, если бы жаждавшая слова правды страна, равнодушно и безъ интереса отнеслась къ тому моменту, когда ожидался голосъ Земли, голосъ совершенно непризнаваемый въ канцеляріяхъ центра, но хорошо извѣстный земскимъ учрежденіямъ. Вѣдь никакимъ инымъ путемъ Земля не могла довести до всеобщаго свѣдѣнія тѣ мысли, которымъ никогда и никуда не дали бы дороги бюрократическіе циркуляры.

Въ передовой статьѣ отъ 20 октября „Русскія Вѣд.“ по поводу ожидавшагося „совѣщанія земскихъ дѣятелей“ писали: „Подобные съѣзды бывали и ранѣе, но они происходили совсѣмъ безъ вѣдома администраціи, или съ молчаливаго ея согласія. Послѣдовавшее теперь разрѣшеніе знаменуетъ отказъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ прежняго долгаго и упорно державшагося взгляда на одну изъ серьезнѣйшихъ потребностей земскаго управленія. Даже въ самое послѣднее время въ такомъ дѣлѣ, какъ общеземская организація помощи больнымъ и раненымъ, подозрѣвались политическіе замыслы, далеко выходящіе за предѣлы офиціально поставленной задачи, и было признано нужнымъ воспретить присоединеніе къ этой организаціи земствъ, еще не успѣвшихъ къ ней присоединиться“.

Вслѣдствіе чрезвычайной своей напряженности, общество ожидало отъ представителей земствъ всей страны гораздо большаго, чѣмъ обсужденіе дѣлъ въ границахъ

опредѣленныхъ узаконеніями. „Цѣлый рядъ фактовъ открылъ глаза большинству общественныхъ элементовъ, заставилъ его сосредоточить свое вниманіе на основныхъ вопросахъ своего существованія; и вотъ мы присутствуемъ при чрезвычайно важномъ явленіи наростанія общественной смѣлости, *наростанія въ обществѣ сознанія своего значенія* и стремленія заставить и другихъ признать это значеніе и дать выходъ общественному настроенію". (Л. Брюхатовъ. „Земство и бюрократія").

Стало ясно, что назрѣлъ протестъ противъ позорной обязанности—подчиняться всякому произволу разнообразнаго начальства, подъ страхомъ попасть въ ряды враговъ отечества! Все не подчинявшееся такой обязанности, зачислялось въ обширную у насъ, но совершенно неизвѣстную въ правовыхъ государствахъ, категорію „внутреннихъ враговъ". Въ рядахъ этой категоріи, по замѣчанію „Руси", находятся „всѣ общественные классы, всѣ профессіи!.. И весь ея пестрый составъ объединяется однимъ общимъ признакомъ: эти люди перестали вѣрить въ спасительность для своего отечества бюрократической опеки".

Стало ясно, что нельзя далѣе выносить грубаго пренебреженія правительства къ правамъ народа и подчиняться своекорыстной политикѣ бюрократовъ, всячески угнетавшей попытки земствъ къ улучшенію народной жизни. Захвативъ въ свои руки право устранять отъ земской дѣятельности наиболѣе полезныхъ и преданныхъ земскому дѣлу выборныхъ людей, губернская власть безцеремонно раздавала земскія должности чиновникамъ „потерпѣвшимъ крушеніе на государственной службѣ и пріѣхавшимъ на земскія мѣста, какъ на „кормленіе".

Предвидя послѣдствія обмѣна земцевъ мыслями на опасныя темы, „Московскія Вѣдомости" поспѣшили предувѣдомить начальство о вѣроятныхъ замыслахъ „частнаго совѣщанія". Въ статьѣ отъ 29-го октября эта газета между прочимъ писала:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и среди земскихъ дѣятелей, и въ печати возникла энергичная агитація въ пользу

созыва особаго совѣщанія всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Цѣлью совѣщанія объявлялся исключительно обмѣнъ мыслей по чисто мѣстнымъ дѣламъ, входящимъ по закону въ предѣлы вѣдомства земскаго управленія. Однако, искусственность этой затѣи слишкомъ бросалась въ глаза. Нѣтъ сомнѣнія, что опытъ по мѣстному общественному хозяйству однѣхъ губерній можетъ быть весьма полезенъ для другихъ, но опытъ этотъ выясняется путемъ сравнительныхъ изслѣдованій печати, и живой обмѣнъ мыслей во многолюдныхъ собраніяхъ для этого совершенно непригоденъ(?),

«Но если подобныя совѣщанія совершенно не нужны для мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, то какая же цѣль преслѣдуется ихъ иниціаторами?

«Для насъ нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній, что какими бы дѣлами proforma ни занимался предстоящій съѣздъ въ Петербургѣ, дѣйствительная цѣль его—именно *политическая*, а не какая-нибудь иная.

«Но, повидимому, петербургскія сферы иного мнѣнія объ этомъ съѣздѣ и довѣряютъ его организаторамъ, что они созываютъ его исключительно въ интересахъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія.

«Недалекое будущее покажетъ, въ какой мѣрѣ земскіе дѣятели оправдаютъ это довѣріе, а также и то, подтвердится ли наше мнѣніе объ этомъ совѣщаніи, на которое и наши «либералы» смотрятъ какъ на прелюдію къ крупной политической драмѣ".

VI.

Историческая резолюція.

Несмотря ни на тревожное предостереженіе „Московскихъ Вѣдомостей", ни на дальнѣйшій сыскъ этой газеты, старавшейся предугадать „обдуманные при тщательно закрытыхъ дверяхъ хитроумные расчеты московскихъ организаторовъ петербургскаго съѣзда",—совѣщаніе состоялось. Оно дѣйствительно не ограничилось однимъ обмѣномъ мнѣній въ границахъ мѣстныхъ интересовъ. Оно пришло къ выводу, что при существующихъ порядкахъ нѣтъ мѣста для правильной и добросовѣстной дѣятельности какъ земскимъ учрежденіямъ,

такъ и всему населенію Имперіи, а потому первой заботой должно быть устраненіе тормозящихъ условій.

Непризнаваемые правительствомъ съѣзды земскихъ дѣятелей до сего времени собирались частнымъ образомъ, съ рискомъ административнаго возмездія; но на этотъ разъ создались нѣсколько иныя условія. Кн. Святополкъ-Мирскій представилъ Государю записку, въ которой, доложивъ что происходившія въ послѣдніе годы совѣщанія предсѣдателей управъ и нѣкоторыхъ гласныхъ по вопросамъ входящимъ въ компетенцію земскихъ учрежденій, встрѣчали противодѣйствіе правительства, ходатайствовалъ, чтобы совѣщанія эти, по примѣру совѣщаній губернскихъ предводителей дворянства, могли впредь собираться съ Высочайшаго соизволенія. На докладъ министра послѣдовало испрашивавшееся соизволеніе.

Получивъ извѣстіе о легализаціи совѣщаній, бюро съѣзда рѣшило пересмотрѣть программу совѣщанія и, имѣя въ виду какъ новое отношеніе правительства, такъ и извѣстныя слова министра о довѣріи, пришло къ заключенію, что прежняя программа, носившая характеръ протеста противъ отдѣльныхъ мѣропріятій правительства, является несвоевременной и что теперь предстоитъ другая задача—выяснить недуги русской общественной и государственной жизни и основы, на которыхъ должно быть построено взаимодѣйствіе общества и правительства. Когда Д. Н. Шиповъ сообщилъ объ этомъ министру, то Святополкъ-Мирскій не находя возраженій противъ программы по существу, выразилъ мнѣніе, что подобные вопросы могли бы быть обсуждаемы лишь выборными представителями общественныхъ учрежденій, а потому счелъ себя обязаннымъ доложить Государю Императору о составѣ и программѣ совѣщанія. Послѣ доклада министръ объявилъ депутатамъ отъ организаціоннаго бюро, что офиціальное разрѣшеніе совѣщанія съ намѣченной программой невозможно, такъ какъ иначе выходило бы, что правительство, считая необходимымъ обсужденіе подобныхъ вопросовъ, поручаетъ это частному кружку лицъ. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ было объяснено, что къ устройству частнаго со-

вѣщанія на прежнихъ основаніяхъ препятствій не будетъ, такъ какъ бесѣды на частныхъ квартирахъ не могутъ быть воспрещаемы на основаніи закона.

Докладъ съѣзду представлялъ собою краткій обзоръ этихъ всѣмъ знакомыхъ условій, самымъ гибельнымъ образомъ отражавшихся на жизни и интересахъ всей страны. Охраняя свое всемогущество, бюрократія ставила правительственные органы во враждебное отношеніе къ каждому проявленію общественной дѣятельности. Она создала то, что вмѣсто самодѣятельности населенія развилась административная централизація и канцелярская опека надъ всѣми сторонами общественной жизни. Отсюда—административный произволъ и право личнаго усмотрѣнія. „Извѣстно, какія полномочія получаетъ администрація въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе объ усиленной охранѣ, и какую создаетъ оно почву для безотвѣтственнаго произвола". „Отсутствіе свободы совѣсти и слова является столько же причиной разрыва между правительствомъ и обществомъ, сколько и слѣдствіемъ установившейся у насъ системы управленія въ отчужденіи отъ народа. Для народа нетерпимость къ изъявленію его религіозныхъ убѣжденій, запретъ на открытое слово о дѣлахъ государственныхъ и даже общественныхъ, составляютъ величайшее лишеніе, глубокая горечь котораго сознается не только образованными слоями общества, но и массою населенія. Для правительства въ отсутствіи религіозной свободы и свободы слова лежитъ одна изъ самыхъ существенныхъ преградъ къ сообразованію его дѣятельности съ истинными нуждами государства. Для страны въ цѣломъ это причина хроническаго недомоганія и ослабленія ея политическихъ, культурныхъ и экономическихъ силъ. Не зная нуждъ страны, впадая по этой причинѣ въ постоянныя противорѣчія съ требованіями жизни, самовластная бюрократія, какою она является у насъ, лишена всякой нравственной силы и не имѣетъ другого оружія, кромѣ приказа и принужденія. Это оружіе съ теченіемъ времени направляется противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ и при невозможности подчинить самую мысль, покорить силу убѣжденія, подавляетъ слово и вообще

всѣ способы изъявленія мысли, убѣжденія и вѣрованія, приводитъ къ жертвамъ, къ гибели, создаетъ безконечный мартирологъ".

„Необезпеченность правъ личности и возможность широкаго административнаго произвола надъ нею,—говорилось въ докладѣ, — представляются неизбѣжными спутниками бюрократическаго режима, который въ существѣ есть не что иное, какъ организованный административный произволъ".

Обсудить положеніе страны, опутанной мертвящими тенетами бюрократіи, и найти изъ него выходъ, собрались въ Петербургѣ земскіе дѣятели отъ 33 губерній, въ слѣдующемъ составѣ:

Отъ Бессарабской губ.: бар. А. Ф. Стуартъ. *Отъ Влад. губ.*: С. А. Петровъ и Г. А. Смирновъ. *Отъ Вологодской губ.*: А. К. Еремѣевъ, В. А. Кудрявый и Н.Я. Масленниковъ. *Отъ Воронежской губ.*: А. И. Урсулъ, бар. Р. Ю. Будбергъ и Д. А. Перелешинъ. *Отъ Вятской губ.* Л. В. Юмашевъ. *Отъ Екатеринославской губ.* М. В. Родзянко и Н. А. Карышевъ. *Отъ Казанской губ.*: П. И. Геркенъ, В. В. Марковниковъ, А. Н. Боратынскій и А. А. Васильевъ. *Отъ Калужской губ.* Н. В. Лесли. *Отъ Костромской губ.*: П. В. Исаковъ и В. С. Соколовъ. *Отъ Курской губ.*: Н. В. Раевскій, кн. П. Д. Долгоруковъ, Н. В. Ширковъ, Э. К. Загорскій, А. Н. фонъ-Рутценъ и В. Е. Якушкинъ. *Отъ Московской губ.* Ф. А. Головинъ, Д. Н. Шиповъ, Н. Ф. Рихтеръ, Е. Д. Артыновъ. Ф. Ф. Кокошкинъ, Н. Н. Хмелевъ, В. Ф. Мейенъ, М. В. Челноковъ, Н. И. Гучковъ и С. А. Муромцевъ. *Отъ Нижегор. губ.* А. А. Савельевъ, А. В. Иконниковъ, Г. Р. Килевейнъ и В. А. Гориновъ. *Отъ Новгородск. губ.*: М. А. Прокофьевъ, С. Г. Бередниковъ, А. М. Колюбакинъ, И. А. Корсаковъ и Д. В. Стасовъ. *Отъ Орловской губ*: С. Н. Масловъ, Ф. В. Татариновъ, А. А. Стаховичъ и В. В. Михалевскій. *Отъ Пермской губ.* В. В. Ковалевскій. *Отъ Пензенск. губ.* А. А. Атрыганьевъ и В. Н. Ладыженскій. *Отъ Полтавск. губ.* Ф. А. Лизогубъ. *Отъ Петербургской губ.*: В. П. Марковъ, А. А. Авчинниковъ, С. А. Гвоздевъ, К. К. Арсеньевъ, В. Д. Набоковъ и М. М. Стасюлевичъ. *Отъ Псковской губ.* гр. П. А. Гей-

денъ, В. П. Горбуновъ, А. Н. Брянчиаиновъ и М. В. Калитинъ. *Отъ Рязанской губ.*: В. Ф. Эманъ и кн. Н. С. Волконскій. *Отъ Самарской губ.* А. А. Ушаковъ, В. А. Племянниковъ, Н. А. Шишковъ, Г. Н. Костромитиновъ и Д. Д. Протопоповъ. *Отъ Симбирской губ.*: кн. Баратаевъ и Н. И. Метальниковъ. *Отъ Смоленской губ.* Б. Т. Садовскій, И. Г. Полуектовъ, Н. А. Хомяковъ, В. М. Вороновскій и В. П. Энгельгардъ. *Отъ Саратовск. губ.* А. Д. Юматовъ, А. А. Павловъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, А. М. Масленниковъ и К. Б. Веселовскій. *Отъ Таврической губ.* Я. Т. Харченко. *Отъ Тамбовск. губ.* М. П. Колобовъ, Л. Д. Брюхатовъ, В. В. Измаиловъ, Ю. А. Новосильцевъ и В. И. Вернадскій. *Отъ Тверской губ.* В. Д. фонъ-Дервизъ, Н. К. Милюковъ, В. Д. Кузьминъ-Короваевъ, И. И. Петрункевичъ, М. И. Петрункевичъ и Ф. И. Родичевъ. *Отъ Тульской губ.* кн. Г. Е. Львовъ, кн. М. В. Голицинъ и Р. А. Писаревъ. *Отъ Уфимской губ.*: П. Ф. Коропочинскій и И. Г. Жуковскій. *Отъ Харьковской губ.* В. Г. Колокольцевъ и В. М. Линтваревъ. *Отъ Херсонской губ.* гр. В. В. Стенбокъ-Ферморъ. *Отъ Черниговск. губ.* А. А. Свѣчинъ и В. М. Хижняковъ. *Отъ Ярославск. губ.* А. П. Крыловъ, кн. Д. И. Шаховской и Н. Н. Глѣбовъ.

Избранный единогласно предсѣдателемъ Д. Н. Шиповъ, открывая 6 ноября 1904 г. засѣданіе, указалъ на значеніе этого съѣзда, который хотя состоитъ изъ частныхъ лицъ, но рѣшенія его должны будутъ имѣть огромное общественное значеніе, потому отвѣтственность членовъ его усугубляется тѣмъ, что они не являются лицами уполномоченными на обсужденіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ отъ какихъ-либо общественныхъ группъ.

Съѣздъ земцевъ отъ 33 губерній не былъ собраніемъ уполномоченныхъ представителей народа, но всѣмъ было понятно, что по условіямъ тогдашняго времени онъ не имѣлъ никакой возможности организоваться въ подобной формѣ. Съѣздъ представлялъ собою въ глазахъ правительства едва терпимое частное собраніе вольнодумцевъ, но собраніе это сознавало, что милліоны людей уполномочиваютъ его безъ канцелярскихъ фор-

мальностей на необходимый шагъ. Уже въ первый день съѣздъ получилъ многочисленныя привѣтствія и пожеланія съ разныхъ концовъ Россіи.

Результатомъ совѣщанія явилась слѣдующая *резолюція*:

1. Ненормальность существующаго порядка государственнаго управленія, съ особою силою проявившаяся съ начала 80-хъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи взаимнаго довѣрія.

2. Отношеніе правительства къ обществу имѣло въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщивъ Верховную власть съ обществомъ, создаетъ почву для широкого проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество всегда необходимой увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизни принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необхо-

димо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7. Личныя права всѣхъ гражданъ Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достигается только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій; б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни, и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они съ успѣхомъ могли бы выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

Для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ, на началахъ, обез-

печивающихъ ихъ дѣйствительную самостоятельность; в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ нуждъ и пользъ; г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должная устойчивость и самостоятельность, при которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельнасти и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Имперіи.

10. *Мнѣніе большинства.* Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, *безусловно необходимо* правильное участіе народного представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи. *Мнѣніе меньшинства:* Но для созданія... безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

11. Въ виду важности и трудности внѣшняго и внутренняго состоянія, переживаемаго Россіей, — члены совѣщанія выражаютъ надежду, что Верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Послѣ принятія Резолюціи, Д. Н. Шиповъ обратился къ собранію съ привѣтственной рѣчью, въ которой говорилъ: „Мы переживаемъ моментъ огромной исторической важности. Мы никѣмъ не уполномочены, но историческій жребій наложилъ на насъ отвѣтственную задачу сказать Государю Императору правдивое слово о положеніи нашей государственной и общественной жизни. Совѣщаніе оцѣнило по достоинству важность этой

ному подкрѣпленію мыслей и желаній, высказанныхъ на петербургскомъ совѣщаніи земскихъ дѣятелей.

Очередное собраніе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, посвященное юбилею Судебн. Уставовъ имп. Александра II, происходило въ зданіи судебн. установленій и открылось рѣчью Н. М. Жданова. Рѣчь эта была вѣрнымъ выраженіемъ новаго настроенія интеллигенціи. Русское общество прозрѣло; оно наконецъ вполнѣ выяснило себѣ истинную причину крушенія всѣхъ реформъ, начатыхъ въ 60-хъ годахъ.

„Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ,—говорилъ Н. М. Ждановъ,—когда проводилась въ жизнь великая крестьянская реформа, когда освобожденный народъ выступалъ на поприще самостоятельной государственной жизни и нуждался въ государственной охранѣ его правъ и интересовъ взамѣнъ прежней помѣщичьей домашней расправы, въ комисіи славныхъ дѣятелей судебной реформы совершалась другая освободительная работа,—работа освобожденія русскаго правосудія отъ крючкотворства, волокиты, лихоимства, пристрастія и холопскаго угодничества передъ сильными міра сего".

„Но вотъ прошло 40 лѣтъ со дня введенія у насъ судебныхъ уставовъ. 40 лѣтъ они у насъ дѣйствуютъ и примѣняются къ конкретнымъ условіямъ жизни; *40* долгихъ лѣтъ имѣли они для своего развитія, и что же мы видимъ? Сбылись ли тѣ широкія надежды, которыя на нихъ возлагались. Сбылись ли ожиданія, что идеи судебной реформы пышно расцвѣтутъ на русской нивѣ, что онѣ выведутъ русскую общественную жизнь на новый путь широкаго общественнаго развитія, соціальнаго благосостоянія, политической свободы?

„Нѣтъ, другую печальную картину,—картину неуклоннаго стѣсненія, увяданія и гибели этихъ идей,—развернула передъ нами исторія судебныхъ уставовъ за послѣднія 40 лѣтъ. Мы видѣли, что эти судебные уставы, урѣзанные и попорченные при самомъ введеніи ихъ въ жизнь, перенесенные на русскую почву, истощенную и истерзанную тѣми гоненіями, которыхъ такъ много пришлось перенести русской землѣ, *пересаженные въ затхлую, душную атмосферу нашего полицейско-бюрократическаго строя,*— они стали быстро сохнуть, вянуть, принимать уродливыя формы; они покрылись болѣзненными наростами, оплелись паучими, чужеядными растеніями, которыя стѣсняли ихъ

особое оживленіе обычнымъ работамъ: все освѣтилось новымъ свѣтомъ и получило особый интересъ.

Можно сказать, что съ выработкой „резолюціи земскихъ дѣятелей“ окончился опытъ съ „довѣріемъ“. Повидимому, правительство было очень увѣрено въ дисциплинѣ общества и полагало, что „ласки“ достаточно. Но общество и страна ожидали правъ не какъ временной подачки капризному ребенку, а какъ необходимаго элемента для дальнѣйшаго существованія. Неожиданно разгорѣвшееся и все прогрессировавшее движеніе мысли возбудило въ правящихъ сферахъ уже нѣкоторое безпокойство,—вновь проявилась наклонность къ репрессіямъ; но теченіе росло и вызвало акты 12 и 13 декабря.

Какъ означенные акты, такъ и обнаружившееся затѣмъ вліяніе ихъ на общество показали, что пришло наконецъ время признать, что требованіе правопорядка и осмотрительности въ управленіи интересами страны, получили стихійную силу, что болѣе полезными для умиротворенія являются не репрессіи, а вниманіе къ общественному мнѣнію, что „послабленія“ уже неизбѣжны.

Говоря словами г. Брусиловскаго (Наши Дни № 13) —„на краю пропасти вырытой произволомъ, проснулось сознаніе, выросла мысль ясная, отчетливая—о банкротствѣ системы“.

VII.

Сорокалѣтняя война съ Судебными Уставами.

20 ноября 1904 г.—день 40 лѣтняго *юбилея Судебн. Уставовъ*, случился въ моментъ глубокаго общественнаго броженія, вызваннаго стремленіемъ возвратить Россіи тѣ права, которыя должны были принадлежать ей еще съ „эпохи великихъ реформъ“, но были обращены въ фикцію бюрократической переработкой. Юбилей этотъ послужилъ естественнымъ поводомъ къ энергич-

увидѣть, что всѣ они имѣютъ въ виду такъ называемое правовое государство, т.-е. государство, управляемое на точномъ основаніи законовъ, равныхъ для всѣхъ. Они имѣютъ въ виду равную для всѣхъ гражданъ охрану ихъ правъ и интересовъ посредствомъ закона, не подлежащаго произвольнымъ нарушеніямъ, и посредствомъ суда, не зависимаго отъ администраціи. Они имѣютъ въ виду участіе самого общества въ дѣлѣ отправленія правосудія. Они имѣютъ въ виду институтъ посредничества между судомъ и народомъ въ лицѣ независимой ни отъ какихъ властей, самостоятельной, организованной адвокатуры. И уже a priori можно было сказать, что такимъ принципамъ нельзя было ужиться въ мирѣ съ особенностями нашего бюрократическаго самовластія, стремящагося замѣнить правопорядокъ безконтрольной и безотвѣтственной опекой надъ всѣми сторонами общественной жизни, основаннаго на принципахъ, допускающихъ широкій просторъ произволу и усмотрѣнію, выше всѣхъ интересовъ народа ставящаго интересы властей придержащихъ».

Отмѣтивъ несовмѣстимость съ принципами нашей бюрократіи принциповъ судебныхъ реформъ,—равенства передъ закономъ, гласности и публичности,—г. Ждановъ остановился на характеристикѣ выработанныхъ комиссіею при министерствѣ юстиціи проектовъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и указалъ, что они, являясь отрицаніемъ судебной реформы 1864 г., представляютъ собой очищенное и дополненное воспроизведеніе дореформенныхъ проектовъ Блудовской канцеляріи. «Когда на нашихъ глазахъ гибнетъ дѣло правосудія,—дѣло, служеніе которому составляетъ все наше призваніе, весь смыслъ и значеніе нашей дѣятельности,—мы не можемъ, не должны оставаться пассивными зрителями. Являясь организованнымъ сословіемъ, призваннымъ охранять интересы права и гражданъ, мы въ настоящій критическій моментъ для русскаго правосудія должны активно выступить на защиту интересовъ правопорядка, открыто проявить наше отношеніе къ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя губятъ судебную реформу, губятъ всѣ другія освободительныя реформы 60-хъ годовъ; мы должны объяснить обществу, что всѣ эти темныя силы, тормозящія прогрессъ и развитіе русскаго народа, сосредоточились въ особенностяхъ нашего полицейско-бюрократическаго режима. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны указать и то средство, которое можетъ спасти русское правосудіе, оживить право-

функціонированіе и атрофировали отдѣльныя ихъ части. На ряду съ ними за послѣднія десятилѣтія выросли противоположные имъ полицейскіе исключительные законы, которые, найдя въ окружающей ихъ атмосферѣ благопріятныя условія для своего развитія, быстро разрослись, упрочились и не только заглушили ростъ судебныхъ уставовъ, стѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ, но и въ корнѣ подорвали ихъ, проникнувъ до самыхъ ихъ основъ, разрушивъ тѣ принципы, на которыхъ они зиждутся».

Указавъ затѣмъ на тщетныя попытки судебныхъ дѣятелей перваго призыва, всей незараженной невѣжествомъ и мракобѣсіемъ русской печати и всего русскаго общества въ лицѣ лучшихъ его представителей, спасти судебные уставы, указавъ на неуклонность и послѣдовательность процесса разрушенія основъ судебныхъ уставовъ, который ведетъ къ окончательной ихъ гибели, возврату къ дореформеннымъ порядкамъ, уже воспроизведеннымъ отчасти въ новыхъ проектахъ законоположеній по судебной части,—ораторъ говорилъ, что въ настоящее критическое для русскаго правосудія время сословіе адвокатовъ, вызванное къ жизни судебными уставами и силою вещей поставленное въ самую гущу соціальной жизни, въ самое тѣсное непосредственное соприкосновеніе со всѣми разнообразнѣйшими ея проявленіями, должно активно выступить въ защиту гибнущаго правосудія, высказать свое авторитетное мнѣніе относительно положенія правовой жизни народа за послѣднія 40 лѣтъ.

По мнѣнію оратора (какъ передавали «Русск. Вѣд.»), уже самая неуклонность, послѣдовательность процесса разрушенія основъ судебной реформы, — *полная аналогія* въ этомъ отношеніи судьбы судебной реформы *съ участью всѣхъ другихъ освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ*,—съ наглядною ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что эти причины коренятся въ особенностяхъ нашей государственной жизни, въ той основной ненормальности, которая разлагаетъ весь нашъ государственный строй и которая особенно рѣзко проявилась за послѣднія десятилѣтія. Причиною гибели судебныхъ уставовъ является несоотвѣтствіе принциповъ судебной реформы принципамъ нашего полицейско-бюрократическаго режима.

«Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ ораторъ,—достаточно взглянуть на основныя положенія судебныхъ уставовъ, чтобы

увидѣть, что всѣ они имѣютъ въ виду такъ называемое правовое государство, т.-е. государство, управляемое на точномъ основаніи законовъ, равныхъ для всѣхъ. Они имѣютъ въ виду равную для всѣхъ гражданъ охрану ихъ правъ и интересовъ посредствомъ закона, не подлежащаго произвольнымъ нарушеніямъ, и посредствомъ суда, не зависимаго отъ администраціи. Они имѣютъ въ виду участіе самого общества въ дѣлѣ отправленія правосудія. Они имѣютъ въ виду институтъ посредничества между судомъ и народомъ въ лицѣ независимой ни отъ какихъ властей, самостоятельной, организованной адвокатуры. И уже a priori можно было сказать, что такимъ принципамъ нельзя было ужиться въ мирѣ съ особенностями нашего бюрократическаго самовластія, стремящагося замѣнить правопорядокъ безконтрольной и безотвѣтственной опекой надъ всѣми сторонами общественной жизни, основаннаго на принципахъ, допускающихъ широкій просторъ произволу и усмотрѣнію, выше всѣхъ интересовъ народа ставящаго интересы властей придержащихъ».

Отмѣтивъ несовмѣстимость съ принципами нашей бюрократіи принциповъ судебныхъ реформъ,—равенства передъ закономъ, гласности и публичности,—г. Ждановъ остановился на характеристикѣ выработанныхъ комиссіею при министерствѣ юстиціи проектовъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и указалъ, что они, являясь отрицаніемъ судебной реформы 1864 г., представляютъ собой очищенное и дополненное воспроизведеніе дореформенныхъ проектовъ Блудовской канцеляріи. «Когда на нашихъ глазахъ гибнетъ дѣло правосудія,—дѣло, служеніе которому составляетъ все наше призваніе, весь смыслъ и значеніе нашей дѣятельности,—мы не можемъ, не должны оставаться пассивными зрителями. Являясь организованнымъ сословіемъ, призваннымъ охранять интересы права и гражданъ, мы въ настоящій критическій моментъ для русскаго правосудія должны активно выступить на защиту интересовъ правопорядка, открыто проявить наше отношеніе къ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя губятъ судебную реформу, губятъ всѣ другія освободительныя реформы 60-хъ годовъ; мы должны объяснить обществу, что всѣ эти темныя силы, тормозящія прогрессъ и развитіе русскаго народа, сосредоточились въ особенностяхъ нашего полицейско-бюрократическаго режима. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны указать и то средство, которое можетъ спасти русское правосудіе, оживить право-

блага страны, но *единственно въ интересахъ сохраненія своего господства.* 6) Провозглашенный судебными уставами принципъ независимаго, равнаго для всѣхъ суда сведенъ къ нулю фактическимъ упраздненіемъ всѣхъ гарантій независимости: а) несмѣняемость судей отмѣнена, б) единственно независимая форма суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей не примѣняется къ тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ наиболѣе необходима независимость суда отъ администраціи, в) гласность и публичность устранены въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ онѣ наиболѣе необходимы, гдѣ власть является стороною въ дѣлѣ, г) наконецъ, въ интересахъ режима нарушенъ одинъ изъ основныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ— отдѣленіе суда отъ администраціи, и право суда по наиболѣе многочисленной и важной для народа массѣ дѣлъ передано прямо въ руки администраціи, чего не было даже до реформы 60-хъ годовъ (земскіе начальники, губернскія присутствія). 7) Бюрократія не сдѣлала ничего даже для нормальнаго по формѣ отправленія правосудія, не дала судебнымъ мѣстамъ фактической возможности удовлетворять возрастающую потребность народа въ услугахъ правосудія, слѣдствіемъ чего явилось уничтоженіе скорости суда, возвращеніе къ дореформенной волокитѣ. 8) Въ конечномъ выводѣ истекшее 40-лѣтіе характеризуется побѣдою произвола надъ правомъ, возвращеніемъ къ дореформеннымъ порядкамъ. 9) Изслѣдованіе правовой жизни Россіи за послѣднія 40 лѣтъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, что проведеніе въ жизнь началъ правоваго порядка совершенно не мыслимо при господствѣ бюрократическаго самовластія даже въ томъ случаѣ, если начала права формально признаются законами».

Въ заключеніе, обсудивъ современное положеніе русскаго суда и систематическое искаженіе въ теченіе 40 лѣтъ основъ судебной реформы, *собраніе присяжныхъ повѣренныхъ признало, что правильное отправленіе правосудія въ Россіи не возможно безъ коренныхъ реформъ государственнаго строя.*

Затѣмъ собраніе постановило уполномочить присяжныхъ повѣренныхъ В. В. Пржевальскаго и П. В. Малянтовича довести до свѣдѣнія министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ о состоявшейся резолюціи.

Юбилей Судебныхъ Уставовъ не такъ-то гладко прошелъ *въ Петербургѣ.* Засѣданіе предположено было также въ зданіи судебныхъ установленій, но когда сюда начали стекаться представители адвокатуры, двери

суда оказались запертыми по распоряженію прокурора судебн. палаты. Юристы принуждены были искать другое помѣщеніе такъ какъ усмотрѣніе прокурора лишило ихъ возможности, пользоваться помѣщеніемъ, спеціально назначеннымъ для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Останавливаясь на этомъ инцидентѣ, газета „Русь" замѣтила, „что по мнѣнію прокурора, зданіе у Литейнаго моста не предназначено для чествованія памяти творцовъ судебныхъ уставовъ. Прокуроръ палаты, очевидно, не счелъ нужнымъ принять въ уваженіе, что при входѣ въ залъ суда бросается въ глаза статуя геніальнаго сердцемъ Царя. Оказывается, что полновластнымъ хозяиномъ зданія является представитель прокурорскаго надзора, которому судебные уставы указали лишь мѣсто стороны, а не вершителя судебъ судебныхъ учрежденій". Для обсужденія неожиданнаго обстоятельства собрался экстренный совѣтъ въ квартирѣ прис. пов. Турчанинова, и съ помощью одного члена корпораціи, гласнаго думы, собраніе состоялось въ думскомъ зданіи.

Собравшіеся въ числѣ болѣе 300 человѣкъ, по словамъ „Новостей", были въ нервномъ настроеніи. Предполагалось даже открыть засѣданіе здѣсь же, на улицѣ. Когда было получено разрѣшеніе собраться въ думѣ, всѣ тѣсною толпою двинулись по Литейному проспекту къ Невскому.

„На Невскомъ проспектѣ публика была удивлена необычайнымъ зрѣлищемъ: большая толпа (къ этому времени собралось человѣкъ 500) шла спокойно и увѣренно. Не было ни учащейся молодежи, ни женщинъ. Длинною вереницей шли по панели солидные люди съ озабоченнымъ видомъ. Когда пришлось перейти черезъ улицу, остановились и извозчики, и конка, и пѣшая публика.

Собравшись въ Думѣ адвокаты избрали предсѣдателемъ М. С. Корсакова, и онъ немедленно открылъ засѣданіе; однако программа его была совершенно измѣнена и засѣданіе посвящено: 1) обсужденію дѣйст-

вій г. прокурора палаты и 2) причинамъ, по которымъ дѣйствія судебныхъ уставовъ не могли до настоящаго времени войти въ жизнь въ полномъ своемъ объемѣ.

„По первому вопросу собраніе единогласно рѣшило выразить порицаніе по поводу дѣйствій г. прокурора палаты и офиціально обжаловать его постановленіе.

„Присяжный повѣренный Родичевъ указывалъ, что въ странѣ не можетъ быть правосудія, пока нѣтъ гарантіи личной неприкосновенности и неприкосновенности жилищъ, свободы слова, устнаго и печатнаго, свободы вѣроисповѣданій и союзовъ. Только при такихъ условіяхъ судебные уставы могутъ войти въ жизнь и обезпечить гражданамъ защиту отъ произвола".

„Составленная въ этомъ духѣ резолюція, вполнѣ согласная съ резолюціей собранія присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ, принимается собраніемъ единогласно.

„Депутатами для представленія министру избраны присяжные повѣренные Мироновъ, Карабчевскій, Шнитниковъ, Базуновъ, Родичевъ и Стасовъ" *).

Вечеромъ въ этотъ день въ Петербургѣ состоялся банкетъ, на которомъ, какъ сообщала „Русь", присутствовало болѣе 600 лицъ обоего пола, представителей литературы, журналистики, науки, адвокатуры, врачей и т. д.

«Предсѣдательствовалъ В. Г. Короленко. Говорили рѣчи, кромѣ предсѣдателя, В. И. Семевскій, Н. Ф. Анненскій, Г. В. Гессенъ, М. С. Моргуліесъ, М. И. Свѣшниковъ, Ѳ. А. Волькенштейнъ, проф. Долбня, А. И. Новиковъ и др. Въ числѣ присутствовавшихъ были Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ. Въ заключеніе всѣми присутствовавшими была принята и подписана резолюція, содержаніе которой въ общихъ чертахъ сводится къ тѣмъ же требованіямъ, которыя были раньше изложены въ резолюціи

*) Однако резолюціи московскихъ и петербургскихъ присяжн. повѣренныхъ не были приняты отъ депутацій министромъ внутр. дѣлъ, какъ постановленія содержащія измѣненія существующаго строя.

[illegible] лицъ и въ постановленіяхъ присяжныхъ поверенныхъ. Въ мотивахъ резолюціи говорится, что по случаю въ высшей степени трудныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ нынѣ Россіей, необходимъ *немедленный* созывъ представительнаго собранія свободно выбранныхъ представителей, а также полная и безусловная амнистія по всѣмъ политическимъ и религіознымъ преступленіямъ».

Такой же банкетъ состоялся 21 ноября въ *Москвѣ* въ большой залѣ «Эрмитажа». Присутствовало до 500 человѣкъ. Въ числѣ присутствовавшихъ можно было видѣть представителей адвокатуры, литературы, прессы, науки, земства, медицины, искусства, педагогическаго міра и другихъ представителей московскаго общества; было много дамъ. Предсѣдательствовалъ на банкетѣ прис. пов. Д. Н. Доброхотовъ.

Послѣ рѣчей гг. Жданова, Яновенко, Карышева, Покровскаго и др. по предложенію прис. пов. Малянтовича присутствовавшіе присоединились къ постановленіямъ собранія прис. повѣренныхъ. Собраніе, вставъ съ мѣста, громкими и продолжительными рукоплесканіями приняло соотвѣтствующую резолюцію. Горячо было принято высказанное пожеланіе полной амнистіи для лицъ, понесшихъ кары по политическимъ дѣламъ.

Юбилейному дню были посвящены засѣданія или собранія почти повсемѣстно. Такъ, *въ Кіевѣ* были произнесены слѣдующія рѣчи: прис. пов. Куперникъ нарисовалъ въ образныхъ выраженіяхъ картину нарожденія въ Россіи судебныхъ уставовъ: «Долго ожидали появленія на свѣтъ желаннаго младенца, и вотъ насталъ 1864 годъ,—родились судебные уставы; крестины были пышныя, богатыя, но—увы!,—этотъ новорожденный, какъ и всѣ прочіе его братья, надѣленъ былъ «наслѣдственными чертами». Наняли для него нѣсколько нянекъ—вспомнимъ гр. Палена, Набокова, Манасеина,—а у семи нянекъ, какъ извѣстно, «дитя безъ глаза», и вотъ эти няньки вмѣсто того, чтобы холить младенца, воспитывать его въ добрыхъ правилахъ, стали развивать въ немъ его уродливыя черты, и черезъ 40 лѣтъ этотъ взрослый по годамъ человѣкъ представлялъ собой только испорченнаго ребенка, и если бы проснулись въ гробахъ его творцы, они, навѣрное, попросили бы уложить ихъ обратно въ могилы». Затѣмъ ораторъ, коснувшись самаго важнаго учрежденія «судебныхъ реформъ» — института присяжныхъ, констатировалъ, что постепенно «судъ присяжныхъ» такъ немилосердно урѣзывали, что теперь онъ

сталъ спеціальнымъ судомъ для воровъ, убійцъ и мошенниковъ, дѣла же о преступленіяхъ государственныхъ перешли въ другія руки. Въ заключеніе г. Куперникъ поставилъ вопросъ: «найдемъ ли мы теперь въ себѣ достаточно силы и энергіи для осуществленія страстно желаемой реформы? Вѣдь страшно подумать, сколько лучшихъ русскихъ людей, сколько борцовъ мысли и свободы сошло со сцены за послѣднія 30 лѣтъ, сколько жизней загублено»!.. Рѣчь была покрыта бурными аплодисментами.

Профессоръ университета кн. *Е. Трубецкой* произнесъ образную рѣчь о положеніи печати въ Россіи: «Теперь всюду слышны разговоры о свободѣ печати, но эта свобода призрачная, кажущаяся. Положеніе нашей прессы въ частности напоминаетъ извѣстную дѣтскую игру въ краски: «бѣлаго и чернаго не покупайте, да и нѣтъ не говорите». Въ самомъ дѣлѣ: писать какъ-будто можно все, но вмѣстѣ съ тѣмъ Боже сохрани назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ. Положеніе печати можно въ настоящее время приравнять къ положенію врача у постели тяжело больной; врачъ отлично знаетъ названіе болѣзни, но не смѣетъ произнести его изъ боязни компрометировать больную. Больная же страдаетъ муками рожденія, и единственный выходъ изъ опаснаго положенія больной—это ускорить появленіе на свѣтъ младенца... Земцы даже дали названіе этому младенцу... Я предлагаю тостъ за младенца, его мать и воспріемниковъ». Рѣчь кн. Трубецкого была покрыта долго несмолкавшими аплодисментами. Проф. *В. Я. Желѣзновъ* въ своей рѣчи, коснувшись политико-экономическаго строя современной Россіи, приглашалъ собраніе вспомнить о страшной голодовкѣ, похитившей до 500.000 человѣческихъ жизней, и закончилъ рѣчь указаніемъ и на необходимость введенія въ Россіи «правового порядка» на демократическихъ началахъ. Проф. *Н. С. Булгаковъ* началъ свою рѣчь такъ: «Новымъ духомъ повѣяло надъ русской землей; эта живительная свѣжая струя ужъ окрѣпла... Но вмѣстѣ съ дыханіемъ свободы эта свѣжая струя приноситъ намъ испареніе свѣжей крови, льющейся на поляхъ далекой Манчжуріи. Это роковое соединеніе окрашиваетъ настоящій историческій моментъ, этотъ запахъ говоритъ намъ о долгѣ передъ народомъ». (Корр. «Рус. Вѣд.»).

Въ Орлѣ на банкетѣ, посвященномъ 40-лѣтію судебныхъ уставовъ 64 г. Въ числѣ присутствовавшихъ находился почти весь составъ губернскаго земскаго собранія, представители городского самоуправленія, редакція «Орловскаго

Вѣстника), адвокаты, врачи, преподаватели и преподавательницы учебныхъ заведеній и много другихъ лицъ всякихъ званій и профессій отсутствовали зато представители коронной юстиціи, которые, или не считали себя вправѣ праздновать юбилей судебныхъ уставовъ, столь далекихъ отъ современнаго состоянія правосудія, или же сами они слишкомъ далеко отошли отъ того суда, который былъ созданъ уставами 1864 г.

Предсѣдательствовалъ на банкетѣ елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ.

Собраніе открылось рѣчами организаторовъ банкета п. Ростиславъ, Корнилова и кн. Кекуатова.

Небольшую, но сильную и интересную рѣчь произнесъ предсѣдатель елецкой уѣздной земской управы г. Татариновъ о прежнемъ значеніи суда присяжныхъ, какъ суда общественной совѣсти. Ораторъ напомнилъ слушателямъ произведеніе В. Г. Короленко «Огоньки» и сравнилъ русскую общественность съ героемъ «Огоньковъ», плывущимъ сквозь мрачную ночь къ свѣтлой цѣли.

— Мы всѣ плывемъ нашу цѣль,—сказалъ г. Татариновъ,— но плывемъ мы дружно, не отставая другъ отъ друга!»

Предсѣдатель г. Татариновъ, сотрудникъ «Сѣвернаго Края» и «Орловскаго Вѣстника» г. Алексинскій сравнилъ картину русской жизни за послѣдніе десятилѣтія съ извѣстнымъ произведеніемъ Репина. Безправіе, голодовки,—все прикрывалось лицемѣрнымъ «На Шипкѣ все спокойно».

(Корресп. «Руси».)

Журналъ «Право» въ статьѣ *Итоги юбилея* установилъ, что «вся печать безъ различія направленій оказалась согласной въ томъ, что правосудія въ истинномъ смыслѣ слова у насъ нѣтъ, — что, въ ея словами А. М. Унковскаго, дѣйствительное осуществленіе какихъ либо началъ судопроизводства зависитъ не столько отъ судебныхъ уставовъ, сколько отъ условій представляемыхъ общимъ строемъ государственной жизни. Общественное мнѣніе, поскольку оно могло выразиться, сформировалось вполнѣ опредѣленно. Вотъ почему мы утверждаемъ, писало «Право», что отнынѣ конституціонная смута окончилась и замѣнилась яснымъ и опредѣленнымъ сознаніемъ. На прекрасныя слова довѣрія, обращенныя нынѣшнимъ руководителемъ нашей внутренней политики, русское общество, какъ это, впрочемъ, и всегда бывало, отвѣтило полнымъ довѣріемъ и, разобравшись въ условіяхъ переживаемаго момента, съ полной откровенностью выразило свое глубокое убѣжде-

ніе, въ чемъ оно видитъ единственный выходъ изъ того мрачнаго и удушливаго тупика, въ который мы, по общему признанію уперлись. — Общество сдѣлало свое дѣло, теперь очередь за правительствомъ».

VIII.

Протестъ поднадзорной науки.

Почти одновременно съ дѣятелями суда выступили и дѣятели просвѣщенія. Въ замѣчательной статьѣ „Академическая свобода", помѣщенной въ № 330 „Русскихъ Вѣдомостей", *проф. Тимирязевъ* дѣлится „мыслями вслухъ" объ этой свободѣ или вѣрнѣе „несвободѣ" въ связи съ возникшимъ общимъ движеніемъ мысли.

„На этотъ разъ,—пишетъ профессоръ,—вопросъ поставленъ ясно, идти ли намъ тѣмъ же путемъ, которымъ шли насъ обогнавшіе въ развитіи цивилизованные народы, или сохранить дорогіе нашимъ охранителямъ исконные, самобытно-византійскіе устои, прикрывая ихъ для приличія одной внѣшней маской цивилизаціи? Свобода совѣсти, свобода слова и собраній, гарантія основныхъ правъ личности, все подъ защитой свободнаго народнаго представительства, — вотъ ежедневно напоминаемыя основы, безъ которыхъ счастливый гражданинъ, каждой истинно цивилизованной страны, не можетъ себѣ представить ея мирнаго, нормальнаго преуспѣнія".

Указавъ на яркія послѣдствія академической несвободы, выразившейся, напримѣръ, тѣмъ, что одинъ только Московскій университетъ потерялъ такихъ дѣятелей какъ профессора Виноградовъ, Гамбаровъ, Гольцевъ, Ковалевскій, Милюковъ, Муромцевъ, Эрисманъ и др., проф. Тимирязевъ, касается роли ректоровъ, назначаемыхъ министерствомъ:

„Для того, чтобы быть ректоромъ по назначенію, не нужно никакихъ гражданскихъ качествъ; имъ можетъ

быть любой Молчалинъ, нимало не заботящійся о „служеніи“ дѣлу, лишь бы умѣть „прислужиться“ тѣмъ, отъ кого зависитъ его значеніе и удаленіе“.

Усвоенный властью путь устрашенія и подчиненность общественнаго мнѣнія ея произволу отдаляли народъ отъ понятія о разумной свободѣ и превращали его *въ орудіе* для достиженія чуждыхъ ему интересовъ. Свои мысли о дѣйствительной и желательной свободѣ профессоръ Тимирязевъ передаетъ такъ:

«Вотъ уже скоро 40 лѣтъ, я прислушиваюсь то къ торжествующимъ, то къ негодующимъ голосамъ нашихъ охранителей—пишетъ проф. Тимирязевъ,—и въ моей памяти неизмѣнно возникаютъ слова, запавшія въ нее еще въ тѣ далекіе годы, когда приходилось зубрить учебникъ древней исторіи,—слова приписываемыя Калигулѣ: oderint, dum metuant, съ ихъ строго логическимъ выводомъ-желаніемъ, «чтобы все человѣчество имѣло одну голову, такъ, чтобы ее можно было бы снести однимъ ударомъ. Развѣ это *пусть ненавидятъ, лишь бы боялись* не было неизмѣннымъ ихъ лозунгомъ отъ вдохновеннаго теоретика Каткова до послѣдовательнаго практика Плеве. Кто боялись бы? Эта категорія долженствующихъ трепетать непрерывно разрасталась. Охватывая сначала «внутреннихъ враговъ» (такова самая новѣйшая номенклатура), распространяясь далѣе на отдѣльныя національности, поглощенныя «русскимъ моремъ», она вышла за предѣлы этого моря, перекинулась за океанъ, а теперь уже чуть ли не должна охватить кольцомъ весь земной шаръ (Англію, Америку, Японію, Китай). Многострадальный нашъ народъ призывается нести послѣднія свои крохи на вооруженіе во время мира; истекать кровью въ непосильной борьбѣ противъ всего свѣта, *сосредоточить на себѣ всѣ ненависти ради того, чтобы оставаться, вѣчной угрозой всѣмъ кто осмѣливается внутри или извнѣ, мыслить не такъ, какъ наши охранители.* Въ этой борьбѣ признается провиденціальное, культурное призваніе русскаго народа».

«Не доказываетъ ли чудовищность вывода, что путь, который къ нему логически привелъ ошибоченъ. Это — неизмѣнный путь устрашенія. Не пора ли испытать другой путь, другую формулу, хотя бы болѣе скромную: «Живите и давайте жить другимъ», или ту, почти современную Калигулѣ: «На землѣ миръ въ человѣцѣхъ благоволѣніе»?

«Не пора ли вернуться къ той точкѣ отправленія, свернувъ

съ которой за четверть вѣка тому назадъ, наши охранители пустились въ свой рискованный путь? Не пора ли русскому человѣку предоставить пользоваться своими правами и свободой во всей ихъ полнотѣ и не начать ли съ начала, съ освобожденія мысли и тѣхъ учрежденій, которыя были дѣйствительными исконными ея орудіями тамъ, откуда они заимствованы нами? Я знаю вѣчный припѣвъ о преждевременности, о неподготовленности. Но кто же виноватъ, что за цѣлую почти человѣческую жизнь ничего не сдѣлано и мы теперь стоимъ *еще далѣе* отъ цѣли, которой все равно не миновать. За это время тяжелый переходный періодъ былъ бы давно за плечами».

По поводу этой статьи студенты университета устроили проф. Тимирязеву сочувственную демонстрацію; большой массой они двинулись изъ университета къ дому профессора. Такъ какъ онъ былъ боленъ, то ограничился лишь тѣмъ, что подошелъ къ окну и раскланялся съ молодежью. Студенты, пропѣвъ „Gaudeamus“, двинулись по Никитской улицѣ. Около Тверского бульвара они раздѣлились на двѣ партіи: одна продолжала путь по панели, другая—съ пѣніемъ „Марсельезы“ двинулась по Тверскому бульвару. Полиція не вмѣшивалась. Пройдя бульваръ, студенты мирно разошлись.

Тому же вопросу посвятилъ статью въ журналѣ „Право“ проф. *Е. Н. Трубецкой*.

Автономія составляетъ завѣтное желаніе девяти десятыхъ нашей профессуры потому, что безъ нея немыслимо поднять на подобающую ему высоту *педагогическій авторитетъ* профессорской коллегіи.

Нашу молодежь часто упрекаютъ въ томъ, что она смотритъ на университетъ, какъ на средство для политическихъ цѣлей; но развѣ она является первоначальной виновницей *низведенія науки на степень средства?* Развѣ мы пользуемся полной свободой преподаванія? Вполнѣ ли мы отрѣшились отъ введеннаго вмѣстѣ съ уставомъ 1884 года раздѣленія наукъ на благонадежныя и неблагонадежныя? Можетъ ли у насъ преподаватель государственнаго права дозволить себѣ объективную критику нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій? Можно ли у насъ съ полною откровенностью читать русскую исторію, исторію церкви и каноническое право?

Въ странѣ, гдѣ все общество живетъ подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, университетъ не можетъ составлять исключеніе. Поэтому въ настоящее время, какъ бы мы ни преобразовывали университетъ, полицейскій надзоръ въ немъ неизбѣжно возродится въ той или другой формѣ. Гони природу въ дверь, и она влетитъ въ окно!»

За послѣдніе годы нашъ университетъ былъ чѣмъ угодно, но только не университетомъ: ученіе въ немъ было не болѣе, какъ антрактомъ между двумя безпорядками: онъ то игралъ противоестественную роль какого-то вольнаго политическаго клуба, то приближался къ типу полицейскихъ учрежденій; всего менѣе онъ походилъ на учрежденіе академическое. И никакіе способы лѣченія не помогали. Репрессіи и кары оказались такъ же недѣйствительны, какъ и сердечное попеченіе. Чѣмъ же это объясняется?

Когда у насъ будутъ органы общественнаго самоуправленія, уполномоченные заявлять о нуждахъ страны и выражать ея волю, политическая агитація въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прекратится сама собой. Когда при свободѣ общественныхъ собраній взрослые граждане получатъ возможность сбираться на сходки для обсужденія политическихъ вопросовъ, сходки въ университетѣ утратятъ всякую почву подъ ногами. Когда законъ обезпечитъ неприкосновенность личности, свободу печатнаго и устнаго слова, свободу вѣроисповѣданій, — университетъ утратитъ свой нынѣшній характеръ вулкана и станетъ спокойнымъ мѣстомъ для ученія. До осуществленія этой коренной реформы не стоитъ говорить о какой бы то ни было университетской реформѣ.

Въ настоящее время Россія стоитъ передъ роковой дилеммой: она должна или вовсе отказаться отъ высшаго образованія, или создать у себя тѣ условія, которыя дѣлаютъ его возможнымъ. (Цитировано по излож. газ. «Рус. Пр.»).

IX.

Голосъ сердца Россіи.

Къ концу ноября общественое настроеніе выступило болѣе чѣмъ рельефно и въ этотъ-то моментъ произошло новое событіе чрезвычайной важности.

Сказало свое слово „сердце Россіи“—*Москва*, проявившая вопреки ожиданіямъ казенныхъ охранителей не „квасной“, а истинный патріотизмъ, основанный на требованіяхъ *народнаго блага*.

Въ засѣданіи *московской Думы, состоявшемся 30 ноября 1904 г.* прочитано было заявленіе 70 гласныхъ слѣдующаго содержанія. (По сообщенію „Тел. Новаго Времени“ въ №. 133):

«Разсмотрѣніе въ московской городской думѣ проекта смѣты доходовъ и расходовъ на будущій 1905 г., долженствующее составить одинъ изъ послѣднихъ, существенной важности, актовъ дѣятельности городской думы настоящаго состава, невольно заставляетъ обратиться взглядомъ назадъ съ цѣлью выясненія не только результатовъ истекшей четырехлѣтней работы, но и совокупности неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлена какъ дѣятельность городского общественнаго управленія, такъ и того населенія, которому оно призвано служить.

«Изъ года въ годъ московской городской думѣ приходилось и приходится отлагать и даже вовсе отклонять удовлетвореніе многихъ важнѣйшихъ нуждъ за недостаткомъ необходимыхъ для того средствъ. Между тѣмъ платежеспособность населенія уменьшается вслѣдствіе обременительности и неуравнительности государственнаго обложенія, непомѣрности натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ населеніемъ исключительно по соображеніямъ государственнаго порядка, а также платежей, производимыхъ населеніемъ по обычаю, вслѣдствіе безправнаго его положенія по отношенію къ администраціи.

«Постоянныя попытки московской городской думы исправить такое положеніе дѣлъ мѣропріятіями частичнаго характера не дали какихъ-либо осязательныхъ результатовъ. Многія ходатайства о предоставленіи городскому управленію способовъ удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ города и населенія отклонялись безъ мотивовъ или оставлялись вовсе безъ отвѣта.

«Существеннымъ препятствіемъ для дѣятельности и дальнѣйшаго развитія городского хозяйства являются тѣ правовыя условія, въ которыя поставлены городская община и населеніе города. Городское населеніе во всѣхъ его слояхъ и городское управленіе въ различныхъ отрасляхъ, принуждены постоянно подвергаться и подчиняться админи-

стративнымъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, основаннымъ на «усмотрѣніи» и во многихъ случаяхъ несогласнымъ съ закономъ. Общая приниженность русскихъ гражданъ, особые и стѣснительные законы для сословныхъ группъ, составляющихъ большую часть населенія Москвы, система опеки надъ каждымъ шагомъ гражданъ и городского управленія,—все это лишаетъ ихъ возможности проявлять и развивать самодѣятельность, эту лучшую и главную основу полезной личной и общественной работы. Лѣтопись городского управленія насчитываетъ многократные примѣры, доходящаго до мелочей, вмѣшательства административныхъ вѣдомствъ въ вопросы чисто хозяйственной его дѣятельности.

«Вслѣдствіе существующихъ условій, опредѣляющихъ въ русскомъ обществѣ положеніе личности, права общей печати, предѣлы гласности и право совѣщаній,—живая и тѣсная связь общественнаго управленія съ населеніемъ и откровенное обсужденіе общественныхъ вопросовъ неосуществимы. Отчужденность населенія отъ общественнаго управленія усиливается ограниченіемъ права свободнаго исповѣданія вѣры для многочисленныхъ группъ населенія».

«Единственнымъ выходомъ изъ описаннаго положенія представляется твердое установленіе начала законности, какъ общегосударственнаго условія правильной и плодотворной дѣятельности общественныхъ управленій, и созданіе законовъ при постоянномъ участіи выборныхъ отъ населенія.

«На основаніи вышеизложеннаго имѣемъ честь предложить думѣ принять слѣдующія постановленія:

«Представить высшему правительству, что, по мнѣнію московской городской думы, неотложно необходимо:

«установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія;

«отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ;

«обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ;

«провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія;

«установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи».

Городская дума *единогласно* присоединилась къ этому заявленію и съ оваціями приняла выраженныя въ немъ постановленія.

Такого рода постановленія уже нелѣпо было бы считать легкомысліемъ общественныхъ представителей или интригами какихъ-то партій.

Послѣдовавшее затѣмъ 13 декабря собраніе *московскаго губернскаго земства* еще болѣе подтвердило неизбѣжную для правительства необходимость считаться съ голосомъ общества.

Предсѣдатель губернской земской управы, г. Головинъ, обратился къ гласнымъ со слѣдующею рѣчью: „Господа, прежде чѣмъ перейти къ обычнымъ нашимъ занятіямъ, губернская управа считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать одно предложеніе, выходящее изъ ряда обычныхъ работъ нашего собранія. Россія находится въ тяжеломъ положеніи. Несчастная война съ Японіей, конца которой не предвидится въ ближайшемъ будущемъ, тяжелый экономическій кризисъ, внутреннее неустройство—все это легло давящимъ бременемъ на русскій народъ и вызвало необычайно высокое, нервное напряженіе общества. Въ это тяжелое время торжественно прозвучала по всей нашей родинѣ радостная вѣсть о рожденіи Наслѣдника Цесаревича, и почти одновременно князь Святополкъ-Мирскій, державною волею Государя назначенный на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, заявилъ о твердомъ намѣреніи правительства установить довѣрчивое, благожелательное отношеніе къ общественнымъ силамъ страны. На довѣріе общество обязано отвѣтить довѣріемъ. И земство, какъ организованная закономъ часть общества, не можетъ не откликнуться на призывъ правительства. Довѣріе другъ къ другу требуетъ отъ обѣихъ сторонъ прежде всего искренности, правдивости въ вы-

раженіи своихъ чувствъ и ожиданій. Вотъ почему управа не сомнѣвается, что собраніе единодушно пожелаетъ откликнуться на слова довѣрія, обращенныя министромъ Его Величества къ обществу. Когда государство подвергается тяжкому испытанію, то, чтобы оно могло выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, необходимо напряженіе всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа, необходима дружная, энергичная, совмѣстная работа правительства и общества, основанная на взаимномъ довѣріи и пониманіи. Мало, конечно, однихъ словъ о довѣріи правительства къ обществу; мало одного личнаго благожелательнаго отношенія министра къ общественнымъ силамъ. Необходимо, чтобы довѣріе легло въ основу твердыхъ законовъ, регулирующихъ отношенія правительства и народа, а это можетъ быть достигнуто только *сплоченіемъ всего народа въ одну крѣпкую семью равноправныхъ гражданъ, свободныхъ въ выраженіи своихъ мыслей, желаній, вѣрованій*".

Затѣмъ, послѣ принятія предложенія управы объ ассигнованіи 300 тыс. руб. на постройку школъ, былъ прочитанъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса, выслушанный гласными и публикою стоя и встрѣченный восторженными аплодисментами. Самый текстъ адреса появиться въ печати не могъ вслѣдствіе циркуляровъ. Однако текстъ *особаго мнѣнія 13-ти лицъ* былъ помѣщенъ въ „Гражданинѣ". Содержаніе его представляетъ особый интересъ въ виду того, что позднѣе тѣ же мотивы повторялись почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и другими противниками реформъ. Приводимъ поэтому его дословно:

«Вмѣстѣ съ огромной массой русскаго народа мы твердо вѣримъ въ исконный принципъ Царской Самодержавной власти и безусловно отвергаемъ всякія попытки умаленія или ограниченія ея, видя въ ней коренной устой, исторически сложившейся, русской государственной жизни. Всѣ

измѣненія, клонящіяся къ ограниченію Царской власти, не могутъ быть встрѣчены нашимъ народомъ иначе, какъ крайне враждебно, такъ какъ народъ иной формы политическаго строя, кромѣ Самодержавія, представить себѣ не можетъ и допустить никогда не захочетъ. Навязать ему чуждыя учрежденія было бы явнымъ насиліемъ надъ его исконными идеалами вѣрованія. Не менѣе твердо вѣримъ мы, что Самодержавная власть сама найдетъ правильный путь къ устраненію неустройствъ въ государственной общественной жизни и къ осуществленію преобразованій, отвѣчающихъ назрѣвшимъ народнымъ нуждамъ, не прибѣгая къ коренной ломкѣ существующаго строя. Теперь, когда Россія вовлечена въ тяжелую внѣшнюю борьбу, возбужденіе ходатайства о коренныхъ государственныхъ реформахъ считаемъ несвоевременнымъ; всѣ силы народа должны быть направлены теперь къ достиженію одной цѣли—охраненію чести, достоинства и могущества нашего отечества. Вся русская земля должна сплотиться вокругъ престола и помочь ему вывести страну изъ нынѣшняго затруднительнаго положенія. Пользуясь же такой минутой для того, чтобы провести коренную реформу государственнаго строя, общество только обостряетъ всю внутреннюю смуту, отъ которой и безъ того слишкомъ страдаетъ русская земля. Земскія учрежденія, выступая съ ходатайствомъ политическаго свойства, выходятъ изъ предѣловъ своихъ полномочій, явно нарушая законъ, служащій основой ихъ дѣятельности, и тѣмъ самымъ лишаютъ себя права возставать противъ вторженія администраціи въ дѣла мѣстнаго хозяйства».

Подписали этотъ протестъ слѣдующія лица: князья В. А. и А. Д. Голицыны, графъ Ф. А. Уваровъ, А. В. Макаровъ, В. А. Шлиппе, князь В. С. Мещерскій, А. А. Пушкинъ, П. А. Яновъ, А. К. Варженевскій, Ю. П. Бартеневъ, Ф. И. Тютчевъ и графъ П. С. Шереметевъ.

Такимъ образомъ, незначительное меньшинство собранія, состоявшее частью изъ извѣстныхъ всѣмъ реакціонеровъ, частью изъ крѣпостниковъ, единственную свою опору—„исконный принципъ"—категорически и торжественно, *отъ лица всего народа русскаго*, объявляло безсмѣннымъ кореннымъ устоемъ, направляю-

щимъ страну на правильный путь къ реформамъ. Самозванные делегаты „огромной массы русскаго народа" находили несвоевременными не только самыя реформы, но даже заботы и ходатайства о нихъ. Въ соображеніяхъ кучки именитыхъ дворянъ, задача возстановленія чести и достоинства отечества состояла не въ скорѣйшемъ измѣненіи условій, приведшихъ Россію къ разоренію и позору, а въ поддержкѣ кровью и средствами народа пагубныхъ послѣдствій дальновосточной авантюры, несмотря на очевидную уже безнадежность справиться съ Японіей оружіемъ.

И это тогда, когда постановленія московской городской Думы и губернскаго земскаго собранія слили въ одинъ голоса огромнаго большинства избранниковъ московскаго населенія, всѣхъ слоевъ его, всѣхъ сословій и профессій, — когда голосу Москвы отовсюду вторили, какъ видно изъ отчетовъ безчисленныхъ собраній, голоса лучшихъ силъ *всей* земли русской.

Послѣ постановленія ноябрьскихъ резолюцій создалась внушительная картина дружнаго общественнаго подъема. И она только кое-гдѣ нарушалась или безобразными выходками лицъ, задавшихся спеціальною цѣлью вызвать желательный „охранителямъ" скандалъ по росписанію и даже побоище, какъ это было, напр., въ Тамбовѣ; или вслѣдствіе утѣсненія администраціей, а иногда и предсѣдателями собраній, ограничивавшими своею властью стремленія выйти изъ предусмотрительно узаконенныхъ рамокъ; или, наконецъ, обособленіемъ нѣкоторыхъ лицъ, протестовавшихъ по соображеніямъ личнаго интереса и по убѣжденіямъ, враждебнымъ прогрессу вообще. Но и всѣ эти отклоненія только еще больше подчеркивали искренность и значеніе массоваго стремленія къ укрѣпленію правопорядка и къ совершенному обновленію русской государственной жизни.

X.

„Весеннія“ картинки.

Нельзя не отмѣтить, что въ этотъ замѣчательный періодъ всеобщаго пробужденія и отъ самого министерства внутреннихъ дѣлъ исходили мѣры, направленныя къ нѣкоторому смягченію репрессивныхъ мѣропріятій предшествовавшаго времени, предпринятыхъ противъ „потрясателей основъ“.

Полицейская расправа, царившая надъ полусонною страной, неожиданно для ея руководителей, принуждена была считаться съ пробужденнымъ военною грозою національнымъ самолюбіемъ, такъ какъ ходъ событій съ каждымъ днемъ измѣнялъ соотношенія властей и подвластныхъ, и притомъ не въ пользу первыхъ.

Все то, что обычно примѣнялось на Руси для подавленія народнаго самосознанія, еще при Плеве начало вызывать въ обществѣ сопротивленіе, невзирая на суровость его режима,—теперь уже только разжигало жажду борьбы. Бюрократія ошиблась, если полагала, что неустанной опекой „обывательской“ жизни она закрѣпила въ населеніи ту „безпечность“, которая будто бы составляетъ одно изъ національныхъ качествъ русскаго человѣка. То, что бюрократія склонна была считать за любезное и необходимое ей свойство, было тягостнымъ, насильственно навѣяннымъ сномъ; но одурманенный народъ началъ пробуждаться пушечнымъ грохотомъ Дальняго Востока.

Когда разразившаяся война стала безпощадно срывать мишуру величія и славы, облекавшую властныя сферы, онѣ предстали передъ очами народа во всей своей грязной наготѣ; и если народъ тотчасъ же не крикнулъ: „долой узурпаторовъ-преступниковъ! прочь руки отъ самодержавія!“—то это не потому, что онъ безразлично отнесся къ ужасу открывшагося предъ нимъ положенія, а потому что онъ сразу созналъ свою полную неорганизованность и свою невольную гражданскую ничтожность. Налицо оказалось именно то,

что составляло долголѣтнюю заботу россійской администраціи: люди, населявшіе не только глушь, но и города, были связаны между собою почти исключительно интересами рубля; конкуренція въ добываніи этого рубля—вотъ вся цѣль русской провинціальной жизни. Общественности никакой. Грошевая конкуренція „обывателей", лишенныхъ гражданскихъ правъ, заставляла ихъ смотрѣть другъ на друга не какъ на союзниковъ, готовыхъ къ совмѣстной борьбѣ за общіе интересы, а какъ на соперниковъ, не довѣряющихъ другъ другу.

И теперь, когда война открыла передъ страной картины разнузданной дерзости тѣхъ, кого она принуждалась считать управителями, пекущимися о благѣ народа, всѣ почувствовали себя обезоруженными одиночествомъ. Зашевелилась масса негодующихъ единицъ, безсильныхъ въ своемъ негодованіи и опутанныхъ къ тому же сѣтью до наглости безцеремоннаго административнаго надзора. Протестовала страна, но пока не силой сознательно сплоченной массы, а глухимъ ропотомъ вразбродъ...

И тѣмъ не менѣе правительству, въ его тогдашнемъ положеніи, пришлось прислушиваться къ этому ропоту, ибо въ немъ слышалось непривычное для властнаго уха требованіе къ отвѣту; въ немъ обнаруживалось стремленіе народа къ возврату принадлежащихъ ему, но захваченныхъ бюрократіей, правъ.

Князю Святополкъ-Мирскому, заявившему о намѣреніи правительства опираться на общественныя силы, нельзя было не признать беззаконности многихъ изъ мѣропріятій своего предшественника. Однако едва ли только его „благожелательностью" были допущены первыя уступки обществу; вѣроятнѣе, что онѣ были рѣшены и по соображеніямъ другого свойства. Бюрократія была вынуждена дать отбой подъ вліяніемъ ударовъ, сыпавшихся на нее со всѣхъ сторонъ. Но она еще питала надежду раздавить дерзкихъ „макаковъ", и этимъ объясняется то, что уступки въ видѣ смягченія плевенскаго самосуда и нѣкоторое ослабленіе

тисковъ, давившихъ дѣятельность земства, давались только культурному слою населенія; масса оставалась въ прежнихъ условіяхъ полицейскаго произвола, установленнаго системой фонъ-Плеве.

Предпринятое при Плеве подневольное переселеніе русскихъ образованныхъ и честныхъ людей въ тундры Сибири (только въ 1903 году было выслано 1502 лица) не только пріостановилось, но даже послѣдовало обратное теченіе. Въ это время, по распоряженію новаго министра, были возвращены изъ ссылки, между прочими, слѣдующія лица, навлекшія на себя „неудовольствіе", правительства: педагогъ-писатель Н. Ф. Бунаковъ (скончавшійся вскорѣ по возвращеніи), литераторъ В. А. Мякотинъ, пр. повѣр. Н. М. Логашкинъ, инженеръ В. Е. Поповъ, прив.-доцентъ Аничковъ, пр. повѣр. С. А. Паладинскій, Н. А. Рубакинъ, которому фонъ-Плеве разрѣшилъ выѣхать за границу для поправленія здоровья лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не возвращался въ Россію. Возвращенъ былъ также И. Ф. Суворовъ, судьба котораго особенно интересна; въ 1877 году онъ былъ высланъ въ Архангельскую губернію, гдѣ пробылъ до 1883 года, затѣмъ съ 1886 года по 1889 годъ онъ подвергался заключенію въ одесскомъ тюремномъ замкѣ, съ 1889 по 1897 годъ Суворовъ отбывалъ наказаніе на островѣ Сахалинѣ, откуда былъ высланъ въ Оренбургъ и затѣмъ въ Керчь; благодаря мытарствамъ по тюрьмамъ Россіи, И. Ф. Суворовъ почти потерялъ зрѣніе, но сохранилъ поражающія всѣхъ „стойкость убѣжденій и юношескую вѣру въ лучшее будущее".

Всего же, какъ сообщали газеты, въ періодъ времени съ 1 сентября по 1 декабря 1904 года, изъ числа подвергнутыхъ взысканіямъ за политическіе проступки, освобождены отъ назначенныхъ наказаній 197 лицъ и облегчена участь 13 обвиняемымъ. Такимъ образомъ „министерской амнистіей" была осчастливлена лишь ничтожная часть изводившихся въ ссылкѣ и по тюрьмамъ враговъ властнаго произвола.

Но въ то время, когда одною рукой давалась эта первая уступка русскому обществу, другая, по обыкновенію, оставалась сжатою въ кулакъ. Полицейскій произволъ продолжалъ царить повсюду въ полномъ разгарѣ. Дѣйствія полиціи, не желавшей оставлять привычекъ „обычнаго права" ради новыхъ вѣяній, стали даже принимать невѣроятно дерзкія формы.

Для приблизительной картины обывательскаго житья-бытья въ періодъ „первыхъ уступокъ" достаточно напомнить нѣсколько характерныхъ случаевъ изъ массы начавшихъ всплывать, благодаря смягченію столичной цензуры, жалобъ на полицейскія беззаконія и преступленія.

Съ особенною дикостью полицейская дерзость выразилась въ варварскомъ изгнаніи *шашками* беззащитной публики изъ „народнаго дома" въ Нижнемъ-Новгородѣ. Подробности этого „дѣла" и отношеніе къ нему администраціи были выяснены въ засѣданіи нижегородской городской думы, гдѣ было установлено, что „народный домъ", построенный на доброхотныя пожертвованія общества ради просвѣтительныхъ цѣлей, обагренъ кровью того же общества, подъ ударами полицейскихъ шашекъ, пріобрѣтенныхъ на средства городской кассы, а улицы города ночью огласились криками избиваемыхъ нагайками горожанъ, возвращавшихся изъ „народнаго дома" въ свои семьи. Нижегородцы потребовили отъ думы гарантій, что подобныя жестокія расправы полиціи впредь не будутъ имѣть мѣста и мирные горожане съ женами и дѣтьми будутъ имѣть возможность ходить по улицамъ и посѣщать театры и другія общественныя развлеченія безъ опасности подвергнуться насилію со стороны городской полиціи. На другой день городской голова, совмѣстно съ предсѣдателемъ губернской земской управы, обращался къ губернатору съ просьбой принять соотвѣтствующія мѣры, но губернаторъ не призналъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство.

Тогда была послана телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія:

«29 декабря, во время разрѣшеннаго въ установленномъ порядкѣ вечера въ пользу общества взаимопомощи учителямъ и учительницамъ, въ народномъ домѣ мѣстной полиціей, обнаженными шашками, была выгнана присутствовавшая на вечерѣ публика, состоящая, въ числѣ другихъ посѣтителей, изъ женщинъ и дѣтей. Было болѣе 10 человѣкъ раненыхъ. По общему отзыву присутствовавшихъ, предупрежденій со стороны полиціи о томъ, чтобы публика расходилась, не было. Мѣстная администрація считаетъ дѣйствія полиціи правильными. Прокуроромъ суда производится разслѣдованіе *о незаконныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ посѣтителей вечера*, но, въ силу закона, онъ не можетъ произвести слѣдствія о дѣйствіяхъ полиціи безъ разрѣшенія начальства».

Такъ какъ случаи примѣненія полиціей противъ гражданъ оружія, даннаго для ихъ защиты, встрѣчались въ эпоху „весеннихъ вѣяній“ довольно часто и вовсе не соотвѣтствовали направленію дѣятельности кн. Святополкъ-Мирскаго, то было ясно, что чины полиціи почерпали свое „право“ въ указаніяхъ, исходившихъ откуда-то особо. Тщательной охраной дурманнаго сна Россіи, охранялась незыблемость бюрократическаго всевластія. Собранія и сходки угрожали самому чувствительному мѣсту „системы“, а потому, повидимому, было признано не лишнимъ пригрозить вольнодумцамъ хотя бы и кровью.

Полицейскія опасенія сборищъ иногда доходили до курьезности; даже въ Петербургѣ были возможны случаи, когда въ квартиру больной женщины, неожиданно для обитателей, появлялся дворникъ въ тулупѣ и шапкѣ, чтобы пересчитать, сколько людей собралось въ комнатѣ, ибо количество собравшихся не должно было превышать *положенное* число „5-ти душъ“.

Не останавливаясь на оригинальныхъ, близкихъ къ глумленію, мѣропріятіяхъ помпадуровъ того времени, выражавшихся въ такихъ случаяхъ, какъ требованіе свидѣтельства о благонадежности отъ бывшаго исправника, приглашеннаго земствомъ для борьбы съ сусли-

ками, или въ высылкѣ лицъ, оправданныхъ по суду, и т. п., ниже приводится небольшой рядъ примѣровъ возмутительно дикой расправы агентовъ административныхъ властей,—расправы, доходившей нерѣдко до жесточайшихъ истязаній (иногда съ смертельнымъ исходомъ) и въ большинствѣ случаевъ заканчивавшейся преданіемъ суду самихъ же потерпѣвшихъ... И подобными случаями, которымъ только довелось попасть въ печать, юридическая газета „Право" изъ года въ годъ наполняла свою хронику.

Въ Маріуполѣ около полуночи группа приказчиковъ шла мимо полицейскаго управленія и услыхала доносившіеся оттуда душу раздирающіе крики и страшные стоны взрослаго мужчины. Возмущенная молодежь бросилась къ забору, отдѣлявшему полицейскій дворъ отъ улицы. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ было перепрыгнуть во дворъ, но былъ остановленъ полицейскимъ окрикомъ: „и вамъ того же хочется?" Молодежь ретировалась. Все стихло, но вскорѣ снова понеслись стоны и глухіе звуки ударовъ. Сквозь вопли слышалась мольба: „голубчики, пощадите... не ради меня"... Удары и стоны продолжались. Молодежь разсказала объ этомъ встрѣтившемуся въ паркѣ письмоводителю полицейскаго управленія, но послѣдній посовѣтовалъ не мѣшаться не въ свое дѣло. Кто эта жертва и осталась ли она жива, неизвѣстно, но, по мнѣнію разсказчиковъ, врядъ ли можно жить послѣ такихъ побоевъ (*Право*, № 27).

Пріѣхавшій на ярмарку въ с. Рубаловку торговецъ Темкинъ былъ арестованъ по обвиненію въ похищеніи у *неизвѣстнаго лица* 800 р. Арестованнаго четверо городовыхъ били по глазамъ, поднимали вверхъ и сразу бросали на полъ, затягивали шею полотенцемъ до тѣхъ поръ, пока лицо жертвы не дѣлалось багровымъ; чтобы не допустить задушенія, петлю на время ослабляли, лицо опрыскивали водой и затѣмъ повторяли пытку... Темкина и задержаннаго съ нимъ крестьянина Ханина истязали въ теченіе *трехъ* дней, вызывая въ 12 час. ночи поодиночкѣ. Освобожденіе узниковъ урядникъ

оцѣнилъ въ 25 руб., но у Темкина оказалось только 22 р., которые онъ и отдалъ; однако урядникъ освободилъ арестованныхъ, лишь когда отецъ Ханина добавилъ недостававшіе 3 р. (*Право*, № 7).

Особенно типичную картину безнаказаннаго полицейскаго варварства и отношенія къ нему запуганнаго населенія далъ случай, разбиравшійся въ Кіевской судебной палатѣ. Плотничій подрядчикъ Фурсовъ на толкучкѣ заступился за обиженнаго городовымъ и за это попалъ въ участокъ. Толпа пошла за арестованнымъ, и кто то изъ нея, замѣтивъ, что его въ участкѣ бьютъ, крикнулъ: „за что убиваете?“ Тогда дверь захлопнулась, и началась безпощадная расправа. Городовые по командѣ околоточнаго Дубилера: „Всыпать ему!“ набросились на Фурсова и били его руками и ногами, пока не устали. По новому приказу истязанія возобновились. Фурсова заставили раздѣться, а когда онъ отказался снять жилетъ, въ которомъ хранились документы и болѣе ста рублей денегъ, то городовые сорвали его. Послѣ того околоточный приказалъ поддать „сухого пару“ и Фурсова стали бить резиновыми полосами. (Очевидно, участки были предусмотрительно снабжены этими орудіями пытки.) Истязуемый бѣгалъ въ изступленіи и пытался прятаться подъ столы... Полный безнадежнаго отчаянія, онъ бросился на колѣни передъ мучителемъ, обнималъ ноги околоточнаго и предлагалъ ему всѣ свои деньги, но былъ оттолкнутъ ногой. Медицинскій осмотръ установилъ, что тѣло жертвы покрыто огромными кровоподтеками, ушная раковина безформенно вздута, слуховая перепонка прободена, глаза подбиты и налиты кровью. (*Право*, № 23).

Правосудіе на этотъ разъ все-таки совершилось, *судебная палата* приговорила одного городового къ аресту на мѣсяцъ, околоточный же былъ оправданъ... Свидѣтели (60 ч.) также вынесли урокъ на будущее время: они убѣдились лишній разъ, что дѣятели участковъ стоятъ надъ закономъ, попавшіе же туда „обыватели“—внѣ законовъ, а потому безучастность ихъ,

въ виду совершавшагося полицейскаго злодѣйства, являлась какъ бы разумной: она охранила отъ карающихъ рукъ полиціи еще нѣсколько жертвъ, которыя неминуемо были бы безнаказанно привлечены къ расправѣ въ полицейскомъ застѣнкѣ, за сопротивленіе полиціи „при исполненіи ею своихъ обязанностей". Все хорошо, что хорошо кончается...

Въ станицѣ Короновской (Кубанской обл.) временно исправлялъ должность станичнаго атамана урядникъ С.; онъ за непочтительность подвергъ аресту на 3 сутокъ торговца Пятакова. Вечеромъ онъ явился въ карцеръ и ударомъ огромнаго кулака повалилъ Пятакова на землю, а затѣмъ ногами принялся испытывать крѣпость реберъ заключеннаго. Послѣ урока «почтительности» къ начальству Пятакова вынесли изъ арестантской *со слабыми признаками жизни* и отдали прибѣжавшей женѣ («Приволж. Кр.»).

Новобранцы-евреи ковельскаго призывного участка послали министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Мы, новобранцы ковельскаго участка, задыхаясь въ удушливой полицейской арестантской, взываемъ къ вашей свѣтлости о спасеніи насъ отъ униженія позора и страданія. Мы добровольно явились исполнить священный гражданскій долгъ воинской повинности. Насъ прямо изъ воинскаго присутствія подъ конвоемъ вооруженномъ ружьями, какъ арестантовъ, отправили въ полицейское управленіе. Сидимъ подъ замкомъ въ маленькомъ, темномъ и душномъ клоповникѣ со всѣми аттрибутами, присущими тяжкимъ преступникамъ. Такъ распорядились предсѣдатель присутствія и исправникъ. Неужели призванные защищать отечество должны прежде претерпѣть адскія муки физическаго и нравственнаго униженія? Предсѣдатель и исправникъ творятъ съ еврейскими призывными явныя беззаконія, *требуютъ невозможнаго* и неслыханнаго, произвольно глумятся надъ личностью. Во имя закона и человѣчности прикажите освободить насъ отъ ареста и передать воинскому начальнику» («Русь»).

Въ «Самарской Газ.» напечатано прошеніе литератора Н. Самойлова прокурору самарскаго окружнаго суда:

«Въ началѣ *третьяго часа ночи* на 24-е сего февраля ко мнѣ *въ квартиру* явился въ пьяномъ видѣ городовой, знакъ № 5, при чемъ для проникновенія въ квартиру оборвалъ ъ, которой запирается наружная дверь. Я потребовалъ

у городового объясненія его дѣйствій и замѣтилъ ему, что онъ пьянъ. Вслѣдъ за этимъ городовой принялъ противъ меня явно угрожающее положеніе и сталъ наступать на меня. Живущій у меня мальчикъ Михеевъ (лѣтъ 14), напуганный жестами городового, оттолкнулъ его отъ меня. Тогда городовой схватилъ меня за грудь и на меня посыпались удары. Городовой билъ меня по лицу, по головѣ, держалъ меня одной рукой за волосы, а другой—безпощадно наносилъ удары. Ни мои мольбы, ни просьбы свести меня въ участокъ, предать суду, если городовой считаетъ себя обиженнымъ, не производили никакого дѣйствія. Городовой продолжалъ меня истязать. Стоявшій въ это время во дворѣ городовой, знакъ № 9, оставался безучастнымъ и на мои просьбы вмѣшаться въ дѣйствія его товарища отвѣчалъ молчаніемъ. Наконецъ, мнѣ удалось вырваться изъ рукъ истязателя, и я выбѣжалъ на улицу. За мной несся городовой съ крикомъ: «держи». Стоявшіе у воротъ моего дома извозчики схватили меня, и подоспѣвшій городовой возобновилъ побои. Случайно оказавшійся здѣсь окончившій казанскій университетъ г. Соколовъ отправился къ дежурившему у подъѣзда коммерческаго клуба околоточному надзирателю, явившемуся съ нѣсколькими городовыми къ намъ во дворъ. Мои заявленія, скрѣпленныя данными тутъ же показаніями г. Соколова и видѣвшаго избіеніе меня на улицѣ г. Войцѣховскаго, оказались безрезультатными: околоточный надзиратель не составилъ протокола и не подвергъ пьянаго и буйствовавшаго городового задержанію.

„Русск. Вѣд.“ писали изъ г. *Могилева:* Въ городскую управу поступило отъ обывателей заявленіе, въ которомъ указывается, что въ теченіе 20 февраля болѣе 50 отдѣльныхъ лицъ, мирно гулявшихъ по улицамъ города, были задержаны полиціей и отведены въ участокъ, гдѣ ихъ обыскали. Препровожденныя затѣмъ въ арестантскую, эти лица до такой степени *были избиты городовыми и полиціей, что нѣкоторыя по нѣсколько часовъ лежали въ безпамятствѣ, послѣ чего ихъ отпускали.* Побои удостовѣрены врачами. Подобные же избіенія продолжались 21 и 22 февраля. Жильцы дома Зильбермана видѣли, какъ городовые и дворники на пожарномъ дворѣ *подбрасывали людей вверхъ, топтали ногами и били палками.* Въ виду этого обыватели г. Могилева

просятъ городскую управу изыскать мѣры для личной безопасности *отъ насильственныхъ дѣйствій полиціи*. Заявленіе это не могло быть прочитано въ засѣданіи думы 15 февраля вслѣдствіе запрещенія губернатора. Только 21 февраля получено увѣдомленіе, что прочтеніе заявленія разрѣшено въ слѣдующемъ засѣданіи думы.

Въ *Москвѣ*, при разбирательствѣ у мир. судьи тверского уч. дѣла по обвиненію лица, задержаннаго 6 декабря за неповиновеніе приказанію городового и затѣмъ избитаго въ полиціи, свидѣтели показали, что во дворѣ участка стояла *толпа полицейскихъ служителей*, которая *избивала приводимыхъ* городовыми.

Въ Ростовѣ на Дону. 11 апрѣля, послѣ засѣданія общества врачей, на которомъ читался докладъ о холерѣ, публика пожелала обмѣняться мыслями; но по требованію директора клуба Парійскаго, для изгнанія ее прибыла сотня казаковъ и весь составъ полиціи. Какъ только публика стала выходить, ее немедленно окружили казаки и полицейскіе и *прижавъ къ зданіямъ* начали избивать плашмя шашками и нагайками по чему попало. Особенно нападали на студентовъ. Съ дамъ срывали шляпки; на нихъ рвали платья. Казаки гонялись даже за проѣзжавшими на извощикахъ. У нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ лицо и покровы черепа оказались исполосованными рубцами отъ нагаекъ. Въ больницу доставлены были двѣ женщины съ переломанными костями. У одной дѣвушки нагайкой было пересѣчено лицо и выбитъ зубъ, она перестала владѣть языкомъ и т. п. Виновнаго въ распоряженіи избивать и топтать лошадьми публику не оказалось. (*Сынъ От.* № 54.)

Если „свобода“ администраціи такъ откровенно проявлялась на виду у столичныхъ и губернскихъ властей, то съ „мужичьемъ“ церемоній было еще меньше. Между прочимъ „Русь“ приводила слѣдующій фактъ въ корреспонденціи озаглавленной: „О томъ, какъ крестьянинъ Панфиловъ въ церковь ходилъ и что изъ этого вышло“. Орловской губ. Дмитровскій помѣщикъ Муравьевъ

запретилъ мужикамъ ходить въ церковь по дорогѣ, пролегающей мимо его дома. Это приказаніе нарушилъ кр. Панфиловъ и на окликъ *помѣщика* даже не обернулся. Земскій начальникъ усмотрѣлъ въ дѣйствіи Панфилова самоуправство и подвергъ его взысканію. По перенесеніи дѣла въ съѣздъ земскихъ начальниковъ, выяснилось, что Панфиловъ глухъ, но тѣмъ не менѣе съѣздъ приговоръ утвердилъ. Панфиловъ подалъ кассаціонную жалобу, но до разбирательства былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму по распоряженію орловскаго губернатора г. Баляснаго. Родственники Панфилова поѣхали въ Петербургъ къ министру съ жалобой на губернатора, но министръ фонъ-Плеве сказалъ, что онъ не допускаетъ и мысли, чтобы губернаторъ могъ такъ поступить, а потому жалобу оставилъ безъ разслѣдованія. Послѣ смерти фонъ-Плеве, по новому ходатайству, кр. Панфиловъ былъ освобожденъ, *просидѣвъ въ тюрьмѣ 2½ мѣсяца* за дѣйствіе, не имѣвшее ни малѣйшихъ признаковъ не только преступленіл, но даже проступка.

Въ мѣст. *Большая Выська*, Елис. уѣзда полицейскій *урядникъ* Баглюкъ явился на постоялый дворъ Гуленко и потребовалъ отъ остановившихся тамъ еврея Каменецкаго и дьякона Вахницкаго предъявленія паспортовъ. К. не имѣлъ при себѣ паспорта, т. к. жилъ въ 15 верстахъ отъ мѣстечка, гдѣ его всѣ знали. Паспортъ дьякона оказался просроченныхъ. Урядникъ схватилъ дьякона за бороду, нанесъ ему пощечину и сталъ колотить какъ попало, приговаривая: «ты вѣнчаешь 3 раза, а я тебя повѣнчаю 7 разъ!» Докончивъ съ дьякономъ, урядникъ раздѣлъ еврея, началъ издѣваться надъ нимъ и наносить удары шашкой. Отправивъ избитыхъ въ кордегардію, урядникъ и по дорогѣ продолжалъ истязанія, а когда еврей отъ побоевъ упалъ безъ чувствъ, то разъяренный полицейскій топталъ его ногами. Глумленіе и побои продолжались и въ кордегардіи, причемъ *урядникъ по временамъ отдыхалъ* и требовалъ кружку воды («Право», № 46, 1904 г.).

Не менѣе характеренъ примѣръ административнаго попеченія *о семьяхъ угнанныхъ на войну мужиковъ-запасныхъ*. Корреспондентъ „Руси“ сообщилъ слѣдующія

подробности изъ Бобринца (Херс. г.) о финалѣ „исторіи“ полицейскаго пристава съ женами запасныхъ.

Жены запасныхъ нижнихъ чиновъ, призваныхъ изъ г. Бобринца, не получая въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ пособія, обратились къ приставу за разъясненіемъ, почему такъ долго онѣ не получаютъ кормовыхъ денегъ. Отвѣтомъ были побои и ругань.

Въ плачѣ и крикахъ избитыхъ бабъ приставъ усмотрѣлъ нарушеніе общественной тишины и спокойствія и привлекъ солдатокъ къ отвѣтственности.

Свидѣтельницы со стороны защиты нарисовали яркую картину безграничнаго произвола и между прочимъ объяснили, что бабы не одинъ разъ приходили справляться къ приставу, не получились ли деньги. Вначалѣ приставъ только пошучивалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, говоря, что съ уходомъ мужей имъ открытъ болѣе «легкій заработокъ». А когда солдатки стали настаивать, то были побиты.

Бабы были оправданы, ибо доказали, что тишина нарушалась криками отъ боли.

Такова была русская гражданская „весна“, когда бюрократія, обративъ полицію, содержимую на счетъ гражданъ *въ свое* войско, направила ее противъ этихъ же гражданъ. Населеніе осталось безъ охраны, что и вызвало частые самосуды надъ онаглѣвшими ворами и грабителями. Вмѣстѣ съ тѣмъ „вѣрноподданнымъ обывателямъ“ довелось убѣдиться въ томъ обстоятельствѣ, что полиція содержится ими, обывателями, для охраны властей отъ самихъ себя, и что наступила необходимость позаботиться объ охранѣ своей личности и своихъ семей уже отъ самой полиціи.

XI.

Студенческія манифестаціи.

Митинги, „несвойственные русскому духу“, власти начали пресѣкать съ обычною энергіей и безъ всякихъ разсужденій. Но общество чувствовало такую потребность въ политическихъ собраніяхъ, что нерѣдко пренебрегало запретами и поступало по-своему. „Независящія обстоятельства“ перестали казаться непреодолимой силой.

По-своему устроились въ Петербургѣ присяжные повѣренные, собравшіеся на юбилей Судебн. Уставовъ. Самовольно устраивала интеллигенція банкеты въ Саратовѣ и другихъ городахъ. (Саратовскій губернаторъ счелъ даже нужнымъ объявить въ *Губ. Вѣдом.*, что въ ноябрѣ было два случая самовольнаго, безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія, насильственнаго занятія общественныхъ помѣщеній лицами, заранѣе между собою сговорившимися, для обсужденія не касающихся ихъ вѣдѣнія вопросовъ. Полиціи предложено принимать незамедлительно законныя мѣры противъ нарушителей порядка.)

Всеобщее возбужденіе не могло не отразиться на самой впечатлительной части общества—учащейся молодежи, которая притомъ же въ подобныхъ случаяхъ *неизбѣжно* сплачивается уже въ силу товарищескаго единенія.

Обыкновенно этотъ элементъ однѣми демонстраціями и ограничивается, если не встрѣчаетъ противодѣйствія; происходитъ, такъ сказать, разрядъ энергіи. Такъ было въ Петербургѣ, гдѣ нѣсколькихъ спокойныхъ фразъ градоначальника было достаточно, чтобы такъ называемый „безпорядокъ" прекратился; такъ было и при демонстраціи послѣ статьи проф. Тимирязева когда не потребовалось ровно никакого вмѣшательства.

Однако администрація наша находила полезнымъ употреблять противъ сходокъ интеллигенціи кулаки дворниковъ и все что придется.

Въ концѣ ноября 1904 г. въ Петербургѣ и 5—6 декабря въ Москвѣ, студенты разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній произвели уличныя демонстраціи политическаго характера. Полиція отнеслась къ молодежи, какъ къ опасному врагу; *для разсѣянія* манифестантовъ пущены были въ ходъ шашки и пр.

Столичное населеніе знало подробности этихъ событій по разсказамъ многочисленныхъ очевидцевъ; вся же остальная Россія знаетъ о нихъ только то, что было помѣщено въ офиціальныхъ сообщеніяхъ.

По офиціальному сообщенію въ Петербургѣ 28 ноября 1904 г. произошло слѣдующее:

«Съ 12-ти часовъ дня, по окончаніи богослуженія въ Казанскомъ соборѣ, на Невскомъ проспектѣ движеніе публики по тротуарамъ отъ Полицейскаго моста до Садовой улицы стало замѣтно увеличиваться, причемъ среди гуляющихъ выдѣлялись многочисленныя группы студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Молодежь эта, видимо, была возбуждена и, останавливаясь группами на тротуарахъ, мѣшала движенію пѣшеходному. Въ виду этого наблюденіе полиціи за публикой было усилено, и когда около 1 часу дня на углу Михайловской улицы и Невскаго проспекта, у «Европейской» гостиницы, образовалась значительная толпа, среди которой сначала началось пѣніе, а затѣмъ раздавались крики: «Да здравствуетъ свобода!» и т. п., при чемъ выкинуты были 2 большихъ красныхъ флага съ революціонными надписями, то на толпу эту немедленно были направлены наряды пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона. Этими нарядами, при помощи вызванныхъ для порядка дворниковъ домовъ, сборище это въ нѣсколько минутъ было разсѣяно, при чемъ флагоносцы и лица, сопротивлявшіяся полиціи, были задержаны. Изъ нихъ у одного рабочаго оказался заряженный револьверъ. То же самое повторилось въ исходѣ 2-го часа дня у римско-католической церкви св. Екатерины и у Полицейскаго моста.

«Дальнѣйшія попытки демонстрантовъ были безуспѣшны. Всѣ красные флаги, числомъ 10, взяты полиціей. На время усмиренія безпорядка въ указанныхъ выше мѣстахъ движеніе конокъ было пріостановлено, такъ какъ демонстранты заполняли конки и имперіалы на нихъ.

«При разсѣяніи толпы демонстрантовъ послѣдніе оказывали сопротивленіе полиціи при помощи палокъ, въ виду чего чины полиціи вынуждены были обнажать шашки, но дѣйствовали ими на этотъ разъ плашмя. Благодаря этому, въ описываемомъ случаѣ уличнаго бкзпорядка не было ни убитыхъ, ни увѣчій, ни тяжкихъ поврежденій; зарегистровано же 42 человѣка потерпѣвшихъ отъ побоевъ, ушибовъ и пораненій; но несомнѣнно были и такіе потерпѣвшіе, которые съ мѣста происшествія отправились домой. Пострадали также одинъ офицеръ конной стражи (ударъ палкой по колѣну), четверо городовыхъ, четверо дворниковъ».

«На другой день произошло слѣдующее. Въ 2 часа 29-го ноября въ с.-петербургскомъ университетѣ въ актовой залѣ собралась толпа студентовъ въ числѣ до 2-хъ тыс. человѣкъ. Послѣ сходки студенты стали спокойно расходиться изъ университета, направляясь черезъ Дворцовый мостъ. Это—единственный ходъ для живущихъ въ центрѣ. Студенты шли черезъ мостъ попарно и кучками, безъ пѣсенъ и даже безъ какихъ-либо восклицаній, нарушающихъ общественную тишину. На набережной около главнаго морского штаба стоялъ эскадронъ конной полиціи и отрядъ пѣшихъ городовыхъ. Когда первыя группы спускались съ моста, къ нимъ подошелъ полицейскій приставъ и въ рѣзкой формѣ приказалъ расходиться. Одновременно эскадронъ конныхъ жиндармовъ врѣзался въ толпу шедшихъ студентовъ, преслѣдуя спасавшихся по всему мосту. Нѣкоторые студенты, желая спастись, бросались съ моста на барки. Неожиданныя дѣйствія полиціи произвели среди студентовъ панику. Многіе студенты подходили къ полицейскимъ приставамъ съ выраженіемъ недоумѣнія. Не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія полиціи, студенты стали расходиться, часть возвращалась къ университету, часть пошла по набережной, остальные направились къ Невскому» («Русь»).

Московскіе безпорядки 5—6 декабря имѣли тотъ же характеръ и *по офиціальному сообщенію* происходили такъ.

«Послѣ уличнаго безпорядка, имѣвшаго мѣсто въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, 28-го минувшаго ноября, среди учащейся молодежи гор. Москвы началась усиленная агитація за устройство безпорядковъ и въ здѣшней столицѣ.

«Означеннымъ настроеніемъ молодежи воспользовалась преступная организація, именующая себя «московскимъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ», и вскорѣ появились прокламаціи, которыя распространялись въ разныхъ частяхъ города, приглашающія 5-го и 6-го текущаго декабря на политическую демонстрацію.

«5-го декабря съ 12 часовъ дня было замѣчено необычное движеніе публики по тротуарамъ отъ Страстной площади до Чернышевскаго пер., при чемъ группы гуляющихъ почти исключительно составляли студенты высшихъ учебныхъ заведеній и слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ.

«Во второмъ часу дня на Тверской улицѣ, между Леонтьевскимъ и Чернышевскимъ переулками, образовалась уже значительная толпа, среди которой послышалось революціонное пѣніе и были выкинуты красные флаги съ антиправительственными надписями.

«Толпа эта вступила въ драку съ направленнымъ противъ нея пѣшимъ нарядомъ полиціи, пользуясь для сего палками, кистенями и желѣзными прутьями; былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ револьвера. Чины полиціи принуждены были обнажить шашки, но немедленно разогнали толпу, отобравъ флаги.

«Такія же попытки въ теченіе дня возобновлялись и въ другихъ частяхъ города, но демонстранты и тамъ немедленно разгонялись полиціей. Серьезныхъ увѣчій во время столкновенія полиціи съ демонстрантами никому изъ послѣднихъ нанесено не было, а какъ выяснено разслѣдованіемъ, всего девять случаевъ легкихъ пораненій среди демонстрантовъ и двѣнадцать—среди чиновъ полиціи, причемъ изъ числа послѣднихъ двое получили огнестрѣльныя раны».

Подробностей по описаніямъ очевидцевъ газеты, разумѣется, дать не могли; но кое-что было установлено лишь случайно; такъ, напр., при разборѣ у мирового судьи дѣла о сопротивленіи городовому, обнаружилось организованное избиваніе арестованныхъ на дворѣ участка (см. стр. 89). Интересъ безпорядковъ, въ смыслѣ нарушенія спокойствія, заключался главнымъ образомъ въ томъ, что опять „бунтуютъ студенты“, а виновныхъ студентовъ, по мнѣнію полиціи, можно бить вездѣ и чѣмъ попало. Въ подобныхъ способахъ водворенія тишины и спокойствія русское общество давно отвыкло видѣть нѣчто удивительное. Невѣроятное случилось только тогда, когда петербургскій градоначальникъ рѣшился успокоить безъ помощи палокъ молодежь, взволнованную самоубійствомъ студента Малышева. Рѣшимость оказалась не слишкомъ рискованною: волненіе успокоилось.

Опытъ этотъ однако не представился убѣдительнымъ, и новыя демонстраціи молодого поколѣнія полиція сдерживала опять обычнымъ своимъ способомъ: тѣми

мѣрами, которыя примѣняются противъ разбойниковъ. А между тѣмъ вина интеллигентной молодежи состоитъ лишь въ большемъ ея идеализмѣ и юношеской непосредственности чувствъ и дѣйствій. Виновата не она, а пассивность задавленнаго нашего общества, выдвигавшая студентовъ въ первые ряды, — туда, гдѣ мѣсто зрѣлымъ людямъ,—какъ объяснялъ это гласн. Рождественскій въ собраніи Нижегородскаго земства.

«Существуетъ ли такое общество, писали «Русск. Вѣдомости»,—которое не испытывало бы потребности въ обсужденіи своихъ дѣлъ и нуждъ; можно ли представить себѣ народъ, у котораго никогда не явилось бы надобности въ изъявленіи правительству своихъ желаній, опасеній, но не отъ лица отдѣльныхъ обывателей, не по одиночкѣ, а совмѣстно, группами, «скопомъ»? Законодательство всѣхъ культурныхъ странъ считается съ этою потребностью общежитія. У насъ законъ и административная практика не берутся, какъ то слѣдовало бы, регламентировать удовлетвореніе этой общественной потребности, растущей вмѣстѣ съ развитіемъ общества; нѣтъ, они абсолютно ее игнорируютъ и даже больше — преслѣдуютъ, хотя, конечно, не могутъ ея заглушить. Результаты такого глубокаго противорѣчія между запросами жизни и внѣшними условіями оказываются неблагопріятными для народа столько же, сколько и для правительства, ибо нѣтъ такой власти, которая не нуждалась бы въ непосредственномъ общеніи съ подвластными, которая могла бы безъ ущерба для себя не дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Но если и печать, и общество,—образованная часть общества, которая могла бы и у насъ, какъ и вездѣ, быть активной его частью,— постоянно пребываютъ въ молчаніи и апатіи, то все-таки въ странѣ находятся элементы, готовые взять на себя тяготу выраженія общественныхъ нуждъ, потому ли, что имъ слишкомъ хорошо знакома изнанка жизни, потому ли, что они съ жизнью совсѣмъ еще незнакомы... Общественное движеніе идетъ по направленію наименьшаго сопротивленія и принуждено принимать подчасъ уродливыя, нежелательныя формы, сопровождаясь невознаградимыми утратами.

XII.

„Такъ жить нельзя“.

Борьба, возникшая вслѣдствіе непомѣрнаго своевластія бюрократіи, не останавливавшейся ни передъ какимъ угнетеніемъ общества, необходимо должна была отличаться радикализмомъ взглядовъ и дѣйствій обоихъ борющихся направленій. Въ то время какъ прогрессисты радикально и открыто руководили борьбой противъ произвола и захвата власти, проповѣдуя идеи ставшія во всемъ мірѣ основаніями нравственнаго и умственнаго прогресса, — охранители и лжепатріоты принуждены были опираться на тѣ самыя начала, которыя привели страну къ катастрофѣ; вмѣсто того чтобы указывать народу выходъ, они взывали къ дальнѣйшему запугиванію и къ всяческому пресѣченію его самосознанія; они желали тоже радикально, „вбивать патріотизмъ“, хотя бы съ помощью диктатуры и тюремъ. (См. № 67 „Моск. Вѣд.“).

Оба лагеря, естественно, могли только удаляться другъ отъ друга; компромиссамъ не оставалось мѣста. Умиротвореніе могло исходить никакъ не изъ рукъ своевластныхъ утѣснителей, а только въ видѣ мѣръ возстанавливающихъ попранное право жить и дающихъ гарантированный правопорядокъ.

„Съ точки зрѣнія реакціоннаго направленія такъ жить, какъ мы теперь живемъ,—невозможно! Общественная дезорганизація, по мнѣнію реакціонной печати достигла своего апогея“. Иначе оцѣнивая явленія современной жизни, прогрессивное направленіе сходится съ реакціоннымъ въ томъ, что „такъ жить какъ мы теперь живемъ, нельзя“: „разобщеніе между правительствомъ и обществомъ достигло своего апогея. Не считаясь съ насущными потребностями общественной жизни, бюрократія ведетъ свою собственную, самодовлѣющую политику, идущую въ разрѣзъ съ политическими требованіями общества. Общество ждетъ отъ

государства культурно-просвѣтительной дѣятельности, бюрократія увлекается химерами колоніальной политики. Общество жаждетъ мира,—бюрократія ведетъ войну. Общество требуетъ широкаго простора для общественной иниціативы,—бюрократія насильственно втискиваетъ жизнь въ Прокрустово ложе канцелярскихъ шаблоновъ. Общество требуетъ политической и личной свободы,—бюрократія строитъ свое господство на административномъ произволѣ".

„Реакціонное направленіе видитъ спасеніе Россіи въ политическомъ закрѣпощеніи русскаго народа. Необходимо уничтожить зачатки самодѣятельности общественныхъ учрежденій. Администрація должна быть неограниченной и всесильной. Необходимо обуздать своевольную печать. Необходимо вернуться къ дореформенной эпохѣ"...

„Радикальной программѣ политическаго *закрѣпощенія* прогрессивная мысль противопоставляетъ радикальную программу политическаго *освобожденія* русскаго народа. Нѣтъ и не можетъ быть ни общественной самодѣятельности, ни личной свободы въ бюрократическомъ государствѣ. Общество должно подчинить себѣ бюрократію, если оно не желаетъ подчиниться ей" („Сынъ Отеч." № 1).

Радикализмъ направленій со времени „петербургскаго съѣзда" выступилъ уже вполнѣ рельефно. Все происходившее послѣ этого момента ясно выражаетъ рѣшительный характеръ общественнаго настроенія.

И какую тревогу вызвало въ охранительномъ лагерѣ это, всѣхъ властно охватившее, настроеніе!

Еще до слова „сердца Россіи"—Москвы, подъ непревычными имъ ударами свободно печатаемой „хлесткой" правды, „Моск. Вѣд." почувствовали себя плохо. „Такъ дальше жить нельзя", плачутся они въ № 325:

«Всякому терпѣнію и даже долготерпѣнію бываетъ предѣлъ. Экспериментъ «довѣрія» доведенъ до конца и обнаружилъ полную свою несостоятельность.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ позволилъ русской печати свободно высказываться, а печать немедленно самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребила этою свободой и вынудила министра прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессивныхъ, болѣе чѣмъ заслуженныхъ мѣръ, а земскіе вожаки злоупотребили довѣріемъ министра, воспользовавшись дарованною имъ свободой для широкой пропаганды противъ существующаго строя.

«Все это легко было предвидѣть *a priori*, и мы съ самаго начала предсказывали, чѣмъ *по необходимости* должна была кончиться вся эта «новая эра» довѣрія.

«Наши либералы пропитаны идеями, не имѣющими никакихъ корней въ русской исторіи и въ національномъ строѣ. Обращаясь къ Россіи, предлагая реформы и вырабатывая «программы», они могутъ лишь увѣрять насъ, что нужно отречься отъ Церкви, отъ Царя и отъ самихъ себя.

«Не прошло и девяти недѣль съ тѣхъ поръ, какъ эти господа удостоились (!) министерскаго довѣрія, какъ они уже вызвали во всей Россіи искусственное революціонное броженіе.

«Теперь настала очередь и правительству сказать громко и твердо свое слово.

«Правительство произвело экспериментъ «довѣрія» начистоту. Оно съ рѣдкимъ долготерпѣніемъ дало высказаться всѣмъ либеральнымъ элементамъ. Но отъ дальнѣйшей ихъ болтовни могла бы пострадать вся Россія, такъ какъ при молчаніи правительства русскій народъ могъ бы подумать, что эти самозванные преобразователи пользуются правительственнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ».

„Довольно!“ вторилъ въ *Гражданинѣ* „апостолъ попятнаго движенія“:

„Я помню, какъ еще два мѣсяца назадъ многіе приверженцы порядка, по отношенію къ старому и къ всемірному образу пониманія, съ ужасомъ находили въ переживаемомъ времени повтореніе времени Лорисъ-Меликова; но теперь „весна“ Лорисъ-Меликова кажется сравнительно съ нынѣшнею весной,—консервативною эпохой, и революціонеры той эпохи кажутся мальчишками и щенками сравнительно съ нынѣшними.

„Весь организмъ каждаго изъ этихъ передовыхъ людей уходитъ на слюну рѣчи и на желчь чувства“.

„Стòитъ только громко и твердо-повелительно сказать „довольно“,—и жаръ болѣзни спадетъ“.

„Довольно!“ слѣдуетъ сказать. Но,—добавила „Рус. Правда“,—сказать это только тѣмъ, которые обдѣлывали свои дѣла подъ покровомъ темной ночи“.

Затѣмъ „Моск. Вѣд.“ въ статьѣ „Конституціонные банкеты“ обратили особое вниманіе на банкетъ, состоявшійся въ *Тамбовѣ* по поводу возвращенія изъ Петербурга съ „совѣщанія“ гг. Колобова и Брюхатова. Газета, исполненная ужаса и въ видимомъ порывѣ предостеречь отъ пагубнаго вліянія „волтерьянцевъ“ даже представителей бюрократіи, разрѣшилась слѣдующими строками:

«Произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей. Въ заключеніе участники банкета приняли *резолюцію,* которую постановили подписать и отправить министру внутреннихъ дѣлъ.

«Содержаніе этой резолюціи не извѣстно, и оно, очевидно, *скрывается,* такъ какъ если еще въ недавнее время подобныя резолюціи частныхъ банкетовъ не всегда могли находить себѣ мѣсто на столбцахъ газетъ, то въ настоящее время при фактической, почти полной отмѣнѣ и предупредительной, и карательной цензуры обнародованіе самыхъ дерзкихъ политическихъ адресовъ является дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Или, можетъ быть, тамбовская «резолюція» уже настолько превосходитъ все остальное по своей смѣлости и наглости, что ее даже стѣсняются опубликовать?

«Но тамбовскій банкетъ имѣетъ еще одну особенность, а именно ту, что въ немъ открыто принимали участіе «чиновники окружного суда и акциза и многіе другіе. Не дождемся ли мы, чтобы губернаторы или вице-губернаторы произносили публично рѣчи, громящія «бюрократическое самовластіе» и требующія «конституціонныхъ гарантій»? Не увидимъ ли мы директоровъ департаментовъ и совѣтниковъ губернскаго правленія идущими съ краснымъ знаменемъ во главѣ уличной толпы?»

Такая картина при всей своей комичности дѣйствительно была бы ужасна для охранителей.

До какой степени тревожно было состояніе „Моск. Вѣдомостей“, можно видѣть изъ того, съ какой ра-

достью, какъ за якорь спасенія, они ухватились за статью кн. Мещерскаго изъ № 93 „Гражданина" и съ чувствомъ облегченнаго сердца перепечатали ее подъ заглавіемъ „Отрезвленіе".

«Чувствуется *благовѣстный привѣтъ* (!) отрезвленія и отчасти разочарованія. И хотя я очень далекъ отъ кабинета министра внутреннихъ дѣлъ, но никакія силы земныя не заставятъ меня усомниться въ томъ, что я вѣрно предчувствую по вѣяніямъ воздуха, которымъ дышу, что послѣ минуты неопредѣленнаго довѣрія сегодня настала минута сознанія, что если довѣріе министра внутреннихъ дѣлъ къ общественнымъ учрежденіямъ — серебро, то довѣріе всей Россіи къ силѣ правительственной власти — золото; что только при немъ реформы какъ тѣ, которыя возвѣщены Царевымъ манифестомъ, такъ и тѣ, которыя желаются благоразумною частью русскаго общества, могутъ быть плодотворны.

«Теперь я могу съ увѣренностью на всѣ вопросы отвѣтить: *неправда!*

«Неправда, что, говоря о своемъ довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ вообще, а къ земству въ особенности, министръ внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ этимъ высказать, что допускаетъ возможность съ ихъ стороны требовать какого бы то ни было измѣненія государственнаго строя. Его довѣріе могло быть основано только на мысли объ единеніи общественныхъ учрежденій съ правительствомъ для созидательныхъ и охранительныхъ цѣлей, правительствомъ намѣченныхъ.

«Неправда, что терпимость болѣе свободной рѣчи въ печати должна быть разсматриваема, какъ безмолвное сочувствіе правительства всѣмъ высказываемымъ безпочвенно-либеральнымъ вожделѣніямъ этой печати.

«Еще болѣе неправда, чтобы съ довѣріемъ и терпимостью, въ превратномъ смыслѣ толкуемыми безпочвенными либералами, могло быть солидарно высшее правительство.

«Неправда, что въ области правительственныхъ предположеній существуетъ что-либо похожее на проектъ упраздненія учрежденія земскихъ начальниковъ или ограниченія ихъ власти.

«Неправда, чтобы губернаторамъ могла быть внушена обязанность стушевывать свой авторитетъ передъ какими бы то ни было проявленіями общественности.

«Неправда, наконецъ, чтобы всѣ преобразовательныя ра-

боты, начатыя при Плеве, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и по устроенію въ губерніи и въ уѣздѣ новаго порядка самодѣятельности, были пріостановлены».

„Наши либералы“, однако, осмѣлились выразить предположеніе, что „старый носъ потерялъ чутье...“ Газета „Русское Слово“ 24 ноября по поводу сенсаціонныхъ сообщеній кн. Мещерскаго о тщетѣ всѣхъ надеждъ общества писало:

«Нечего сказать, успокоительное извѣстіе. Находятся же такіе люди, которые предполагаютъ, что распространеніе подобныхъ извѣстій можетъ поселить «трезвыя надежды», которыя отвлекутъ отъ «болтовни» къ труду мирному и полезному».

«Что же представляютъ собою «трезвыя надежды»? Очевидно, это нѣчто родственное «трезвымъ мыслямъ». Человѣкъ трезво мыслитъ, когда онъ приходитъ къ тому заключенію, что ему мыслить не слѣдуетъ, такъ какъ за него есть кому мыслить. По аналогіи, человѣкъ «трезвыхъ надеждъ»—это человѣкъ, понимающій, что надѣяться и чего-то ждать—значитъ быть недовольнымъ настоящимъ. Настоящее изготовлено начальствомъ, а недовольство начальствомъ—смертный грѣхъ. *Никакихъ надеждъ!* Будь онѣ проклятъ! *Настоящее — это рай, ибо оно изготовлено начальствомъ.* Будущее—это блаженство, ибо оно будетъ уготовано начальствомъ.

«Вотъ именно при такихъ условіяхъ обыватель жилъ не одинъ годъ. Онъ еле дышалъ и смотрѣлъ однимъ глазомъ, чтобы въ немъ не заподозрѣли человѣка съ духомъ мятежнымъ. Теперь въ «дыхательныхъ путяхъ» стало легче. Но кн. Мещерскій и тѣ *сферы*, откуда онъ черпаетъ свои извѣстія, очевидно, желаютъ, чтобы въ Россіи продолжалось терроризированіе населенія. Терроръ, откуда бы онъ ни распространялся — сверху или снизу, — есть терроръ. По доброй волѣ новаго министра терроризированіе притихло, но *неужели нельзя надѣяться на то, что терроръ впредь никогда не повторится?* Что кн. Мещерскій нашелъ въ этой надеждѣ зловреднаго и опаснаго? *).

«Закрѣпленіе этой надежды законами необходимо для мира и спокойствія внутри страны. Оно необходимо для поднятія престижа власти, расшатаннаго произволомъ. Обы-

---

*) *Примѣчаніе.*—Курсивъ вездѣ нашъ.

ватель долженъ знать, что власть руководствуется закономъ. Никакими мѣрами нельзя заставить его почитать за власть смѣсь произвола съ усмотрѣніемъ.

XIII.

Попытка мобилизаціи охранителей.

Тотчасъ послѣ состоявшагося постановленія московской думы, „Моск. Вѣд." выступили съ энергичнымъ протестомъ противъ попраннаго „довѣрія" и съ настоятельнымъ указаніемъ на своевременность возврата къ прежнему недовѣрію:

«Правительство устами министра внутреннихъ дѣлъ заявило свое довѣріе къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ. Какъ же отвѣтили на это общественныя учрежденія и общественные дѣятели?

«Этотъ отвѣтъ правительству, совершенно опредѣленно высказанный въ постановленіяхъ цѣлаго ряда земскихъ собраній, городскихъ думъ, обществъ, корпорацій и разнаго рода сборищъ, сходокъ и совѣщаній, можетъ быть формулированъ такимъ образомъ:

«Вы очень любезны, оказывая намъ ваше довѣріе, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить вамъ тѣмъ же...»

«Едва ли есть надобность напоминать и доказывать, что на всѣхъ политическихъ сборищахъ и «банкетахъ», бывшихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, существующій государственный строй и правительство поносились общественными дѣятелями въ такихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что *о довѣріи къ правительству* со стороны этой шумящей части общества не можетъ быть и рѣчи».

«Еще недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, они считали государственную власть хозяиномъ страны и просили у нея довѣрія. Теперь, когда имъ готовы оказать это довѣріе,—оно имъ больше уже не нужно.

«Они не нуждаются въ довѣріи государственной власти, такъ какъ *сами желаютъ стать на ея мѣсто*.

«Но въ такомъ случаѣ можетъ ли государственная власть еще долѣе оказывать имъ довѣріе?..» (М. В., № 333).

Къ борьбѣ съ „крамольнымъ" движеніемъ земствъ, думъ, корпорацій, публицистовъ, представителей всѣхъ

профессій и сословій съ дворянствомъ во главѣ, иначе говоря съ колоссальной шайкой крамольниковъ, состоявшей изъ всего либерально русскаго общества, „Моск. Вѣдомости“ вызвали также лучшія свои силы.

Дворянинъ Павловъ 2 ноября обрушился громовымъ письмомъ къ г. Петрункевичу за его статью № 41 „Права“. Письмо это произвело сенсацію между нѣсколькими дворянами—сотрудниками „Моск. Вѣдомостей“ вознесшихъ г. Павлова превыше облаковъ.

Въ дѣйствительности, этихъ дворянъ-сотрудниковъ „Моск. Вѣдомостей“, гг. Павлова, Бодиско, Нилуса и др., крайне смущало молчаніе *дворянскаго сословія*. Эти „господа“ были въ полной увѣренности, что вкусы крѣпостного права, т.-е. того времени, когда дворяне-помѣщики въ другихъ сословіяхъ ничего, кромѣ обязанности подчиняться ихъ хотѣнію, не усматривали,—что эти вкусы и по сіе время должны составлять такую же неотмѣнную принадлежность каждаго дворянина, какъ красный околышъ. Совершенно неожиданнымъ для „дворянъ Московскихъ Вѣдомостей“ оказалось то обстоятельство, что въ то время, какъ нѣкоторые дворяне сажаютъ въ безсрочное тюремное заключеніе мужика нарушившаго приказъ помѣщика не ходить по дорогѣ, остальные обнаруживали благородныя стремленія, направленныя не только къ собственному дворянскому благополучію, но, о ужасъ! и къ улучшенію житья-бытья ихъ бывшихъ рабовъ, теперь ставшихъ рабами бюрократіи. И это были не захолустные дворяне, которыхъ можно бы игнорировать, а популярные общественные дѣятели, и изъ нихъ многіе еще и съ громкими историческими именами.

Г. Сергѣй Нилусъ, озабочиваясь тревожнымъ вопросомъ, „почему молчитъ дворянство“, изъ силъ выбивался стараясь подыскать желательное объясненіе столь не нормальному, по мнѣнію охранителей, явленію.

«Дворянство,—рѣшилъ этотъ столпъ сословія,—коренное русское дворянство, живущее и работающее, молчитъ по-

тому же, почему молчитъ и весь русскій народъ, живу
и работающій на землѣ бокъ о бокъ со своимъ (?) дворя
номъ. У нихъ обоихъ есть Царь, который въ глазахъ
представляетъ собой воплощеніе всей ихъ послѣ Бога вѣ
у нихъ есть царское правительство, которому они по Ц
довѣряютъ, какъ выраженію Его воли. О чемъ же говор
о чемъ шумѣть вѣрному дворянству, вѣрному народу?!

«И вотъ мы, дворяне, плоть отъ плоти, кость отъ ко
русскаго стомилліоннаго народа, молчимъ и терпимъ
что́ бы ни исходило отъ царской власти, какъ молч
и все терпитъ на войнѣ армія, которую ея вождь вед
или къ несомнѣнной побѣдѣ, или къ вѣрной смерти.

«Страшно, грозно это молчаніе! Но кому грозитъ с
кого устрашаетъ? Допросите о томъ великія тѣни пр
лаго, допросите тысячелѣтнюю исторію Россіи!

«Молчитъ вѣрная русская Вандея потому, что она
клочокъ великаго Русскаго царства, а вся русская зем
и заговоритъ она только по призыву своего Царя, но
говоритъ не какъ Вандея, а уже всею своею стомилл
ною грудью! Топорщится безсиліе. Сила всегда безм
вна!» (!!) *Моск. Вѣд. № 310.*

Сотрудникъ „Моск. Вѣд.“ дворянинъ Павловъ два
грозно взывалъ къ дворянству. Не дождавшись отв
на свою первую *Памятку дворянству*, онъ выступ
со *Второй памяткой*. Это пространное произведе
съ укоризной указываетъ на наступившія времена:

«Имѣлъ ли кто-нибудь въ Россіи право говорить на
стныхъ собраніяхъ и въ печати объ измѣненіи государст
наго строя, о законодательныхъ реформахъ, о конститу
и т. п.?

«Вчера такой вопросъ былъ празднымъ, сегодня онъ и
етъ свой raison d'être, такъ какъ печать и обществен
группы «позволяютъ» себѣ нарушать существующіе зако

«Не обходя, а проходя черезъ строй законовъ, радик
ная печать и часть общества переступили границу во
дозволеннаго. Здѣсь не мѣсто и не время разсуждать, к
покараетъ законъ рядъ непозволительныхъ по нагло
правонарушеній; намъ остается только ждать наступле
кары и возстановленія порядка и законности.

«Двѣ недѣли назадъ я писалъ свою первую «Памятку
рянству». Не знаю, прочли ли ее предводители, но зн
что они опять въ Москвѣ, и хочу надѣяться, что гг. п

водители сдѣлаютъ честь прочесть мысли, адресованныя дворянству.

«Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы, и особенно дни, въ обществѣ и въ земствѣ, нѣкоторые титулованные и нетитулованные дворяне *осмѣливаются* подымать голосъ противъ сословнаго строя, проповѣдуютъ идею конституціи и равноправности, какъ панацею; ратуютъ за безсословное начало въ земствѣ и участвуютъ въ проектахъ противъ существующаго государственнаго строя. Такое движеніе не оправдывается ни идеей народнаго блага, ни національнымъ чувствомъ, ни временемъ и не имѣетъ за собой ни научныхъ, ни историческихъ основаній.

«Совершенно ясно, что эти дворяне отрѣшились отъ своего дворянскаго званія, но неясно почему: намъ, дворянамъ, до сей поры неизвѣстно, сняли ли эти «господа» свои мундиры и знаки, выписались ли изъ родословныхъ книгъ и вообще намѣрены ли они поступить послѣдовательно и *честно*, то-есть избавятъ ли они сословіе отъ вредныхъ и компрометирующихъ его элементовъ и отъ тяжелой необходимости лишать ихъ собраніямъ дворянскаго званія по закону IX т.». (М. В.).

Такимъ образомъ, съ одной стороны „честью просятъ“ о прочтеніи „памятокъ“, а съ другой — грозный перстъ съ напоминаніемъ о IX т. Св. зак.! Очевидно, г. Н. А. Павловъ вмѣстѣ съ г. Грингмутомъ не столько тревожились молчаніемъ бюрократическаго, сколько многорѣчіемъ *земскаго* дворянства. Дальнѣйше писаніе г. Павлова сводилось къ слѣдующему выводу:

„Благодаря незапамятному и славному своему прошлому дворянство заслужило довѣріе народа (?), его главной части—крестьянства. Въ этомъ органическомъ и историческомъ довѣріи лежитъ вся сила нашего сословія, и ему въ данную минуту пора сказать свое слово“.

Слово это, какъ мы видѣли, было сказано именно *земскимъ* дворянствомъ 13 ноября въ Москвѣ, въ стѣнахъ россійскаго дворянскаго собранія, почти единогласно. Затѣмъ оно многократно и опредѣленно повторялось во многихъ мѣстахъ.

Вопросъ о дворянствѣ дѣйствительно интересенъ,

хотя бы потому, что во главѣ прогрессивнаго земскаго движенія шла интеллигентная сила дворянства, и шла нога въ ногу съ несословной интеллигенціей.

„Выставляя дворянство въ качествѣ оплота своихъ реакціонныхъ вождѣленій, писала „Наша Жизнь“,—охранители изъ „Моск. Вѣдомостей“ всегда старались сѣять вражду и злобу между дворянствомъ и земствомъ... И вотъ нынѣ вновь мы слышимъ голоса, призывающіе дворянство возстать противъ земства, высказаться противъ тѣхъ взглядовъ на существующее положеніе вещей, которые выражали многіе видные представители земства. Но охранители забываютъ, какъ дѣйствительная жизнь не разъ смѣялась надъ ними. Мы не думаемъ объединять дворянство, какъ сословную организацію, съ земствомъ какъ съ всесословной, самоуправляющейся въ хозяйственномъ отношеніи, организаціей. Но въ то же время надо считаться съ дѣйствительностью, а не только съ принципомъ прошлаго; нельзя же забывать, что *земство* фактически *то же самое дворянство,* что въ столь ненавистныхъ для охранителей по своему либерализму губернскихъ земскихъ собраніяхъ на 50—60 гласныхъ насчитывается не - дворянъ всего 2—3 лица... Само дворянство прекрасно поняло, что *спасеніе его* будетъ заключаться въ томъ, чтобы стать въ первыхъ рядахъ политическаго и культурнаго развитія Россіи и занять передовое мѣсто въ общественномъ самоуправленіи на началахъ всесословности. Дворянство вошло въ земство, и не только въ силу закона, а въ силу общеисторическаго хода вещей. Здѣсь оно нашло примѣненіе своихъ силъ и свой общественный интересъ... Лучшая часть дворянства, т.-е. земское дворянство, стоитъ вполнѣ на земской точкѣ зрѣнія, отрицая принципъ защиты традиціонныхъ устоевъ, стараго крѣпостническаго сословнаго строя, выродившагося нынѣ въ бюрократическій. Она, эта наиболѣе сильная, талантливая и вліятельная часть дворянства, пойдетъ не противъ земства, а вмѣстѣ съ

земствомъ. Безъ сомнѣнія найдутся и дворяне, которымъ ненавистно обновленіе Россіи; они постараются употреблять всѣ усилія, чтобы овладѣть положеніемъ, но это будетъ послѣдняя ставка, и въ этомъ смыслѣ она желательна».

Но *такихъ* дворянъ оказывалось уже немного, и „Московскимъ Вѣдомостямъ" пришлось прикинуться неуразумѣвшими того факта, что земское дворянство уже высказалось, и высказалось не по камертону г. Грингмута; а тутъ еще о его сторонникахъ вспомнили коечто, дающее ихъ рьяному патріотизму окраску не особенно благородную...

Хорошую отповѣдь этимъ „патріотамъ" дало, между прочимъ, „Русское Слово": „На страстномъ бульварѣ забили въ набатъ, призывая дворянство встать на защиту потрясаемыхъ основъ. Однако набатъ и кличъ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Откликнулся дворянинъ Павловъ, изругавшій г. Петрункевича отборной рыночной бранью; — этотъ „дворянинъ Павловъ" (онъ такъ подписывается) извѣстенъ своими планами о переселеніи крестьянъ во главѣ съ дворяниномъ для *возстановленія крѣпостного права* въ Сибири.

„Послѣ „дворянина Павлова" отозвался г. Нилусъ. Этотъ дворянинъ—постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей"—такъ же, какъ и „дворянинъ Павловъ", мечтаетъ о возстановленіи крѣпостного права".

„Г. Нилусъ былъ членомъ мценскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ одномъ изъ засѣданій комитета онъ доказывалъ, что всѣ бѣды искоренятся, *если граждане будутъ награждаться помѣстьями*. По мнѣнію дворянина Нилуса, это „испомѣщеніе" можетъ быть устроено „очень просто: стоитъ только въ каждомъ приходѣ поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ; тогда помѣщикъ явится сельскимъ начальникомъ, который вмѣсто жалованья будетъ получать доходъ съ вырѣзанной ему земли".

«Во второмъ часу дня на Тверской улицѣ, между Леонтьевскимъ и Чернышевскимъ переулками, образовалась уже значительная толпа, среди которой послышалось революціонное пѣніе и были выкинуты красные флаги съ антиправительственными надписями.

«Толпа эта вступила въ драку съ направленнымъ противъ нея пѣшимъ нарядомъ полиціи, пользуясь для сего палками, кистенями и желѣзными прутьями; былъ сдѣланъ и выстрѣлъ изъ револьвера. Чины полиціи принуждены были обнажить шашки, но немедленно разогнали толпу, отобравъ флаги.

«Такія же попытки въ теченіе дня возобновлялись и въ другихъ частяхъ города, но демонстранты и тамъ немедленно разгонялись полиціей. Серьезныхъ увѣчій во время столкновенія полиціи съ демонстрантами никому изъ послѣднихъ нанесено не было, а какъ выяснено разслѣдованіемъ, всего девять случаевъ легкихъ пораненій среди демонстрантовъ и двѣнадцать—среди чиновъ полиціи, при чемъ изъ числа послѣднихъ двое получили огнестрѣльныя раны».

Подробностей по описаніямъ очевидцевъ газеты, разумѣется, дать не могли; но кое-что было установлено лишь случайно; такъ, напр., при разборѣ у мирового судьи дѣла о сопротивленіи городовому, обнаружилось организованное избиваніе арестованныхъ на дворѣ участка (см. стр. 89). Интересъ безпорядковъ, въ смыслѣ нарушенія спокойствія, заключался главнымъ образомъ въ томъ, что опять „бунтуютъ студенты", а виновныхъ студентовъ, по мнѣнію полиціи, можно бить вездѣ и чѣмъ попало. Въ подобныхъ способахъ водворенія тишины и спокойствія русское общество давно отвыкло видѣть нѣчто удивительное. Невѣроятное случилось только тогда, когда петербургскій градоначальникъ рѣшился успокоить безъ помощи палокъ молодежь, взволнованную самоубійствомъ студента Малышева. Рѣшимость оказалась не слишкомъ рискованною: волненіе успокоилось.

Опытъ этотъ однако не представился убѣдительнымъ, и новыя демонстраціи молодого поколѣнія полиція сдерживала опять обычнымъ своимъ способомъ: тѣми

мѣрами, которыя примѣняются противъ разбойниковъ. А между тѣмъ вина интеллигентной молодежи состоитъ лишь въ большемъ ея идеализмѣ и юношеской непосредственности чувствъ и дѣйствій. Виновата не она, а пассивность задавленнаго нашего общества, выдвигавшая студентовъ въ первые ряды, — туда, гдѣ мѣсто зрѣлымъ людямъ,—какъ объяснялъ это гласн. Рождественскій въ собраніи Нижегородскаго земства.

«Существуетъ ли такое общество, писали «Русск. Вѣдомости»,—которое не испытывало бы потребности въ обсужденіи своихъ дѣлъ и нуждъ; можно ли представить себѣ народъ, у котораго никогда не явилось бы надобности въ изъявленіи правительству своихъ желаній, опасеній, но не отъ лица отдѣльныхъ обывателей, не по одиночкѣ, а совмѣстно, группами, «скопомъ»? Законодательство всѣхъ культурныхъ странъ считается съ этою потребностью общежитія. У насъ законъ и административная практика не берутся, какъ то слѣдовало бы, регламентировать удовлетвореніе этой общественной потребности, растущей вмѣстѣ съ развитіемъ общества; нѣтъ, они абсолютно ее игнорируютъ и даже больше — преслѣдуютъ, хотя, конечно, не могутъ ея заглушить. Результаты такого глубокаго противорѣчія между запросами жизни и внѣшними условіями оказываются неблагопріятными для народа столько же, сколько и для правительства, ибо нѣтъ такой власти, которая не нуждалась бы въ непосредственномъ общеніи съ подвластными, которая могла бы безъ ущерба для себя не дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Но если и печать, и общество,—образованная часть общества, которая могла бы и у насъ, какъ и вездѣ, быть активной его частью,— постоянно пребываютъ въ молчаніи и апатіи, то все-таки въ странѣ находятся элементы, готовые взять на себя тяготу выраженія общественныхъ нуждъ, потому ли, что имъ слишкомъ хорошо знакома изнанка жизни, потому ли, что они съ жизнью совсѣмъ еще незнакомы... Общественное движеніе идетъ по направленію наименьшаго сопротивленія и принуждено принимать подчасъ уродливыя, нежелательныя формы, сопровождаясь невознаградимыми утратами.

XII.

„Такъ жить нельзя“.

Борьба, возникшая вслѣдствіе непомѣрнаго своевластія бюрократіи, не останавливавшейся ни передъ какимъ угнетеніемъ общества, необходимо должна была отличаться радикализмомъ взглядовъ и дѣйствій обоихъ борющихся направленій. Въ то время какъ прогрессисты радикально и открыто руководили борьбой противъ произвола и захвата власти, проповѣдуя идеи, ставшія во всемъ мірѣ основаніями нравственнаго и умственнаго прогресса, — охранители и лжепатріоты принуждены были опираться на тѣ самыя начала, которыя привели страну къ катастрофѣ; вмѣсто того чтобы указывать народу выходъ, они взывали къ дальнѣйшему запугиванію и къ всяческому пресѣченію его самосознанія; они желали тоже радикально, „вбивать патріотизмъ“, хотя бы съ помощью диктатуры и тюремъ. (См. № 67 „Моск. Вѣд.“).

Оба лагеря, естественно, могли только удаляться другъ отъ друга; компромиссамъ не оставалось мѣста. Умиротвореніе могло исходить никакъ не изъ рукъ своевластныхъ утѣснителей, а только въ видѣ мѣръ возстанавливающихъ попранное право жить и дающихъ гарантированный правопорядокъ.

„Съ точки зрѣнія реакціоннаго направленія такъ жить, какъ мы теперь живемъ,—невозможно! Общественная дезорганизація, по мнѣнію реакціонной печати достигла своего апогея“. Иначе оцѣнивая явленія современной жизни, прогрессивное направленіе сходится съ реакціоннымъ въ томъ, что „такъ жить какъ мы теперь живемъ, нельзя“: „разобщеніе между правительствомъ и обществомъ достигло своего апогея. Не считаясь съ насущными потребностями общественной жизни, бюрократія ведетъ свою собственную, самодовлѣющую политику, идущую въ разрѣзъ съ политическими требованіями общества. Общество ждетъ отъ

государства культурно-просвѣтительной дѣятельности, бюрократія увлекается химерами колоніальной политики. Общество жаждетъ мира,—бюрократія ведетъ войну. Общество требуетъ широкаго простора для общественной иниціативы,—бюрократія насильственно втискиваетъ жизнь въ Прокрустово ложе канцелярскихъ шаблоновъ. Общество требуетъ политической и личной свободы,—бюрократія строитъ свое господство на административномъ произволѣ".

„Реакціонное направленіе видитъ спасеніе Россіи въ политическомъ закрѣпощеніи русскаго народа. Необходимо уничтожить зачатки самодѣятельности общественныхъ учрежденій. Администрація должна быть неограниченной и всесильной. Необходимо обуздать своевольную печать. Необходимо вернуться къ дореформенной эпохѣ"...

„Радикальной программѣ политическаго *закрѣпощенія* прогрессивная мысль противопоставляетъ радикальную программу политическаго *освобожденія* русскаго народа. Нѣтъ и не можетъ быть ни общественной самодѣятельности, ни личной свободы въ бюрократическомъ государствѣ. Общество должно подчинить себѣ бюрократію, если оно не желаетъ подчиниться ей" („Сынъ Отеч." № 1).

Радикализмъ направленій со времени „петербургскаго съѣзда" выступилъ уже вполнѣ рельефно. Все происходившее послѣ этого момента ясно выражаетъ рѣшительный характеръ общественнаго настроенія.

И какую тревогу вызвало въ охранительномъ лагерѣ это, всѣхъ властно охватившее, настроеніе!

Еще до слова „сердца Россіи"—Москвы, подъ непревычными имъ ударами свободно печатаемой „хлесткой" правды, „Моск. Вѣд." почувствовали себя плохо. „Такъ дальше жить нельзя", плачутся они въ № 325:

«Всякому терпѣнію и даже долготерпѣнію бываетъ предѣлъ. Экспериментъ «довѣрія» доведенъ до конца и обнаружилъ полную свою несостоятельность.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ позволилъ русской печати свободно высказываться, а печать немедленно самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребила этою свободой и вынудила министра прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессивныхъ, болѣе чѣмъ заслуженныхъ мѣръ, а земскіе вожаки злоупотребили довѣріемъ министра, воспользовавшись дарованною имъ свободой для широкой пропаганды противъ существующаго строя.

«Все это легко было предвидѣть *a priori*, и мы съ самаго начала предсказывали, чѣмъ *по необходимости* должна была кончиться вся эта «новая эра» довѣрія.

«Наши либералы пропитаны идеями, не имѣющими никакихъ корней въ русской исторіи и въ національномъ строѣ. Обращаясь къ Россіи, предлагая реформы и вырабатывая «программы», они могутъ лишь увѣрять насъ, что нужно отречься отъ Церкви, отъ Царя и отъ самихъ себя.

«Не прошло и девяти недѣль съ тѣхъ поръ, какъ эти господа удостоились (!) министерскаго довѣрія, какъ они уже вызвали во всей Россіи искусственное революціонное броженіе.

«Теперь настала очередь и правительству сказать громко и твердо свое слово.

«Правительство произвело экспериментъ «довѣрія» начистоту. Оно съ рѣдкимъ долготерпѣніемъ дало высказаться всѣмъ либеральнымъ элементамъ. Но отъ дальнѣйшей ихъ болтовни могла бы пострадать вся Россія, такъ какъ при молчаніи правительства русскій народъ могъ бы подумать, что эти самозванные преобразователи пользуются правительственнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ».

„Довольно!“ вторилъ въ *Гражданинѣ* „апостолъ попятнаго движенія“:

„Я помню, какъ еще два мѣсяца назадъ многіе приверженцы порядка, по отношенію къ старому и къ всемірному образу пониманія, съ ужасомъ находили въ переживаемомъ времени повтореніе времени Лорисъ-Меликова; но теперь „весна“ Лорисъ-Меликова кажется сравнительно съ нынѣшнею весной,—консервативною эпохой, и революціонеры той эпохи кажутся мальчиш-
и и щенками сравнительно съ нынѣшними.
Весь организмъ каждаго изъ этихъ передовыхъ лю-
уходитъ на слюну рѣчи и на желчь чувства“.

„Стòитъ только громко и твердо-повелительно сказать „довольно“,—и жаръ болѣзни спадетъ“.

„Довольно!“ слѣдуетъ сказать. Но,—добавила „Рус. Правда“,—сказать это только тѣмъ, которые обдѣлывали свои дѣла подъ покровомъ темной ночи“.

Затѣмъ „Моск. Вѣд.“ въ статьѣ „Конституціонные банкеты“ обратили особое вниманіе на банкетъ, состоявшійся въ *Тамбовѣ* по поводу возвращенія изъ Петербурга съ „совѣщанія“ гг. Колобова и Брюхатова. Газета, исполненная ужаса и въ видимомъ порывѣ предостеречь отъ пагубнаго вліянія „волтерьянцевъ“ даже представителей бюрократіи, разрѣшилась слѣдующими строками:

«Произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей. Въ заключеніе участники банкета приняли *резолюцію*, которую постановили подписать и отправить министру внутреннихъ дѣлъ.

«Содержаніе этой резолюціи не извѣстно, и оно, очевидно, *скрывается*, такъ какъ если еще въ недавнее время подобныя резолюціи частныхъ банкетовъ не всегда могли находить себѣ мѣсто на столбцахъ газетъ, то въ настоящее время при фактической, почти полной отмѣнѣ и предупредительной, и карательной цензуры обнародованіе самыхъ дерзкихъ политическихъ адресовъ является дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Или, можетъ быть, тамбовская «резолюція» уже настолько превосходитъ все остальное по своей смѣлости и наглости, что ее даже стѣсняются опубликовать?

«Но тамбовскій банкетъ имѣетъ еще одну особенность, а именно ту, что въ немъ открыто принимали участіе «чиновники окружного суда и акциза и многіе другіе. Не дождемся ли мы, чтобы губернаторы или вице-губернаторы произносили публично рѣчи, громящія «бюрократическое самовластіе» и требующія «конституціонныхъ гарантій»? Не увидимъ ли мы директоровъ департаментовъ и совѣтниковъ губернскаго правленія идущими съ краснымъ знаменемъ во главѣ уличной толпы?»

Такая картина при всей своей комичности дѣйствительно была бы ужасна для охранителей.

До какой степени тревожно было состояніе „Моск. Вѣдомостей“, можно видѣть изъ того, съ какой ра-

достью, какъ за якорь спасенія, они ухватились за статью кн. Мещерскаго изъ № 93 „Гражданина“ и съ чувствомъ облегченнаго сердца перепечатали ее подъ заглавіемъ „Отрезвленіе“.

«Чувствуется *благовѣстный привѣтъ* (!) отрезвленія и отчасти разочарованія. И хотя я очень далекъ отъ кабинета министра внутреннихъ дѣлъ, но никакія силы земныя не заставятъ меня усомниться въ томъ, что я вѣрно предчувствую по вѣяніямъ воздуха, которымъ дышу, что послѣ минуты неопредѣленнаго довѣрія сегодня настала минута сознанія, что если довѣріе министра внутреннихъ дѣлъ къ общественнымъ учрежденіямъ — серебро, то довѣріе всей Россіи къ силѣ правительственной власти — золото; что только при немъ реформы какъ тѣ, которыя возвѣщены Царевымъ манифестомъ, такъ и тѣ, которыя желаются благоразумною частью русскаго общества, могутъ быть плодотворны.

«Теперь я могу съ увѣренностью на всѣ вопросы отвѣтить: *неправда!*

«Неправда, что, говоря о своемъ довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ вообще, а къ земству въ особенности, министръ внутреннихъ дѣлъ хотѣлъ этимъ высказать, что допускаетъ возможность съ ихъ стороны требовать какого бы то ни было измѣненія государственнаго строя. Его довѣріе могло быть основано только на мысли объ единеніи общественныхъ учрежденій съ правительствомъ для созидательныхъ и охранительныхъ цѣлей, правительствомъ намѣченныхъ.

«Неправда, что терпимость болѣе свободной рѣчи въ печати должна быть разсматриваема, какъ безмолвное сочувствіе правительства всѣмъ высказываемымъ безпочвенно-либеральнымъ вожделѣніямъ этой печати.

«Еще болѣе неправда, чтобы съ довѣріемъ и терпимостью, въ превратномъ смыслѣ толкуемыми безпочвенными либералами, могло быть солидарно высшее правительство.

«Неправда, что въ области правительственныхъ предположеній существуетъ что-либо похожее на проектъ упраздненія учрежденія земскихъ начальниковъ или ограниченія ихъ власти.

«Неправда, чтобы губернаторамъ могла быть внушена обязанность стушевывать свой авторитетъ передъ какими бы то ни было проявленіями общественности.

«Неправда, наконецъ, чтобы всѣ преобразовательныя ра-

боты, начатыя при Плеве, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и по устроенію въ губерніи и въ уѣздѣ новаго порядка самодѣятельности, были пріостановлены».

„Наши либералы“, однако, осмѣлились выразить предположеніе, что „старый носъ потерялъ чутье...“ Газета „Русское Слово“ 24 ноября по поводу сенсаціонныхъ сообщеній кн. Мещерскаго о тщетѣ всѣхъ надеждъ общества писало:

«Нечего сказать, успокоительное извѣстіе. Находятся же такіе люди, которые предполагаютъ, что распространеніе подобныхъ извѣстій можетъ поселить «трезвыя надежды», которыя отвлекутъ отъ «болтовни» къ труду мирному и полезному».

«Что же представляютъ собою «трезвыя надежды»? Очевидно, это нѣчто родственное «трезвымъ мыслямъ». Человѣкъ трезво мыслитъ, когда онъ приходитъ къ тому заключенію, что ему мыслить не слѣдуетъ, такъ какъ за него есть кому мыслить. По аналогіи, человѣкъ «трезвыхъ надеждъ»—это человѣкъ, понимающій, что надѣяться и чего-то ждать—значитъ быть недовольнымъ настоящимъ. Настоящее изготовлено начальствомъ, а недовольство начальствомъ—смертный грѣхъ. *Никакихъ надеждъ!* Будь онѣ проклятыя! *Настоящее — это рай, ибо оно изготовлено начальствомъ.* Будущее—это блаженство, ибо оно будетъ уготовано начальствомъ.

«Вотъ именно при такихъ условіяхъ обыватель жилъ не одинъ годъ. Онъ еле дышалъ и смотрѣлъ однимъ глазомъ, чтобы въ немъ не заподозрѣли человѣка съ духомъ мятежнымъ. Теперь въ «дыхательныхъ путяхъ» стало легче. Но кн. Мещерскій и тѣ *сферы*, откуда онъ черпаетъ свои извѣстія, очевидно, желаютъ, чтобы въ Россіи продолжалось терроризированіе населенія. Терроръ, откуда бы онъ ни распространялся — сверху или снизу, — есть терроръ. По доброй волѣ новаго министра терроризированіе притихло, но *неужели нельзя надѣяться на то, что терроръ впредь никогда не повторится?* Что кн. Мещерскій нашелъ въ этой надеждѣ зловреднаго и опаснаго? *).

«Закрѣпленіе этой надежды законами необходимо для мира и спокойствія внутри страны. Оно необходимо для поднятія престижа власти, расшатаннаго произволомъ. Обы-

*) *Примѣчаніе.*—Курсивъ вездѣ нашъ.

ватель долженъ знать, что власть руководствуется закономъ. Никакими мѣрами нельзя заставить его почитать за власть смѣсь произвола съ усмотрѣніемъ.

XIII.

Попытка мобилизаціи охранителей.

Тотчасъ послѣ состоявшагося постановленія московской думы, „Моск. Вѣд.“ выступили съ энергичнымъ протестомъ противъ попраннаго „довѣрія“ и съ настоятельнымъ указаніемъ на своевременность возврата къ прежнему недовѣрію:

«Правительство устами министра внутреннихъ дѣлъ заявило свое довѣріе къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ. Какъ же отвѣтили на это общественныя учрежденія и общественные дѣятели?

«Этотъ отвѣтъ правительству, совершенно опредѣленно высказанный въ постановленіяхъ цѣлаго ряда земскихъ собраній, городскихъ думъ, обществъ, корпорацій и разнаго рода сборищъ, сходокъ и совѣщаній, можетъ быть формулированъ такимъ образомъ:

«Вы очень любезны, оказывая намъ ваше довѣріе, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить вамъ тѣмъ же...»

«Едва ли есть надобность напоминать и доказывать, что на всѣхъ политическихъ сборищахъ и «банкетахъ», бывшихъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, существующій государственный строй и правительство поносились общественными дѣятелями въ такихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что *о довѣріи къ правительству* со стороны этой шумящей части общества не можетъ быть и рѣчи».

«Еще недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, они считали государственную власть хозяиномъ страны и просили у нея довѣрія. Теперь, когда имъ готовы оказать это довѣріе,—оно имъ больше уже не нужно.

«Они не нуждаются въ довѣріи государственной власти, такъ какъ *сами желаютъ стать на ея мѣсто*.

«Но въ такомъ случаѣ можетъ ли государственная власть еще долѣе оказывать имъ довѣріе?..» (М. В., № 333).

Къ борьбѣ съ „крамольнымъ“ движеніемъ земствъ, думъ, корпорацій, публицистовъ, представителей всѣхъ

профессій и сословій съ дворянствомъ во главѣ, иначе говоря съ колоссальной шайкой крамольниковъ, состоявшей изъ всего либерально русскаго общества, „Моск. Вѣдомости“ вызвали также лучшія свои силы.

Дворянинъ Павловъ 2 ноября обрушился громовымъ письмомъ къ г. Петрункевичу за его статью № 41 „Права“. Письмо это произвело сенсацію между нѣсколькими дворянами—сотрудниками „Моск. Вѣдомостей“ вознесшихъ г. Павлова превыше облаковъ.

Въ дѣйствительности, этихъ дворянъ-сотрудниковъ „Моск. Вѣдомостей“, гг. Павлова, Бодиско, Нилуса и др., крайне смущало молчаніе *дворянскаго сословія*. Эти „господа“ были въ полной увѣренности, что вкусы крѣпостного права, т.-е. того времени, когда дворяне-помѣщики въ другихъ сословіяхъ ничего, кромѣ обязанности подчиняться ихъ хотѣнію, не усматривали,—что эти вкусы и по сіе время должны составлять такую же неотмѣнную принадлежность каждаго дворянина, какъ красный околышъ. Совершенно неожиданнымъ для „дворянъ Московскихъ Вѣдомостей“ оказалось то обстоятельство, что въ то время, какъ нѣкоторые дворяне сажаютъ въ безсрочное тюремное заключеніе мужика нарушившаго приказъ помѣщика не ходить по дорогѣ, остальные обнаруживали благородныя стремленія, направленныя не только къ собственному дворянскому благополучію, но, о ужасъ! и къ улучшенію житья-бытья ихъ бывшихъ рабовъ, теперь ставшихъ рабами бюрократіи. И это были не захолустные дворяне, которыхъ можно бы игнорировать, а популярные общественные дѣятели, и изъ нихъ многіе еще и съ громкими историческими именами.

Г. Сергѣй Нилусъ, озабочиваясь тревожнымъ вопросомъ, „почему молчитъ дворянство“, изъ силъ выбивался стараясь подыскать желательное объясненіе столь не нормальному, по мнѣнію охранителей, явленію.

«Дворянство,—рѣшилъ этотъ столпъ сословія,—коренное русское дворянство, живущее и работающее, молчитъ по-

тому же, почему молчитъ и весь русскій народъ, живущій и работающій на землѣ бокъ о бокъ со своимъ (?) дворяниномъ. У нихъ обоихъ есть Царь, который въ глазахъ ихъ представляетъ собой воплощеніе всей ихъ послѣ Бога вѣры; у нихъ есть царское правительство, которому они по Царѣ довѣряютъ, какъ выраженію Его воли. О чемъ же говорить, о чемъ шумѣть вѣрному дворянству, вѣрному народу?!.

«И вотъ мы, дворяне, плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго стомилліоннаго народа, молчимъ и терпимъ все, что бы ни исходило отъ царской власти, какъ молчитъ и все терпитъ на войнѣ армія, которую ея вождь ведетъ или къ несомнѣнной побѣдѣ, или къ вѣрной смерти.

«Страшно, грозно это молчаніе! Но кому грозитъ оно, кого устрашаетъ? Допросите о томъ великія тѣни прошлаго, допросите тысячелѣтнюю исторію Россіи!

«Молчитъ вѣрная русская Вандея потому, что она не клочокъ великаго Русскаго царства, а вся русская земля, и заговоритъ она только по призыву своего Царя, но заговоритъ не какъ Вандея, а уже всею своею стомилліонною грудью! Топорщится безсиліе. Сила всегда безмолвна!» (!!) *Моск. Вѣд. № 310.*

Сотрудникъ „Моск. Вѣд.“ дворянинъ Павловъ дважды грозно взывалъ къ дворянству. Не дождавшись отвѣта на свою первую *Памятку дворянству*, онъ выступилъ со *Второй памяткой*. Это пространное произведеніе съ укоризной указываетъ на наступившія времена:

«Имѣлъ ли кто-нибудь въ Россіи право говорить на частныхъ собраніяхъ и въ печати объ измѣненіи государственнаго строя, о законодательныхъ реформахъ, о конституціи и т. п.?

«Вчера такой вопросъ былъ празднымъ, сегодня онъ имѣетъ свой raison d'être, такъ какъ печать и общественныя группы «позволяютъ» себѣ нарушать существующіе законы.

«Не обходя, а проходя черезъ строй законовъ, радикальная печать и часть общества переступили границу всего дозволеннаго. Здѣсь не мѣсто и не время разсуждать, какъ покараетъ законъ рядъ непозволительныхъ по наглости правонарушеній; намъ остается только ждать наступленія кары и возстановленія порядка и законности.

«Двѣ недѣли назадъ я писалъ свою первую «Памятку дворянству». Не знаю, прочли ли ее предводители, но знаю, что они опять въ Москвѣ, и хочу надѣяться, что гг. пред-

водители сдѣлаютъ честь прочесть мысли, адресованныя дворянству.

«Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы, и особенно дни, въ обществѣ и въ земствѣ, нѣкоторые титулованные и нетитулованные дворяне *осмѣливаются* подымать голосъ противъ сословнаго строя, проповѣдуютъ идею конституціи и равноправности, какъ панацею; ратуютъ за безсословное начало въ земствѣ и участвуютъ въ проектахъ противъ существующаго государственнаго строя. Такое движеніе не оправдывается ни идеей народнаго блага, ни національнымъ чувствомъ, ни временемъ и не имѣетъ за собой ни научныхъ, ни историческихъ основаній.

«Совершенно ясно, что эти дворяне отрѣшились отъ своего дворянскаго званія, но неясно почему: намъ, дворянамъ, до сей поры неизвѣстно, сняли ли эти «господа» свои мундиры и знаки, выписались ли изъ родословныхъ книгъ и вообще намѣрены ли они поступить послѣдовательно и *честно*, то-есть избавятъ ли они сословіе отъ вредныхъ и компрометирующихъ его элементовъ и отъ тяжелой необходимости лишать ихъ собраніямъ дворянскаго званія по закону IX т.». (М. В.).

Такимъ образомъ, съ одной стороны „честью просятъ“ о прочтеніи „памятокъ“, а съ другой — грозный перстъ съ напоминаніемъ о IX т. Св. зак.! Очевидно, г. Н. А. Павловъ вмѣстѣ съ г. Грингмутомъ не столько тревожились молчаніемъ бюрократическаго, сколько многорѣчіемъ *земскаго* дворянства. Дальнѣйше писаніе г. Павлова сводилось къ слѣдующему выводу:

„Благодаря незапамятному и славному своему прошлому дворянство заслужило довѣріе народа (?), его главной части—крестьянства. Въ этомъ органическомъ и историческомъ довѣріи лежитъ вся сила нашего сословія, и ему въ данную минуту пора сказать свое слово“.

Слово это, какъ мы видѣли, было сказано именно *земскимъ* дворянствомъ 13 ноября въ Москвѣ, въ стѣнахъ россійскаго дворянскаго собранія, почти единогласно. Затѣмъ оно многократно и опредѣленно повторялось во многихъ мѣстахъ.

Вопросъ о дворянствѣ дѣйствительно интересенъ,

хотя бы потому, что во главѣ прогрессивнаго земскаго движенія шла интеллигентная сила дворянства, и шла нога въ ногу съ несословной интеллигенціей.

„Выставляя дворянство въ качествѣ оплота своихъ реакціонныхъ вождѣленій, писала „Наша Жизнь“,—охранители изъ „Моск. Вѣдомостей“ всегда старались сѣять вражду и злобу между дворянствомъ и земствомъ... И вотъ нынѣ вновь мы слышимъ голоса, призывающіе дворянство возстать противъ земства, высказаться противъ тѣхъ взглядовъ на существующее положеніе вещей, которые выражали многіе видные представители земства. Но охранители забываютъ, какъ дѣйствительная жизнь не разъ смѣялась надъ ними. Мы не думаемъ объединять дворянство, какъ сословную организацію, съ земствомъ какъ съ всесословной, самоуправляющейся въ хозяйственномъ отношеніи, организаціей. Но въ то же время надо считаться съ дѣйствительностью, а не только съ принципомъ прошлаго; нельзя же забывать, что *земство* фактически *то же самое дворянство,* что въ столь ненавистныхъ для охранителей по своему либерализму губернскихъ земскихъ собраніяхъ на 50—60 гласныхъ насчитывается не - дворянъ всего 2—3 лица... Само дворянство прекрасно поняло, что *спасеніе его* будетъ заключаться въ томъ, чтобы стать въ первыхъ рядахъ политическаго и культурнаго развитія Россіи и занять передовое мѣсто въ общественномъ самоуправленіи на началахъ всесословности. Дворянство вошло въ земство, и не только въ силу закона, а въ силу общеисторическаго хода вещей. Здѣсь оно нашло примѣненіе своихъ силъ и свой общественный интересъ... Лучшая часть дворянства, т.-е. земское дворянство, стоитъ вполнѣ на земской точкѣ зрѣнія, отрицая принципъ защиты традиціонныхъ устоевъ, стараго крѣпостническаго сословнаго строя, выродившагося нынѣ въ бюрократическій. Она, эта наиболѣе сильная, талантливая и вліятельная часть дворянства, пойдетъ не противъ земства, а вмѣстѣ съ

земствомъ. Безъ сомнѣнія найдутся и дворяне, которымъ ненавистно обновленіе Россіи; они постараются употреблять всѣ усилія, чтобы овладѣть положеніемъ, но это будетъ послѣдняя ставка, и въ этомъ смыслѣ она желательна».

Но *такихъ* дворянъ оказывалось уже немного, и „Московскимъ Вѣдомостямъ“ пришлось прикинуться неуразумѣвшими того факта, что земское дворянство уже высказалось, и высказалось не по камертону г. Грингмута; а тутъ еще о его сторонникахъ вспомнили коечто, дающее ихъ рьяному патріотизму окраску не особенно благородную...

Хорошую отповѣдь этимъ „патріотамъ“ дало, между прочимъ, „Русское Слово“: „На страстномъ бульварѣ забили въ набатъ, призывая дворянство встать на защиту потрясаемыхъ основъ. Однако набатъ и кличъ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Откликнулся дворянинъ Павловъ, изругавшій г. Петрункевича отборной рыночной бранью; — этотъ „дворянинъ Павловъ“ (онъ такъ подписывается) извѣстенъ своими планами о переселеніи крестьянъ во главѣ съ дворяниномъ для *возстановленія крѣпостного права* въ Сибири.

„Послѣ „дворянина Павлова“ отозвался г. Нилусъ. Этотъ дворянинъ—постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“—такъ же, какъ и „дворянинъ Павловъ“, мечтаетъ о возстановленіи крѣпостного права“.

„Г. Нилусъ былъ членомъ мценскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ одномъ изъ засѣданій комитета онъ доказывалъ, что всѣ бѣды искоренятся, *если граждане будутъ награждаться помѣстьями*. По мнѣнію дворянина Нилуса, это „испомѣщеніе“ можетъ быть устроено „очень просто: стоитъ только въ каждомъ приходѣ поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ; тогда помѣщикъ явится сельскимъ начальникомъ, который вмѣсто жалованья будетъ получать доходъ съ вырѣзанной ему земли“.

„По мнѣнію г. Нилуса, дворянство молчитъ потому, что „топорщится безсиліе. Сила всегда безмолвна“.

„Но пренебрегая набатнымъ звономъ, раздающимся изъ застѣнка Страстного бульвара, дворянство не молчитъ. Гг. Шиповъ, Петрункевичъ и Стаховичъ, которыхъ чуть ли не ежедневно ругаетъ Грингмутъ, не считаютъ возможнымъ быть сильными своимъ безмолвіемъ. Не молчитъ и большинство земцевъ, а это дворяне, дворяне же выбирали ихъ, какъ лучшихъ представителей своей среды. И всѣ тѣ „худыя рѣчи“, которыя слышались въ земствѣ,—это рѣчи дворянства.

XIV.

Призывъ темной силы.

„Истинно-русскіе“ люди и сами скоро убѣдились въ безнадежности угрозъ по адресу вольнодумствующаго дворянства и вообще въ невозможности привлечь сословіе на свою сторону. Были приняты другія мѣры. „Охранителямъ“ принадлежитъ честь первой иниціативы въ томъ темномъ дѣлѣ натравливанія черни и народа на интеллигенцію, которое въ скоромъ времени получило характеръ цѣлой системы. Этотъ ихъ походъ на „либераловъ“ имѣлъ несравненно большій успѣхъ, чѣмъ всѣ другія попытки.

Охраняя исконныя беззаконія, отрицая настоящее и будущее, ради сохраненія обломковъ прошлыхъ вѣковъ, съ презрѣніемъ отвергая все то, что добыто историческимъ опытомъ Европы, — озлобленная кучка подобныхъ политиковъ не могла не почувствовать, что она изолирована, отрѣзана отъ жизни и скоро будетъ всѣми заброшена. Отстаивая бюрократическое своеволіе, охранители (которые на самомъ дѣлѣ давно уже были разрушителями), могли опереться только на ту же бюрократію. Хотя союзъ бюрократіи съ органами охранительной прессы былъ весьма прочно закрѣпленъ

субсидіями и другими поощреніями, все же становилось опаснымъ плыть противъ теченія исторіи, не находя поддержки въ самомъ народѣ. И вотъ, когда все живущее сознательной жизнью отвернулось отъ этой партіи какъ отъ враговъ и какъ отъ шпіоновъ бюрократіи,—она стала искать союзниковъ въ темной массѣ народа. Народъ казалось провести не такъ трудно. Не даромъ же бюрократія держала его въ пелёнкахъ, систематически препятствуя его просвѣщенію и оберегая отъ вліянія интеллигенціи. Здѣсь, среди дѣтей природы, выдержанныхъ въ опредѣленномъ режимѣ, могли еще имѣть успѣхъ клеветы и на образованныхъ людей и на науку. Сюда и устремили свои взоры спасатели отечества, почувствовавъ, что почва уплываетъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Они скоро сообразили, что у нихъ, поборниковъ тьмы и неправды, союзникомъ можетъ быть только темный людъ, вполнѣ неспособный оцѣнить сущность бюрократической опеки, удалявшей Царя и законъ отъ народа. Здѣсь и только здѣсь „охранители" могли еще надѣяться на нѣкоторый успѣхъ. И они принялись мобилизовать темную силу противъ интеллигенціи, на защиту злѣйшаго врага страны—полурусской бюрократіи.

Въ дѣлѣ устроенія сего союза особенно усердствовалъ г. Д. Бодиско, отличившійся грозной статьей напечатанной въ „Моск. Вѣд." подъ названіемъ *Измѣнникамъ и предателямъ Россіи.*

«Россія переживаетъ поистинѣ тяжелое время: ей приходится вести одновременно упорную борьбу съ двумя врагами,—поучалъ этотъ „патріотъ".

«Одинъ изъ враговъ — врагъ, хотя и коварный, но все же дѣйствующій въ открытую. Другой врагъ — не менѣе, если не болѣе, коварный, но притомъ врагъ подпольный, тайный.

«Къ стыду Россіи и русскихъ, наши враги нашли въ нашей средѣ достаточное количество *агентовъ* какъ вмѣняемыхъ, то-есть отлично понимающихъ кому зачѣмъ *и за что* они служатъ, такъ и невмѣняемыхъ, вѣрящихъ въ лой-

яльность и искренность дѣйствій крамольниковъ, дѣйствующихъ подъ прикрытіемъ служенія идеѣ возвеличенія Россіи путемъ реорганизаціи ея образа правленія на благо будто бы русскаго народа.

«А этотъ самый, настоящій-то русскій, народъ живетъ себѣ по деревнямъ и селамъ, только и думая, какъ бы получить отрадную вѣсточку съ мѣста военныхъ дѣйствій... «О если бъ этотъ народъ зналъ, что въ Россіи есть крамольники, особливо же ихъ цѣли, ихъ союзъ съ врагами отечества! На клоки бы разорвалъ онъ этихъ подлыхъ измѣнниковъ, на клоки разорвалъ бы онъ тѣхъ, что въ безумствѣ своемъ мечтаютъ создать (!) средостѣніе между Царемъ и народомъ, узурпировать власть Царя надъ народомъ въ свою пользу.

«Мужикъ сѣръ—а умъ его чортъ не съѣлъ». Помните это, гг. крамольники, и знайте, что вамъ народъ не повѣритъ. Если же этому народу разъяснить ваши подлыя дѣйствія, вашу игру въ пользу врага Россіи, для борьбы съ которымъ весь русскій народъ самоотверженно проливаетъ кровь свою, если показать ему, что вы своими дѣйствіями доказываете съ очевидностію вашъ союзъ съ врагомъ, вашу измѣну Царю и отечеству, то, повѣрьте, ваша пѣсенка будетъ спѣта много скорѣе, чѣмъ вы думаете, и *способомъ менѣе гуманнымъ, чѣмъ тотъ, которымъ вы дѣйствуете* *), когда вамъ нужно смести съ дороги вѣрныхъ слугъ царскихъ. Народъ нашъ не вѣрилъ и никогда не повѣритъ измѣннической «барской» проповѣди противъ Царя и Бога. Какой же это «баринъ», коли противъ Царя пошелъ? Это—супротивникъ царскій, и какъ таковому—ему не должно на Руси быть мѣста.

«Православный русскій народъ! не вѣрь крамольникамъ!»

«Да здравствуетъ Царь православный! Да здравствуетъ христолюбивое всероссійское воинство! Да будетъ посрамленъ врагъ Россіи внѣшній! Да будутъ прокляты внутренняя крамола и измѣнники Царю и отечеству!

«Русскіе люди поймутъ мою рѣчь и мое негодованіе, когда узнаютъ, что пишущій эти строки уже потерялъ одного сына, погибшаго въ Артурѣ; второй сынъ нынѣ отбылъ на войну съ эскадрой Рожественскаго. Третій сынъ вынулъ жребій на войну по пѣхотѣ. Всѣ они съ радостью идутъ сражаться за честь Россіи съ врагомъ внѣшнимъ!»

---

*) Курсивъ нашъ.

Такова полная цинизма проповѣдь г. Бодиско, обращающая въ *агентовъ* враговъ Россіи всѣхъ несогласныхъ восхвалять произволъ охранителей! Проповѣдь съ призывомъ сѣрой массы къ звѣрской расправѣ съ тѣми, кто старался вырвать этотъ народъ изъ беззаконнаго властвованія честолюбцевъ, лихоимцевъ и кулаковъ, кто стремился дать народу право и возможность выйти изъ мрака невѣжества, кто просилъ о приближеніи Царя къ народу.

Г. Бодиско пустилъ въ ходъ даже свое семейное дѣло—жертву сыновьями для защиты отечества отъ враговъ; но онъ совершенно забылъ, что народъ отдалъ Дальнему Востоку не только сыновей, исполняющихъ обязанность по службѣ, но даже отцовъ, единственныхъ кормильцевъ многодушныхъ семей, не помышлявшихъ ни о славѣ, ни о чинахъ, а работавшихъ у себя дома ради куска хлѣба.

Этотъ народъ дѣйствительно измучился ожиданіемъ „отрадной вѣсточки", какъ и христолюбивое воинство—думами о томъ, какъ перебиваются дома бабы и дѣти. Но что же сдѣлали сами „охранители", чтобы облегчить это неописуемо мучительное состояніе сѣрой массы? Приложили ли они хоть какое-нибудь стараніе, чтобы бюрократія, ввергнувшая страну въ тяжелое испытаніе, измѣнила свой образъ дѣйствій? Напротивъ, именно они не давали мѣста извѣстіямъ о беззаконныхъ дѣйствіяхъ съ запасными и всячески оправдывали безчисленныя „ошибки" бюрократіи, стоившія моря страданій!..

Но на почвѣ всеобщаго недовольства, корень котораго пока еще не былъ понятенъ народу, ихъ гнусный призывъ къ избіенію „барствующихъ" либераловъ, разсчитанный на народную слѣпоту, дѣйствительно могъ имѣть нѣкоторый успѣхъ.

По рецепту г. Д. Бодиско была составлена впослѣдствіи кѣмъ-то знаменитая телеграмма „Латинскаго агенства" о подкупѣ русскихъ рабочихъ и интеллигенціи японскими шпіонами; по стопамъ этого публициста

пошли и всѣ рьяные распространители гнусной клеветы, и невѣдомые авторы воззваній „къ русскимъ людямъ“ съ возгласами „бейте студентовъ! бейте негодяевъ!“ и т. п.

Способы „патріотическаго воздѣйствія“ при помощи избиванія студентовъ дворниками и мясниками и арестовъ лицъ „подозрительно“ мыслящихъ, оказывались уже мало полезными... Неожиданно открылось что подобными „внутренними врагами“ переполнено рѣшительно все: и земства, и думы, и университеты и школы, не говоря уже о разныхъ обществахъ и корпораціяхъ... Обширность „крамолы“ вызвала и героическую мѣру охранителей: травлю доведеннаго бюрократіей до отчаянія народа на весь русскій образованный слой. Были предприняты обширныя „политическія“ операціи новаго характера, вскорѣ выразившіеся событіями въ Тамбовѣ, Баку, Псковѣ, Курскѣ, Саратовѣ и др. гор. Провокація была съ позоромъ для охранителей обнаружена въ Харьковѣ самими рабочими, съ негодованіемъ обличившими подложность „патріотическихъ“ прокламацій отъ имени рабочаго союза, призывавшихъ къ избіенію интеллигенціи.

Къ политическимъ операціямъ подобнаго рода охранители поспѣшили прибѣгнуть, повидимому, вслѣдствіе крушенія ихъ завѣтныхъ мечтаній, ясно выраженныхъ передъ появленіемъ Правительственнаго сообщенія „13 декабря,—въ № 340 „Моск. Вѣдомостей“:

За пресловутою „весной“—злорадно предвѣщалъ органъ охранителей, — вѣроятно послѣдуетъ *жаркое* лѣто и бурная осень, по минованіи которыхъ, надѣемся, наступитъ здоровая русская „зима“ съ гладкою санною дорогой, по которой спокойно и легко скользнетъ нашъ доморощенный *историческій возокъ*, быть можетъ нѣсколько неуклюжій, но зато приспособленный къ нашимъ національнымъ вкусамъ и привычкамъ“.

Этимъ мечтаніямъ палачей любителей однако не суждено было сбыться вполнѣ. Высочайшій Манифестъ 12 де-

кабря, обѣщавшій коренныя реформы, шелъ навстрѣчу требованіямъ Россіи, признавъ неотложность тѣхъ реформъ, идеи которыхъ считались преступными 2 мѣсяца назадъ. Значительная часть программы „бунтовавшихъ" вошла въ программу самого правительства.

XV.

Въ провинціи до Указа 12 декабря.

Не имѣя возможности дать полную картину общественнаго движенія, разлившагося по всей странѣ, напомнимъ лишь нѣкоторыя, характерныя для того времени собранія.

На второмъ засѣданіи *смоленскаго* губернскаго земства одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ, ельнинскій предводитель дворянства Н. П. Опочининъ, заявилъ въ своей рѣчи между прочимъ слѣдующее:

„По долгу совѣсти и присяги сейчасъ я не могу молчать о томъ, о чемъ говоритъ вся Россія; я не могу не коснуться того тяжелаго времени, которое мы переживаемъ. Я—старый гласный. Въ своей общественной дѣятельности я шелъ всегда къ достиженію своихъ цѣлей легальными путями, — на улицу я не пойду; этотъ способъ дѣйствія я не одобряю, и тѣмъ не менѣе я долженъ сказать о тѣхъ неустройствахъ, среди которыхъ течетъ русская жизнь, о тѣхъ угнетеніяхъ, которыя испытываютъ у насъ не только отдѣльныя личности, но и все общество; и что самое страшное, это—то, что этихъ угнетеній нельзя избѣжать, о нихъ нельзя довести до свѣдѣнія Верховной власти. Я не буду перечислять всѣ неустройства, не буду останавливаться на различныхъ способахъ и деталяхъ угнетеній,—все это вы знаете, да и я слишкомъ волнуюсь для пространной рѣчи,—укажу на главное, что дѣлаетъ жизнь тяжелой, невыносимой: это—отсутствіе единенія власти съ народомъ, это — невозможность для насъ

представлять Верховной власти о своихъ нуждахъ, желаніяхъ, о неустройствахъ русской жизни. Въ настоящій моментъ мы не имѣемъ права молчать, мы обязаны заявить источнику всѣхъ властей наши чувствованія, потому что дальше при данныхъ обстоятельствахъ мы уже не можемъ плодотворно работать".

Рѣчь эта была покрыта аплодисментами значительной части собранія и публики. Послѣ непродолжительнаго обмѣна мнѣній предложеніе г. Опочинина было передано собраніемъ въ соединенную редакціонно-ревизіонную комиссію. Занятія комиссіи заняли вечеръ 8-го декабря, весь день 9-го декабря и утреннее засѣданіе 10-го декабря и происходили при закрытыхъ дверяхъ („Русск. В.").

10-го декабря губернскій предводитель дворянства кн. В. М. Урусовъ заявилъ, что редакціонная комиссія по порученію собранія выработала текстъ обращенія къ Верховной власти, но такъ какъ въ немъ затрогиваются вопросы общегосударственные, то, въ силу 185-й ст. Земск. Положенія, онъ снимаетъ докладъ комиссіи съ очереди и въ виду поздняго времени закрываетъ засѣданіе до завтра. По предложенію предсѣдателя редакціонной комиссіи, гласные собрались вечеромъ въ тотъ же день на совѣщаніе для обсужденія заявленія предсѣдателя собранія („Русс. В". № 347).

Самымъ бурнымъ засѣданіемъ земскаго собранія было засѣданіе 11 декабря. Какъ только предсѣдатель, князь В. М. Урусовъ, открылъ собраніе, поднялся духовщинскій уѣздный предводителя дворянства В. П. Энгельгардтъ и заявилъ, что онъ, предсѣдатель *редакціонной* комиссіи, а за нимъ *и вся комиссія* изъ 11 членовъ, *отказываются отъ участія въ собраніи.*

„Мы переживаемъ тяжелыя минуты, — сказалъ, между прочимъ, г. Энгельгардъ. — То единодушное настроеніе, которое охватило насъ всѣхъ въ первый день собранія, выразилось въ единогласномъ постановленіи обратиться къ Государю Императору съ искреннимъ словомъ и

указать на всѣ нестроенія въ нашей жизни. И этотъ-то *единодушный порывъ г. предсѣдатель собранія счелъ возможнымъ заглушить*, пресѣчь и, пользуясь своимъ предсѣдательскимъ правомъ, не позволилъ осуществить наши пожеланія".

Всѣ разсужденія комиссіи сводились къ одному: такъ дальше жить нельзя.

За симъ предсѣдатель ревизіонной комиссіи М. Д. Лебедевъ заявилъ, что члены также слагаютъ свои обязанности.

Гласный В. М. Вороновскій объявляетъ, что представители краснинскаго земства послѣ случившагося, не могутъ принять участіе въ собраніи. (Корр. „Русск. Правды").

Въ *вятскомъ* губернскомъ собраніи предсѣдатель губернской управы г. Юмашевъ доложилъ собранію 3 декабря отчетъ свой по командировкѣ въ Петербургъ на извѣстный съѣздъ земскихъ дѣятелей. Нѣкоторые гласные сдѣлали попытку перейти къ обсужденію доложенныхъ имъ постановленій петербургскаго съѣзда, но были остановлены предсѣдателемъ съѣзда г. Шубинымъ, который не допускалъ выраженія согласія губернскаго собранія съ постановленіями съѣзда. Г. Шубина особенно поддерживалъ г. Падашевскій, предсѣдатель сарапульскаго у. съѣзда, рѣчь котораго вызвала шумные протесты, вслѣдствіе которыхъ со стороны г. Шубина послѣдовало распоряженіе объ оставленіи публикой залы собранія, а затѣмъ и закрытіе самого собранія, которое все же одобрило дѣйствія г. Юмашева большинствомъ 39 голосовъ противъ 4-хъ (Изъ корресп. „Русс. Вѣд.").

Въ *Кіевѣ* засѣданіе 3-го съѣзда *преподавателей естественныхъ* наукъ неожиданно было прервано. Наканунѣ во время дебатовъ ораторы старались вы-

яснить тѣ условія, которыя создаютъ изъ учителя „человѣка въ футлярѣ“. Пренія продолжались долго, и въ концѣ-концовъ было почти единогласно постановлено послать отъ имени съѣзда слѣдующую телеграмму на имя комитета министровъ и министра народнаго просвѣщенія, въ которой было заявлено, что „невозможное и тяжелое положеніе, въ которомъ находятся русская школа и ея учитель, зависитъ отъ общаго государственнаго строя Россіи“. Далѣе въ телеграммѣ указывались условія, наличность которыхъ, по убѣжденію членовъ съѣзда, позволитъ вывести школу изъ нынѣшняго тяжелаго ея положенія.

Телеграмму рѣшили послать сейчасъ же и за позднимъ временемъ закрыть засѣданіе до слѣдующаго дня для продолженія секціонныхъ работъ. Но на слѣдующій день засѣданіе не состоялось, такъ какъ по распоряженію управляющаго кіевскимъ учебнымъ округомъ съѣздъ объявленъ былъ закрытымъ („Русс. Правда“).

11-го декабря состоялось общее собраніе членовъ *харьковской общественной библіотеки*. По требованію и. д. губернатора, засѣданіе, вопреки давнимъ традиціямъ, было не публичное.

Членовъ собралось 214 человѣкъ. Предсѣдателемъ избранъ былъ И. П. Бѣлоконскій. Послѣдній по открытіи засѣданія прочелъ списокъ лицъ, желавшихъ баллотироваться въ члены, и предложилъ приступить къ ихъ избранію. Тогда членъ библіотеки, инженеръ путей сообщенія В. А. Десятовъ, попросилъ слова и, получивъ таковое, прочелъ въ высшей степени интересный докладъ о пресловутомъ мѣстномъ *русскомъ собраніи*. Руководствуясь печатнымъ органомъ этого собранія,—*Мирный трудъ*, докладчикъ доказалъ, что члены „русскаго собранія“ не имѣютъ ничего общаго съ такимъ учрежденіемъ, какъ общественная библіотека. Собраніе согласилось вполнѣ съ доводами до-

кладчика и при баллотировкѣ единогласно не выбрало всѣхъ членовъ „русскаго собранія“, которые, въ числѣ пяти, вошли въ общій списокъ кандидатовъ; всѣ же другіе, 121 лицо, были единогласно избраны.

Декабрьскія засѣданія *тамбовскаго* губернскаго земства прогремѣли на всю Россію, благодаря дѣяніямъ „истинно русскихъ людей“. Извѣстному тамбовскому „инциденту“ предшествовалъ банкетъ мѣстной интеллигенціи, на которомъ чествовали только что возвратившагося изъ Петербурга предсѣдателя губернской земской управы г. Колобова и члена той же управы г. Брюхатова. Участвовало на банкетѣ около 200 чел., въ томъ числѣ нѣсколько предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, много гласныхъ земства, адвокатовъ, врачей, инженеровъ, коммерсантовъ, чиновниковъ окружнаго суда, акциза и мн. др. Кромѣ того, получены были изъ уѣздовъ телеграммы съ многочисленными подписями о томъ, что подписавшіеся присоединяются къ участникамъ банкета. Произнесенъ былъ рядъ рѣчей и въ заключеніе принята резолюція, которую постановлено подписать и отправить министру внутреннихъ дѣлъ (изъ корр. „Наш. Жиз.“).

Въ противовѣсъ этому либеральному банкету, усиліями поклонниковъ бюрократіи состоялся банкетъ и иного характера: „Случайно (?!) собравшіеся лица“ выработали и постановили отправить министру внутреннихъ дѣлъ такую телеграмму: „Почтительнѣйше просимъ ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства болѣе чѣмъ 250 русскихъ людей всѣхъ сословій, случайно собравшихся въ городѣ Тамбовѣ, и ихъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что только Онъ одинъ, Самодержецъ, можетъ вывести Россію изъ тяжелаго положенія, созданнаго небольшою группою внутреннихъ враговъ ея. По порученію собравшихся

распорядитель патріотическаго обѣда, присяжный повѣренный Гавріилъ Николаевичъ Луженовскій".

Происходившее послѣ того засѣданіе *тамбовскаго* губернскаго земскаго собранія открылось при совершенно необычайной обстановкѣ. „Внутренніе и наружные входы дворянскаго собранія, гдѣ происходило засѣданіе, охранялись полиціей; публикѣ было заявлено, что впускъ на засѣданіе происходитъ по билетамъ и что *всѣ билеты* въ количествѣ 150 *уже розданы*. На протесты публики сторожа заявили, что это распоряженіе предсѣдателя собранія князя Челокаева. Тѣ, кому удалось все-таки проникнуть въ залу, были поражены необыкновеннымъ составомъ публики: почти всѣ свободныя мѣста на хорахъ были заняты лабазниками, мѣстными торговцами, барышниками, старьевщиками и половыми изъ трактировъ. Изъ разспросовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснилось, что всѣ они явились въ собраніе по приглашенію полиціи, которая наканунѣ роздала имъ билеты за печатью губернскаго предводителя дворянства. Когда все это стало извѣстнымъ служащимъ въ губернской управѣ, они заявили предсѣдателю управы, что не явятся въ засѣданіе собранія и отказываются отъ дачи всякихъ свѣдѣній, пока не будетъ открытъ доступъ въ засѣданіе всѣмъ желающимъ, а не только приглашеннымъ полиціей. Послѣ этого предсѣдатель собранія былъ вынужденъ отмѣнить свое распоряженіе. Доступъ въ собраніе былъ объявленъ открытымъ.

Въ утреннемъ засѣданіи 15 декабря происшедшее наканунѣ выяснилось во всей своей гнусности и составило предметъ обсужденія собранія.

Въ этомъ засѣданіи, открытомъ, вслѣдствіе болѣзни губ. предводителя, тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ В. М. Петрово-Соловово, *Л. Д. Брюхатовъ* заявилъ, что наканунѣ вечеромъ, когда онъ выходилъ изъ собранія, какіе-то люди, собравшіеся у подъѣзда, собирались его бить. Оставшись въ зданіи до пріѣзда

вызваннаго по телефону полицеймейстера, г. Брюхатовъ просилъ его гарантировать безопасность своего возвращенія домой. Въ сопровожденіи полицеймейстера онъ доѣхалъ до дома безпрепятственно, но апеллируетъ къ собранію въ надеждѣ, что оно приметъ какія-нибудь мѣры, чтобы гласные могли спокойно и безопасно продолжать свои занятія. Гл. *Жихаревъ* разсказалъ, что, выходя изъ собранія съ женой, онъ видѣлъ около толпы околоточнаго надзирателя съ улыбающимся лицомъ. Когда г. Брюхатовъ показался, въ толпѣ раздался крикъ: „Вотъ онъ! Лови его, бей!“ и нѣсколько человѣкъ изъ толпы бросились наперерѣзъ. Тогда выходившіе изъ собранія убѣдили г. Брюхатова вернуться въ зданіе. Затѣмъ слышались крики: „Проходите,—мы васъ не тронемъ! Мы знаемъ, кого ищемъ!“ Гл. *Измайловъ* удостовѣрилъ, что часть публики просила защиты и разошлась, сопровождаемая полиціей. Гл. *Вольскій* отмѣтилъ, что вчерашнее происшествіе есть логическій результатъ того, что происходило въ первые дни собранія. Публика пускалась не свободно, а по билетамъ, заранѣе розданнымъ. Самъ гласный не имѣлъ возможности проникнуть на хоры, такъ какъ его не пускали безъ билета, а швейцаръ пригласилъ его для объясненія къ смотрителю зданія. Собравшаяся публика имѣла совсѣмъ необычный видъ, и изъ разговоровъ можно было вывести заключеніе, что она искуственно подобрана и приведена въ собраніе. *М. П. Колобовъ* (предсѣдатель губернской управы) сообщилъ, что ночью, около 2-хъ часовъ, онъ былъ вызванъ къ телефону изъ управы, куда собрались служащіе земской управы, шедшіе изъ собранія и боявшіеся выходить на улицу, гдѣ ихъ ожидала толпа. Выяснилось, что нѣкоторые изъ служащихъ были избиты, и собраніе можетъ убѣдиться въ этомъ, такъ какъ служащіе управы находятся въ залѣ засѣданія. Гл. *Дашкевичъ* указалъ, что серьезность положенія заключается въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ быть, если въ

занятія образованныхъ людей будетъ вмѣшиваться необразованная толпа, не имѣющая никакого интереса къ тому, что здѣсь происходитъ. Образованные люди могутъ раздѣляться на партіи, это — ихъ дѣло и право, но нельзя бросать въ эти партійные споры необразованную толпу. „Мы всѣ живемъ въ деревнѣ и можемъ себѣ представить, какими послѣдствіями чреватъ такой оборотъ дѣла. Подобное вмѣшательство толпы наблюдалось мною не только въ Тамбовѣ, но и въ Кирсановскомъ уѣздѣ".

Предсѣдатель ставитъ на голосованіе предложенія гласныхъ Вернадскаго и Новосильцева, и собраніе единогласно высказывается за немедленную посылку министру внутреннихъ дѣлъ телеграммы о происшедшемъ слѣдующаго содержанія:

„Вчера, вечеромъ, при выходѣ гласныхъ губернскаго земскаго собранія изъ залы засѣданія, собравшаяся передъ подъѣздомъ дворянскаго дома небольшая толпа произвела безпорядки, встрѣтивъ выходящихъ ругательствами, свистками и нанося нѣкоторымъ изъ нихъ побои. Обращеніе къ находящемуся на подъѣздѣ полицейскому наряду оставлялось послѣднимъ безъ вниманія. При такихъ ненормальныхъ условіяхъ земское собраніе совершенно лишено возможности исполнять свои задачи. Вслѣдствіе единогласнаго постановленія губернскаго земскаго собранія и по моему глубокому убѣжденію, ходатайствую передъ вашимъ сіятельствомъ о немедленномъ принятіи мѣръ къ огражденію безопасности гласныхъ и посѣщающей засѣданіе публики и о назначеніи судебнаго разслѣдованія по предмету бездѣйствія полицейской власти". („Руск. Вѣд.").

Безобразіе, учиненное въ Тамбовѣ толпою городского сброда, при участіи полиціи, доказало, что проповѣди гг. Бодиско, Нилуса и другихъ сподвижниковъ „Московскихъ Вѣдомостей" находятъ достойныхъ слушателей. „Патріотическому" подъему „черной сотни" способствовалъ и *губернскій* „органъ": въ № 254 „Тамбовскихъ

Губернскихъ Вѣдомостей“ описывалась готовность крестьянъ „ринуться какъ всесокрушающая лава на истребленіе „либераловъ“. Мы сплотимся... и... сложимъ свои головы, или не оставимъ ни одного изверга на землѣ русской“...

---

6 декабря предсѣдатель *черниговскаго* губернскаго земскаго собранія, черниговскій губернскій предводитель дворянства представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу ходатайство означеннаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ общегосударственнаго свойства.

На телеграммѣ этой Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ; заниматься вопросами государственнаго управленія—не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами“. („Наша Жизнь“ № 35).

10 декабря состоялось послѣднее засѣданіе губернскаго собранія и оно закрылось, не разрѣшивъ очередныхъ дѣлъ. Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ сообщилъ слѣдующія подробности объ этомъ собраніи: „Къ часу дня публика по обыкновенію стала стекаться къ дворянскому дому, но на дверяхъ нашла объявленіе, что въ залу засѣданія приглашаются лишь гласные. Въ $3^1/_2$ часа дня частное совѣщаніе гласныхъ окончилось, и въ залу была допущена публика. Лишь только губернскій предводитель дворянства А. А. Мухановъ открылъ засѣданіе, гласный Котляревскій заявилъ: „При настоящихъ условіяхъ я работать не могу и слагаю съ себя званіе губернскаго гласнаго“,—и покинулъ залу засѣданія. За нимъ послѣдовало еще 29 гласныхъ. Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ: черниговской, суражской, нѣжинской, козелецкой, мглинской, конотопской, городнянской, остерской, сосницкой и кролевецкой, выразили сожалѣніе, что они не могутъ при-

соединиться къ отказавшимся гласнымъ и обязаны участвовать въ собраніи по должности. Подобное же заявленіе сдѣлалъ кн. Голицынъ отъ имени восьми присутствовавшихъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Предсѣдатель губернской управы А. А. Свѣчинъ отъ имени управы заявилъ что управа въ полномъ составѣ, за исключеніемъ П. Н. Солонины, слагаетъ съ себя званіе гласныхъ и остается при исполненіи своихъ обязанностей лишь до назначенія ей преемниковъ. Остались въ засѣданіи девять гласныхъ. Не присоединились къ протесту также три предсѣдателя уѣздныхъ земскихъ управъ: Аммосовъ, Тумиловскій и Небольсинъ. Въ виду отсутствія законнаго состава собранія засѣданіе было закрыто до слѣдующаго дня, когда предполагалось совсѣмъ закрыть сессію; но губернаторъ не далъ на это своего согласія и принялъ мѣры къ привлеченію въ собраніе законнаго числа гласныхъ. Все же 11-го и 12-го декабря засѣданія также не могли состояться.

Общій подъемъ гражданскихъ чувствъ сталъ захватывать и такіе круги общества, которые обыкновенно держались въ сторонѣ отъ всякой политики.

Такъ, напр., *нижегородское общество приказчиковъ* на экстренномъ собраніи 6 дек. постановило послать министру внутреннихъ дѣлъ привѣтственную телеграмму, съ указаніемъ желательности слѣдующихъ общихъ мѣропріятій: 1) установленія явочнаго порядка для открытія всякаго рода просвѣтительныхъ, а также и взаимопомощи обществъ, учрежденій и союзовъ; 2) предоставленія обществамъ и частнымъ лицамъ, подъ личною отвѣтственностью передъ судомъ и общимъ закономъ, устраивать публичныя собранія съ просвѣтительною цѣлью (литературные вечера, чтенія, лекціи), устраивать библіотеки, школы, музеи и выставки просвѣтительнаго характера; 3) отмѣны всѣхъ спеціальныхъ каталоговъ для библіотекъ, читаленъ, чтеній и лекцій;

4) введенія всеобщаго общедоступнаго обученія съ допущеніемъ общественнаго контроля; 5) устройства школъ съ такимъ расчетомъ, чтобы потребность въ просвѣщеніи удовлетворялась въ полной степени и безъ отказа; 6) свободы печати, слова, ассоціацій, совѣсти и вѣроисповѣданій, и 7) неприкосновенности личности и жилища" („Русс. Пр.").

Примкнули къ освободительному движенію и нѣкоторые представители духовенства. Такъ, въ „Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" помѣщена статья іеромонаха Давида—„Къ вопросу о сближеніи интеллигенціи съ духовенствомъ".

Авторъ говоритъ, что въ настоящее время интеллигенція пользуется въ глазахъ народа большимъ уваженіемъ, и авторитетъ ея растетъ не только въ городахъ, но и въ селахъ. „Духовенство то и дѣло кричитъ, изрыгаетъ по адресу интеллигенціи слова: гордый, ослѣпленный, помраченный разумъ, заблуждающіеся сыны погибели и т. п. Своими грозными рѣчами пастыри никого не убѣждаютъ, а только вызываютъ въ однихъ смѣхъ, въ другихъ озлобленіе, отвращеніе, и напрасно учащая церковь утѣшаетъ себя мыслью, что истинная интеллигенція—одинаковаго съ ней образа мыслей, а иномыслитъ только ложная интеллигенція. Нашимъ слишкомъ усерднымъ, ретивымъ пастырямъ, отчаянно ратующимъ, распинающимся за маловажныя церковныя ученія и установленія, слѣдовало бы помнить слѣдующее мѣсто изъ евангелія: „Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи, Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали?.. И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ".

XVI.

Высочайшій Указъ 12 декабря и Правительственное сообщеніе.

Начало декабря 1904 г. прошло особенно тревожно. Гнетъ войны, уличныя демонстраціи, многіе частные инциденты имѣвшіе отношеніе къ движенію, какъ, напр., дѣло объ истязаніи доктора Забусова генераломъ Ковалевымъ, дѣло о клеветѣ кн. В. Мещерскаго на орловскаго предводителя дворянства г. Стаховича, разоблаченія капитана Кладо о порядкахъ въ морскомъ вѣдомствѣ и приказъ генералъ-адмирала объ его арестѣ, попраніе правосудія въ Гомелѣ, безпокойное состояніе окраинъ,—все это держало общество въ небываломъ возбужденіи.

Какъ разъ въ этотъ моментъ и былъ опубликованъ нижеслѣдующій *Высочайшій Указъ* о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка:

По священнымъ завѣтамъ предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа, отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшей, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ съ сочувствіемъ благомыслящей частью Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно Нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію на ряду съ подробнымъ на мѣстахъ разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ

въ особомъ изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія совѣщаніи, изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельскохозяйственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ «полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей».

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ отечествѣ Нашемъ хода государственной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры Престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровать имъ для сего необходимую въ законныхъ предѣлахъ самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ на однородныхъ основаніяхъ представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать, сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній внести должное единство въ устройство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже Нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во время безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено со значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться при этомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ манифестѣ 26-го февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа, и

8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію возможность достойно выполнять высокое призваніе—быть правдивою выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ по прежде даннымъ Нами указаніямъ подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету министровъ. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ комитету мини-

стровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій.

Общество напряженно, день за день, ожидало акта о крупной реформѣ. Предъ Николинымъ днемъ носились слухи даже о конституціи, хотя и самое слово это еще находилось подъ запретомъ. Ожиданія не оправдались; въ указѣ вовсе отсутствовали какія-либо указанія на привлеченіе общественныхъ силъ къ предстоящимъ обновительнымъ работамъ. И все-таки Высочайшій указъ производилъ нѣсколько умиротворяющее дѣйствіе. Являлась надежда, что за этимъ шагомъ послѣдуютъ другіе, въ томъ же направленіи, а осуществленіе реформъ, казалось, само собою устанавливало неизбѣжность общественнаго содѣйствія въ той или другой формѣ, такъ какъ несостоятельность административнаго попеченія обнаружилась вполнѣ.

Но бюрократія рѣшила иначе. Она не намѣревалась отказаться отъ привычнаго менторства и сочла себя въ правѣ тотчасъ же принять мѣры въ предупрежденіе узлишнихъ упованій на сравнительно вольный духъ указа. Ея воля должна быть выше всего. Опасаясь дальнѣйшаго развитія движенія, „чуждаго русскому народу“, она поспѣшила пригрозить „крамольному“ обществу. Она и послѣ всѣхъ посрамленій была увѣрена, что народъ только ее, всемогущую, считаетъ стоящею на стражѣ россійскаго благополучія. Это она, бюрократія, печется о пользѣ родины, а общество дѣйствуетъ въ пользу врага.

Чтобы поддержать свой пристижъ, окончательно подорванный Высочайшимъ указомъ, который несомнѣнно являлся для приказнаго строя обвинительнымъ приговоромъ, бюрократія попыталась внушить массамъ, что не отъ „крамольнаго“ общест а ждать народу успѣш-

наго проведенія реформъ, озабочивающихъ благожелательное правительство. И вотъ непосредственно за указомъ послѣдовало такое *правительственное сообщеніе*:

«Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно въ воспріимчивой средѣ молодежи, въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить правительству различныя требованія, не допустимыя въ силу освященныхъ основными законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, при чемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіемъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родинѣ, а ея враговъ. Законный долгъ правительства—ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни. Поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами. Виновные въ сихъ нарушеніяхъ, въ особенности же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ за-

конной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны съ своей стороны внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

Предупрежденіе по адресу земствъ и всякаго рода общественныхъ учрежденій обнаруживало самое чувствительное мѣсто бюрократическихъ верховъ. Обывательскія „сборища и скопища“ стали всероссійскимъ опекунамъ поперекъ горла. Бюрократію особенно тревожило разраставшееся вмѣшательство общества въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ; эту область, цѣликомъ захваченную ею въ свое полновластное распоряженіе, она разсчитывала удержать за собою на вѣчныя времена, а потому особенно ревниво охраняла „предѣлы вѣдѣнія“ общественныхъ учрежденій. Теперь, когда реформы обѣщаны, политическіе разговоры „обывателей“ должны прекратиться.

Однако ни общество, ни передовые органы печати не приняли правительственныхъ наставленій въ смыслѣ желательномъ бюрократіи. Въ сознаніи „лежавшей на нихъ отвѣтственности“ и при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ“, они прежде всего подвергли критикѣ самое „правительственное сообщеніе“ со стороны его явнаго покушенія на смыслъ именного указа.

Профессоръ кіевскаго университета кн. Е. Н. Трубецкой далъ слѣдующую характеристику нелѣпаго положенія, созданнаго одновременнымъ появленіемъ двухъ противоположныхъ актовъ:

„Въ указѣ 12 декабря Государь выражаетъ увѣренность, что намѣченныя Имъ преобразованія будутъ встрѣчены сочувственно благомыслящею частью населенія... Отчего же вмѣсто радости послѣдовало смущеніе? Причины нужно искать не въ „указѣ", а въ послѣдовавшемъ за нимъ „правительственномъ сообщеніи", въ одномъ пунктѣ котораго есть болѣе чѣмъ несоотвѣтствіе—прямое противорѣчіе. Государь хочетъ слышать правдивый голосъ печати. Поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы—значить освободить печать отъ усмотрѣнія и произвола. Что же дѣлаетъ „правительственное сообщеніе"? Оно начинаетъ съ того самаго административнаго давленія на печать, устраненіе котораго предписано Высочайшимъ указомъ.. При этихъ условіяхъ слово успокоенія замираетъ на устахъ: всѣ тѣ, кто желалъ бы его произнести, обречены на полное безсиліе. Кто повѣритъ въ искренность, когда всѣмъ извѣстно, что печати—*предписано* успокоить умы?.. Не очевидно ли также для всякаго непредубѣжденнаго читателя, что основной законъ Россійской имперіи явно нарушенъ тѣмъ самымъ правительственнымъ сообщеніемъ, гдѣ говорится объ „освященныхъ основными законами незыблемыхъ началахъ нашего государственнаго строя"? Одно изъ важнѣйшихъ требованій основныхъ законовъ заключается въ томъ, чтобы правительственныя распоряженія не противорѣчили Высочайшимъ повелѣніямъ. И вотъ мы убѣдились, что правительственное сообщеніе, въ той части, гдѣ говорится о печати, явно противорѣчитъ Высочайшей волѣ, ясно выраженной въ указѣ... Неужели же законъ, обязательный для земствъ и обывателей, не обязателенъ для министровъ? Кто поручится при этихъ условіяхъ, что со стороны власть имущихъ не будетъ *дальнѣйшихъ* попытокъ *свести на нѣтъ Высочайшую волю?*.. Для законности управленія необходимо, чтобы „самодержавная" бюрократія не врѣзыва-

лась клиномъ между Монархомъ и его подданными" („Наши Дни", № 17).

Но само собою разумѣется, что для самодержавной бюрократіи не менѣе необходимо было оставаться самодержавной, а потому она приняла всѣ мѣры, чтобы „неотложное" отложить какъ можно дальше; попытки же сведенія на нѣтъ Высочайшей воли начались немедленно. Почти годъ спустя, въ то памятное время, когда добытыя „мирной революціей" свободы сдѣлались фактомъ, хотя и мимолетнымъ, у бюрократіи еще ничего не оказалось готовымъ для воспринятія реформы. Прочную организацію имѣли лишь разразившіеся надъ страной погромы...

Во всякомъ случаѣ „правительственное сообщеніе", приравнивавшее засѣданія думъ и земскихъ собраній къ незаконнымъ „скопищамъ" и строго воспрещавшее публичное обсужденіе самыхъ важныхъ вопросовъ, оказало свое дѣйствіе. Оно произвело на общество крайне тягостное впечатлѣніе и такимъ образомъ парализовало успокоительное значеніе только что обнародованного указа и вызвало рядъ общественныхъ протестовъ.

XVII.

Протестъ общественныхъ организацій.

Какъ разъ въ день появленія „правительственнаго сообщенія", 14 декабря, должно было состояться засѣданіе *московскаго губернскаго земскаго собранія*; но сессія неожиданно прервалась на неопредѣленное время.

Къ 12 час. дня боковыя залы россійскаго благороднаго собранія были уже переполнены публикой. Въ началѣ второго часа предсѣдатель кн. П. Н. Трубецкой объявилъ засѣданіе открытымъ. По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, гласный броницкаго зем-

ства С. А. Соколовъ прочиталъ заявленіе, подписанное 34-мя гласными, слѣдующаго содержанія:

„Мы, нижеподписавшіеся гласные, просимъ ваше сіятельство сдѣлать на нѣкоторое время перерывъ въ занятіяхъ собранія, такъ какъ мы, глубоко взволнованные сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ, не находимъ въ себѣ должнаго спокойствія для продолженія этихъ занятій".

Заявленіе это встрѣчено было громкими аплодисментами публики. Къ нему присоединили свои подписи еще 11 лицъ, такъ что заявленіе подписано 45-ю гласными. Возбужденный заявленіемъ вопросъ поставленъ былъ на баллотировку; и собраніе большинствомъ противъ 8-ми голосовъ рѣшило прервать свои занятія. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

По той же причинѣ было отложено на неопредѣленное время засѣданіе *симферопольской городской думы*, созванное на 17 декабря для разсмотрѣнія смѣты расходовъ на 1905 годъ, равно какъ и нѣкоторыя собранія въ другихъ городахъ.

Въ Симферополѣ поводомъ къ отсрочкѣ послужило заявленіе 14 гласныхъ, въ которомъ говорилось: «Предстоящая намъ работа является одною изъ самыхъ серьезныхъ обязанностей, возлагаемыхъ закономъ на насъ, какъ гласныхъ думы; но въ виду послѣдовавшаго въ 12-й день сего декабря Высочайшаго повелѣнія, съ одной стороны, а съ другой—обнародованнаго вслѣдъ затѣмъ правительственнаго распоряженія, намъ теперь приходится продолжать исполненіе нашихъ обязанностей при иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы предполагали». Поэтому гласные просили отложить засѣданіе думы, съ тѣмъ чтобы получить возможность обдумать, какъ лучше исполнить свой долгъ. Большинствомъ присутствовавшихъ гласныхъ противъ одного постановлено было отложить засѣданія. Поддерживая рѣшеніе гласныхъ, перестали собираться и всѣ думскія комиссіи.

Двумъ изъ членовъ симферопольской губернской земской управы, кн. Оболенскому и Мурзаеву, было предложено администраціей подать въ отставку; требованіе это сто-

яло въ связи съ посылкою группой мѣстныхъ обывателей адреса-телеграммы черниговскому предводителю дворянства. Но вопросъ объ отставкѣ принялъ неожиданный оборотъ. Члены управы отвѣтили отказомъ на предложеніе подать въ отставку, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что никакой вины за собой не чувствуютъ: администрація можетъ предать ихъ суду, уволить безъ прошенія и т. д., но сами они отказываться отъ общественной службы не хотятъ.

Въ то время какъ выборныя учрежденія, протестуя противъ поведенія правительства, пріостанавливали свою дѣятельность, полиція продолжала самымъ безцеремоннымъ образомъ препятствовать попыткамъ общества объединяться, такъ, напр., были закрыты съѣздъ естествоиспытателей въ Кіевѣ и техническій съѣздъ въ Москвѣ. Въ общемъ же происходившія послѣ 12 декабря собранія не измѣнили подъ вліяніемъ указа своего оппозиціоннаго правительству характера и даже еще опредѣленнѣе стали подчеркивать недовѣріе и всеобщую неудовлетворенность.

Такъ напр., губернское *дворянское* собраніе *въ Твери*, открывшееся въ составѣ 186 лицъ, высказало пожеланіе объ отмѣнѣ исключительнаго закона 8-го января 1904 года въ Тверской губерніи, вызваннаго, какъ выразился одинъ изъ дворянъ, ложнымъ доносомъ своего же дворянина на дѣятельность земскихъ дворянъ Тверской губерніи. Собраніе высказалось за ходатайство о распубликованіи доклада гофмейстера Штюрмера по ревизіи земскихъ учрежденій. Въ вечернемъ засѣданіи дворяне большинствомъ голосовъ 99-ти противъ 36-ти сдѣлали постановленіе: «Тверское дворянское собраніе признаетъ, что жизненное разрѣшеніе задачъ, намѣченныхъ въ именномъ Высочайшемъ указѣ 12-го декабря, идущемъ навстрѣчу ясно выраженнымъ пожеланіямъ русскаго общества, и всякія плодотворныя законодательныя работы возможны лишь при дѣятельномъ участіи свободно избранныхъ представителей населенія». 76 дворянъ, руководствуясь ст. 152-й, т. IX Св. Зак., признали этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію и отказались отъ баллотировки, подписавшись подъ особымъ мнѣніемъ, которое было подано и прочтено городскимъ судьей Хвостовымъ. Подъ этимъ особымъ мнѣніемъ подписались: два губернатора, предсѣдатели тверской губернской и новоторжской управъ, почти всѣ земскіе начальники и кандидаты къ нимъ и другія лица, принадлежащія къ бюрократическому міру» («Русс. Вѣд.»).

18 декабря выборы губернскаго предводителя дворянства не состоялись и отложены до 29 января. Дворяне, которыхъ предлагали баллотировать, отказались. Одинъ изъ кандидатовъ, Родичевъ, привелъ слѣдующіе мотивы отказа отъ этой почетной должности: «Въ настоящее трудное время мое мѣсто не за губернскимъ столомъ, гдѣ должна царить безпартійность, а въ рядахъ партій, гдѣ ведется борьба,—борьба не съ людьми, а съ принципомъ, борьба непримиримая, на жизнь и на смерть, съ бюрократіей—этимъ чернильнымъ бичомъ, тяготѣющимъ надъ Россіей. Мы будемъ бороться за право, законъ и свободу». Рѣчь была встрѣчена громкими, долго несмолкаемыми аплодисментами какъ со стороны дворянъ, такъ и со стороны публики, наполнявшей залъ.

Нѣкоторыми членами собранія были посланы привѣтственныя телеграммы черниговскому предводителю дворянства Муханову и финляндскому сейму.

Привѣтствіе Муханову выражало горячее сочувствіе самоотверженному и независимому образу дѣйствія его и гласныхъ земскаго собранія Черниговской губерніи въ настоящей тяжелой борьбѣ всѣхъ русскихъ общественныхъ силъ за начала законности, права и свободы.

Привѣтствіе финляндскому сейму выражало глубокую увѣренность, что въ свободномъ союзѣ всѣхъ самостоятельныхъ и независимо организованныхъ силъ Россіи и Финляндіи лежитъ залогъ счастья и дальнѣйшаго культурнаго развитія обѣихъ народностей.

Въ тотъ же день *въ Петербургѣ* состоялся банкетъ врачей, гдѣ собралось свыше 300 представителей врачебнаго міра. Избранный предсѣдателемъ собранія г. Елпатьевскій въ своей рѣчи напомнилъ, что еще въ прошломъ году, на Пироговскомъ съѣздѣ, врачи въ извѣстной резолюціи формулировали необходимость обновленія нашей государственной жизни. Теперь къ этой резолюціи присоединяются всѣ лучшіе элементы русскаго народа. Рѣчь была встрѣчена бурнымъ одобреніемъ. Затѣмъ собраніе рѣшило выразить протестъ противъ возмутительнаго насилія, учиненнаго генераломъ Ковалевымъ надъ докторомъ Забусовымъ и противъ той формы суда, при которой генераламъ удается из-

бѣгать наказанія за совершаемыя ими преступленія. Рѣшено было также послать сочувственныя телеграммы профессору Эрисману, А. А. Муханову и кн. В. М. Голицыну.

21 декабря состоялось послѣднее собраніе *московской городской думы*. Засѣданіе было очень многолюднымъ какъ по числу гласныхъ, такъ и собравшейся публики.

По разсмотрѣніи думою докладовъ, стоявшихъ на очереди, городской голова кн. В. М. Голицынъ обратился съ рѣчью, которая здѣсь приводится въ выдержкахъ:

«Съ окончаніемъ нашихъ полномочій естественно было бы взглянуть на пройденный путь, взвѣсить плоды 4-лѣтняго труда и опредѣлить, такимъ образомъ, насколько дано намъ было оправдать довѣріе нашихъ согражданъ. Но я воздержусь отъ подобнаго обзора... Городское управленіе, *не по примѣру другихъ государственныхъ учрежденій*, подсудно особому суду, широкому, всеобъемлящему, — *суду общественной совѣсти*. Врядъ ли существуетъ у насъ на Руси какое-либо учрежденіе, которое въ равной степени съ городскимъ управленіемъ пользовалось бы привилегіей самой широкой, скажу, даже самой страстной критики съ стороны общественнаго мнѣнія... Не рѣдки бывали случаи, когда оно относилось къ нашей дѣятельности горячо, страстно и, прибавлю, не всегда безпристрастно. Но это было мимолетно. Спокойствіе возвращалось; общественное мнѣніе трезво взирало на то, что вызвало это страстное, порой даже негодующее его отношеніе, и этимъ оно содѣйствовало нашимъ стараніямъ улучшить, исправить, излѣчить... Эта свобода общественнаго суда въ концѣ-концовъ всегда приводила къ здравому и справедливому сужденію... Тройственная отвѣтственность лежала на мнѣ: передъ обществомъ—солидарно съ вами, передъ вами — за всю работу городского управленія, передъ правительствомъ—за все. Какъ ни тяжела была она, но я не могъ не сказать себѣ, что эта отвѣтственность, неразрывно связанная съ долгомъ, есть одинъ изъ могучихъ рычаговъ общественнаго дѣла.

«*Трудно себѣ представить, чтобы можно было стоять во главѣ крупнаго учрежденія безъ этой постоянной, неумолимой*

отвѣтственности, безъ сознанія неизбѣжности во всякое время и за каждый шагъ, за каждое слово отвѣчать и отвѣчать передъ обществомъ, а не только передъ учрежденіемъ или лицомъ, іерархически стоящимъ выше. Напрасно думаютъ, что подъ *довѣріемъ* надлежитъ разумѣть безконтрольность: не въ предоставленіи права на произволъ, не въ безмолвномъ и снисходительномъ одобреніи дѣйствій или рѣшеній заключается истинное довѣріе, о которомъ я веду рѣчь; это то довѣріе, когда между призваннымъ и его призвавшими существуютъ взаимная связь, общность основныхъ началъ. Такъ понималъ я то довѣріе, которымъ вы удостоили меня четыре года тому назадъ; такъ понималъ я его до послѣдняго дня. Я зналъ, что мы всегда совмѣстно будемъ стоять на уровнѣ современныхъ требованій, зналъ, что всегда, когда затрогиваются коренные интересы города, его достоинство, единеніе наше не поколеблется, что въ васъ всегда будетъ для меня твердая опора, какъ знали и вы, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вы найдете во мнѣ вѣрнаго выразителя вашихъ влеченій, вашихъ взглядовъ, вашей воли...

«Заканчивая періодъ труда, естественно намъ взглянуть на пройденный путь, но столь же естественно обратить взоръ свой на будущее. Когда четыре года тому назадъ мы разстались здѣсь, всѣ мы были подъ впечатлѣніемъ опасности, которая, казалось, угрожала общественнымъ учрежденіямъ. Рѣчь шла не болѣе, не менѣе, какъ объ упраздненіи выборнаго начала, о большемъ еще сокращеніи самостоятельности общественнаго представительства. Угрозы эти отошли въ область преданій, и этотъ поворотъ... имѣетъ начало свое въ признаніи за общественными учрежденіями ихъ трудовыхъ заслугъ, ихъ исторической роли, ихъ живой связи съ городомъ... Какъ ни много стоитъ на пути преградъ, но, думая о будущемъ, нельзя не освѣтить эти думы надеждой, что шагъ этотъ имѣетъ совершиться, надеждой, что русскому обществу дано будетъ доказать, что оно доросло для производительнаго труда на благо своего отечества».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, встрѣченную единодушными аплодисментами, былъ прочитанъ адресъ кн. Голицыну съ выраженіемъ увѣренности, «что единодушный трудъ всѣхъ лучшихъ людей Россіи, объединенныхъ живымъ и горячимъ стремленіемъ къ одному великому благу — благу родины, выведетъ русскую жизнь изъ томительнаго безвременья, и

переживаемая тяжелая пора уступитъ мѣсто горячо ожидаемой свѣтлой эпохѣ свободнаго и полнаго расцвѣта лучшихъ общественныхъ силъ. Великъ и тяжелъ общественный трудъ и велика возлагаемая имъ нравственная отвѣтственность на дѣятелей подъявшихъ его»...

Такимъ образомъ приказъ по общественнымъ учрежденіямъ „не выходить изъ предѣловъ ихъ вѣдѣнія“ не имѣлъ успѣха, а внушеніе касательно „трезваго“ отношенія къ текущимъ событіямъ, было принято совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой бюрократы имѣли въ виду: и учрежденія и печать оказались болѣе склонными руководствоваться духомъ указа 12 декабря, несомнѣнно навѣяннымъ дѣятельностью ноябрьскаго съѣзда.

Въ этотъ знаменательный періодъ во 2-ю половину декабря 1904 года, довѣріе общества къ новому курсу внутренней политики, быстро стало замѣняться рѣшительнымъ недовѣріемъ. Все болѣе обнаруживалось до чего возбуждено общество противъ существовавшаго режима; и не одинъ только „третій элементъ“, т.-е. интеллигенты, не состоящіе на службѣ у правительства, которыхъ Плеве считалъ чуть ли не единственными виновниками „смуты“, но и значительная часть дворянства и купечества.

Чиновнымъ распорядителямъ народной жизни, при всей ихъ самонадѣянности, приходилось убѣждаться въ томъ, что освободительное движеніе есть явленіе неотразимое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократія, сдаваясь на нѣкоторыя уступки обществу желала показать ему, что она рѣшила удержать за собою господствующее положеніе, охраняя главные устои своего всевластія, не останавливаясь и передъ средствами весьма рискованными. Рискъ послѣдствій бюрократія не задумываясь брала на свою фиктивную отвѣтственность.

Высочайшій указъ могъ служить предуказаніемъ того, какія реформы предполагаетъ дать сама Верховная

власть, но онъ былъ составленъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, и потому вся печать съ особымъ вниманіемъ занялась истолкованіемъ его смысла и выясненіемъ реальнаго его значенія.

Но *Московскія Вѣдомости* даже и въ указѣ 12 декабря усмотрѣли главнымъ образомъ „окончательный *предѣлъ* всей той шумливой агитаціи, которою внутренніе враги Россіи старались сбить съ толку ея населеніе, приписывая Верховной Власти тѣ разрушительныя фантазіи, которыя бродили въ ихъ собственномъ *убогомъ умѣ*". „Теперь уже имъ никого не удастся обмануть, увѣрялъ Грингмутъ, такъ какъ весь русскій народъ ясно видитъ, что Царь по прежнему свято чтитъ завѣты своихъ предковъ и что основные законы имперіи, утверждающіе неограниченную самодержавную власть русскаго государя, останутся и впредь незыблемыми".

Затѣмъ органъ бюрократіи развязно свалилъ вину съ больной головы на здоровую, приписывая обществу стремленія колебать силу законовъ, тогда какъ все общественное движеніе клонилось именно къ насажденію правопорядка, на мѣстѣ „временныхъ" узаконеній и своевластія администраторовъ, которыми систематически подрывались основные имперскіе законы. Необходимость законности въ управленіи призналъ въ скоромъ времени и самъ комитетъ министровъ, строго осудившій прежнюю дѣятельность по созданію временныхъ законоположеній.

Высочайшій указъ называетъ „охраненіе полной силы закона важнѣйшею въ самодержавномъ государствѣ опорой престола", объяснили „Моск. Вѣдомости". „Вотъ почему можно ожидать, что отнынѣ прекратится то дерзкое *нарушеніе законовъ, которое на нашихъ глазахъ творится различными земскими, городскими и иными „общественными"* учрежденіями, вторгающимися, вопреки ясному смыслу своихъ уставовъ, въ совершенно чуждую имъ область государственнаго переустройства".

Такимъ образомъ, по мнѣнію органа „благонадежныхъ“, исканіе населеніемъ, при посредствѣ общественныхъ учрежденій, права и справедливости есть не болѣе какъ дерзость противъ начальства. Все зло въ непослушаніи циркулярамъ зажимавшимъ ротъ, а не въ тѣхъ чудовищныхъ проявленіяхъ административнаго произвола, которымъ переполнена русская жизнь...

XVIII.

Подъемъ общественнаго мнѣнія.

Кромѣ отрицательныхъ факторовъ общественнаго подъема,—режима Плеве, переполнившаго чашу терпѣнія, и тягостной войны,—крайне важная роль въ пробужденіи общественнаго мнѣнія въ этотъ періодъ принадлежала сплоченной дѣятельности пробудившейся интеллигенціи съ земскими дѣятелями во главѣ. Но оба эти активные фактора получили силу неотразимаго вліянія на разнообразные слои, главнымъ образомъ благодаря неожиданно вспыхнувшей дѣятельности прогрессивной печати: юридическому журналу „Право“ принадлежитъ честь перваго открытаго удара, нанесеннаго прессою бюрократическому режиму, а затѣмъ газетамъ: „Сынъ Отечества“, „Наша Жизнь“, „Наши Дни“ и „Русь“. Только благодаря ихъ помощи, передовые общественные дѣятели получили нѣкоторую возможность проводить взгляды, вынесенные изъ опыта, въ широкихъ кругахъ общества и завербовать громадное число сторонниковъ. Они поддерживали все то, что ощупью искало путей къ свободѣ и праву.

Хотя періодическая печать взяла болѣе правильный тонъ только послѣ январскаго „кроваваго воскресенья“ и послѣдовавшаго выступленія на политическую арену рабочихъ массъ, когда она убѣдилась, что роль этого элемента гораздо значительнѣе, чѣмъ это предполагалось, а требованія его много радикальнѣе требованій

лѣвыхъ общественныхъ группъ, — однако надо признать, что для времени „весеннихъ вѣяній“ она сдѣлала все возможное.

При кн. Святополкъ-Мирскомъ пресса стала пользоваться лишь тѣнью свободы, но и это „снисхожденіе“ сразу вызвало потокъ такихъ блестящихъ статей, какихъ до тѣхъ поръ не было видно ни въ одной русской газетѣ. И тогда только обнаружилось чѣмъ могла бы быть наша періодическая печать, если бы на ней не было тѣхъ административныхъ цѣпей, въ которыя она тщательно заковывалась будто бы ради общественнаго спокойствія... Не одни лишь профессіональные публицисты поспѣшили высказать свои задушевныя мысли и желанія, накопившіяся за многіе годы вынужденнаго молчанія; на ряду съ ними стали выступать и люди, стоявшіе дотолѣ въ сторонѣ отъ газетной дѣятельности: профессора, инженеры, врачи, военные, купцы—вообще не писатели, а просто граждане,— все больше и больше чувствовавшіе настоятельную потребность въ помощи печати. Газеты, особенно появившіеся вновь измѣнили свой сухо-профессіональный характеръ; приближаясь къ обществу онѣ становились дѣйствительно органами общественнаго мнѣнія, а не однихъ только „газетчиковъ“. Присяжные писатели стали работать вмѣстѣ съ читателями, въ рядахъ одной и той же арміи освободительнаго движенія, какъ граждане, ищущіе каѳедры для обращенія къ обществу и правительству, за отсутствіемъ народныхъ представителей.

Правда, значительная часть русскаго общества еще не была достачно подготовлена, чтобы вполнѣ правильно оцѣнить условія и потребности русской дѣйствительности, тогда какъ другая его часть, еще болѣе обширная, только еще начала приходить къ ясному сознанію всего страшнаго зла канцелярской опеки и властнаго произвола. Поэтому особенно важная роль досталась земскимъ дѣятелямъ, которые, принадлежа

къ той же интеллигенціи, въ то же время стояли у самыхъ корней народной жизни и хорошо знали всѣ язвы, разрушавшія духовныя и матеріальныя силы страны.

До этого времени наша интеллигенція въ силу такъ называемыхъ „независящихъ обстоятельствъ", не обладала всѣми тѣми свойствами, которыя необходимы для руководительства. Иначе она уже давно привлекла бы на свою сторону обширный слой средней буржуазіи, который доселѣ сторонился отъ нея.

По вѣрному опредѣленію *Сына Отечества*, русское общество переживало нѣчто пережитое уже другими, но своеобразно и въ другомъ порядкѣ; и на самое движеніе общества интеллигенція должна была наложить печать собственныхъ своихъ особенностей. Западная интеллигенція сама жила жизнью, бившею ключомъ, изучала пережитое и уже отсюда спокойно выводила обобщенія. А у насъ интеллигенція воспитывалась не столько на пережитомъ ею, сколько на обобщеніяхъ. „Отсюда на значительную часть нашей интеллигенціи легла неизгладимая печать книжности. Имѣя охоту смертную до общественнаго дѣла, но участь горькую— держаться отъ него вдали, она посвящала свои досуги теоретическимъ размышленіямъ, и въ нихъ достигла не малой виртуозности". Интеллигенція не была чужда жизни и чувствовала, но привыкла не воспринимать факты какъ явленія конкретныя, а оцѣнивать или разсматривать ихъ какъ принадлежность системы и какъ необходимое послѣдствіе нашего подневольнаго бытія".

Теоретически усвоенныя понятія, встрѣчаясь съ жизненными фактами, вызывали душевное волненіе—прекрасное и вдохновляющее само по себѣ, но безпомощное въ жизни, ибо „нельзя подметать улицу кистью художника".

Для дѣйствій мы отравлены книжностью, а теперь „нужны не только знанія, но и чувства, страсти, напоръ воли".

лѣвыхъ общественныхъ группъ, — однако надо признать, что для времени „весеннихъ вѣяній“ она сдѣлала все возможное.

При кн. Святополкъ-Мирскомъ пресса стала пользоваться лишь тѣнью свободы, но и это „снисхожденіе“ сразу вызвало потокъ такихъ блестящихъ статей, какихъ до тѣхъ поръ не было видно ни въ одной русской газетѣ. И тогда только обнаружилось чѣмъ могла бы быть наша періодическая печать, если бы на ней не было тѣхъ административныхъ цѣпей, въ которыя она тщательно заковывалась будто бы ради общественнаго спокойствія... Не одни лишь профессіональные публицисты поспѣшили высказать свои задушевныя мысли и желанія, накопившіяся за многіе годы вынужденнаго молчанія; на ряду съ ними стали выступать и люди, стоявшіе дотолѣ въ сторонѣ отъ газетной дѣятельности: профессора, инженеры, врачи, военные, купцы—вообще не писатели, а просто граждане,— все больше и больше чувствовавшіе настоятельную потребность въ помощи печати. Газеты, особенно появившіеся вновь измѣнили свой сухо-профессіональный характеръ; приближаясь къ обществу онѣ становились дѣйствительно органами общественнаго мнѣнія, а не однихъ только „газетчиковъ“. Присяжные писатели стали работать вмѣстѣ съ читателями, въ рядахъ одной и той же арміи освободительнаго движенія, какъ граждане, ищущіе каѳедры для обращенія къ обществу и правительству, за отсутствіемъ народныхъ представителей.

Правда, значительная часть русскаго общества еще не была достачно подготовлена, чтобы вполнѣ правильно оцѣнить условія и потребности русской дѣйствительности, тогда какъ другая его часть, еще болѣе обширная, только еще начала приходить къ ясному сознанію всего страшнаго зла канцелярской опеки и властнаго произвола. Поэтому особенно важная роль досталась земскимъ дѣятелямъ, которые, принадлежа

къ той же интеллигенціи, въ то же время стояли у самыхъ корней народной жизни и хорошо знали всѣ язвы, разрушавшія духовныя и матеріальныя силы страны.

До этого времени наша интеллигенція въ силу такъ называемыхъ „независящихъ обстоятельствъ", не обладала всѣми тѣми свойствами, которыя необходимы для руководительства. Иначе она уже давно привлекла бы на свою сторону обширный слой средней буржуазіи, который доселѣ сторонился отъ нея.

По вѣрному опредѣленію *Сына Отечества*, русское общество переживало нѣчто пережитое уже другими, но своеобразно и въ другомъ порядкѣ; и на самое движеніе общества интеллигенція должна была наложить печать собственныхъ своихъ особенностей. Западная интеллигенція сама жила жизнью, бившею ключомъ, изучала пережитое и уже отсюда спокойно выводила обобщенія. А у насъ интеллигенція воспитывалась не столько на пережитомъ ею, сколько на обобщеніяхъ. „Отсюда на значительную часть нашей интеллигенціи легла неизгладимая печать книжности. Имѣя охоту смертную до общественнаго дѣла, но участь горькую— держаться отъ него вдали, она посвящала свои досуги теоретическимъ размышленіямъ, и въ нихъ достигла не малой виртуозности". Интеллигенція не была чужда жизни и чувствовала, но привыкла не воспринимать факты какъ явленія конкретныя, а оцѣнивать или разсматривать ихъ какъ принадлежность системы и какъ необходимое послѣдствіе нашего подневольнаго бытія".

Теоретически усвоенныя понятія, встрѣчаясь съ жизненными фактами, вызывали душевное волненіе—прекрасное и вдохновляющее само по себѣ, но безпомощное въ жизни, ибо „нельзя подметать улицу кистью художника".

Для дѣйствій мы отравлены книжностью, а теперь „нужны не только знанія, но и чувства, страсти, напоръ воли".

мкнувшее къ озлобленнымъ публицистамъ охранительнаго лагеря. Главнымъ своимъ аргументомъ они сдѣлали политическіе принципы безграмотной народной массы и героевъ Островскаго, а главнымъ образомъ — рѣшающее значеніе ихъ кулачной расправы. Кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей", особенно усердствовали „День" и нѣкоторыя изъ *губернскихъ* „Вѣдомостей", какъ, напр., тамбовскія, уфимскія, пензенскія, екатеринодарскія.

Открытая борьба мнѣній раскрыла истинный характеръ дѣятельности и нравственный обликъ публицистовъ охранительнаго лагеря. И въ то время, какъ эти послѣдніе предавались неистовству, органы прогрессивной прессы, не смущаясь угрозами и клеветами, продолжали дѣлать свое великое дѣло. Теперь у нихъ явилась новая и важная задача—способствовать обществу въ обсужденіи обѣщанныхъ реформъ и критиковать способы и ходъ ихъ подготовки.

Откликаясь на призывъ Царя „быть правдивой выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи", она стала съ особой энергіей настаивать на томъ, чтобы дана была возможность выполнять это высокое призваніе, чтобы свобода слова не зависѣла отъ отеческаго снисхожденія того или другого министра, но была бы признана какъ прочное право гражданъ, охраняемое закономъ и судомъ.

XIX.

Чего ждать?

Обсуждая Именной Указъ 12 декабря, „Моск. Вѣд." конечно развивали въ желательномъ имъ направленіи тѣ вытекавшія изъ него идеи, которыя прогрессивная печать едва склонна была допустить только какъ неизбѣжное слѣдствіе постепеннаго проведенія реформъ. При этомъ газета, оставляя въ сторонѣ разрушительную работу бюрократіи въ области „великихъ реформъ

Правдивые отзывы печати по поводу дѣяній бюрократіи, высказанные уже не прежнимъ эзоповымъ языкомъ, а словами свободныхъ людей, возмущенныхъ царствомъ насилія и лжи, конечно не замедлили навлечь на провинившіяся газеты цѣлый рядъ внушеній, до пріостановки ихъ включительно. Такого вниманія удостоились почти всѣ столичныя газеты, за исключеніемъ такихъ рептильныхъ органовъ, какъ „Московскія Вѣдомости“ и „Новое Время“, да разныхъ „Листковъ“, влачившихъ существованіе въ сторонѣ отъ новой жизни общества. Но эти охранительныя воздѣйствія уже не имѣли прежняго успѣха: прогрессивная печать продолжала мужественно выполнять свой долгъ,—самоотверженно служила правдѣ, не останавливаясь передъ цензурными карами.

Дружный хоръ голосовъ всего культурнаго русскаго общества не остался безъ результата. Значеніе общественнаго мнѣнія укрѣпилось. Указомъ 12 декабря сама Верховная Власть признала, что требованія радикальныхъ реформъ были вызваны неотложною необходимостью; между тѣмъ эти самыя требованія всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ преслѣдовались какъ крамольныя, а охранительная печать пыталась признавать ихъ таковыми даже и послѣ Высочайшаго Указа.

Дѣятельность самихъ органовъ охранительной прессы съ этого момента получила окраску еще болѣе опредѣленную. Имъ теперь уже трудно стало обращать въ призраки крамолы выдвинутые жизнью вопросы, разъ они признаны неотложными даже Царскимъ Указомъ. Для защиты бюрократическихъ привилегій и связаннаго съ ними собственнаго благоденствія имъ оставалось усилить свою пропаганду искорененія „либераловъ“ и, добиваясь междоусобицы, взывать къ невѣжеству и темнымъ инстинктамъ низовъ народа. И рыцари мракобѣсія, не задумываясь, организовали цѣлую систему такой борьбы. Послѣдствія показали, что грязь подобнаго пріема замарала все, вольно или невольно при-

ностью обнаружена была недавними правительственными ревизіями».

Затѣмъ газета вскользь, только 8-ю строками, коснувшись указанія на необходимость „обезпечить соотвѣтствующими мѣрами „охраненіе равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній“, серьезно замѣчаетъ, что этому, разумѣется,могутъ только сочувствовать всѣ благомыслящіе русскіе люди“. Но какъ именно совмѣстить означенное благо съ усмотрительнымъ и безконтрольнымъ правомъ бюрократической администраціи, охранительный органъ скромно умалчиваетъ. А такое объясненіе являлось особенно необходимымъ, такъ какъ, по увѣренію *Моск. Вѣдом.*, отмѣна исключительныхъ законоположеній противъ враговъ общественнаго порядка, въ настоящемъ его видѣ, „была бы имъ только на́-руку“. А потому „энергичныя, разумныя и строгопослѣдовательныя мѣры“ существовавшаго режима можно отмѣнить не раньше, какъ по оповѣщеніи ихъ своевременности г. Грингмутомъ, иноплеменнымъ опекуномъ русскаго народа.

Очень скоро однако оказалось, что для испытанія „временныхъ“ мѣръ срока въ 22 года вполнѣ достаточно. Комитетъ министровъ, вопреки утвержденія г. Грингмута, призналъ ихъ вредными и терпимыми лишь какъ явленіе мѣстное въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и возможно короткое время. Такимъ образомъ, „Моск. Вѣд.“ не безъ основанія предчувствовали, что изъ рукъ бюрократіи выпадало это страшное оружіе бичеванія и надежное орудіе устроенія собственнаго благополучія.

Предупредительно прочитавъ нотацію сектантамъ и лицамъ иныхъ исповѣданій, а также инородцамъ и уроженцамъ отдѣльныхъ мѣстъ Имперіи, заботливый опекунъ, въ виду обѣщанныхъ послабленій упомянутымъ категоріямъ россійскихъ обывателей, внушаетъ первымъ—воздержаніе отъ оскорбленій православной Церкви (?), а вторымъ—отъ „прямо-сепаратическихъ“ стремленій. „Московскія Вѣдомости“, повидимому, не

60-хъ годовъ", пыталась объяснить необходимость переработки ошибками либераловъ того времени. По мнѣнію г-на Грингмута, только еще болѣе укрѣпленная власть земскихъ начальниковъ могла бы внести порядокъ въ общественную и личную жизнь главнѣйшей части населенія Россіи.

«Вслѣдствіе неудачныхъ подробностей великой крестьянской реформы 1861 года, говорятъ «Моск. Вѣд.», населеніе находится вотъ уже полстолѣтія въ неустроенномъ, почти анархическомъ, положеніи.

«Мы не переставали указывать на крайнюю необходимость ввести нашъ хаотическій крестьянскій бытъ въ твердыя нормы законнаго порядка, начало которому было положено Царемъ-Миротворцемъ учрежденіемъ столь благодѣтельнаго института земскихъ начальниковъ».

„Моск. Вѣдомости" рѣшили, что Высочайшій Указъ 12 декабря обязуетъ „особое, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніе" провести въ жизнь предначертанія Манифеста 26 февраля о крестьянскомъ законодательствѣ, лишь въ духѣ разработки ихъ министерствомъ Плеве.

Далѣе газета подчеркивала, что по основному смыслу «предположенной въ Высочайшемъ Указѣ реформы земскихъ и городскихъ учрежденій, которыя, при всей даруемой имъ «въ законныхъ предѣлахъ самостоятельности», должны будутъ пользоваться ею лишь для «завѣдыванія различными сторонами *мѣстнаго* благоустройства».

«Будемъ надѣяться, что въ особенности земскія учрежденія оцѣнятъ Высочайшую милость, основавшую общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ». Объ этихъ «мелкихъ земскихъ единицахъ» давно уже мечтали земскіе дѣятели, а потому правительственная власть въ правѣ ожидать отъ нихъ, что Всемилостивѣйшее осуществленіе ихъ мечты побудитъ ихъ къ оправданію оказаннаго имъ Царскаго довѣрія и что они отнынѣ употребятъ всѣ свои усилія, чтобы земскія учрежденія не только заботились исключительно о *мѣстныхъ* дѣлахъ и объ ихъ *благоустройствѣ*, но и разъ навсегда прекратили ту антиправительственную агитацію, которая съ такою яс-

Л. Брюхатовъ,—что избавленіе отъ тяжелыхъ золъ будетъ проведено путемъ всемогущей на первый взглядъ бюрократіи. Всемогущество это лишь—одна видимость. Оно дѣйствительно только для цѣлей отрицательныхъ, для задержки естественнаго развитія народа, для постановки на пути этого развитія безчисленныхъ препятствій. Но оно совершенно безсильно для творческой, созидательной работы. Силою вещей бюрократическое начало обречено на безплодіе въ области творчества. Изъ ничего не выходитъ ничего" („Наша Жизнь", № 3).

Поэтому особенная важность и значеніе Высочайшаго Указа 12 декабря заключалась въ томъ, что, благодаря признанію своевременности извѣстныхъ реформъ, было поддержано съ высоты Престола общественное мнѣніе, осуждавшее бюрократическій режимъ,—мнѣніе считавшееся сторонниками бюрократіи „крамольнымъ". Хотя и не прямо, но все же признана была политическая зрѣлость общества, а отсюда вытекала сама собою и необходимость его участія въ подготовительныхъ работахъ по проведенію реформъ. Эти работы необходимо подвергнуть контролю *жизненнаго* опыта, чтобы гарантировать мѣропріятіямъ жизненность и полезность. И ужъ, конечно, пользы въ этомъ отношеніи слѣдовало ожидать скорѣе отъ тѣхъ, кто собственнымъ опытомъ изучилъ сущность бюрократической опеки, а не отъ тѣхъ же опекуновъ.

Вопросъ объ этомъ участіи общественныхъ силъ возникъ немедленно, а пока не было признаковъ къ его желательному рѣшенію, обществу оставалось положиться на бдительность и энергію печати.

„Во главу обѣщанныхъ реформъ въ Указѣ 12 декабря поставленъ былъ *крестьянскій вопросъ*, тотъ вопросъ, который со дня освобожденія отъ крѣпостной зависимости не подвинулся ни на шагъ. Освободительный актъ обѣщалъ крестьянамъ свободную „личность въ области правовой и свободный трудъ въ области экономической. Данъ былъ могучій толчокъ къ урав-

признаютъ той истины, что дѣти льнутъ къ любви и попеченію, гдѣ бы ихъ ни нашли, а бѣгутъ отъ безпардонной строгости и непонятнаго преслѣдованія, хотя бы и отеческаго. Если отъ центра исходятъ блага, то кто не будетъ держаться за него? Если же центръ является только рукою берущей и карающей, то и цѣпи не удержатъ никого.

Заканчиваютъ свое разъясненіе Именного Указа *Моск. Вѣд.* обсужденіемъ дарованной милости русской печати, давно будто бы нуждающейся въ „точно опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ, при наличности которыхъ она не позволила бы себѣ той неслыханной разнузданности, свидѣтелями которой мы только что были въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Если опредѣленный законъ должнымъ образомъ повыситъ образовательный и нравственно-политическій цензъ редакторовъ-издателей (которые, по мнѣнію газеты, должны нести обѣ функціи въ одномъ лицѣ), если такими законами будетъ установлена область политики, доступная публицистикѣ, и если нарушеніе этихъ законовъ будетъ строго караться короннымъ судомъ, тогда дѣйствительно отечественная печать получитъ возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи и избавиться, наконецъ, отъ заполонившихъ ее въ настоящее время пустыхъ болтуновъ, невѣжественныхъ борзописцевъ и безсовѣстныхъ кривотолковъ“.

Совершенно иначе и глубоко отнеслась къ обнародованнымъ актамъ печать либеральнаго лагеря. Она всесторонне изучала каждую вытекавшую изъ нихъ идею, дѣлала выводы и предположенія, искала опасности въ недомолвкахъ и озабочивалась вопросомъ о способахъ развитія, подготовки и проведенія обѣщанныхъ реформъ:

„Едва ли можно льстить себя надеждами,—писалъ г.

Л. Брюхатовъ,—что избавленіе отъ тяжелыхъ золъ будетъ проведено путемъ всемогущей на первый взглядъ бюрократіи. Всемогущество это лишь—одна видимость. Оно дѣйствительно только для цѣлей отрицательныхъ, для задержки естественнаго развитія народа, для постановки на пути этого развитія безчисленныхъ препятствій. Но оно совершенно безсильно для творческой, созидательной работы. Силою вещей бюрократическое начало обречено на безплодіе въ области творчества. Изъ ничего не выходитъ ничего" („Наша Жизнь", № 3).

Поэтому особенная важность и значеніе Высочайшаго Указа 12 декабря заключалась въ томъ, что, благодаря признанію своевременности извѣстныхъ реформъ, было поддержано съ высоты Престола общественное мнѣніе, осуждавшее бюрократическій режимъ,—мнѣніе считавшееся сторонниками бюрократіи „крамольнымъ". Хотя и не прямо, но все же признана была политическая зрѣлость общества, а отсюда вытекала сама собою и необходимость его участія въ подготовительныхъ работахъ по проведенію реформъ. Эти работы необходимо подвергнуть контролю *жизненнаго* опыта, чтобы гарантировать мѣропріятіямъ жизненность и полезность. И ужъ, конечно, пользы въ этомъ отношеніи слѣдовало ожидать скорѣе отъ тѣхъ, кто собственнымъ опытомъ изучилъ сущность бюрократической опеки, а не отъ тѣхъ же опекуновъ.

Вопросъ объ этомъ участіи общественныхъ силъ возникъ немедленно, а пока не было признаковъ къ его желательному рѣшенію, обществу оставалось положиться на бдительность и энергію печати.

„Во главу обѣщанныхъ реформъ въ Указѣ 12 декабря поставленъ былъ *крестьянскій вопросъ*, тотъ вопросъ, который со дня освобожденія отъ крѣпостной зависимости не подвинулся ни на шагъ. Освободительный актъ обѣщалъ крестьянамъ свободную „личность въ области правовой и свободный трудъ въ области экономической. Данъ былъ могучій толчокъ къ урав-

ненію всѣхъ гражданъ передъ закономъ, но прошло 43 года съ эпохи освобожденія крестьянъ, и начала, возвѣщенныя въ актѣ 19 февраля 1861 года, не только не расцвѣли, но сильно поблекли. «Порвалась цѣпь великая, порвалась, раскачалася; однимъ концомъ—по барину, другимъ—по мужику».

„Въ настоящее время крестьянское сословіе представляетъ особую касту и имѣетъ свое кастовое устройство. Въ своей личной, семейной, общественной жизни крестьянинъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Онъ до сихъ поръ находится въ состояніи крѣпостной зависимости не отъ помѣщика, а отъ государства. До сихъ поръ крестьянинъ разсматривается, главнымъ образомъ, какъ доходная статья, или какъ рабочая сила. Теперь Высочайшій указъ повелѣваетъ обезпечить крестьянамъ положеніе полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“ *(Русс. Правда).*

Пунктъ 2-й именного указа возвѣщаетъ расширеніе самостоятельности общественнымъ выборнымъ учрежденіямъ; а такъ какъ эти учрежденія являлись въ то время наиболѣе живымъ и активнымъ элементомъ русскаго общества, въ особенности *земства*,—стоявшія въ непосредственной связи съ крестьянской жизнью,—то обширность реформъ поскольку онѣ затрогиваютъ органы русскаго „самоуправленія“, представлялась особенно интересной.

Главной задачей *земствъ* несомнѣнно является то „непрерывное удовлетвореніе насущныхъ нуждъ народныхъ“, которое именнымъ указомъ почитается достоинствомъ благомыслящей части населенія, а между тѣмъ именно такой характеръ дѣятельности земскихъ учрежденій вызывалъ до того времени безчисленныя противодѣйствія бюрократическихъ сферъ.

«По иниціативѣ министра фонъ-Плеве административныя власти всячески мѣшали въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ поднимать, обсуждать и баллотировать тѣ или другіе вопросы общегосударственнаго характера; за испол-

неніе своего долга передъ народомъ многіе дѣятели, съ кн. П. Д. Долгоруковымъ и Н. Ф. Бунаковымъ во главѣ, подверглись административнымъ карамъ; труды комитетовъ, прежде поступленія въ особое совѣщаніе, подверглись цензурѣ предводителей дворянства и губернаторовъ. Теперь, въ Высочайшемъ указѣ, пожеланія мѣстныхъ людей признаются «насущными нуждами народными», воспроизводятся сужденія мѣстныхъ комитетовъ по общимъ вопросамъ, обсужденіе которыхъ въ 1902 г. власти считали чуть ли не государственнымъ преступленіемъ...» («Наша Жизнь»).

«Бюрократическій режимъ осужденъ съ высоты престола. Указомъ, признавшимъ неотложною замѣну этого строя правовымъ, выдвигаются къ *самостоятельной* дѣятельности земства. Такъ какъ одновременно устанавливается неотложность мелкой земской единицы и уравненіе правъ крестьянъ съ лицами другихъ сословій, то, очевидно, для участія въ земской дѣятельности открывается путь широкимъ кругамъ населенія. Правда, понятія «мѣстное благоустройство, мѣстныя дѣла» какъ бы фиксируютъ заботы этихъ органовъ общественной службы въ тѣсномъ кругу губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ нуждъ. Но сорокалѣтній опытъ показалъ, какъ трудно на практикѣ разграничивать области мѣстныхъ нуждъ отъ общегосударственныхъ. Живое *общеніе земствъ* какъ между собой, такъ и съ правительственными учрежденіями, составляетъ именно ту «назрѣвшую нужду», непрерывное удовлетвореніе которой указъ ставитъ важнѣйшей задачей».

«Самостоятельное «въ законныхъ предѣлахъ» земство, состоящее изъ свободно избранныхъ представителей всѣхъ группъ населенія, не можетъ обойтись безъ *мелкой земской единицы,* намѣченной въ указѣ. Эта мелкая общественная ячейка дастъ *корни* земству, сраститъ его *непосредственно съ народомъ,* чего такъ боялись многіе прежніе видные государственные дѣятели».

«Но почерпая изъ нея еще болѣе тѣсное единеніе съ массами населенія и авторитетъ освѣдомленности и представительства объ его интересахъ, земства не могутъ не сливаться, въ виду вышеуказаннаго, *и въ большія* чѣмъ губернскія единицы» («Русс. Пр.», ст. г. Анзимирова).

Такимъ образомъ пока только рядомъ логическихъ выводовъ можно было подходить къ неизбѣжному признанію *общегосударственной* роли земства.

Та часть именного указа, которая касалась принятія дѣйствительныхъ мѣръ къ *охранѣ полной силы законовъ*, приводила прежде всего къ необходимости возстановленія основъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II и уничтоженія административно-судебныхъ органовъ, созданныхъ для парализованія силы правосудія въ цѣляхъ самой бюрократіи.

«Съ конца XVIII столѣтія сдѣлалось аксіомой то положеніе, что власть судебная не можетъ быть смѣшиваема съ властью административной и что смѣшеніе это неизбѣжно вызываетъ произволъ властей, являясь серьезной угрозой для законныхъ правъ гражданъ. Однако въ *положеніи о земскихъ начальникахъ* власть судебная и власть административная сосредоточены въ лицѣ земскихъ начальниковъ, которые склонны широко пользоваться этимъ сильнымъ оружіемъ, нисколько не похожимъ на мечъ правосудія».

Особенное въ ряду другихъ предстоящихъ реформъ мѣсто занималъ вопросъ объ отмѣнѣ *положенія объ усиленной охранѣ*.

«Положеніе это, охватившее почти всю Россію, преградило нормальное теченіе жизни государства, стянуло желѣзнымъ кольцомъ такія проявленія общественной и политической жизни, которыя вездѣ считаются нормальнымъ развитіемъ общественныхъ силъ въ государствѣ. При дѣйствіи положенія объ усиленной охранѣ всякія реформы, каждый новый прогрессивно настроенный законодательный актъ были заранѣе обречены на гибель, а общественная инициатива заранѣе объявляется преступной, разъ она не вполнѣ совпадаетъ съ видами правительства. Дѣйствіе закона при дѣйствительности этого положенія ничтожно и часто сводится къ нулю. У гражданъ отнимается право на неприкосновенность; всѣ они какъ бы объявляются подозрительными и неблагонадежными».

«Высочайшій указъ объясняетъ происхожденіе этихъ правилъ и законовъ «безпримѣрнымъ проявленіемъ преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка». Соотвѣтственно чему положеніе объ усиленной охранѣ, въ значительной степени поражающее права гражданъ всѣхъ безъ исключенія, было названо «временными правилами». Но эти временныя правила просуществовали

20 слишкомъ лѣтъ и существуютъ по сіе время. Безпримѣрное проявленіе «преступности», длящееся болѣе 20 лѣтъ, охватило громадное пространство Россійскаго государства, именно при существованіи положенія объ усиленной охранѣ («Руск. Пр.», № 257).

Это «Положеніе», расширяя до крайности власть органовъ администраціи, въ сущности шло навстрѣчу тому своеволію служилаго сословія, которое лежало темнымъ пятномъ на всей исторіи Московскаго царства. «Цари московскіе, по духу того времени, угрожали служилымъ людямъ страшными карами за нарушеніе законовъ. Петръ I кары усилилъ и къ нимъ прибавилъ дубинку. Но все же характерная особенность и петербургскаго періода запечатлѣна изреченіемъ: «Всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять».

Въ дѣйствительности «побѣда осталась на сторонѣ служилаго сословія. Оно свои представленія пустило въ плоть и кровь нашей государственной жизни. Деморализація привилась до того, что мы сильною властью признаемъ только ту, которая поступаетъ по своему произволу и усмотрѣнію, а не ту, которая стоитъ на стражѣ полной силы законовъ» («Русск. Сл.»).

Въ конечномъ же результатѣ получалось то самое, противъ чего предостерегала государственная канцелярія; въ соображеніяхъ объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства (при состав. суд. уст. Имп. Александра II), между прочимъ было сказано: «Когды тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ *неуваженіе къ властямъ* и нравственная распущенность, при которыхъ государство *колеблется въ самыхъ его основаніяхъ*».

По поводу «охраненія полной силы закона» газета *Наша Жизнь* обращала вниманіе на несовершенство самаго свода законовъ, въ который вошла масса узаконеній дореформеннаго періода, а между тѣмъ «законъ, блюсти который призывается администрація, тѣмъ самымъ провозглашается какъ бы совершеннымъ и достойнымъ самаго точнаго выполненія... Наше дѣйствующее законодательство во всей его совокупности—сводъ законовъ—представляетъ собою археологическій памятникъ права. За немногими исключеніями этотъ памятникъ построенъ изъ стараго матеріала, пережившаго вѣка, начиная съ уложенія 1649 года, и при-

способленнаго скульптуромъ юриспруденціи Сперанскимъ къ бюрократическому обиходу».

«Дальнѣйшія наслойки состояли отнюдь не изъ лучшаго матеріала: бюрократія умерщевляла порывы творчества, если они когда-либо возникали, и барельефы памятника оказались строго согласованными съ сѣдой стариной, вѣрной традиціямъ эпохи Николая I. Если нѣкоторыя части законодательства подвергались обновленію и нѣсколько дисгармонировали съ кодифицированнымъ архивомъ, то этотъ контрастъ быстро сглаживался: ткалась поспѣшно бюрократическая паутина и ею покрывалась «чуждая строю» новизна; поправки, дополненія, изъятія и прочія формы бюрократизаціи закона вытѣсняли изъ кодекса точно случайно попадавшія въ него свѣжія нормы; полицейскіе принципы сглаживали неровности и старый испытанный другъ бюрократіи—архивный сводъ законовъ—продолжалъ свои функціи, изъ коихъ главнѣйшая—сдерживать напоръ жизни и сводить ее на мертвую точку».

«Весь уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи—сплошной архивный курьезъ. Но онъ даетъ полиціи неограниченныя полномочія контролировать частную жизнь обывателя до мельчайшихъ подробностей, о которыхъ и не подозрѣваетъ читатель... Обывателю надо было благодарить судьбу за то, что существуетъ у насъ беззаконіе, за то, что полиція не исполняла своихъ обязанностей, осуществляя всѣ повелѣнія закона о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Желать законности въ такой сферѣ—значитъ желать всеобщаго закабаленія въ участкѣ («Наша Жизнь», № 77).

Въ 6-мъ пунктѣ указа выражено твердое намѣреніе охранять *терпимость въ дѣлахъ вѣры;* въ виду чрезвычайнаго разнообразія въ Россіи народностей и религіозныхъ ученій, а также многочисленныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ толковъ, эта часть указа должна была внести умиротвореніе въ отношенія между администраціей и милліонами русскихъ подданныхъ.

«Начала вѣротерпимости хоть и не чужды настоящему положительному законодательству, но въ дѣйствительности область религіозныхъ вѣрованій, какъ и другія стороны народнаго духа, регулировалась не истиннымъ смысломъ положительнаго законодательства, а разными циркулярами, которые, накопляясь съ годами, устранили примѣненіе за-

коновъ. Дѣйствіе этихъ циркуляровъ было глубоко разрушительное. Подъ ихъ вліяніемъ такъ называемыя религіозныя преступленія умножались въ своемъ числѣ и создали въ странѣ широкое оппозиціонное теченіе, тѣмъ болѣе грозное по своему значенію, что люди, гонимые за свою вѣру и религіозныя убѣжденія, защищаютъ свое «святая святыхъ», несмотря на суровыя кары и испытываемыя страданія... Терпимость къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ есть основное свойство русскаго народа. Не даромъ, стремясь къ познанію себя самого, русскій народъ выдѣлилъ изъ своей среды множество сектъ и религіозныхъ ученій, направленныхъ къ отысканію истины... Вѣротерпимость—это неотъемлемое благо гражданъ. У насъ же это благо подвергается на каждомъ шагу стѣсненіямъ!..»

«Много страдали и страдаютъ инородцы въ Россіи отъ отсутствія нормъ, которыми должна регулироваться ихъ личная семейная и общественная жизнь. Инородцы—пасынки Россіи, и они принимались въ расчетъ только при составленіи государственной росписи о доходахъ и расходахъ. Пріобщеніе инородцевъ къ истинной культурной жизни—давно созрѣвшая потребность» («Русск. Пр.»).

«Признавая въ принципѣ вѣротерпимость, правительство не считало однако возможнымъ отдѣлять дѣло вѣры, религіознаго убѣжденія, отъ интересовъ политики... Въ виду политическихъ соображеній были лишены полноты гражданскихъ правъ старообрядцы, преслѣдовались различные сектанты, подвергались стѣсненіямъ католическая религія и духовенство въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, насильно обращались въ православіе латыши-лютеране въ Прибалтійскомъ краѣ и уніаты въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ, преслѣдовались за «отпаденіе» отъ православія безсознательно крещенные татары и башкиры подвергались различнымъ ограниченіямъ буряты-буддисты и т. д. Не дозволялись религіозныя собранія, запечатывались храмы и молельни, закрывались скиты, монастыри, преслѣдовались духовныя лица и религіозные наставники, конфисковались имущества, иконы, богослужебныя книги, запрещались моленія, обряды, отказывалось въ гражданскомъ признаніи совершаемыхъ въ преслѣдуемыхъ религіозныхъ общинахъ браковъ и т. д. За два вѣка императорскаго періода нашей исторіи многіе милліоны русскихъ подданныхъ вынуждены были терпѣть цѣлый рядъ насилій, правонарушеній и притѣсненій... Много было перенесено этими людьми горя, страданій и обидъ, многіе под-

верглись заточенію и ссылкѣ, другіе разоренію; ограниченные въ своихъ гражданскихъ правахъ, они подвергались притѣсненіямъ и поборамъ со стороны духовенства и полицейскихъ властей. И нельзя было найти нигдѣ защиты отъ такихъ преслѣдованій и притѣсненій; долгое время нельзя было даже говорить о нихъ (дѣла о раскольникахъ, напримѣръ, долго считались секретными) («Русск. Вѣд.», № 105).

Теперь всему этому приближался конецъ и передъ православною церковью, вынуждавшеюся къ гоненію самой вѣротерпимости, открывалась задача обращать къ себѣ сердца уже не силою циркуляровъ и помощью властей, а свѣтомъ своего ученія; открывалась задача возстановить утраченное вліяніе священнослужителей, освобожденіемъ ихъ отъ роли духовныхъ чиновниковъ.

Заключавшееся въ указѣ повелѣніе объ устраненіи излишнихъ *стѣсненій печати*, дабы она могла достойно выполнять свое высокое призваніе дало поводъ либеральнымъ органамъ высказать слѣдующія соображенія:

«Если сопоставить съ указаніемъ «долга» печати опредѣленіе ея роли въ Высочайшемъ указѣ, въ которомъ печать призывается «быть правдивою выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи», то, казалось бы, отсюда можно сдѣлать заключеніе, что печать не только можетъ, но и обязана говорить обо всемъ, что въ данное время интересуетъ и волнуетъ общество. Въ дѣйствительности однако печать до настоящаго времени не только не можетъ обсуждать многія изъ текущихъ событій, но *даже и упоминать* о многихъ характерныхъ общественныхъ явленіяхъ, которыя не составляютъ тайны ни для кого и свѣдѣнія о которыхъ даже печатно разносятся по всей Россіи. Сама Верховная власть заявляетъ, что «когда потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшей», то къ совершенію ея она считаетъ «необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній»; но потребности назрѣваютъ послѣдовательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ назрѣваетъ и необходимость перемѣнъ. При отсутствіи же постоянныхъ государственныхъ органовъ, которые бы были непосредственными выразителями народныхъ нуждъ, требующихъ общихъ перемѣнъ въ строѣ государ-

ственной и общественной жизни, печать является *единственнымъ* посредникомъ между обществомъ и властью». И именно для выполненія этого высокаго призванія «она должна пользоваться свободой не нарушаемой безпрестанно вмѣшательствомъ административнаго усмотрѣнія» («Русск. Вѣд.»).

«Тотъ народъ, который не имѣетъ права высказывать свободно свои мысли, стремленія, надежды и чувства, обреченъ на мрачное, безпросвѣтное существованіе. Тамъ, гдѣ печать пользуется свободой, она, какъ яркій свѣточъ, освѣщаетъ всѣ темные углы общественной жизни, вскрывая все лучшее и поражая своею нравственной силой худшіе элементы. У насъ печать не можетъ быть уподоблена такому свѣточу,—*это слабо мерцающая лампадка*. Она не распространяетъ въ массѣ народной свѣта, а зачастую даетъ чадъ и копоть, происходящіе отъ недоброкачественности горючаго матеріала, надъ которымъ оперируетъ печать («Русск. Правда», № 258).

Приведенныя раньше выдержки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и сопоставленіе толкованій Высочайшаго Указа этою газетой съ обоснованными толкованіями либеральной прессы, вполнѣ ясно обнаруживаютъ, гдѣ именно гнѣздились „убожество, кривотолки и разнузданность“.

* * *

Въ общемъ, несмотря на одновременное съ указомъ появленіе правительственнаго сообщенія, идеи и намѣренія, изложенныя въ именномъ указѣ 12 декабря 1904 г., были направлены къ умаленію силы бюрократіи и къ дарованію населенію имперіи, терпѣвшему отъ произвола властей, законныхъ способовъ борьбы за право.

Однако, въ виду полнаго отсутствія такихъ органовъ государственной власти, которые бы давали гарантіи безпристрастнаго развитія предначертанныхъ реформъ, сразу же возникъ тревожный вопросъ: кто же и какъ будетъ проводить ихъ въ жизнь? Неужели опять все та же бюрократія!

По этому вопросу г. А. Стаховичъ, въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“ (Русь) писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Разстройство русской жизни, наполняющее глубокою скорбью сердца всѣхъ, кто любитъ родину, было въ главной мѣрѣ дѣломъ рукъ бюрократіи: она исказила и внутреннее развитіе страны, она же направила на гибельный путь нашу внѣшнюю политику, подготовивъ разгромъ флота и сдачу Портъ-Артура. Она привела къ полнѣйшему разобщенію власти и общества, стала между ними глухимъ средостѣніемъ, лишивъ первую возможности знать мнѣніе и настроеніе общества, а послѣднее—заявлять о своихъ нуждахъ и оказывать вліяніе на удовлетвореніе ихъ путемъ законодательства. Законность вытѣснена бюрократическимъ произволомъ и личнымъ усмотрѣніемъ, гласный и независимый судъ — безапелляціонной административной расправой; свобода слова, печати, совѣсти уничтожена давящимъ бюрократическимъ режимомъ, направленнымъ къ тому, чтобы всѣ обитатели страны думали, говорили, писали, вѣровали и молились такъ, какъ это предписывается бюрократическими циркулярами, а не какъ велятъ совѣсть, нравственность, разумъ и сознаніе своего человѣческаго достоинства. Мѣстное самоуправленіе сведено къ нулю“.

„Всѣ казенныя вѣдомства насквозь пропитаны бюрократическимъ духомъ. Современный русскій вопросъ сводится къ тому, какъ *изъять* изъ нашего государственнаго организма *инородное тѣло, именуемое бюрократіей* *), и не бюрократія же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ рѣшить этотъ вопросъ!

„Мы полагаемъ, что и сами гг. бюрократы должны чувствовать всю неловкость и фальшь своего положенія въ данномъ случаѣ. Если они примутся сами за проведеніе реформъ, имъ придется работать надъ устраненіемъ самихъ себя,—*изыскивать мѣры къ собственному самоограниченію и истребленію* *). Это будетъ похоже на знаменитую вдову Пошлепкину, которая „сама себя высѣкла“...

*) Курсивъ нашъ.

„Желанія русскаго общества не только справедливы,— они и очень умѣренны. Въ нихъ нѣтъ утопичности, они вполнѣ реальны, сводясь къ требованію элементарныхъ правъ личности и правъ общественныхъ,— тѣхъ правъ, которыми давно обладаютъ цивилизованные народы Европы, только Турція лишена ихъ, и неужели наша бюрократія захочетъ уподобиться турецкимъ пашамъ? Пусть бюрократія вспомнитъ слова великаго государственнаго дѣятеля убѣжденнаго консерватора: „Силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ихъ вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, не осуществленныхъ въ свое время“.

XX.

Паденіе Артура.

18-е декабря 1904 г. надолго останется въ памяти русскаго народа. Палъ Портъ-Артуръ послѣ столькихъ жертвъ деньгами и людьми, послѣ нечеловѣческихъ страданій защитниковъ... Только когда стало очевиднымъ, что крѣпость будетъ взята первымъ дружнымъ натискомъ японцевъ, только въ виду страшной опасности, грозившей массѣ изувѣченныхъ въ битвахъ и изнуренныхъ цынгою страдальцевъ, герои подчинились рѣшенію генерала Стесселя сказать роковое слово.

„Великій Государь, Ты прости насъ! Сдѣлали все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво“, такъ телеграфировалъ ген. Стессель Государю... Но кто и какъ долженъ судить тѣхъ, которые были истинными виновниками гибели и страданій десятковъ тысячъ самоотверженны[illegible] попавшихъ въ эту западню. Исторія к[illegible] несетъ свой строгій приговоръ. Но ко[illegible] рама не имутъ!

Петербургъ, главный [illegible]

на Дальнемъ Востокѣ, Петербургъ, живущій на приношенія и соки Россіи, принялъ извѣстіе о гибели Портъ-Артура возмутительно, если не гнусно.

„Русь“ рисуетъ такую картину:

„Театры были полны, у „Медвѣдя“ вечеромъ все было занято, румынскіе оркестры ныли по обыкновенію: „Ужель такъ скоро минулъ блаженства часъ...“, а предрождественскіе базары отличались особымъ многолюдствомъ.

„На базарахъ гремѣла несмолкаемо музыка, двигалась шумная, оживленная толпа, весело хлопотали разряженныя продавщицы изъ общества „высшаго“ и „почти высшаго“ усердно лилось „съ благотворительною цѣлью“ шампанское. Портъ-Артуръ далеко отъ Россіи, а Петербургъ—еще дальше“.

Портъ-Артуръ—надгробный памятникъ бюрократическому режиму; онъ былъ причиною неисчислимыхъ несчастій, но съ него же началось и крушеніе той силы, которая его создала. Выполненіе связанной съ нимъ идеи не только внесло въ чужую страну, подъ видомъ культуры, безшабашный разгулъ прожигателей чужихъ денегъ, но и уничтожило сотни тысячъ жизней.

При извѣстіи о капитуляціи злосчастной крѣпости справедливый русскій народъ не выразилъ особаго озлобленія противъ храбраго непріятеля, достигнувшаго успѣха самоотверженной службой своей родинѣ. Россія испытывала только чувство тяжкаго оскорбленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторое облегченіе, такъ какъ народъ хорошо видѣлъ, что не войска нанесли [illegible]ну его самолюбію, и уже давно чувствовалъ, какъ [illegible]раведливо возлагать на защитниковъ страны отвѣт-[illegible]ость за промахи, которые не ими были сдѣланы.

наша, какъ и всегда, оказалась самоотвер-[illegible]ой, умѣющей совершать нечеловѣческіе [illegible]мирать“.

[illegible]ы на войну, всѣ рѣшенія на колоссаль-[illegible]ершались въ тиши канцелярій.

„Сдѣлала ли наша бюрократія все возможное, чтобы предотвратить войну, чтобы подготовить оборону, чтобы твердо отстаивать разъ принятый колоніальный планъ?

„На сушѣ, какъ и на морѣ, мы до сихъ поръ не одержали ни одной побѣды, но понесли уже рядъ пораженій. Но кто же нашъ врагъ? Только ли японцы?

„Истинными врагами родины остаются тѣ, кто мѣшалъ Россіи стать образованной страной, кто убаюкивалъ общественное вниманіе, кто мѣшалъ думать и говорить свободно".

„Всѣ эти лицемѣры, фальшивые патріоты, боявшіеся гласности, потому что она мѣшала бы имъ совершать ихъ темное дѣло,—всѣ они виновны передъ Россіей". (*Русск. Правда*).

Сильно и вѣрно оцѣнила значеніе скорбнаго событія новая газета „Наши Дни": „Конечный пунктъ нашей колоніальной политики на Дальнемъ Востокѣ, воздвигнутый на полумилліарды полунищаго народа, залитый кровью десятковъ тысячъ молодыхъ жизней, обезсиленный столь неравнымъ поединкомъ, сложилъ свои знамена у ногъ побѣдителя. Неопредѣленность, жуть охватываетъ душу. Жалко намъ разбитыхъ неоправданныхъ надеждъ, за защитниковъ больно, за тѣ колоссальныя жертвы, которыхъ стоилъ намъ и японцамъ этотъ многострадальный уголокъ земли, но въ то же время что-то говоритъ намъ, что не пропадетъ наше обильное жертвоприношеніе, что это—тяжелый, но, быть можетъ, необходимый *актъ искупленія*. Портъ-Артуръ палъ. Говоритъ ли въ насъ чувство ненависти къ врагу, волнуетъ ли насъ ненасытная жажда мести и отплаты? Нѣтъ, Портъ-Артуръ совсѣмъ не то, что Севастополь. Севастополь — нашъ жизненный нервъ, Портъ-Артуръ—лишь дорогое кольцо на нашемъ мизинцѣ. Народъ чувствуетъ принесенныя и приносимыя имъ жертвы, но онъ не почувствуетъ Портъ-Артура. Онъ не почувствуетъ его матеріально, и потому у насъ

не можетъ быть ни ненависти, ни жажды, мести, но за то у насъ есть *зависть и чувство соревнованія.* Государство въ три раза населеніемъ меньше нашего, территоріей въ 50 разъ меньше нашей, но вооруженное свободой, сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ потребностямъ и задачамъ, одержало въ столь короткій промежутокъ времени такой поразительный рядъ побѣдъ. Не надъ нами, не надъ нашей родиной, и даже не надъ нашей арміей одержала Японія свои побѣды а надъ нашими историческими прорѣхами"...

Отнынѣ намъ нужно одно, восклицала „Русь": Единство мысли и дѣла. Да сгинетъ же, наконецъ, да пропадетъ эта раздвоенная сила русскаго народа, эта постыдная ложь и клевета на ясный разумъ его. Безъ народа одному правительству, какъ и въ суровую зиму 1812 года, не осилить великой русской бѣды".

Значенія катастрофы на Дальнемъ Востокѣ, какъ крупнаго факта, проистекавшаго отъ ненормальностей внутренней политики и указывающаго на необходимость новаго, освободительнаго направленія, коснулся епископъ нарвскій *Антонинъ* въ словѣ, сказанномъ 26 дек. въ Казанскомъ соборѣ.

«Звѣзда праздника взошла для насъ не въ сіяніи радости, а во мглѣ оцѣпенѣвающей скорби... Еще дымятся остатки погребеннаго города, а золотая гора его, гдѣ развѣвалось наше знамя креста, отнынѣ—памятникъ, на которомъ перстъ Божій написалъ прегрѣшенія однихъ и мученичество другихъ. Наши отцы и братья, доблестные воители, достохвальные страдальцы за родину, почти годъ выдерживали вражьи натиски, дни и ночи не знали отдыха въ героическихъ, сверхчеловѣческихъ ратныхъ трудахъ, въ голодѣ, лишеніяхъ, болѣзняхъ, ужасахъ и изнеможеніи. Львами поднимались они противъ врага, но у нихъ слабосильны были зубы и когти для обороны, и они стали овцами, обреченными на закланіе. *Такъ зимою собрано только то, что посѣяно лѣтомъ.* Передъ лицомъ Вселенной мы явились съ дѣлами своими. Ударъ невидимой десницы налагаетъ неотвратимое мщеніе. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря, чтобы растаяли наши сердца, и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ затѣмъ, чтобы раз-

сыпался пережитокъ тѣхъ дней—*порабощенность духа»* *)... *(Р. Вѣд.).*

«Московскія Вѣд.», воскликнувшія при извѣстіи о паденіи Артура: «погасъ лучъ русской славы!..» еще недавно считавшія его жемчужиной русской короны и оплотомъ Дальняго Востока, — рѣзко перемѣнили тонъ: «Должно помнить и сознавать, заговорили онѣ, что, со стороны матеріальной и военной, взятіе японцами Портъ-Артура далеко не имѣетъ того крупнаго значенія, которое хотятъ придать ему въ извѣстномъ лагерѣ...»

«Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою паденіе Портъ-Артура не въ смыслѣ моральномъ, а въ смыслѣ чисто матеріальномъ? Что пріобрѣтаютъ японцы и что теряемъ мы, русскіе?»

Русскія Вѣдомости въ № 355 помѣстили слѣдующую эпитафію павшему дѣтищу бюрократіи, политому невинною кровью: «Портъ-Артуръ перешелъ въ руки русскихъ, къ великой обидѣ японцевъ. Снова и еще много большее число милліоновъ было затрачено на возведеніе фортовъ, устройство дока, на постройки зданій здѣсь и въ Дальнемъ, на постройку желѣзной дороги, броненосцевъ, крейсеровъ и т. д. И снова все это погибло, истреблено, разорено, стало добычей японцевъ. Десятки тысячъ молодыхъ жизней китайцевъ, японцевъ, русскихъ принесены здѣсь въ жертву политическому соперничеству, непредусмотрительности, самонадѣянности. Сотни милліоновъ погублены зря, безъ пользы для народовъ, для цивилизаціи, для человѣчества. Сколько бы можно было сдѣлать на эти милліоны полезнаго и необходимаго, сколько производительной работы можно было бы совершить силами всѣхъ этихъ погибшихъ массъ, на трудовыя сбереженія сотенъ милліоновъ людей, потраченныя только на преждевременную и безцѣльную гибель ихъ многочисленныхъ собратій. Портъ-Артуръ—это великій ужасъ для человѣчества и въ то же время одна изъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи международной вражды».

«Портъ-Артуръ—не Россія. Для массы русскаго народа это—что-то далекое, неизвѣстное, непонятное, чуждое. Какой-то клокъ китайской земли, куда мы самонадѣянно зашли для того, чтобы тамъ завязнуть. Не будетъ Портъ-Артура,—только меньше заботъ и тратъ. Но не забудетъ Россія этой ужасной бойни, этой трагической развязки

*) Курсивъ нашъ.

непредусмотрительной политики, этихъ тяжелыхъ и напрасныхъ народныхъ жертвъ. Эти жертвы—вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе уроки. Они должны насъ образумить, должны убѣдить насъ всѣхъ, что ни тамъ, на чуждомъ намъ далекомъ Востокѣ, должны мы видѣть наши задачи, искать нашего благосостоянія, оспаривать нашею гибелью чуждыя и ненужныя намъ земли, а здѣсь, въ Россіи, среди насъ, на нашей землѣ, должны мы подумать о себѣ, о собственномъ устроеніи, о томъ, чтобы не гибли зря наши послѣднія крохи, о томъ, чтобы голосъ народа доходилъ непосредственно до власти, чтобы великое земское дѣло обсуждалось совмѣстно съ представителями земли, чтобы утвердились, наконецъ, у насъ правопорядокъ и свобода, основанные на обезпеченномъ закономъ взаимодѣйствіи власти и народа».

Удрученное состояніе, въ которое было ввергнуто русское общество какъ извѣстіемъ объ артурской катастрофѣ, такъ и безпокойствомъ за дальнѣйшее теченіе борьбы съ Японіей, сначала какъ бы парализовало общественную дѣятельность, но вслѣдъ затѣмъ она развернулась съ еще большею энергіей. Паденіе Артура отрезвило многихъ и многихъ, внушивъ имъ болѣе ясное представленіе о пропасти, уготованной великому народу самоувѣренными его опекунами.

* * *

Слѣдуетъ отмѣтить, что послѣ катастрофы въ послѣдній день года, 31 декабря, депутація отъ *Русскаго Собранія* представила Государю Императору челобитную съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и увѣреніемъ въ томъ, что оно отвергаетъ всякую мысль объ измѣненіи существующихъ устоевъ. Русскому Собранію дороже всего была увѣренность въ томъ, что «нашъ государственный строй огражденъ отъ поползновеній лицъ, возомнившихъ себя призванными переустраивать государственный укладъ. Въ своей «челобитной» *Русское Собраніе* совершенно не коснулось желательности какихъ-либо мѣръ на пользу родины изнемогавшей отъ старыхъ порядковъ,—тогда какъ порядки эти были уже осуждены и съ высоты Престола... Повидимому оно желало довѣрить дѣло реформъ всецѣло «опытнымъ» рукамъ что, впрочемъ, было бы вполнѣ есте-

стьянскаго и иной «собранія» стали или большихъ чиновъ, а этому соотвѣтствовало и большинство его состава. Въ декабрѣ уже стали необходимымъ выйти изъ этого общества отъ бюрократіи нѣсколько видныхъ его членовъ, между прочимъ извѣстный писатель С. Ф. Шараповъ, ревностный сторонникъ идеи самодержавія, но не въ формѣ бюрократическаго правленія.

Вообще среди лицъ, примкнувшихъ къ обновительному движенію, было не мало сторонниковъ самодержавія, которые однако вмѣстѣ съ утвержденіемъ этого принципа требовали перемѣщенія бюрократіи въ исполнительные органы съ точно ограниченными правами. По ихъ воззрѣніямъ бюрократія не должна имѣть никакого вліянія на законодательство, которое подлежитъ вѣдѣнію свободно избранныхъ представителей Земской Россіи, т.-е. народному собранію, подъ сѣнью Самодержавной власти.

XXI.

Рабочее движеніе.

Новый 1905 годъ въ Россіи встрѣчался въ подавленномъ настроеніи... Въ Москвѣ самый моментъ новолѣтія выразился особенно мрачно; торжественно и печально зазвучали въ полночный часъ колокола всѣхъ московскихъ церквей, призывая къ панихидѣ о воинахъ отдавшихъ свою жизнь Дальнему Востоку.

Всѣхъ въ этотъ часъ угнетала одна тревожная мысль: что сулитъ ближайшее будущее, обреченное вѣдаться съ тяжелымъ наслѣдіемъ минувшаго года?.. А мрачныя событія уже шли навстрѣчу предчувствіямъ, и все то, что произошло въ Россіи въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, далеко превзошло всякія ожиданія.

Общее новогоднее настроеніе было удачно изображено въ передовой статьѣ № 1 *Русской Правды*, озаглавленной „Новогоднія думы“ *):

«Умерли люди, миновали событія... Ушла изъ нашихъ рукъ твердыня манчжурской политики—Портъ-Артуръ;

*) Точками отмѣчены мѣста, выпущенныя въ цѣляхъ сокращенія.

лежитъ на днѣ моря 1-я тихоокеанская эскадра вмѣстѣ со своимъ начальникомъ С. О. Макаровымъ, цѣлый корпусъ въ плѣну у японцевъ... Все это уже *прошлое*.

«Но война длится...

«Зіяющая рана, никѣмъ не перевязанная, сочится кровью изъ усталаго народнаго тѣла... Гибнутъ солдаты и офицеры, сиротѣютъ семьи, таютъ милліоны, заключаются новые займы, придумываются налоги. А конецъ испытаніямъ скрывается гдѣ-то далеко, въ туманной дали неизвѣстнаго будущаго... Десятки тысячъ солдатъ и офицеровъ отдали свое лучшее достояніе—жизнь—для поддержанія «престижа» отечества у береговъ Тихаго океана... Давящая, грозная туча повисла надъ Россіей... Душно, нудно, жутко... Манифестъ 12 декабря блеснулъ среди сумерекъ, возвѣстивъ цѣлый рядъ реформъ. Чутко прислушивается къ тому, что дѣлается во исполненія этого Манифеста въ Комитетѣ министровъ и въ петербургскихъ канцеляріяхъ, вся думающая Россія и ждетъ отъ печати освѣщенія волнующихъ вопросовъ. Но молчитъ и не договариваетъ безправная, еле терпимая русская печать.

«Общество не принимаетъ участія въ совершаемомъ высшими сановниками Имперіи творчествѣ. Ему готовятъ *елку съ сюрпризами*, въ закрытой комнатѣ, куда до поры до времени не должны проникать любопытные взоры подростковъ-обывателей.

«А жизнь неудержимо-властно требуетъ обновленія... Неудачная война раскрыла всѣмъ глаза, на всѣ недостатки заржавленной бюрократической машины, остававшейся около 40 лѣтъ безъ капитальнаго ремонта.

«Бюрократія взяла на себя полностью управленіе жизнью, а слѣдовательно—и всю отвѣтственность... Отвѣтственность?! Но судъ исторіи наступаетъ не скоро...

«Тяжелое наслѣдіе оставилъ намъ прошлый, високосный годъ... Положеніе серьезно. Преступно это скрывать».

Въ первый день новаго года была объявлена замѣна московскаго генералъ-губернаторства градоначальствомъ и произошелъ выходъ въ отставку московскаго оберъ-полицеймейстера ген. Трепова.

2 января началось въ Петербургѣ рабочее движеніе, вспыхнувшее еще въ декабрѣ въ Баку. Оно началось забастовкой на Путиловскомъ заводѣ, которая быстро охватила всѣ заводскія и ремесленныя предпріятія сто-

лицы и ея окрестностей, а затѣмъ распространилось по фабрично-заводскимъ центрамъ всей Имперіи, принявъ небывалые въ Россіи размѣры какъ по числу забастовщиковъ, такъ и по своей чрезвычайной продолжительности.

Въ петербургской забастовкѣ участвовало болѣе 100 тысячъ человѣкъ. Заводскіе рабочіе, руководимые священникомъ Георгіемъ Гапономъ, бывшимъ до того времени предсѣдателемъ „общества фабричныхъ рабочихъ" по соглашенію съ властями, вели себя весьма сдержанно, но предъявляли къ владѣльцамъ фабрикъ крайнія требованія, исключавшія возможность скораго соглашенія. Притомъ же они стремились одновременно съ упроченіемъ своего соціальнаго положенія и къ достиженію политической свободы. Эта сторона требованій, стоявшая въ связи съ общимъ движеніемъ, выступила даже на первый планъ.

И вотъ, въ воскресенье *9 января* совершенно неожиданно произошла на улицахъ столицы памятная кровавая трагедія, изумившая весь міръ. *Въ правительственномъ сообщеніи* событіе это объяснялось всецѣло агитаціей злонамѣренныхъ людей:

«Къ агитаціи, въ сторону которой уклонилась дѣятельность «Общества фабричныхъ рабочихъ», вскорѣ присоединились подстрекательства подпольныхъ революціонныхъ кружковъ,—словомъ, вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ утра 8-го января перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ тотъ же день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ коей, рядомъ съ пожеланіемъ объ измѣненіи условій труда, были изложены дерзкія требованія политическаго свойства. Въ рабочей средѣ былъ распущенъ слухъ и распространено письменное заявленіе о необходимости собраться въ 2 часа дня 9-го января на Дворцовой площади и черезъ священника Гапона представить Государю Императору прошеніе о нуждахъ рабочаго сословія. Въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось, и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь. Фанатическая про-

паганда, которую, въ забвеніи святости духовнаго сана, велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злоумышленныхъ лицъ возбуждали рабочихъ настолько, что уже 9-го января огромная толпа стала направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованію разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: по Шлиссельбургскому тракту, у Нарвскихъ воротъ, близъ Троицкаго моста, на 4-й линіи Малаго проспекта Васильевскаго острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта и улицы Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, на одной изъ которыхъ прикрѣпила красный флагъ, при чемъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы. У городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разгромила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около 100 стальныхъ клинковъ, которые однако были большею частью отобраны. Въ первомъ и во второмъ участкахъ Васильевской части толпой была порвана телеграфная проволока и опрокинуты телеграфные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе, и помѣщеніе участка разбито; вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской стороны разгромлено 5 лавокъ».

Въ шествіи на Дворцовую площадь принимали участіе не одни рабочіе,—оно имѣло характеръ общенародный. Офиціальное объявленіе о пострадавшихъ опредѣляло ихъ число въ 96 убитыхъ и 333 раненыхъ, принадлежавшихъ къ разнымъ слоямъ общества. Отъ нападеній же на войска и полицію, на которыя указывало правительственное сообщеніе, по тѣмъ же даннымъ отъ 10 января, оказалось убитымъ околодочный надзиратель, тяжело раненый приставъ и двое легко раненыхъ—жандармъ и городовой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ частныя сообщенія объ этомъ ужасномъ событіи были подвергнуты запрету и въ газетахъ не появилось почти никакихъ дополненій къ правительственному сообщенію.

Весьма серьезные безпорядки происходили въ Петербургѣ и на слѣдующій день, 10 января; но сообщались во всеобщее свѣдѣніе лишь нѣкоторыя частныя подробности, какъ, напр., о попыткѣ нападенія на Гостиный дворъ, о паникѣ и давкѣ вслѣдствіе потухшаго электрическаго освѣщенія и т. п.

Вечеромъ 10 января во многихъ мѣстахъ происходили собранія различныхъ группъ населенія, преимущественно интеллигенціи. Наиболѣе многочисленное собраніе было въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, достигшее 600 человѣкъ. На Невскомъ группа интеллигентныхъ лицъ заставляла магазины закрываться въ знакъ сочувствія движенію („Русск. Вѣд.“).

Въ общемъ, свѣдѣнія правительственнаго сообщенія не удовлетворили никого. Газеты мрачно молчали, а страшно взволнованное общество, не склонное взирать на происшедшее, только какъ на столкновеніе войскъ съ недозволеннымъ скопленіемъ толпы, питалось слухами, зачастую преувеличенными, хотя, впрочемъ, суть дѣла была такъ ужасна, что не представлялось надобности ни въ преувеличеніяхъ, ни въ замалчиваніи.

Глубоко взволновано и изумлено было не одно только русское общество. Во многихъ городахъ Зап. Европы „происходили демонстраціи и даже нападенія на зданія русскихъ посольствъ и консульствъ (Брюссель, Лондонъ, Тріестъ). Въ Италіи была допущена демонстрація съ парламентской трибуны“. (О демонстраціяхъ сообщали изъ Парижа, Швейцаріи, Берлина и др. мѣстъ.) „Общій голосъ печати всѣхъ странъ высказывалъ убѣжденіе, что петербургскія событія могли принять менѣе трагическій, а можетъ быть и вполнѣ благополучный исходъ, если бы принятыя мѣры находились въ большомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительною надобностью“ („Русь“).

И русская печать, несмотря на усилившійся гнетъ цензуры, проявила сильное возбужденіе; не имѣя возможности высказаться вполнѣ, она доказывала, что ру-

жейные залпы по безоружной толпѣ не были вызваны необходимостью и не могутъ быть оправданы даже существующими законами, такъ какъ въ дѣйствіяхъ рабочихъ не было стремленія къ насилію или буйству. Какъ видно изъ „обращенія“ Правительствующаго Синода отъ 14 января, рабочіе шли предводимые священникомъ, съ иконами и хоругвями, въ видѣ крестнаго хода, слѣдовательно съ мирными намѣреніями.

Газета *Наши дни* по поводу страшныхъ дней 9 и 10 января высказала слѣдующее:

„Въ политикѣ существуютъ такіе аргументы, къ которымъ прибѣгаетъ старый порядокъ въ борьбѣ съ новымъ. Не нужно обманываться: они могутъ подѣйствовать на нѣсколько историческихъ мгновеній. Но система, пускающая въ ходъ такіе аргументы, осуждаетъ себя безповоротно. Она теряетъ послѣднее подобіе *нравственной базы*, а безъ таковой не можетъ существовать даже система организованнаго произвола. Когда рушатся моральные устои политическаго порядка, то разрѣшаются и узы всякаго порядка... Массы мятутся и не могутъ заниматься мирнымъ трудомъ. Культурная работа невольно пріостанавливается“... „Во имя культуры и порядка, во имя мира и спокойствія, во имя человѣчности, не допускающей и мысли о повтореніи пережитыхъ ужасовъ, желаніе общества, ставшее уже достояніемъ массъ, должно быть исполнено неотложно“.

Впечатлѣніе трагическихъ событій неизгладимо.

„Оно навсегда останется страшной страницей нашей исторіи въ памяти русскаго общества и передъ отдаленными потомками нашими будетъ стоять кровавымъ призракомъ укоризны... Никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Петербургъ, улицы города не были обагрены кровью сотенъ мирныхъ гражданъ, никогда еще среди безоружной толпы не было столько жертвъ... Ничто не смягчаетъ мрачнаго колорита картины, передъ которой цѣпенѣетъ душа, когда среди бѣла дня,

на глазахъ у милліоннаго населенія столицы падали въ густой толпѣ народа безоружные люди. И если нашъ смущенный взоръ, если наше сжимающееся неизбывною скорбью сердце все-таки ищетъ хоть малѣйшаго проблеска, который далъ бы намъ возможность на мгновеніе облегчить давящую насъ тяжесть, то такое облегченіе общественная совѣсть можетъ найти только въ дружной страстной работѣ, съ удесятеренной энергіей направленной къ тому, чтобы сдѣлать, наконецъ, невозможнымъ повтореніе безпримѣрныхъ въ исторіи нашей, если не углубляться въ нее до XVII вѣка, событій 9 января 1905 года".

12 января состоялось торжественное погребеніе студента политехническаго института Н. В. Савинкина, убитаго у Александровскаго сада *5 пулями*. Провожала его толпа народа въ нѣсколько тысячъ и всѣ профессора института во главѣ съ директоромъ княземъ Гагаринымъ

Нѣсколько времени спустя преосвященный. Антонинъ произнесъ слѣдующія прочувствованныя слова, посвященныя жертвамъ 9 января:

«Прощеный день, 19 января, да дастъ свой отблескъ и душамъ тѣхъ, кто 9 января видѣлъ солнце послѣдній разъ и, можетъ быть, тоскливо жаждетъ примиренія съ нами. Въ дни пережитаго смятенія роковой ударъ смерти похищалъ изъ среды насъ не только тѣхъ, кто жаждалъ крови, но и такихъ, кто сердцемъ былъ далекъ отъ всякой смуты. Принявшіе въ оный злосчастный день смерть на улицахъ нашего города нашли общее мѣсто упокоенія, но не всѣ гробы ихъ могутъ быть накрыты покровомъ осужденія. Могильные холмы сдавили не одни сердца, стремившіяся къ цѣли путями непозволенными, но подъ ними легли и запальчивая недостаточность разума и люди полной чистоты, захваченные вихремъ возбужденія. Между убитыми не всѣ отвѣтственны. Меньше преступныхъ, больше несчастныхъ («Слово»).

Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* епископъ Сергій, приписывая вину «самозваннымъ заправиламъ народа», поведшимъ его къ Царю ради собственныхъ «вожделѣній», вмѣстѣ съ тѣмъ восклицаетъ: «О, если бы не было этого дня въ нашей исторіи!»

«На улицахъ столицы началась братоубійственная распря, и полилась кровь виновныхъ и невинныхъ. По разсказамъ,

есть убитыя дѣти, есть женщины, есть простые зрители, совершенно случайно попавшіе подъ зарядъ. Плачетъ теперь наша столица, какъ древняя Рахиль «о дѣтяхъ своихъ, и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ». И не на комъ искать ихъ пролитой крови... Виноватъ ли довѣрчивый народъ, въ жизни котораго всегда есть много неустройства, лишеній и обидъ и которому всегда есть съ чѣмъ пойти и просить себѣ милости и защиты, виноватъ ли онъ, что и на этотъ разъ собрался и пошелъ просить о своихъ нуждахъ? Но вѣдь ему говорили: «Пойдемъ къ Царю, какъ дѣти къ отцу, разскажемъ Ему наши нужды, поищемъ помощи и правды». А какое русское сердце не откликнется на этотъ призывъ?.. Виноваты ли и защитники порядка, что имъ, отборнымъ царскимъ полкамъ, украшеннымъ побѣдными лаврами прошедшихъ кампаній, выпала печальная доля стрѣлять въ безоружную толпу и обагрять родную землю братскою кровью неповинныхъ людей?.. Совершилось нѣчто ни съ чѣмъ не сообразное, всѣмъ прискорбное и отвратительное, нѣчто ужасное по самой своей роковой неизбѣжности; просто кара Божія обрушилась на насъ, чтобы къ бѣдствіямъ и неудачамъ внѣшней войны прибавить и это кровавое пятно...»

Ближайшимъ слѣдствіемъ январскихъ событій была перемѣна въ управленіи Петербурга: учреждено генералъ-губернаторство съ особыми полномочіями и назначенъ на этотъ высокій постъ генералъ-майоръ Треповъ, только что бывшій оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ новому генералъ-губернатору предоставлены были между прочимъ слѣдующія права:

„По предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, генералъ-губернатору подчиняются всѣ мѣстныя гражданскія управленія и учебныя заведенія всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ“. „Право, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, принимать мѣры, указанныя въ статьѣ 140 уст. ценз.“. „Независимо отъ права по изданію обязательныхъ постановленій, въ порядкѣ правилъ о положеніи объ усиленной охранѣ, ему пре-

доставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благоустройства и благочинія въ предѣлахъ генералъ-губернаторства съ установленіемъ взысканія и порядка разрѣшенія дѣлъ о нарушеніи постановленій согласно статьямъ 15 и 16 положенія объ усиленной охранѣ, при чемъ генералъ-губернаторъ можетъ уполномочивать на рѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему с.-петербургскаго губернатора и градоначальника". „Всѣ права министра внутреннихъ дѣлъ по утвержденію въ должностяхъ лицъ городскихъ, общественныхъ и земскихъ управленій, въ предѣлахъ столицы и губерніи, передаются генералъ-губернатору". „Право воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ столицѣ и С.-Петербургской губерніи".

Разсматривая эти права, *Наша Жизнь* отмѣтила, что ни въ какихъ узаконеніяхъ не предвидѣлось такого широкаго права изданія обязательныхъ постановленій и что подъ понятіе „благоустройства" можетъ быть подведено все, что относится къ громадной области жизни столичнаго населенія; при немъ во всѣхъ такихъ случаяхъ законъ и судъ замѣняются административнымъ усмотрѣніемъ.

„Московскія Вѣдомости", напротивъ, пришли въ умиленіе, какъ отъ диктаторскихъ полномочій новаго генералъ-губернатора, такъ и отъ назначенія на этотъ постъ именно генерала Трепова; они объявили, что „при объединеніи его усилій со стараніями министра финансовъ можно безошибочно вѣрить, что теперь для нашего рабочаго вопроса наступаетъ *новая эра*. Очевидно, что, подобно 1861 году, для крестьянъ настоящее время открываетъ пути всесторонняго обезпеченія труда и нуждъ рабочаго, фабрично-заводскаго класса..." и т. д.

Непосредственно за петербургскими событіями послѣдовали забастовки и безпорядки во многихъ мѣ-

тахъ Имперіи, при чемъ движеніе распространи-
ось и на другіе слои населенія, и это броженіе не
олько не прекращалось, а напротивъ, вслѣдствіе хро-
ически-длившагося безвременья и упорнаго хозяй-
ичанья бюрократіи, развивалось все болѣе и болѣе,
ереходя мѣстами, какъ будетъ описано далѣе, въ
ткрытые мятежи.

Въ Москвѣ начало забастовокъ почему-то пріурочи-
ли къ „Татьянину дню", совпадавшему со 150-лѣт-
ей годовщиной московскаго университета. Въ виду
акого предположенія полиція расклеила по улицамъ
бъявленія съ предупрежденіемъ о могущихъ быть не-
частныхъ случаяхъ при подавленіи безпорядковъ во-
руженною силою, а 12 января, кромѣ того, повсюду
оявились наклеенные на домахъ плакаты съ телеграм-
ой отъ *Латинскаго Агентства* изъ Парижа, въ кото-
ой лондонскій корреспондентъ агентства извѣщалъ о
омъ, что „безпорядки на морскихъ заводахъ Петер-
урга, Либавы, Севастополя, равно какъ и въ Вестфа-
іи, организованы *англо-японскими провокаторами* съ
ѣлью пріостановить отправку эскадръ балтійской и
ерноморской: „Огромныя суммы истрачены англича-
ами на провокацію въ Россіи. Объясните русскому
ароду истину; всякая симпатія безпорядкамъ—престу-
леніе, измѣна. Японцы въ Парижѣ хвастаются устрой-
гвомъ безпорядковъ". Телеграмма эта, неизвѣстно кому
дресованная, возбудила всеобщее изумленіе.

Самое, никому невѣдомое, „Латинское Агентство"
казалось только что народившимся, а учредителемъ
го былъ „извѣстный" Черепъ-Спиридовичъ. Первая
ке телеграмма подобнаго агентства удостоилась не
олько спеціальнаго распубликованія, но даже расклей-
и по всѣмъ улицамъ и угламъ города, что не всегда
римѣняется и къ важнѣйшимъ объявленіямъ прави-
ельства. Впрочемъ, эта же телеграмма послужила по-
одомъ къ нѣкоторому инциденту: „Англійскій посолъ
ъ Петербургѣ заявилъ протестъ и потребовалъ про-

извести слѣдствіе. Русское правительство дало увѣреніе, что оно позаботится о томъ, чтобы ничего подобнаго больше не повторялось" („Русск. Правда", № 17).

Тѣмъ не менѣе пресловутая латинская телеграмма еще долго украшала улицы столицы и другихъ городовъ, а сенсаціонной „новостью" настойчиво пользовалась не одна только полиція. Въ виду уже выяснившейся „ошибки" въ газетѣ *Наши Дни* было выражено крайнее недоумѣніе, какимъ образомъ въ обращеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ духовенству и народу, опубликованномъ 14 января, могли встрѣтиться слѣдующія строки: „Всего прискорбнѣе, что происшедшіе безпорядки вызваны подкупами со стороны враговъ Россіи и всякаго порядка общественнаго. Значительныя средства присланы ими, дабы произвести у насъ междоусобицу, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, затруднить снабженіе дѣйствующей арміи всѣми необходимыми для ней припасами и тѣмъ навлечь на Россію неисчислимыя бѣдствія".

Несмотря на слухи, университетскій праздникъ прошелъ безъ инцидентовъ, онъ былъ омраченъ кровавыми днями въ Петербургѣ; ни у кого не было праздничнаго настроенія; состоявшіеся въ нѣкоторыхъ ресторанахъ и домахъ собранія интеллигенціи имѣли характеръ серьезныхъ засѣданій, посвященныхъ обсужденію текущихъ событій *).

Ожидавшаяся къ этому же дню забастовка москов-

---

*) „Наша молодежь", замѣтила *Русь*, „обыкновенно столь чуткая ко всему, не захотѣла веселиться въ „эти дни", и около традиціоннаго „Эрмитажа" и днемъ и вечеромъ виднѣлись не студенты, какъ бывало обычно въ Татьянинъ день, а многочисленные полицейскіе и чуть ли не батальонъ солдатъ". Однако въ самомъ „Эрмитажѣ" собраніе студентовъ состоялось; несмотря на политическія рѣчи, молодежь проявляла большую сдержанность, но была настроена, подобно всему обществу, мрачно.

скихъ рабочихъ продолжалась только 2—3 дня и не получила значительнаго развитія; волненіе ограничилось лишь нѣкоторыми частями города и прошло безъ всякихъ насилій. Не то было въ Варшавѣ, Ригѣ, Батумѣ, Баку, нѣкоторыхъ городахъ Финляндіи, а главнымъ образомъ въ Лодзинскомъ районѣ.

Лодзинскія забастовки отличались какъ чрезвычайной продолжительностью (по нѣсколько недѣль, а всего съ перерывами въ теченіе почти полугода), такъ и колоссальнымъ количествомъ забастовщиковъ.

Безпорядки въ Варшавѣ и Ригѣ возникали также неоднократно и принимали революціонный характеръ, сопровождаясь крупными кровопролитіями.

Въ офиціозномъ *Варшавскомъ Дневникѣ* сообщалось между прочимъ слѣдующее о первоначальныхъ безпорядкахъ: «Въ Варшавѣ, какъ это было въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, къ волненіямъ, вызваннымъ въ городѣ забастовкой рабочихъ, присоединились безпорядки, производимые главнымъ образомъ людьми безъ опредѣленныхъ профессій и скопищами изъ городскихъ подонковъ, ютящимися обыкновенно по всевозможнымъ притонамъ и ночлежнымъ домамъ. Пользуясь невозможностью полицейскихъ чиновъ и военныхъ патрулей поспѣвать своевременно во всѣ мѣста, гдѣ возникали безчинства, эти общественные отбросы дали волю своимъ животнымъ инстинктамъ и успѣли произвести нѣсколько разгромовъ лавокъ и магазиновъ, заставивъ этимъ остальныхъ торговцевъ закрыть магазины и тѣмъ еще больше усиливъ панику, овладѣвшую мирными обитателями г. Варшавы... Слухи о забастовкахъ вызвали панику среди мирныхъ жителей Варшавы, которые, опасаясь недостатка провизіи и воды, бросились запасать мясо, хлѣбъ, воду...

Около 4-хъ часовъ пополудни на углу Холодной и Вороньей улицъ собралась толпа около 1.000 человѣкъ. Изъ толпы стали бросать камни и стрѣлять въ нарядъ полиціи и пѣшихъ жандармовъ. Нарядъ былъ вынужденъ произвести отдѣльные выстрѣлы, коими убито двое неизвѣстныхъ изъ числа буйствовавшихъ. Въ послѣобѣденное время шайка забастовщиковъ проникла на телефонную станцію, и перепуганные служащіе разбѣжались. Группы безчинствующихъ стали обходить также и кондитерскія, выго-

няя изъ нихъ кельнеровъ... Съ утра 15-го января на улицахъ города стали появляться небольшими группами забастовавшіе рабочіе съ значительной примѣсью профессіональныхъ воровъ, хулигановъ и уличныхъ подростковъ. Прохаживаясь по улицамъ, группы эти на виду у воинскихъ частей вели себя спокойно, но пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы безчинствовать, разбѣгаясь затѣмъ при появленіи воинскихъ частей.

Безчинства начались порчею телефонныхъ распредѣлителей, находящихся въ желѣзныхъ шкапчикахъ, разставленныхъ у тротуаровъ, затѣмъ безчинствующіе стали обходить магазины, требуя ихъ закрытія, останавливали легковыхъ извозчиковъ, снимали съ нихъ ливреи, высаживали сѣдоковъ и побоями заставляли извозчиковъ отправляться домой.

Послѣ полудня безчинствующія толпы значительно увеличились, перейдя къ еще болѣе рѣзкимъ проявленіямъ насилія. Вагоны конно-желѣзной дороги были остановлены на окраинахъ, стекла въ нихъ перебиты камнями, пассажиры высажены, такъ что пришлось прекратить движеніе. Затѣмъ толпы бросились на казенныя винныя лавки. Разграблены 22 лавки, изъ нихъ семь подожжены. Во всѣ мѣста этихъ безчинствъ были немедленно высылаемы воинскія части, при появленіи которыхъ часть буйствовавшихъ разбѣгалась, а часть пробовала оказывать сопротивленіе, но была оружіемъ разсѣиваема. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ толпа оказывала вооруженное сопротивленіе, стрѣляя залпами.

О безпорядкахъ происходившихъ *въ Ригѣ* вслѣдъ за петербургскимъ «усмиреніемъ», офиціально сообщалось слѣдующее: «10 января, въ 11 час. вечера, въ собраніи русскаго литературнаго кружка произошло нарушеніе тишины. Когда явилась полиція, она никого не нашла изъ членовъ собранія ни въ помѣщеніи, ни на улицѣ...—12-го января, въ 6 часу утра, на замочную фабрику Германгауса и Формана явилась толпа неизвѣстныхъ лицъ въ 40—50 человѣкъ и стала приглашать являвшихся на работу рабочихъ прекратить работы и присоединиться къ нимъ. Рабочіе охотно присоединились къ толпѣ, которая пошла по нѣкоторымъ другимъ фабрикамъ и заводамъ, гдѣ также прекращались работы. Необозримая толпа остановилась на Ильгецемской рыночной площади. Здѣсь одинъ изъ рабочихъ вскарабкался на будку и прочелъ прокламацію преступнаго содержанія о послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ, послѣ чего собравшаяся толпа хлынула на цемент-

ный заводъ, куда одновременно прибыли двѣ роты 116-го Малоярославскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь удалось арестовать шесть человѣкъ, особенно разжигавшихъ рабочихъ. У нихъ были найдены прокламаціи, 19 разныхъ желѣзныхъ предметовъ для нанесенія побоевъ и масса камней... Одновременно началась также забастовка почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ въ городѣ и на форштадтахъ... Толпы рабочихъ продолжали ходить по Александровской и другимъ улицамъ, были однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсѣяны войсками и полиціей. Насилій и безчинствъ рабочіе нигдѣ не производили, за исключеніемъ редакцій газетъ *Baltijas Wehstnesis* и *Прибалтійскій Край*, гдѣ бы выбиты стекла...

13-го января демонстранты являлись на фабрики и мастерскія въ разныхъ мѣстахъ города, гдѣ работы еще не были прекращены, и увлекали за собой рабочихъ. Въ демонстративныхъ шествіяхъ принимали участіе также студенты и женщины. Изъ демонстрантовъ были задержаны 121 человѣкъ. Во многихъ мѣстахъ манифестанты были разсѣяны полиціей и войсками. Около 2-хъ час. дня громадная толпа народа направилась во внутреннюю часть города и принуждала прекратить работы во всѣхъ типографіяхъ, вслѣдствіе чего газеты не выходили нѣсколько дней. У желѣзнодорожнаго моста толпѣ загородила путь полурота учебнаго унтеръ-офицерскаго батальона. Манифестанты стали наступать на солдатъ, сорвали съ барабанщика шапку и нанесли унтеръ-офицеру твердымъ орудіемъ ударъ по головѣ. Съ моста стали бросать въ солдатъ камнями и стрѣлять въ нихъ. Послѣ троекратнаго предупрежденія командира полуроты разойтись по толпѣ былъ открытъ огонь. Одновременно прибыла другая полурота солдатъ, которая встрѣтила народъ, дошедшій до Господской улицы. Солдаты были встрѣчены выстрѣлами толпы. Командиръ 2-й полуроты, увидя, что первая полурота окружена толпой, также приказалъ стрѣлять, послѣ чего толпа вскорѣ разсѣялась. На плацу остались 22 убитыхъ, между ними двѣ женщины, и 60 раненыхъ. Помощникъ пристава Билевъ былъ смертельно раненъ и въ городской больницѣ вскорѣ скончался. Изъ солдатъ было ранено 8 челов.; 5 были отправлены въ городскую больницу, гдѣ одинъ умеръ. Изъ демонстрантовъ умерли въ больницѣ 12 человѣкъ. Въ госпиталь «Краснаго Креста» были доставлены 7 раненыхъ студентовъ, изъ которыхъ трое умерли...

Въ тотъ же день на Александровской улицѣ собралось

нѣкоторое количество студентовъ и дамъ—вѣроятно, учениць,—кричавшихъ «Долой войну!» Вечеромъ студенты предложили дирекціи русскаго театра и нѣмецкаго городского театра прекратить представленія въ виду печальныхъ событій въ городѣ, и представленія были прекращены. Движеніе электрическихъ трамваевъ было пріостановлено съ 14-го января, когда забастовали машинисты; многіе вагоны были поломаны. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія были пріостановлены до 18-го января. Утромъ 14-го января прибыла изъ Ковны сотня казаковъ. Въ политехническомъ институтѣ состоялась сходка студентовъ. Изъ одного изъ оконъ былъ вывѣшенъ черный траурный флагъ съ надписью: «Слава павшимъ; проклятіе убійцамъ!» Передъ институтомъ стояла многочисленная публика, но спокойствіе нигдѣ не нарушалось. По окончаніи сходки политехническій институтъ былъ закрытъ по распоряженію попечителя учебнаго округа на неопредѣленное время.

15-го января, съ согласія губернатора, состоялось погребеніе павшаго студента Печуркина. Гробъ несли студенты и рабочіе въ сопровожденіи многотысячной толпы народа. Передъ гробомъ студенты несли вѣнки отъ товарищей, рабочихъ и частныхъ лицъ съ красными и другого цвѣта лентами, на которыхъ были надписи: «Павшему въ борьбѣ за свободу товарищу», «Жертвѣ произвола», «Смерть, проклятіе и месть палачамъ!» Здѣсь и тамъ раздавали прокламаціи на голубой бумагѣ, въ которыхъ населеніе приглашалось выйти на улицу. Было также замѣчено, что дамы вытаскивали прокламаціи изъ своихъ муфтъ и раздавали прохожимъ. Передъ кладбищемъ толпа возросла до нѣсколькихъ тысячъ. По окончаніи погребенія неизвѣстный человѣкъ произнесъ слова: «Вѣчная память павшему за свободу», послѣ чего надписи на лентахъ были прочитаны на русскомъ, латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На обратномъ пути часть запѣла «Дубинушку», другіе раздавали прокламаціи, задерживали извозчиковъ, гасили фонари; однако демонстранты были тотчасъ же разсѣяны прибывшими казаками и войсками («Русск. Вѣд.», № 19).

Изъ *Лодзи* корреспондентъ *Русск. Вѣд.* сообщалъ отъ 20 января: «Броженіе среди лодзинскихъ рабочихъ стало принимать конкретную форму 13-го января, когда къ вечеру толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ направилась къ полицеймейстеру и вручила ему чрезъ выборныхъ петицію, въ которой рабочіе присоединяются къ требованіямъ и пожеланіямъ, высказаннымъ петербургскими рабочими. На

другой день, въ пятницу 14-го, фабрики одна за другой прекратили работу. Стачка, охвативъ окружныя фабричныя мѣстечки Згержъ, Пабіаницы, Озорковъ, Томашовъ и пр., къ вечеру 15-го выражалась уже огромной цифрой 100.000 рабочихъ. Движеніе на улицахъ прекратилось; электрическій трамвай не дѣйствуетъ. На главной улицѣ (Петроковской) и болѣе оживленныхъ сосѣднихъ витрины магазиновъ заколачиваются и понемногу лавки закрываются. Стачка разрастается быстро, такъ какъ достаточно зайти какой-нибудь группѣ прекратившихъ работу на сосѣднюю фабрику, контору и пр.,—и рабочіе тотчасъ же спокойно оставляютъ работу. Они ведутъ себя спокойно, сами удерживаютъ своихъ товарищей отъ попытокъ учинить буйство». На всякій случай въ Лодзь, кромѣ мѣстнаго полка, вызваны Томскій, Тобольскій и 54-й драгунскій полки. Среди жителей распространяется паника, такъ какъ, несмотря на прибывающія ежедневно войска и завѣренія начальства, появляются слухи о возможномъ избіеніи евреевъ. Слухи эти энергично опровергаются самими рабочими, которые во время сходокъ и собраній въ разныхъ углахъ города успокоиваютъ жителей увѣреніями, что никакого буйства не будетъ, что среди рабочихъ нѣтъ евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ и т. п., что всѣ они, въ качествѣ крѣпко сплоченнаго рабочаго класса, одушевлены твердой рѣшимостью улучшить свое положеніе.

Вслѣдствіе прекращенія подвоза къ этой мѣстности хлѣбъ добывался съ трудомъ и вздорожалъ до 25 к. за фунтъ.

Одновременно ходили слухи о забастовкахъ и безпорядкахъ въ Ревелѣ, Либавѣ, Юрьевѣ, Гомелѣ, Житомірѣ, Севастополѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Тифлисѣ и др. городахъ. Волненія ожидались повсюду.

XXII.

Полицейскій опытъ.

Рабочій вопросъ, выдвинутый впередъ грандіозными забастовками, далъ хорошій матеріалъ для оцѣнки бюрократическаго попеченія о благѣ страны. Еще два года раньше проф. Озеровымъ была представлена въ мини-

стерство записка по рабочему вопросу, разработанная на основаніи изученія самой жизни, и записка эта почила въ подлежащемъ столѣ. Но зато за разработку того же вопроса взялись полицейскіе спеціалисты.

Статья—*Какъ устраивали въ Москвѣ рабочій вопросъ?*—помѣщенная въ газетѣ „Русское Дѣло", даетъ интересное повѣствованіе объ этомъ „научномъ" полицейскомъ опытѣ:

Весною 1902 года на одну изъ благоустроенныхъ фабрикъ явились невѣдомые никому предсѣдатель и секретарь „Союза московскихъ рабочихъ" и выразили желаніе поговорить „наединѣ" съ рабочими фабрики. Желаніе было отклонено съ объясненіемъ, что такого рода переговоръ можетъ вести только фабричный инспекторъ. Посѣтители тѣмъ не менѣе явились вновь и уже съ разрѣшительной грамотой отъ предсѣдателя столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Свиданіе состоялось съ глазу на глазъ, а вечеромъ того же дня рабочіе заявили, что имъ приказано на работу не выходить подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ не додано въ теченіе послѣднихъ лѣтъ 40.000 рублей. Въ выдачѣ фантастическихъ суммъ было отказано, а на другое утро фабрика стала...

Фабричная инспекція доброжелательно „совѣтовала" хозяину удовлетворить требованіе рабочихъ, хотя они и неосновательны, однако „хозяинъ будучи, къ его великому счастью, французскимъ гражданиномъ, отказалъ въ домогательствѣ безусловно".

До прибытія почтенныхъ посѣтителей рабочіе не имѣли поводовъ быть недовольными, и на вопросы о дѣйствительной причинѣ забастовки объяснили, что они готовы опять идти на работу, „если хозяинъ поручится, что за это имъ не придется попасть въ кутузку". Затѣмъ доходили извѣстія съ разныхъ фабрикъ московскаго округа, что и тамъ являлись какія-то темныя личности, дѣйствующія отъ имени московскихъ властей.

Наконецъ, на одной подмосковной фабрикѣ дѣятели

въ числѣ трехъ рабочихъ были задержаны за предъявленіе требованій въ самой дерзкой формѣ и сопровождавшихся угрозами. На допросѣ задержанные заявили, что они, недовольные фабричными порядками, намѣрены открыть на фабрикѣ „Организацію союза рабочихъ“, что для отвода помѣщенія не намѣрены спрашивать ни хозяина, ни начальство уѣзда, а выберутъ сами подходящее мѣсто, напр., приказчичье собраніе, а въ случаѣ притѣсненій обратятся къ губернатору. Ими было объяснено также, что „въ члены Союза первымъ вступилъ митрополитъ московскій Владиміръ, а оберъ-полицеймейстеръ пожертвовалъ Союзу печатный станокъ, на которомъ печатаются разные листки и брошюры“. Задержанные были препровождены въ распоряженіе московскихъ властей, *коими были тотчасъ же освобождены*; вслѣдъ за освобожденіемъ они предъявили къ правленію компаніи иски о вознагражденіи за насильственное удаленіе съ фабрики („Русск. Дѣло“).

Такимъ образомъ, вмѣсто предоставленія рабочимъ обезпеченнаго права законной организаціи, которая при правильномъ руководствѣ, не вмѣшиваясь оскорбительно въ хозяйственныя стороны предпріятій, могла бы разрѣшать самые щекотливые вопросы къ обоюдной пользѣ сторонъ—произведенъ былъ „рядъ экспериментовъ, разсчитанныхъ на разрѣшеніе полицейскимъ порядкомъ сложной соціально-политической задачи“. И эксперименты эти повели къ тому, что рабочіе, считая себя подъ крыломъ власти, какъ бы вооружавшей ихъ противъ хозяевъ вообще, совершенно не могли уяснить себѣ границъ своихъ правъ и отходили отъ понятія о своихъ обязанностяхъ. Начальство, привыкши опираться на свою безотвѣтственность, оказалось неспособнымъ предвидѣть весь вредъ для тѣхъ же рабочихъ отъ потери уваженія къ законнымъ правамъ ихъ хозяевъ.

Такимъ-то образомъ хозяева и рабочіе были поставлены почти во враждебныя отношенія и рабочій во-

просъ въ Россіи не только не приблизился къ разрѣшенію, но, напротивъ,—осложнился и спутался.

Въ *запискѣ 198 инженеровъ*, представленной 23 января 1905 года предсѣдателю комитета министровъ по поводу событій 9—10 января, указывалось, что событія эти являются лишь однимъ изъ проявленій общаго кризиса, переживаемаго Россіей, проистекающаго отъ коренного и ясно сознаваемаго неустройства государственной жизни,—и что „правительство не стоитъ на вѣрномъ пути къ разрѣшенію рабочаго вопроса, стремясь дѣлать нѣкоторыя уступки рабочимъ, вмѣсто правильной разработки вопроса *въ связи съ запросами политическаго свойства* *), такъ какъ „идеи политической свободы — по утвержденію инженеровъ — давно уже не чужды рабочей средѣ и нельзя допустить, чтобы этотъ огромный фактъ не былъ извѣстенъ правительству". Поэтому гг. инженеры предупреждали, что „принятіе исключительныхъ мѣръ" и „заявленное г. петербургскимъ генералъ-губернаторомъ намѣреніе возобновить въ еще большемъ масштабѣ попытку организовать рабочихъ при помощи администраціи (къ которой работники промышленности и ранѣе относились по меньшей мѣрѣ подозрительно)—не только не дадутъ странѣ необходимаго успокоенія, а наоборотъ, внесутъ въ ея промышленную и гражданскую жизнь еще болѣе острыя осложненія. „Мы опасаемся, заявляютъ гг. инженеры, что отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ *участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ*" *).

Не открылись ли въ подобномъ отношеніи къ рабочему вопросу характерныя черты общей системы бюрократическаго попеченія и властвованія надъ русскимъ обществомъ? Здѣсь ярко обнаружилось глубоко усвоен-

*) Курсивъ нашъ.

ное бюрократіей представленіе о позволительности распоряжаться жизнью и достояніемъ русскаго народа, словно мертвымъ матеріаломъ, для какихъ угодно воздѣйствій „властной рукой“. Въ случаѣ неудачи испорченное можно вѣдь бросить!.. „Ресурсы Россіи неистощимы“. А что касается до общества, интеллигенціи, то—какъ легко отстранялся до сихъ поръ этотъ элементъ! Ихъ можно было не только не слушать, а даже просто не слышать...

Негодность полицейско-соціальнаго эксперимента, обнаружившаяся въ Москвѣ, оставлена была безъ вниманія и онъ вновь производился въ Петербургѣ (а можетъ быть, также и въ другихъ центрахъ). Результаты организаціи фабричнаго собранія въ Петербургѣ, какъ извѣстно, не оправдали ожиданій дальновидныхъ опекуновъ рабочихъ: дѣятельность этой организаціи завершилась шествіемъ ко дворцу 9 января и дальнѣйшими событіями.

Такое же развязное отношеніе бюрократіи къ историческимъ событіямъ проявила она и въ стремленіи устранить при помощи „Латинскаго агентства“ грозу, наступленіе которой она ускорила своимъ экспериментомъ. Спасая себя, бюрократія позволила себѣ ставить на карту честь народа и достоинство правительственной власти.

Но широкій размахъ былъ пріостановленъ встрѣчнымъ движеніемъ исторіи.

Высочайшимъ повелѣніемъ 29 января было предписано образовать особую комиссію для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ. Эта комиссія должна была совершенно отличаться отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ составъ ея, кромѣ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, призывались къ участію представители промышленныхъ предпринимателей по *собственному ихъ избранію* и представители рабочихъ, тоже *избранные самими рабочими*. Обсужденія общихъ ре-

формъ комитетомъ министровъ явно отставали отъ событій, развивавшихся съ чрезвычайной быстротой. Оказывалась уже необходимой эта экстренная мѣра, и она устанавливала хотя по одному вопросу, что энциклопедическія способности чиновниковъ недостаточны для сколько-нибудь сноснаго рѣшенія вопросовъ.

Съ такимъ трудомъ начала разрѣшаться Россія отъ бремени бюрократизма.

XXIII.

„Все обстоитъ благополучно".

Въ самый разгаръ посвемѣстнаго рабочаго движенія, вскорѣ послѣ введенія въ Петербургѣ генералъ-губернаторства, 18 января вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью кн. Святополкъ-Мирскій. Ему не суждено было достигнуть „живого и тѣснаго единенія государственной власти съ обществомъ", но ему „удалось ознакомить правительство непосредственно съ подлинными стремленіями мирныхъ общественныхъ элементовъ".

Несомнѣнно, что именно въ кратковременное „министерство весны" пробудился въ широкихъ кругахъ населенія интересъ къ политической жизни своего отечества.

„Свершилось то, что общество, понимая его въ смыслѣ широкихъ и разнообразныхъ его слоевъ, — пріобщилось къ политической жизни; оно такъ или иначе начало вводить политику въ обиходъ своего существованія. Прежнее обывательское отношеніе къ судьбамъ своей страны, прежній принципъ: „Приди и володѣй нами"—смѣнились, по крайней мѣрѣ, живымъ и серьезнымъ интересомъ и попытками проявить свое активное участіе въ политической жизни". („Наша Жизнь" № 71).

Но этотъ интересъ и эти попытки русскихъ людей

не только не встрѣтили должнаго вниманія, а напротивъ были сочтены за крамольное движеніе. Общественныя силы были отклоняемы упорно и враждебно. А потому создалось то, донельзя тягостное положеніе, которое вѣрно выражено было въ газетѣ „Слово“:

„Господствующее настроеніе теперь такое, *какъ будто мы всѣ живемъ не настоящей жизнью* *). Такъ жить, какъ мы теперь живемъ нельзя—стало девизомъ страны. И жить, не въ физіологическомъ смыслѣ, никому не хочется. Пульсъ общественной дѣятельности бьется судорожно, слабѣетъ и замираетъ.

„Каждый день приноситъ извѣстіе, что рабочіе оставляютъ работу, земскія собранія преждевременно закрываются, въ университетахъ прекращается чтеніе лекцій, и только громадная бюрократическая машина продолжаетъ работать полнымъ ходомъ. Колеса ея разъединены съ обществомъ и вертятся въ пустомъ пространствѣ, но она работаетъ попрежнему и попрежнему въ ея грохотѣ слышится одна доминирующая нота: *все обстоитъ благополучно.*

Однако общество стало уже не то; не признавая „благополучія“, оно не устаетъ громко заявлять свои желанія, сопротивляясь прочно укоренившемуся, повидимому, намѣренію дождаться неблагополучія.

„По установившемуся у нашихъ охранителей фантастическому представленію, въ Россіи существуетъ terra incognita, таинственная страна, населенная *злоумышленниками*, которые неустанно нарушаютъ установившійся порядокъ, сѣютъ смуту и создаютъ затруднительныя положенія. При такомъ упрощенномъ взглядѣ всѣ соціальныя проблемы разрѣшаются очень просто. Забастовка рабочихъ—ищите злоумышленниковъ. Волненія въ университетахъ — ищите злоумышленниковъ и т. д. безъ конца.“

„Теорія — очень напоминающая теорію извѣстнаго

---

*) Курсивъ нашъ.

сыщика Лекока который во всѣхъ преступленіяхъ искалъ „женщину“. Но и сыщики, даже извѣстные, бываютъ не правы. Въ идеѣ земскаго собора вѣрные себѣ охранители усматриваютъ также мысль, поданную „злоумышленниками“.

„Получается грандіозная картина:

„Вся Россія „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“ обратилась въ скопище злоумышляющихъ. И только кое-гдѣ на Страстномъ бульварѣ, въ Гродненскомъ переулкѣ и еще въ немногихъ мѣстахъ, подобно зубрамъ въ Бѣловѣжской пущѣ, уцѣлѣли представители благомыслія и благонамѣренности“.

Общее состояніе страны, въ которое она впала къ концу января, заставляло мучительно сжиматься сердце въ тревогѣ за будущее.

Положеніе наступило поистинѣ жуткое. Въ центрѣ и на окраинахъ крупные безпорядки съ насиліями и кровопролитіями; повсемѣстныя забастовки, охватившія даже школы и свободныя профессіи; прекращеніе необходимой для населенія земской дѣятельности во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе общаго волненія умовъ и создаваемыхъ властями препятствій къ свободному выраженію мнѣній по вопросамъ, захватившимъ чувства и умъ; самоустраненіе отъ дѣятельности полезныхъ людей, не пожелавшихъ подчиняться давленію и сносить оскорбленія за ихъ горячія заботы о благѣ страны; упадокъ матеріальнаго благосостоянія и застой промышленности, призраки новыхъ налоговъ и быстро растущая нищета... толки и слухи объ эпидеміяхъ при ослабленной помощи населенію, вслѣдствіе отвлеченія врачей на войну... и сама эта затянувшаяся война все съ болѣе и болѣе ужасными неудачами,—война посылающая обратный потокъ искалѣченныхъ и обездоленныхъ людей, покрывающая Россію трауромъ.

Кто могъ думать всего лишь годъ тому назадъ, что

расплата за вынужденное равнодушіе общества къ интересамъ родины, за пренебреженіе къ прогрессу и неотложнымъ нуждамъ несчастнаго народа — такъ близка и такъ ужасна!

Теперь общество съ нескрываемымъ раздраженіемъ прислушивалось къ доносившимся до него звукамъ бюрократическаго „квартета". Какъ бы не распредѣлялись по коммиссіямъ и совѣщаніямъ властные опекуны народа, никакія комбинаціи уже не могли вернуть и тѣни общественнаго довѣрія къ тѣмъ сферамъ, дѣятельность которыхъ привела Россію къ такому положенію. Общество могло нѣсколько успокоиваться только сознаніемъ того, что подъемъ самой общественной мысли властно охватываетъ все и вся, заставляя искать выхода даже и правящія сферы. Возставали призраки насущныхъ вопросовъ, погребенныхъ въ канцеляріяхъ, и требовали воплощенія. Призывалось къ отвѣту очень и очень многое... а сила циркуляровъ начала разлетаться яко дымъ! Общество почувствовало себя самостоятельною силой.

Охранителямъ было за что бороться, но времена наступали уже не тѣ. Оклеветанные званіемъ „крамольниковъ", сторонники законности и свободы теперь получили возможность обнаруживать явную крамолу уже въ лагерѣ самихъ охранителей: крамолу, направленную противъ реформъ, признанныхъ Верховною властью безотлагательными. Борьба становилась болѣе трудной для охранителей, разъ противникъ, — доселѣ безоружный—получилъ нѣкоторую возможность пользоваться гласностью и при томъ опираться на осужденіе существующаго строя сверху, самой бюрократіей въ лицѣ Комитета министровъ и пр.

Новыя патріотическія агенства, пропаганда поклонниковъ кулачной расправы по программамъ сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*, „дѣлопроизводство" Грингмута по пресѣченію помысловъ, іезуитская заботливость кн. Мещерскаго, бѣснованія газеты *День*

(Берга) и иныхъ темныхъ силъ,—все это теряло подъ собою почву. Приближалась отвѣтственность передъ обществомъ, а дѣятели этого сорта хорошо знали, что давало имъ силу и вліяніе.

XXIV.

По смыслу присяги и по совѣсти.

Приводить всю массу сообщеній о происходившихъ въ началѣ 1905 года повсемѣстно засѣданіяхъ земствъ и другихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ излишне, такъ какъ всюду суть стремленій одна—свобода и законность. Но нѣкоторыя собранія выдѣлялись по силѣ произнесенныхъ рѣчей или по характеру преній и постановленій; такія собранія нельзя не отмѣтить.

Всѣ они рѣшительно уклонялись слѣдовать строгому предписанію „правительственнаго сообщенія"—не касаться вопросовъ общегосударственнаго характера и нѣкоторыя изъ нихъ устанавливали свое право на смыслѣ самой присяги.

Въ своемъ обращеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ *Екатеринославское* губернское собраніе говорило: «Священный долгъ принятой нами присяги обязываетъ насъ: «споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаемъ, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися». Памятуя о семъ и почитая святымъ своимъ долгомъ исполнять эту присягу открыто выраженною правдой, екатеринославское губернское земское собраніе проситъ ваше сіятельство всеподданнѣйше доложить Государю Императору ходатайство собранія о томъ, чтобы Высочайше повелѣно было: разрушить вѣковую преграду, отдѣляющую русскій народъ отъ своего Вѣнценоснаго Вождя, и въ укрѣпленіе незыблемости всѣхъ провозглашенныхъ Высочайшимъ указомъ свѣтлыхъ началъ призвать свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній,

долженствующихъ утвердить эти великія начала, и въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ» («Придн. Край»). На присягу ссылаются также воронежское и харьковское собранія.

Впрочемъ, встрѣчались попытки силой той же присяги сдержать стремленія къ борьбѣ за правду, какъ, напр., въ словѣ костромск. епископа Виссаріона.

Въ *Симбирскѣ* предсѣдатель губ. земск. собранія В. Н. Поливановъ настаивалъ на принятіи адреса собственной его редакціи безъ обсужденія. Протестовавшую противъ этого публику г. Поливановъ распорядился удалить и она оставила залъ съ свистомъ и шиканьемъ. Послѣ того какъ г. Поливановъ лишилъ слова гласныхъ Кирмалова и Метальникова, изъ собранія удалились, подъ громъ аплодисментовъ вновь собравшейся публики, всѣ гласные ардатовскаго земства, а предсѣдатель губ. земской управы кн. С. М. Баратовъ заявилъ, что остается лишь въ силу обязанности. На другой день 12 гласныхъ представили особое мнѣніе, которое не было допущено къ прочтенію. Въ своемъ мнѣніи гг. Метальниковъ, кн. Баратовъ, А. Березовскій, Н. Филатовъ, А. Кирмаловъ, С. Дмитріевъ, Н. Бѣляковъ, М. Бончъ-Осмаловскій, М. фонъ Ренкуль, М. Волковъ, С. Дольсаль, П. Звѣревъ и П. Батановъ, между прочимъ, говорили: «Всю жизнь насъ заставляли молчать не разсуждая; въ каждой нашей новой мысли администраторы усматривали какіе-то красные призраки... Вотъ это-то рабски-приниженное состояніе населенія съ одной стороны и административный произволъ—съ другой,—и довели Россію до такого кризиса, изъ котораго полумѣрами невозможно ее вывести. Страна на пути полнаго разоренія и обнищанія. Опасность для отечества очень велика; *опасность въ томъ глубокомъ застоѣ развитія страны и народа,* который создала многолѣтняя опека надъ населеніемъ... И вотъ, когда земскимъ людямъ представилась возможность честно и открыто, по совѣсти высказаться, господа охранители принимаютъ всѣ мѣры, чтобы отнять эту возможность. Господинъ предсѣдатель предложилъ адресъ, заключающій въ себѣ несвойственный для земства призывъ къ борьбѣ съ «внутренними врагами» и въ немъ, въ то же время, незатронуто самыхъ существенныхъ и больныхъ сторонъ русской жизни. Долгъ передъ родиной и Престоломъ вынуждаетъ насъ не соглашаться съ предложенной редакціей»...

Вологодское губ. земское собраніе открылось заявленіемъ 16 гласныхъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „12-го декабря 1904 г. состоялся Высочайшій указъ правительствующему сенату, признавшій до извѣстной степени законность и неотложность выставленныхъ земскими людьми требованій, далъ обществу нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Но самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго осуществленія всѣхъ этихъ преобразованій вызвалъ въ общественныхъ дѣятеляхъ нѣкоторыя опасенія. Почти одновременно съ этимъ указомъ появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ высказанны земскими людьми пожеланія и требованія признаютс недопустимыми въ силу освященныхъ основными зак нами имперіи незыблемыхъ началъ государственнаг строя, а общественное движеніе, явившееся результ томъ совѣщанія земскихъ дѣятелей, объявляется д ломъ лицъ, стремящихся внести въ общественную государственную жизнь смуту, признается чуждымъ ру скому народу. Это правительственное сообщеніе внес еще большую тревогу за дальнѣйшую судьбу тѣхъ ш рокихъ реформъ, какія общество имѣло основаніе ож идать. Не способствовало успокоенію общества и циркулярное письмо министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31-го декабря 1904 г., въ которомъ выяснялся взглядъ высшей администраціи на значеніе важнѣйшаго пункта указа 12-го декабря. Вмѣсто обѣщаннаго въ немъ объединенія законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи, предлагается положить въ основу работъ проекты новаго Положенія о крестьянахъ, выработанные министерствомъ Плеве, стоящіе въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми пожеланіями, какія были высказаны мѣстными сельскохозяйственными комитетами. Цѣлый рядъ принятыхъ мѣръ противъ печати, общественныхъ собраній, съѣздовъ; нарушеніе элементарныхъ правилъ правосудія въ Гомелѣ; жестокое подавленіе мирнаго шествія,—ясно показали обществу,

что *всесильная бюрократія желаетъ имѣть все и не желаетъ уступать ничего*. До глубины души потрясенные горестными событіями и удрученные полной неизвѣстностью о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ Петербургѣ, мы просимъ отсрочить настоящее очередное собраніе до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ общества и тѣмъ не внесетъ въ страну умиротворенія".

Это заявленіе было покрыто апплодисментами публики, переполнявшей залъ дворянскаго собранія и большинствомъ противъ 3 постановлено собраніе немедленно закрыть и перенести засѣданія на май.

Въ *Костромскомъ* губ. земск. собраніи замѣчательную рѣчь произнесъ гласный П. А. Сафоновъ. Содержаніе ея взято изъ газеты *Наша Жизнь*:

„Пробилъ часъ, когда долженъ прозвучать голосъ земства, насталъ моментъ, когда мы должны сосредоточить все свое вниманіе на совершающихся явленіяхъ текущей жизни. Скажу болѣе, мы не можемъ, мы не должны приступать къ обычнымъ занятіямъ, доколѣ не примемъ того или иного рѣшенія по болѣе жгучему вопросу времени. Пульсъ общественной жизни до того забился, событія слѣдуютъ съ такой ужасающей быстротой, что не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что Россія находится наканунѣ величайшей катастрофы, прологъ которой совершился въ столицѣ.

„Въ лѣтописяхъ костромского земства нельзя найти ни одного момента, когда бы оно отвертывалось отъ жизни и закрывало глаза. И мы были бы недостойными сынами своей родины, если бы отнеслись безучастно къ переживаемымъ событіямъ. До сего времени въ Россіи нѣтъ ни одного учрежденія, нѣтъ другой организаціи, которая бы являлась выразителемъ народныхъ нуждъ; земство является въ данный моментъ единственнымъ органомъ, которому по закону предоставлено право быть истолкователемъ и выразителемъ назрѣвшихъ потребностей. Ходъ событій русской жизни на-

лагаетъ на насъ великую отвѣтственность, поднимаетъ земство на такую высоту, на которой ему не приходилось быть во все время русской исторіи. Мы въ данный моментъ не только представители своихъ избирателей, но и всѣхъ земскихъ плательщиковъ, а слѣдовательно, почти всего русскаго населенія. Пусть наши поступки будутъ выходить изъ круга дѣйствій, пусть назовутъ ихъ какъ угодно, пусть послѣдуетъ, быть можетъ, за это административная кара, мы должны сказать правду, какъ бы она сурова ни была, должны обнажить во всю ширь и глубь язвы разъѣдающей нашу родину, должны указать кратчайшій и плодотворный путь, чтобы вывести отечество изъ тяжелаго положенія и избавить его отъ политической смерти. Скажемъ это не кучкой злонамѣренныхъ людей, а голосомъ искренняго друга, изболѣвшаго душой сына родины.

„Что же привело насъ къ такому критическому положенію, что заставляетъ насъ выйти изъ сферы своихъ дѣйствій. Развѣ мы стали врагами своего отечества, что противъ насъ двинули пушки? Нѣтъ, еще съ колыбели русскаго государства, со времени избранія первыхъ русскихъ князей, и у насъ была глубокая вѣра въ своихъ вождей. Лишь подъемъ общественнаго самосознанія народныхъ силъ въ болѣе смутное тяжелое для Россіи время, вывелъ отечество на торную историческую дорогу. Да развѣ нынѣ мы не проливаемъ свою кровь на поляхъ Манчжуріи? Развѣ мы не питаемъ государственную казну съ ея двухъ-милліарднымъ бюджетомъ путемъ собственнаго голоданія, развѣ мы не несемъ на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія финансовой политики?—и за всю нашу преданность, за всѣ лишенія, насъ лишали шагъ за шагомъ и того минимума благъ, который дарованъ освободительными реформами 60-хъ гг. Насъ лишили независимаго суда, свободы совѣсти, лишили всѣхъ гарантій личности, самоуправленія, вторглись въ семью, школу; русское общество принизили, не признали за нимъ права свободно формули-

го *всесильная бюрократія желаетъ имѣть все и не желаетъ уступать ничего.* До глубины души потрясенные грестными событіями и удрученные полной неизвѣстностью о томъ, что происходитъ въ настоящее время ъ Петербургѣ, мы просимъ отсрочить настоящее очередное собраніе до тѣхъ поръ, пока правительство не ойдетъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ общества и ѣмъ не внесетъ въ страну умиротворенія".

Это заявленіе было покрыто апплодисментами публики, переполнявшей залъ дворянскаго собранія и большинствомъ противъ 3 постановлено собраніе немедленно акрыть и перенести засѣданія на май.

Въ *Костромскомъ* губ. земск. собраніи замѣчательную рѣчь произнесъ гласный П. А. Сафоновъ. Содержаніе ея взято изъ газеты *Наша Жизнь*:

„Пробилъ часъ, когда долженъ прозвучать голосъ земства, насталъ моментъ, когда мы должны сосредоточить все свое вниманіе на совершающихся явленіяхъ текущей жизни. Скажу болѣе, мы не можемъ, мы не должны приступать къ обычнымъ занятіямъ, доколѣ не примемъ того или иного рѣшенія по болѣе жгучему вопросу времени. Пульсъ общественной жизни до того забился, событія слѣдуютъ съ такой ужасающей быстротой, что не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что Россія находится наканунѣ величайшей катастрофы, прологъ которой совершился въ столицѣ.

„Въ лѣтописяхъ костромского земства нельзя найти и одного момента, когда бы оно отвертывалось отъ жизни и закрывало глаза. И мы были бы недостойными сынами своей родины, если бы отнеслись безучастно къ переживаемымъ событіямъ. До сего времени въ Россіи нѣтъ ни одного учрежденія, нѣтъ другой организаціи, которая бы являлась выразителемъ народныхъ нуждъ; земство является въ данный моментъ единственнымъ органомъ, которому по закону предоставлено право быть истолкователемъ и выразителемъ назрѣвшихъ потребностей. Ходъ событій русской жизни на-

лагаетъ на насъ великую отвѣтственность, поднимаетъ земство на такую высоту, на которой ему не приходилось быть во все время русской исторіи. Мы въ данный моментъ не только представители своихъ избирателей, но и всѣхъ земскихъ плательщиковъ, а слѣдовательно, почти всего русскаго населенія. Пусть наши поступки будутъ выходить изъ круга дѣйствій, пусть назовутъ ихъ какъ угодно, пусть послѣдуетъ, быть можетъ, за это административная кара, мы должны сказать правду, какъ бы она сурова ни была, должны обнажить во всю ширь и глубь язвы разъѣдающей нашу родину, должны указать кратчайшій и плодотворный путь, чтобы вывести отечество изъ тяжелаго положенія и избавить его отъ политической смерти. Скажемъ это не кучкой злонамѣренныхъ людей, а голосомъ искренняго друга, изболѣвшаго душой сына родины.

„Что же привело насъ къ такому критическому положенію, что заставляетъ насъ выйти изъ сферы своихъ дѣйствій. Развѣ мы стали врагами своего отечества, что противъ насъ двинули пушки? Нѣтъ, еще съ колыбели русскаго государства, со времени избранія первыхъ русскихъ князей, и у насъ была глубокая вѣра въ своихъ вождей. Лишь подъемъ общественнаго самосознанія народныхъ силъ въ болѣе смутное тяжелое для Россіи время, вывелъ отечество на торную историческую дорогу. Да развѣ нынѣ мы не проливаемъ свою кровь на поляхъ Манчжуріи? Развѣ мы не питаемъ государственную казну съ ея двухъ-милліарднымъ бюджетомъ путемъ собственнаго голоданія, развѣ мы не несемъ на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія финансовой политики?—и за всю нашу преданность, за всѣ лишенія, насъ лишали шагъ за шагомъ и того минимума благъ, который дарованъ освободительными реформами 60-хъ гг. Насъ лишили независимаго суда, свободы совѣсти, лишили всѣхъ гарантій личности, самоуправленія, вторглись въ семью, школу; русское общество принизили, не признали за нимъ права свободно формули-

сущнѣйшихъ нуждъ нашего мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными, считаемъ долгомъ высказать Вамъ, Государь, глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе Самодержавнаго Государя со свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы, придать непоколебимость проведенію въ жизнь законовъ и обезпечить неуклонное исполненіе предначертанныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ указѣ 12-го декабря преобразованій» («Костр. Листокъ»).

Депутаты и предводители *Петербурскаго* дворянства выработали всеподданнѣйшій адресъ въ умѣренно-либеральномъ духѣ. Скорбя о внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодахъ, они выражали твердую увѣренность въ могущественномъ преуспѣяніи отечества при неразрывномъ единеніи самодержавнаго Монарха съ безпредѣльно преданнымъ ему народомъ.

Адресъ *Курскаго* дворянства также въ концѣ-концовъ выражалъ надежду на обращеніе Высшей власти къ непосредственному содѣйствію избранныхъ отъ страны людей въ дѣлахъ государственнаго строительства; но онъ, указывая на дворянское оскуденіе и на готовность къ борьбѣ съ «внутреннимъ врагомъ», былъ составленъ въ столь приниженномъ духѣ, что предсѣдатель льговской земск. упр. Н. В. Ширковъ не находилъ возможнымъ дать свою подпись.

Нижегородское дворянство, въ единогласно принятомъ адресѣ приноситъ увѣреніе, что, нынѣ, «въ тяжкую для государства минуту русской исторіи, Русь по первому призыву станетъ на творческую работу для счастья отечества». Адресъ заканчивается слѣдующими словами:

«По долгу присяги нижегородское дворянство, вѣрное своимъ преданіямъ, не можетъ безмолвствовать, когда видитъ собирающіяся надъ отечествомъ грозныя тучи. Прими его слово безкорыстное и прямое. Пусть настоящая печаль нашей родины будетъ искупленіемъ за грѣхи минувшіе, но пусть будетъ зарей обновленной жизни государства, свѣтлаго счастія, основаннаго на тѣсномъ довѣрчивомъ сближеніи Царя съ народомъ».

Очень бурно прошло собраніе *Бессарабскаго дворянства*. На предложеніе г. Сицинскаго составить адресъ въ смыслѣ указанія наилучшихъ способовъ къ устраненію недуговъ, обсудивъ редакцію адреса спокойно и внимательно,—предсѣдатель аккерманской управы г. Пуришкевичъ произнесъ

можетъ не пуля и штыкъ, а лишь царское слово, призывающее свободно избранныхъ представителей для участія въ законодательствѣ и управленіи и отвѣчающее истинному положенію страны.

„Какъ извѣстно всякая идея переживаетъ три фазиса: мысль, слово и дѣло. Идея государственнаго обновленія нашей родины уже миновала два этапа. Мысль объ этомъ давно витала въ лучшихъ умахъ, перебродила и дала плодъ—слово. Слово „новая жизнь“ сказано по всему лицу русской земли. Остается самый серьезный фазисъ—дѣло. Русскій человѣкъ въ трудные историческіе моменты обнаруживалъ необыкновенную живучесть и работоспособность и нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ не окажется таковымъ и нынѣ. Сейчасъ на работу толкаетъ органическая потребность инстинкта самосохраненія. На насъ лежитъ обязанность засвидѣтельствовать, что русское общество находится въ состояніи полной боевой готовности и готово по первому призыву встать въ ряды дѣлателей“.

Рѣчь гл. Сафонова была покрыта продолжительными аплодисментами собранія и публики.

Костромское дворянское собраніе, признавая своею обязанностью «служить чистымъ источникомъ просвѣщенія страны» приняло адресъ, въ которомъ проситъ сказать «идущее изъ глубины души слово». «Вѣнценосные предшественники Вашего Величества,—говоритъ костромское дворянство,—уже неоднократно начертывали въ законахъ всѣ указанныя права и съ любовью шли навстрѣчу нарождавшимся жизненнымъ потребностямъ, но имъ,—монархамъ,—постоянно оказывала противодѣйствіе бюрократія, образовавшая неприступную стѣну между Царемъ и народомъ, свободно избравшимъ 290 лѣтъ тому назадъ великаго Родоначальника Вашего Величества. Въ законѣ ясно и теперь начертано, что всѣ равны передъ нимъ, что всякое лицо отвѣтствуетъ за его нарушеніе, что всѣ русскіе подданные и ихъ вѣроисповѣданія одинаково уважаются; и однако же именно лица, облеченныя особымъ довѣріемъ,—стража закона,—несмотря на царскіе запреты дѣйствіями своими указываютъ, что она выше закона. Въ виду этого въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія на-

сущнѣйшихъ нуждъ нашего мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными, считаемъ долгомъ высказать Вамъ, Государь, глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе Самодержавнаго Государя со свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы, придать непоколебимость проведенію въ жизнь законовъ и обезпечить неуклонное исполненіе предначертанныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ указѣ 12-го декабря преобразованій» («Костр. Листокъ»).

Депутаты и предводители *Петербурскаго* дворянства выработали всеподданнѣйшій адресъ въ умѣренно-либеральномъ духѣ. Скорбя о внѣшнихъ и внутреннихъ невзгодахъ, они выражали твердую увѣренность въ могущественномъ преуспѣяніи отечества при неразрывномъ единеніи самодержавнаго Монарха съ безпредѣльно преданнымъ ему народомъ.

Адресъ *Курскаго* дворянства также въ концѣ-концовъ выражалъ надежду на обращеніе Высшей власти къ непосредственному содѣйствію избранныхъ отъ страны людей въ дѣлахъ государственнаго строительства; но онъ, указывая на дворянское оскуденіе и на готовность къ борьбѣ съ «внутреннимъ врагомъ», былъ составленъ въ столь приниженномъ духѣ, что предсѣдатель льговской земск. упр. Н. В. Ширковъ не находилъ возможнымъ дать свою подпись.

Нижегородское дворянство, въ единогласно принятомъ адресѣ приноситъ увѣреніе, что, нынѣ, «въ тяжкую для государства минуту русской исторіи, Русь по первому призыву станетъ на творческую работу для счастья отечества». Адресъ заканчивается слѣдующими словами:

«По долгу присяги нижегородское дворянство, вѣрное своимъ преданіямъ, не можетъ безмолвствовать, когда видитъ собирающіяся надъ отечествомъ грозныя тучи. Прими его слово безкорыстное и прямое. Пусть настоящая печаль нашей родины будетъ искупленіемъ за грѣхи минувшіе, но пусть будетъ зарей обновленной жизни государства, свѣтлаго счастія, основаннаго на тѣсномъ довѣрчивомъ сближеніи Царя съ народомъ».

Очень бурно прошло собраніе *Бессарабскаго дворянства*. На предложеніе г. Сицинскаго составить адресъ въ смыслѣ указанія наилучшихъ способовъ къ устраненію недуговъ, обсудивъ редакцію адреса спокойно и внимательно,—предсѣдатель аккерманской управы г. Пуришкевичъ произнесъ

формъ въ направленіи, выраженномъ земцами 6—9 ноября и не надѣются на успѣшное проведеніе предначертанныхъ реформъ безъ участія общественныхъ силъ. Рѣчь гласнаго Сафонова въ костромск. земск. собраніи вполнѣ вѣрно выражала чувство, обуревавшее русское общество. Общая же картина движенія въ моментъ этихъ собраній, безспорно близко къ истинѣ, опредѣляется словами гласныхъ Вологодскаго земства: „Всесильная бюрократія желаетъ имѣть все и не желаетъ уступать ничего". Она рѣшилась въ жертву себѣ приносить судьбы всего русскаго народа, присвоивая себѣ право по-своему толковать духъ указовъ, чтобы такъ или иначе предотвратить вліяніе на населеніе состоявшагося надъ нею приговора.

Но русскій народъ, несмотря на всѣ ухищренія явныхъ и тайныхъ охранителей излюбленныхъ ими порядковъ, хорошо понимая, чѣмъ вызваны обѣщанія реформъ,— не выражалъ ни малѣйшаго довѣрія къ дальнѣйшимъ заботамъ забывшихся опекуновъ.

XXV.

„Несвоевременно"...

Адресъ *московскаго дворянства* ожидался съ особымъ интересомъ главнымъ образомъ въ силу историческихъ преданій, между тѣмъ какъ самая Москва, въ лицѣ своихъ выборныхъ въ городской Думѣ и въ земскихъ собраніяхъ, собственно уже высказалась вполнѣ опредѣленно, въ духѣ резолюціи петербургскаго съѣзда земскихъ дѣятелей.

Въ ожиданіи этого адреса „Русскія Вѣдомости" высказали мнѣніе, что своимъ отношеніемъ къ переживаемому моменту „московское дворянство покажетъ мѣру своей политической зрѣлости, мѣру своего пониманія современнаго положенія. Въ настоящую минуту приходится слышать мнѣніе о „несвоевременности" раз-

рѣшенія коренныхъ вопросовъ нашей государственной жизни. Но что же дѣлать, если они выдвинулись сами собою, если передъ всѣми русскими людьми ставится дилемма: высказываться *за* „голосъ земли“ или *противъ* этого голоса, за обезпеченіе правъ русскихъ гражданъ или за безправіе, за общество или за реакцію и притомъ за реакцію еще небывалую,—*которая заставила бы умолкнуть не „смуту“, а русское общество.* Мы не думаемъ предсказывать постановленіе московскаго дворянства, но мы полагаемъ, что здравые инстинкты охраненія едва ли подскажутъ ему заявленіе въ реакціонномъ смыслѣ. Такое заявленіе не могло бы заглушить голосъ русскаго общества; оно могло бы лишь обострить общественное возбужденіе, а всего менѣе умиротворить его. Оно, наконецъ, внесло бы расколъ въ среду самого дворянства и поколебало бы его общественное значеніе“. (Курс. нашъ).

И „большинство“ московскаго дворянства показало мѣру своего пониманія... Съ помощью бюрократическаго элемента (дворянъ, состоящихъ на службѣ у правительства), оно въ собраніи января приняло 219 голосами проектъ адреса, составленнаго г. Самаринымъ; этотъ адресъ порицалъ возбужденіе вопроса о преобразованіяхъ *по неблаговременности* „Нынѣ ли, въ столь тяжелую пору, думать о какомъ-либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута: тогда, направляемая державною десницею Государя, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей внутренней жизни, „на началахъ единенія самодержавнаго царя съ землей“.

Такимъ образомъ ожиданія передового общества не оправдались.

„Общественная волна не докатилась до „большинства“ московскаго дворянства. Безстрастно оно взираетъ на борьбу общественныхъ силъ, называя ее „внутренней смутой“. Голосъ лучшихъ нашихъ писателей

нѣніе лучшей нашей прессы, сужденія ученыхъ, публи-
истовъ, голоса всей интеллигенціи русской, голоса
усскаго народа—все это не гласъ Божій, а внутрен-
яя смута" („Русск. Правда").

Впрочемъ побѣда заботливо собраннаго „большин-
тва" являлась почти ничтожной, такъ какъ значитель-
ая часть (153 голоса) была за принятіе адреса иного
аправленія.

Дворянство готово было внять голосу кн. С. Н. Тру-
ецкого, изложившаго въ своей замѣчательной запискѣ
сѣ доводы, призывавшіе „первое" сословіе страны къ
очетной обязанности выполненія долга передъ отече-
твомъ... Но численное большинство осталось послуш-
ымъ своимъ руководителямъ. Его не смутила „гибель-
ость и разорительность безплодной войны, сулящей и
ъ отдаленномъ будущемъ напряженіе военныхъ силъ";
но не желало признать, что „экономическій кризисъ,
переживаемый сельскимъ хозяйствомъ, осложняется
тсутствіемъ правопорядка и общимъ недовольствомъ,
могущимъ вызвать смуту". Для этого „большинства"
казался незначащимъ тотъ фактъ, что „окраины были
истематически возбуждаемы противъ Россіи и русска-
о правительства подъ предлогомъ руссификаціи, а сама
коренная Россія жила десятилѣтія подъ гнетомъ осад-
аго положенія; что непрерывно усиливавшійся поли-
цейскій произволъ сѣялъ ожесточеніе и одинаково де-
морализовалъ какъ общество, такъ и самую админи-
страцію, утратившую сознаніе отвѣтственности". Сто-
ронники г. Самарина и бюрократіи не пожелали по-
нять того, что „патріотизмъ русскаго народа, традиціон-
ная преданность престолу, сознаніе опасности и, нако-
нецъ, самая потребность выйти изъ остраго положенія,
заставятъ всѣ лучшія силы страны сплотиться вокругъ
правительства, если оно твердо и опредѣленно всту-
питъ на путь реформъ". Нужно было немедленно оста-
вить „путь, приведшій Россію къ настоящему погрому
и нестроенію, какъ явно гибельный, осужденный самой

жизнью, самой дѣйствительностью, Божьимъ судомъ"... „Теперь уже не свободолюбіе, а *патріотизмъ требуетъ реформъ*,—убѣждалъ кн. С. Н. Трубецкой:—здоровые инстинкты охраненія, желаніе спасти Россію, наконецъ, интересы національной обороны—заставляютъ свернуть съ ложнаго пути бюрократическаго абсолютизма. И чтобы сдѣлать это, не слѣдуетъ бояться смѣлаго и рѣшительнаго шага... Какъ и въ эпоху освобожденія крестьянъ, правительство должно стоять впереди, а не позади общества, если оно хочетъ сохранить верховное, руководящее положеніе"...

Горячій призывъ С. Н. Трубецкого оказался для большинства московскихъ дворянъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вопросъ былъ рѣшенъ съ легкимъ сердцемъ. Признано, что „для реформъ, хотя бы и возвѣщенныхъ, не время—и ничего для возрожденія Россіи не требуется, кромѣ одного ласковаго слова!" „Поистинѣ куриная политическая слѣпота! — восклицала „Русь".—Ужасы этого года, раны нашего народнаго самолюбія, которыя каждому невольно приводятъ на память времена Севастополя, безсильно застывшій въ воздухѣ размахъ нашей военной мощи, всеобщій вопль: „такъ дальше жить нельзя!", явное пониженіе нашего престижа за границей и даже среди славянства, непрекращающіяся волненія, смуты, застой въ дѣлахъ, сильное пониженіе нашей ренты, наконецъ даже кровавыя событія 9 января—ничто не вразумляетъ иныхъ благополучныхъ среди нашихъ дворянъ: мимо всего равнодушно и несознательно проходятъ они, упорно твердя: *не время*!

„Да какого же еще времени имъ надо? Какихъ бѣдъ, какого униженія, какого позора имъ требуется, чтобы сказать: „да, пора намъ всѣмъ, русскимъ людямъ, сойтись и посовѣтоваться, какъ изъ бѣды выйти"? („Русь", № 17).

Либеральная и вдумчиво относившаяся къ серьезности положенія группа московскихъ дворянъ, конечно, не

могла помириться съ адресомъ большинства и выработала особое мнѣніе, а кн. С. И. Шаховской, кромѣ того, внесъ въ собраніе, въ видѣ дополненія, свое особое мнѣніе. Въ немъ онъ заявлялъ между прочимъ слѣдующее:

„Въ столицахъ и городахъ нашей страны каждый истинно русскій человѣкъ долженъ *отдать свои силы*, чтобы помочь родинѣ выйти на путь мирнаго развитія. Но какія существуютъ у русскаго *народа* условія для того, чтобы высказать свои желанія, чтобы жертвовать свое достояніе и свою жизнь на благо родины? Мнѣнія общества, если они не угодны администраціи, остаются не высказанными; лица, призванныя самимъ правительствомъ для выясненія насущнѣйшихъ вопросовъ государства, подвергаются за исполненіе своего долга произвольной административной карѣ... Администрація фактически не отвѣтственна за совершаемыя преступленія, такъ какъ она имѣетъ всѣ средства не допускать обсужденія ея дѣйствій; офиціальныя сообщенія и разслѣдованія весьма часто оказываются невѣрными. Голосъ народа не можетъ достигнуть никакими путями до Царя...“ „Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута, тогда Россія найдетъ пути для устроенія своей жизни“—говорится въ адресѣ большинства. Но вѣдь это мечты! Вѣдь административно-бюрократическій режимъ привелъ насъ къ смутамъ и военной грозѣ. Вѣдь мы стоимъ лицомъ къ лицу передъ врагомъ, который за годъ борьбы съ нами отнялъ у насъ морское могущество, уничтоживъ нашъ флотъ, взялъ Портъ-Артуръ... Вѣдь на нашу долю военное счастье не дало ни одной побѣды... А мы продолжаемъ думать, что гроза пройдетъ *сама собой...*“

Но было еще много дворянъ, которые рѣшили держаться того положенія, того стойкаго топтанія на мѣстѣ, которое ярко очерчено *В. Г. Короленко* слѣдующими строками (написанными по поводу январскихъ событій въ Петербургѣ): „Вся русская жизнь предста-

вляется намъ какъ бы остановившейся въ раздумьи и ужасѣ, точно сказочный богатырь, передъ которымъ на распутьи всталъ внезапно грозный призракъ. Куда идти дальше?.. И идти ли?.. И можно ли вѣрить въ будущее, и можно ли повторять недавнія еще радостныя формулы?.. Неужели все это можетъ стать опять вопросомъ? Трагедія нашей жизни за послѣднія десятилѣтія состоитъ въ безсиліи всѣхъ попытокъ разорвать *волшебный кругъ бюрократической реакціи* *). Когда въ устающемъ обществѣ водворяется наружное спокойствіе, то его безнадежное молчаніе принимается за признакъ благоденствія и довольства. И тогда мы слышимъ, что никакія реформы не нужны, потому что все обстоитъ благополучно... И даже именно потому все благополучно, что никакихъ „реформъ" на горизонтѣ не видно. А когда наружное благополучіе переходитъ въ признаки недовольства и тревоги, то первыя же попытки реформъ немедленно прекращаются, потому что онѣ признаются несвоевременными. *Не нужно, потому что еще все спокойно... Нельзя, потому что уже начинается броженіе* *),—такова философія нашей новѣйшей исторіи, такова альфа и омега бюрократическаго творчества... А между тѣмъ жизнь не ждетъ... И вотъ, наша жизнь стала похожа на гигантскій котелъ, въ которомъ закипаетъ сдавленная живая сила, требующая законнаго исхода. Но лишь только мы пытаемся открыть предохранительный клапанъ, какъ рѣзкій шумъ вырывающагося пара пугаетъ нашихъ машинистовъ, они торопятся опять закрыть и даже замазать всѣ щели... И когда послѣ этого наступаетъ тишина, лишь изрѣдка нарушаемая глухими внутренними толчками, то это принимается за признаки благополучія и безопасности... И вотъ... еще одинъ опытъ... И неужели клапаны опять будутъ закрыты? Жизнь не ждетъ. Передъ русскимъ обществомъ и передъ русскимъ наро-

*) Курсивъ нашъ.

домъ все явственнѣе встаетъ загадка его существованія, и возврата уже нѣтъ и быть не можетъ. Это ясно, и что касается русскаго общества, то оно сознало это безповоротно! („Русск. Богатство").

XXVI.

Предупрежденіе и пресѣченіе.

Общество бодрствовало, но не спала и бюрократія. Съ самаго начала волненій, административныя и полицейскія власти, обнаружившія совершенную неспособность къ охраненію имущественной и личной безопасности населенія, повидимому по-своему оцѣнивая либеральныя обѣщанія правительства, занялись активнымъ противодѣйствіемъ общественному движенію; вмѣсто надлежащаго исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, они не только допускали свободное безчинство отбросовъ населенія, но во многихъ случаяхъ даже сами пользовались косвеннымъ содѣйствіемъ этого элемента.

Оказалось, что повсюду полиція лишена довѣрія населенія *) и что вліяніе ея распространяется лишь на такъ называемыя „черныя сотни"—слой населенія, готовый служить кому и чему угодно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полицейская дѣятельность приняла такой характеръ, что главная опасность для населенія грозила именно со стороны полиціи (Курскъ, Саратовъ, Баку, Нижній, Псковъ и др.). Вездѣ, гдѣ требовался особенный тактъ, мѣры полиціи выража-

---

*) Недовѣріе къ административнымъ властямъ находило разнообразныя выраженія. Такъ, напр., въ Пензѣ, гдѣ, въ ожиданіи кулачной расправы съ учащимися, губернаторъ обратился къ думѣ съ предложеніемъ увеличить штатъ городовыхъ на 10 человѣкъ, городское общество сдѣлало постановленіе, превзошедшее ожиданія администраціи: дума отпустила деньги даже на 15 новыхъ городовыхъ, но подъ условіемъ, чтобы они оставались въ распоряженіи управы („Русск. Вѣд.", № 62).

лись въ грубыхъ оскорбленіяхъ и въ насиліяхъ надъ правыми и виноватыми.

Въ *Николаевѣ*, напр., полиція устроила облаву на обывателей: хватали всякаго, кто показывался на улицѣ, запирали въ сарай и держали до ночи безъ пищи. Въ числѣ забранныхъ были чиновники, возвращавшіеся со службы, были лица, шедшія изъ церкви, больные... („Наша Жизнь").

Административныя власти не ограничивались подобнымъ попустительствомъ беззаконій, творимыхъ младшими полицейскими чинами. Обнаруживался замыселъ мѣропріятія болѣе серьезнаго, — возбужденія однихъ слоевъ населенія противъ другихъ, подъ видомъ пробужденія казеннаго патріотизма, въ цѣляхъ „обузданія" либераловъ, такъ сказать, домашними мѣрами исправленія; впослѣдствіи оказалось, что замыселъ этотъ былъ развитъ въ цѣлую систему, поразительную по своей откровенной преступности.

„До сихъ поръ,—писала *Наша Жизнь* — били евреевъ, били студентовъ и рабочихъ, били корреспондентовъ, и, конечно, все это при извѣстномъ попустительствѣ. Теперь попустительство простерлось на земцевъ. Такимъ образомъ способы охраненія неприкосновенности личности и водворенія общественнаго порядка испытала на себѣ не только молодежь, считаемая у насъ искони достойной только кулака, нагайки и даже шашки; эти способы гарантіи существующаго порядка обрекались испытать теперь и представители общества, закономъ признанные за представителей населенія, и даже должностныя лица. Дальше идти, кажется, некуда" („Наша Жизнь", № 48).

Такого рода попытки охранителей порядка для „обузданія" образованнаго слоя, равно какъ и *откровенная* проповѣдь междоусобицы охранительной прессой, были именно тѣми факторами, которые дали городской черни смѣлость приступить къ насиліямъ и грабежамъ подъ личиной пылкаго „патріотизма".

Образцомъ административнаго попеченія, вѣрнѣе— пресѣченія, можетъ служить мѣра, о которой сообщилъ изъ Самары корреспондентъ газеты *Наши Дни*. Вновь назначенный туда начальникъ губерніи, г. Засядко, намѣревался организовать „крестьянскія дружины“ для нравственнаго воздѣйствія на обывателей. По словамъ корреспондента, „мѣстные землевладѣльцы были очень встревожены этимъ проектомъ и опасались, какъ бы онъ не привелъ къ новой пугачевщинѣ“. „Г. Засядко,— по разъясненію г. Юрицына („Наши Дни“, № 25),— послѣ разгрома тверского земства былъ направленъ въ Тверь къ оставшимся смутьянамъ въ качествѣ нравственнаго фактора... Но его нравственное воздѣйствіе на земство длилось всего нѣсколько недѣль... Блестящій проектъ организаціи патріотическихъ дружинъ возбудилъ, по всей вѣроятности, много споровъ и толковъ, но въ провинціи эта затѣя,—писалъ г. Юрицынъ,— вызоветъ очень слабый эффектъ. Тамъ къ этимъ сюрпризамъ привыкли. Провинція столько перевидала разныхъ представителей власти, столько разныхъ прожектовъ и мѣръ, что никакой геній ее не удивитъ. Она видала начальниковъ, разъѣзжавшихъ по городу съ полураздѣтыми дѣвицами на пожарныхъ обозахъ; она видала начальниковъ, окончательно убивавшихъ ввѣренный имъ край, она видала начальниковъ, которые играли ввѣренною имъ властью, какъ маленькіе дѣти играютъ огнемъ“... „И не удивительно поэтому, что, въ ожиданіи новыхъ начальниковъ, провинція шумитъ, какъ напуганный курятникъ при приближеніи ястреба“...

Въ другихъ городахъ „патріотическія дружины воздѣйствія“ возникали на дѣлѣ, а исторія ихъ возникновенія оставалась темною. Такъ, напр., въ *Псковѣ* какое-то сообщество распространяло прокламаціи съ заглавіемъ „Бей студентовъ!“ Вскорѣ въ этомъ городѣ дѣйствительно послѣдовало избиваніе учащихся, при чемъ избиваніемъ (какъ выяснилось на судѣ) занима-

лась не только черная сотня, но и особые отряды переодѣтыхъ пожарныхъ, вооруженныхъ палками одинаковаго образца; пожарные руководились городовыми (см. „Русь“, № 41).

Возникновеніе тайныхъ, но дѣйствовавшихъ явно „антикрамольныхъ“ сообществъ стояло въ связи съ нелѣпыми слухами, неизвѣстно кѣмъ распространявшимися, о стремленіи студентовъ и вообще интеллигенціи забрать народъ въ руки. Уже въ декабрѣ 1904 года простой народъ сталъ выражать опасеніе, что „господа“ хотятъ вернуть крѣпостное право. Позднѣе подобную мысль стали проводить болѣе опредѣленно и вполнѣ явно. Напримѣръ, въ брошюрѣ епископа серпуховского Никона было сказано: „У нашихъ смутьяновъ—одинъ обманъ. Ихъ господство будетъ для народа хуже крѣпостного права“.

Для достиженія своихъ цѣлей озлобленные агитаторы изъ охранительнаго лагеря прибѣгали къ разнообразнымъ способамъ, и „всюду они базировали на невѣжествѣ народа“.

Ошибка *) съ телеграммами „Латинскаго агентства“ также могла подтолкнуть русскихъ людей на ужасную междоусобицу, и если этого не случилось, то подобный фактъ подкрѣпляетъ мнѣніе, что рабочее движеніе совершалось не въ видѣ стаднаго слѣдованія за анонимными руководителями, а вполнѣ сознательно, какъ это

---

*) Ошибки вообще имѣли опредѣленное направленіе: *Пензенскія Вѣдомости* въ подражаніе *Тамбовскимъ* и *Уфимскимъ*, пустившись въ политику, перепечатывали всѣ дикія выходки *Московскихъ Вѣдомостей*. А вмѣстѣ съ тѣмъ эта *казенная* газета *не могла* (?) *напечатать правильно Царскихъ указовъ*: Рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ (о намѣреніи призвать избранниковъ народа) былъ напечатанъ съ такою безобразною разстановкой знаковъ препинанія, что трудно добраться до смысла, а въ телеграммѣ отъ 18 февраля былъ напечатанъ Указъ Сенату съ пропускомъ словъ: „поступающихъ на имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій“,—тѣхъ словъ, въ которыхъ заключается весь смыслъ и цѣль Указа („Русск. Вѣд., № 62).

подтверждено и запиской инженеровъ, поданной правительству.

Итакъ, рѣшительно во всѣхъ своихъ усиліяхъ удержать всеобщій порывъ къ свободѣ, бюрократія, застигнутая врасплохъ, обнаружила явную для всѣхъ несостоятельность свою, какъ въ дѣлѣ проведенія реформъ, такъ и въ пріемахъ противодѣйствія имъ. Столпы и опоры существовавшаго до того времени режима такъ привыкли распространять свои мертвящія заботы на всѣ явленія жизни и безпрепятственно приспособлять все къ своимъ явнымъ или тайнымъ расчетамъ, что дѣйствовали, не желая считаться ни съ чѣмъ. Судя по всему, бюрократія наша держалась того взгляда, что и сама исторія существуетъ для нея и находится вполнѣ въ ея рукахъ. Закоснѣлость ея совершенно обнаружилась уже въ первоначальную эпоху пробужденія Россіи. Не осталось безъ осужденія, кажется, ни одного мѣропріятія, исходившаго отъ всемогущей бюрократіи... а она, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала „гнуть свою линію“, не щадя достоинства правительственной власти, только бы удержаться въ присвоенномъ положеніи.

Работы многочисленныхъ комиссій были пропитаны тѣмъ же духомъ „предупрежденія“. Бюрократическій геній виталъ не столько надъ заботами о приближеніи реформъ, сколько надъ обслѣдованіемъ того вреда, который реформы могутъ нанести установленной дисциплинѣ населенія.

Предначертанныя Указомъ 12 декабря реформы обсуждались въ комитетѣ министровъ негласно; объ этой дѣятельности появлялись въ газетахъ только очень краткія сообщенія о сущности мнѣній комитета, и лишь много позднѣе опубликованы были *Извлеченія изъ журнала.* Работы комитета министровъ очень мало приблизили дѣйствительное проведеніе реформъ, но онѣ имѣли серьезное значеніе, какъ критика существовавшей системы управленія, созданной въ эпоху застоя.

„Всѣ выводы комитета сводились къ полному осужденію существовавшаго строя внутренней политики; они констатировали совершенную безполезность мѣръ, уже по существу своему вредныхъ и приносившихъ, даже въ охранительномъ смыслѣ, отрицательные результаты... Двадцать пять лѣтъ высылокъ, запрещеній, обысковъ, арестовъ и разныхъ предупредительныхъ (по усмотрѣнію) мѣръ не уничтожили „крамолы". Мало того, пользованіе этими мѣрами для цѣлей, ничего общаго съ крамолой не имѣющихъ, озлобило населеніе и напитало его чувствомъ глухого протеста. Статсъ-секретарь Витте безъ обиняковъ указалъ, что вначалѣ „за подавленіемъ мы *просмотрѣли естественный ростъ* многихъ общественныхъ явленій, которыя нуждались только въ законномъ упорядоченіи, чтобы стать мирно-жизненными".

„Правительство,—говорилъ въ комитетѣ предсѣдатель его,—всегда смотрѣло на введеніе въ данной мѣстности правилъ объ усиленной охранѣ, какъ на средство, имѣющее цѣлью удаленіе извѣстныхъ нездоровыхъ накипей, могущихъ возмутить ровную поверхность нормальной общественной жизни страны. При этомъ, однако, до нѣкоторой степени упускалось изъ виду, что наиболѣе прямымъ путемъ къ достиженію означенной цѣли является непринятіе репрессивныхъ мѣръ... У насъ ходъ законодательства, призваннаго регулировать важнѣйшія отправленія общественнаго организма, нерѣдко оказывался слишкомъ медленнымъ, для своевременнаго удовлетворенія настойчиво заявляемыхъ поступательнымъ движеніемъ народной жизни запросовъ". „Мы проглядѣли самостоятельно развившійся у насъ рабочій вопросъ и, вмѣсто соотвѣтствовавшаго рабочаго законодательства, при помощи полицейскаго усмотрѣнія образовали рядъ союзовъ, сдѣлавшихся общественною грозою. Мы разорили высшую школу, изъ храма науки превративъ ее въ арену кипѣнія политическихъ страстей, несмотря на то, что усиленная охрана

примѣнялась въ отношеніи университетовъ, академій и институтовъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ студенческія волненія представлялись явленіями единичными, теперь они превратились въ сложный общественный вопросъ. Наконецъ, окраинные и инородческіе интересы, въ отношеніи которыхъ примѣнялась только одна политика подавленія, дали обильный матеріалъ всякой агитаціи и пропаганды. Теперь мы пожинаемъ плоды нашей многолѣтней беззаботности и созерцаемъ страну въ смятеніи и разореніи" („Слово", № 73, ст. В. Грибовскаго).

Итакъ, тотъ самый комитетъ министровъ, который только что передъ тѣмъ не препятствовалъ проводить реакціонныя мѣры, теперь безповоротно осудилъ систему усыпленія и гоненія общественныхъ силъ. Какъ же было не вѣрить, что приближалось царство законности и правды!

Мертвящее и разлагающееся сдавалось въ архивъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлась необходимость замѣстить отжившее чѣмъ-нибудь новымъ и живымъ. Но ни авторитетъ комитета министровъ, ни усилія комиссій не могли бы создать ничего новаго и живого изъ остатковъ стараго матеріала; открывалась надобность обращаться къ свѣжимъ силамъ народа, какъ къ *постоянному* живительному источнику.

Газета *Русь* обращала вниманіе на ту особенную опасность, которую могло бы вызвать промедленіе въ призывѣ общественныхъ силъ на смѣну отживающей канцелярщинѣ: „Вавилонская башня русскаго бюрократизма, казалось, возносившая уже къ небу свою татарско-византійскую главу, вдругъ рухнула всѣми своими этажами и даже фундаментомъ, ибо за него служили: самомнѣніе, самоупоеніе, пренебреженіе закономъ, презрѣніе правами личности и боязнь всякаго вольнаго духа"...

Пора признать, „что честь, ростъ и процвѣтаніе Россіи дороги и обществу не менѣе, чѣмъ правительству;

что опасность въ томъ, чтобы *не вырвать* у огромныхъ, по нравственному вѣсу и числу, общественныхъ массъ *вѣры въ возможность* реформъ... Моментъ пришелъ для Россіи. Необходимо рѣшаться, и еще не поздно. Мы во власти чудовищныхъ спазмъ, при которыхъ жить нельзя. Но лѣкарство подъ руками—и какое тогда впереди свѣтлое будущее!"

Однако правительство все еще избѣгало касаться самаго настоятельнаго вопроса—о созданіи народнаго представительства, а общество, создавая себѣ образы возможнаго и хватаясь за идею земскихъ соборовъ, мучительно ожидало призыва, напряженно прислушиваясь къ быстрому росту внутренней неурядицы.

XXVII.

Вступленіе въ открытую борьбу.

Трагическія происшествія, сопровождавшія рабочее движеніе, были, какъ оказалось, только вступленіемъ въ эпоху внутренней кровавой борьбы. Уже февраль 1905 года, завершившійся пораженіемъ русской арміи подъ Мукденомъ, далъ рядъ тревожныхъ и ужасныхъ событій.

4 февраля въ Московскомъ кремлѣ былъ убитъ разрывнымъ снарядомъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ.

Съ 6 по 12 февраля безпрепятственно происходили рѣзня и избіеніе армянъ въ Баку. Несмотря на усиленныя строгости цензуры, причины этого чудовищнаго происшествія съ достаточною рельефностью выяснились изъ сообщеній, сдѣланныхъ на XX съѣздѣ нефтепромышленниковъ, и изъ резолюціи старшихъ инженеровъ на нефтяныхъ промыслахъ. Корреспонденты-очевидцы описывали невѣроятныя по звѣрству сцены; за людьми открыто охотились на улицахъ, какъ за звѣрями; преслѣдовали и доколачивали смертельно раненыхъ... Се-

мейство владѣльца пассажа Лалаева было перерѣзано все, безъ различія пола и возраста; тѣхъ, кто скрылся въ домѣ, заставили выйти поджогомъ дома, для чего открыто подвозили керосинъ въ бочкахъ... Люди сжигались живьемъ и т. п.

„Городъ омертвѣлъ, на улицахъ валялись трупы; то тамъ, то сямъ вспыхивало зарево пожара, пылали костры изъ разграбленной мебели. Только сухая трескотня выстрѣловъ и зловѣщій ревъ толпы нарушали зловѣщую тишину. Солдаты стоятъ простыми зрителями и отъ времени до времени отбираютъ оружіе у армянъ; полиція, какъ съ очаровательнымъ простодушіемъ оповѣстила міръ одна изъ агентскихъ телеграммъ, не будучи въ силахъ бороться съ громилами, подала въ отставку. Не такъ скоро складывала она оружіе, когда надо было подавлять „внутреннихъ враговъ" въ Баку, въ Елисаветполѣ и др. городахъ, гдѣ армянскія манифестаціи вызывали кровавую расправу. Погромъ былъ прекращенъ по настоянію общества, сумѣвшаго *убѣдить* губернатора устроить примирительную процессію. Достаточно было (на этотъ разъ) символическихъ поцѣлуевъ армянскаго и мусульманскаго духовенства, чтобы немедленно улеглась бойня. Развѣ могли бы такъ быстро утихнуть расовые инстинкты и религіозный фанатизмъ?" (*Русск. Вѣдом.*, № 47).

На засѣданіи упомянутаго выше съѣзда, состоявшемся 13 февраля, собралось болѣе 2000 человѣкъ; въ резолюціи заявлено было, между прочимъ, требованіе суда присяжныхъ надъ администраціей; одинъ изъ членовъ, русскій купецъ, напомнивъ, что Баку даетъ правительству болѣе 100 милл. дохода, требовалъ удаленія „негодной" администраціи и назначенія сенаторской ревизіи. Здѣсь же были указаны такіе факты, какъ „разговоръ съ губернаторомъ толпы вооруженныхъ татаръ; отогнаніе казаками армянъ, искавшихъ спасенія за ихъ лошадьми; отдача татарамъ обратно отобранныхъ у

нихъ револьверовъ; убійство одного армянина въ присутствіи офицера и солдатъ; сожженіе дома Лалаева, который 15 часовъ напрасно просилъ по телефону помощи противъ осаждавшихъ домъ татаръ и погибъ со всей семьей" и т. д. Собраніемъ констатировано, что мѣстное мусульманское населеніе натравляли на армянъ, какъ на враговъ Царя, желавшихъ отдѣлиться отъ Россіи и вырѣзать мусульманъ. Это происходило задолго до рѣзни (*Русск. Вѣд.*, №№ 54 и 62).

Въ письмѣ 33 управляющихъ и инженеровъ Бибиэйбатскихъ заводовъ сообщалось, что 4-хдневное побоище на бакинскихъ улицахъ, возникшее по случайному поводу, разрослось до размѣровъ ужасающей катастрофы, несомнѣнно, благодаря внѣшнему вліянію. Отвѣтственность за массовыя убійства не только мужского населенія, но и женщихъ и дѣтей обѣихъ націй падаетъ исключительно за бездѣйствіе власти: въ теченіе 4-хъ дней на глазахъ у полиціи и войскъ происходили открытые убійства, поджоги и грабежи, причемъ войска не арестовывали убійцъ и не отнимали у нихъ оружія (*Русь*).

Тифлисская газета *Телефонъ* по поводу слишкомъ смѣлаго дѣйствія мусульманъ поставила рядъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія: 1) кто далъ тысячной толпѣ оружіе нашего военнаго образца; вѣдь каждый татаринъ имѣлъ въ рукахъ ружье Бердана и револьверъ Смита и Вессона; 2) когда горѣлъ домъ Адамова, почему не явилась пожарная команда; 3) откуда взяли татары такъ много патроновъ, что зря производили сотни выстрѣловъ; 4) почему каждое утро передъ участкомъ собирались татары и потомъ расходились по городу?"

Прибывшему для разслѣдованія сенатору Кузьминскому бакинцами была подана петиція, въ которой заявлялось, что еще задолго до рѣзни, нѣкоторые администраторы внушали мусульманскому населенію, что правительство ожидаетъ отъ нихъ помощи въ могу-

щемъ возникнуть столкновенiи съ будто бы бунтующими армянами.

Вслѣдъ за бакинскими ужасами на улицахъ Курска произошло позорное избiенiе дѣтей, учениковъ среднеучебныхъ заведенiй — дѣянiе чуть ли не безпримѣрное въ исторiи Европы, едва ли возможное и у дикарей... По докладу курской городской управы причина произшедшаго выяснена такъ: „Волненiя, почти повсемѣстно охватившiя послѣ 9 января какъ высшiя, такъ и среднiя учебныя заведенiя, отразились и въ Курскѣ. На созваномъ губернаторомъ совѣщанiи, при участiи начальства учебныхъ заведенiй, выяснилось, что за послѣднiе дни замѣчена была необычайная нервность учащихся, при чемъ они просили дозволить имъ въ стѣнахъ заведенiй посовѣщаться о нуждахъ относящихся къ школьной жизни; 10 и 11 февраля учащiеся выразили пожеланiя, касающiяся уничтоженiя нѣкоторыхъ стѣсненiй и жалобы на грубое отношенiе къ нимъ нѣкоторыхъ преподавателей. Въ классической гимназiи ученики высшихъ классовъ оставили занятiя, вслѣдъ затѣмъ разошлись по домамъ и низшiе классы, но признаковъ того, что учащiеся намѣрены произвести демонстрацiю не было. Ученики высшихъ классовъ часовъ въ 12 направились спокойно, попарно къ 1-й женской гимназiи. За время ихъ шествiя къ нимъ присоединилось нѣсколько учениковъ землемѣрнаго училища, учительской семинарiи и другихъ учебныхъ заведенiй, а также нѣкоторые изъ отпущенныхъ учениковъ младшихъ классовъ. Число учащихся, участвовавшихъ въ этомъ шествiи, опредѣляется очевидцами до 200 человѣкъ. За учащимися все время слѣдовали чины полицiи, конные стражники и кандидаты въ стражники (??), одѣтые въ простонародное платье. Нѣкоторые думали, что учениковъ отправляютъ навстрѣчу проѣзжавшему въ это время ген. Стесселю, другiе—что они идутъ на спѣвку или тому подобное. И вотъ, когда группа учащихся подошла къ послѣднему изъ учебныхъ заведенiй,

къ 1-й женской гимназіи, раздался полицейскій свистокъ, а затѣмъ команда полицеймейстера: „резервъ, бей!“ Тутъ произошло нѣчто такое безобразное и отвратительное, что управа отказывается передавать о дальнѣйшемъ“.

Извѣстный общественный дѣятель М. П. Щепкинъ сообщилъ въ *Русск. Вѣдомости* слѣдующіе факты: „Городовые, предводимые околоточными, съ шашками въ рукахъ и мужики-стражники съ кулаками набрасываются на толпу учениковъ, и творится нѣчто ужасное... Приставъ Пузановъ кричитъ: „бей направо и налѣво!“ Бьютъ учениковъ по лицу и куда ни попало. Тѣ подъ ударами падаютъ на землю, ихъ поднимаютъ за волосы и ударами опять сшибаютъ съ ногъ, топчутъ ногами... Одного гимназиста, 11 лѣтъ, уже сбитаго съ ногъ, стражникъ схватываетъ за волосы и бьетъ головой о мостовую. Происходитъ невѣроятная сцена. Спасаться некуда. На подъѣздѣ Семеновской библіотеки стоялъ приставъ и отшвыривалъ всѣхъ мальчугановъ, искавшихъ тамъ убѣжища. Убѣгавшихъ били нагайками. Одинъ околоточный надзиратель обнаженной шашкой разрубилъ гимназисту пальто, а другому—лицо. Когда возмущенная публика обратилась къ жандармскому полковнику Вельку, стоявшему въ числѣ зрителей, съ просьбой прекратить побоище своимъ авторитетнымъ словомъ, тотъ хладнокровно отвѣчалъ: „Господа, я—человѣкъ мирный и ничѣмъ помочь не могу“... Послѣдній актъ драмы разыгрался на Красной площади, гдѣ базарный сбродъ избивалъ даже не толпу, а отдѣльно каждаго проходившаго ученика. Когда секретарь казенной палаты обратился къ приставу Пузанову, чтобы онъ прекратилъ безобразія, Пузановъ отвѣчалъ: „Вы видите, что избиваетъ не полиція, а простой народъ, защищая Царя, а вотъ ты стоишь за Гапона!“ И на секретаря посыпались удары. Вся площадь была запружена народомъ. То здѣсь, то тамъ вдругъ толпами перекидывался крикъ „ура! Бей ихъ!“ Когда вечеромъ из-

биватели расходились съ мѣста побоища, они громко похвалялись: „вотъ бы и завтра такъ славно поработать — и водкой угостили и по рублю заплатили!“ Группа очевидцевъ слышала, какъ одинъ полицейскій, Алексѣевъ, благодарилъ толпу „Спасибо, братцы! Толчекъ (толкучка) выручилъ“ (*Русск. Вѣд.* № 47).

Сотрудникъ *Руси* г. Н. Шебуевъ, побывавшій въ Курскѣ по горячимъ слѣдамъ, сообщилъ, что изъ 80 поданныхъ въ управу прошеній насчитывалось 47 избитыхъ и потоптанныхъ полицейскими лошадьми дѣтей и что это приблизительно только половина дѣйствительно пострадавшихъ учениковъ. На полицеймейстера Зарина прямо указывали, какъ на лицо, руководившее избиваніемъ.

Почти одновременно съ подвигами курскихъ „патріотовъ“, замѣчено было и въ другихъ городахъ натравливаніе городского сброда на учащуюся молодежь, при явномъ участіи полиціи (въ Саратовѣ, Псковѣ и Тамбовѣ).

Ходатайство горожанъ Курска объ увольненіи полицейскихъ героевъ было оставлено безъ уваженія; напротивъ того, проявленная „энергія“ была оцѣнена какъ заслуга передъ правительствомъ: курскій вице-губернаторъ, г. Курловъ (бывшій тов. прокурора), переведенный послѣ курскаго „дѣла“ губернаторомъ въ Минскъ, поспѣшилъ выписать этихъ героевъ,—вѣроятно въ качествѣ инструкторовъ...

Въ Псковѣ судебное преслѣдованіе черносотенцевъ также окончилось къ удовольствію патріотовъ этого сорта: добровольные усмирители вольнаго духа, бившіе и учениковъ и протестовавшую публику не только на улицахъ, но даже извлекая спасавшихся отъ нихъ людей изъ квартиръ, были оправданы городскимъ судьей. Газеты отмѣтили необычайную склонность этого судьи къ безпрестаннымъ перерывамъ разбирательства, при чемъ въ сосѣдней комнатѣ неустанно работалъ звонокъ телефоннаго аппарата... творился „судъ правый“.

Январское „кровавое воскресенье“, вызвавшее всеобщее негодованіе *), особенно рѣзко отразилось на забастовкахъ, охватившихъ самыя разнообразныя спеціальности; съ этого момента онѣ выдвинулись какъ сильнѣйшее орудіе разгоравшейся борьбы, а потому не было основаній разсчитывать ни на малѣйшее успокоеніе въ этой сферѣ. Делегаты, избранные петербургскими рабочими въ комиссію Шидловскаго, поставили условіемъ своего участія изданіе законовъ, гарантирующихъ не-

---

*) По поводу этихъ событій Императорское моск. общество сельскаго хозяйства сдѣлало слѣдующее постановленіе, оглашенное *Московскими Вѣдомостями*:

„Общее недовольство, подготовленное многими годами правительственнаго произвола и невыносимымъ экономическимъ положеніемъ народа, охватило въ настоящее время широкія слои населенія, не только городского, но и сельскаго. Тѣ политическія требованія, которыя ставитъ сама жизнь, раздѣляются огромнымъ большинствомъ русскаго общества и къ нимъ примыкаютъ и народные слои, какъ это показали событія 9 января въ Петербургѣ. Бюрократическое правительство безсильно внести умиротвореніе, что лишній разъ доказывается массовыми избіеніями беззащитныхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей; это избіеніе въ отвѣтъ на мирную демонстрацію позорно и преступно, и такіе акты, возмущающіе чувство каждаго честнаго гражданина, терпимы быть не могутъ.

„Считая невозможнымъ пройти молчаніемъ современныя событія, Императорское моск. общ. сельск. хоз. въ общемъ собраніи 14 янв. постановило:

1) Выразить свое глубокое негодованіе по поводу безчеловѣчнаго произвола, сказавшагося въ безчеловѣчномъ избіеніи безоружной толпы рабочихъ, желавшихъ мирнымъ путемъ заявить о своихъ человѣческихъ правахъ и насущныхъ нуждахъ.

2) Признать, что единственнымъ выходомъ изъ положенія можетъ быть лишь немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3) Настоящее постановленіе сообщить всѣмъ земскимъ управамъ, городскимъ думамъ, волостнымъ правленіямъ и всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ“.

По докладѣ министра объ этомъ постановленіи было повелѣно лишить Московское общ. сельск. хозяйства права именоваться „Императорскимъ“. По распоряженію мѣстной администраціи, общество, кромѣ того, было временно закрыто (*Право*, №№ 8 и 9).

прикосновенность личности и свободу слова. Вслѣдствіе такого требованія комиссія была упразднена.

Вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ проскользнуло сообщеніе, что *союзъ инженеровъ* подалъ сенатору Шидловскому заявленіе слѣдующаго содержанія: „Громадное большинство рабочихъ, какъ мы можемъ засвидѣтельствовать, отнеслось съ полною сердечною довѣрчивостью къ вашему призыву и выдѣлило лучшихъ своихъ представителей въ качествѣ выборщиковъ. Вы не нашли возможнымъ удовлетворить предъявленныя ими элементарныя требованія, и комиссія ваша должна была прекратить свои дѣйствія, не достигнувъ успокоенія рабочихъ. Мы, работники нашей промышленности, считаемъ своею обязанностью заявить, что административныя взысканія надъ лицами, облеченными довѣріемъ рабочихъ, вызываютъ въ насъ чувства глубокаго возмущенія. Признавая, что немалая доля отвѣтственности падаетъ на васъ, союзъ инженеровъ находитъ, что вашъ нравственный долгъ велитъ вамъ немедленно выступить въ защиту неприкосновенности личности довѣрившихся вамъ рабочихъ и тѣмъ оправдать себя передъ общественнымъ мнѣніемъ“. Отсюда ясно, что рабочимъ, облеченнымъ довѣріемъ своихъ товарищей, пришлось солоно, несмотря на данныя ранѣе обѣщанія.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ также не приступали къ занятіямъ: студенты и большая часть профессоровъ окончательно рѣшили прекратить ихъ до будущей осени. Академическія обструкціи и забастовки, конечно, представляютъ собою явленіе ненормальное и нежелательное, но не потому вызвали онѣ травлю противъ молодежи и профессоровъ со стороны нѣкоторыхъ покорнѣйшихъ слугъ бюрократіи, въ особенности же со стороны *Новаго Времени;* они хорошо понимали значеніе этого явленія, какъ сильнаго средства въ политической борьбѣ, и потому интеллигентнымъ забастовщикамъ бросались упреки въ желаніи пожерт-

вовать наукой политическимъ страстямъ и даже въ употребленіи во вредъ странѣ тѣхъ средствъ, которыя народъ даетъ на цѣли просвѣщенія. Рептиліи дѣлали видъ, будто онѣ не понимаютъ, что происходившая борьба за возстановленіе правъ народа и сама по себѣ просвѣщаетъ умы по важнѣйшимъ жизненнымъ вопросамъ и что, кромѣ того, эта борьба вела къ полному переустройству всей системы народнаго образованія; она должна была дать странѣ уже не то жалкое „просвѣщеніе", о которомъ пеклось наше полицейское министерство, созданное гр. Д. А. Толстымъ и его пріемниками.

Въ пылу „благороднаго" негодованія рептиліи забыли и то, что, устраняясь временно отъ науки ради цѣлей борьбы, академическіе „бунтовщики" приносили въ жертву и свое благополучіе, добровольно отсрочивая полученіе дипломовъ, а многіе рисковали и всей своей карьерой.

„Забывали они также, что есть нѣчто выше науки, выше политики—нравственныя основы общества...

„Нравственныя чувства лучшей части нашего общества неоднократно оскорблялись самымъ жестокимъ образомъ: во время Плеве повальные обыски и аресты среди учащейся молодежи, которые вызывались по большей части самыми незначительными поводами, возмущали *все* студенчество безъ различія настроенія и дѣлали невозможной мирную университетскую жизнь. Одиночному заключенію подвергались 14-ти- и 15-тилѣтніе гимназисты, которые, конечно, не могли имѣть никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій; „дѣла" ихъ теперь по большей части прекращены, но подобные примѣры не могли не производить глубокаго впечатлѣнія на всѣхъ ихъ товарищей... Точно такъ же событія 9-го и 10-го января окончательно нарушили нравственное равновѣсіе учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ ихъ среды были убитые и тяжело раненые... многіе подверглись самымъ гру-

бымъ оскорбленіямъ на улицахъ... О нихъ въ обществѣ распускались самыя нелѣпыя клеветы. При такихъ условіяхъ занятія дѣйствительно невозможны, и даже принципіальный врагъ забастовки подастъ свой голосъ въ пользу прекращенія занятій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не улягутся первыя впечатлѣнія ужасныхъ событій" (В. Строевъ. *Слово*, № 70).

XXVIII.

Три акта.

Приближавшійся день 19-го февраля, день народнаго праздника освобожденія, ожидался съ нетерпѣніемъ, такъ какъ молва пріурочила къ нему изданіе Высочайшаго манифеста чрезвычайной важности, въ продолженіе предначертаній, данныхъ Указомъ 12-го декабря 1904 года. Но въ самый день народнаго праздника появился слѣдующій манифестъ, изданный въ Царскомъ Селѣ и опубликованный въ Петербургѣ наканунѣ, т.-е. 18 го февраля:

„Неисповѣдимому Промыслу Божію благоугодно было посѣтить отечество наше тяжкими испытаніями:

„Кровопролитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и достоинство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана, столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣковъ мирнаго преуспѣянія не только нашего, но и иныхъ христіанскихъ народовъ, потребовала отъ народа русскаго значительнаго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя сердцу Нашему жертвы.

„Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣтною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь свою за вѣру, Царя и Отечество, въ самомъ отечествѣ Нашемъ поднялась смута на радость врагамъ Нашимъ и къ великой сердечной Нашей скорби.

„Ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мя-

тежнаго движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прошлымъ, разрушить существующій государственный строй и вмѣсто онаго учредить новое управленіе страною на началахъ, Отечеству Нашему несвойственныхъ.

„Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго Первопрестольную столицу и безвременно погибшаго лютою смертію среди священныхъ памятниковъ Московскаго кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей Родины.

„Со смиреніемъ принимая всѣ сіи ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ упованіи на милосердіе Господа, отъ вѣка Державѣ Россійской являемое, и въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего.

„Молитвами Святой Православной Церкви подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею Земля Русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимою.

„Но внутреннія нестроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить Правительственнымъ Учрежденіямъ и Властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службы и велѣнія присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоловъ и Отечествомъ.

„Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ Наше терпѣніе, благословитъ оружіе Наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній,

каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ Землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка.

„Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами.

„И да подастъ Господь въ Державѣ Россійской: Пастырямъ—святыню, Правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе, къ вящшему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ“.

Настроеніе общества, вызванное этимъ актомъ, отмѣчено далѣе въ выдержкѣ изъ статьи *Слова* „Биржа и реформа“ (см. стр. 226), и впечатлѣніе, произведенное имъ, не сглаживалось даже опубликованнымъ одновременно съ манифестомъ *Именнымъ Указомъ* Правительствующему Сенату,—актомъ иного направленія, открывавшимъ русскимъ людямъ нѣкоторую возможность обсужденія политическихъ вопросовъ и право обращенія къ Престолу съ петиціями. Содержаніе этого Указа таково:

„Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи Россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышаннымъ. Въ виду сего повелѣваемъ:

„Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія".

Однако вечеромъ того же дня (въ Петербургѣ) появилось сообщеніе и о томъ, чего ждало общество,—на что не позволялъ надѣяться манифестъ. Это былъ *Высочайшій Рескриптъ* на имя министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина, опубликованный въ петербургскихъ газетахъ 19, а въ московскихъ 20 февраля. Въ рескриптѣ объявлялось къ всеобщему свѣдѣнію о намѣреніи Императора призвать народныхъ представителей къ участію въ государственныхъ работахъ. Воля эта была выражена слѣдующими словами:

„Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго—нести къ престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ Отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ земли русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всѣ свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи государственнаго порядка.

„Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое Нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему

желанію: совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

„Преемственно продолжая царственное дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе земли русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощью, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

„Соображая особыя условія обширнаго отечества Нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости Своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразованія, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающею неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

„И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи незыблимости основныхъ законовъ Имперіи.

„А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствованіемъ особое совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли“.

Рескриптъ нѣсколько разсѣялъ настроеніе, навѣянное Манифестомъ; онъ былъ встрѣченъ съ живѣйшею радостью всѣми, жаждавшими обновленія русской жизни,

въ томительномъ и завистливомъ созерцаніи правового порядка и культурныхъ успѣховъ другихъ странъ, кончая Японіей.

Въ то время какъ всѣ еще не пріостановленные органы либеральной печати въ одинъ голосъ признавали извѣстное значеніе этого документа, устанавливавшаго необходимость „совмѣстной работы правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ", благодаря чему „средостѣніе" должно было утратить „свое монопольное право думать и знать о томъ что нужно русскому государству и русскому народу",—*Московскія Вѣдомости*, застигнутыя врасплохъ неожиданнымъ для нихъ содержаніемъ Рескрипта, взглянули на его значеніе совершенно особеннымъ образомъ. Выраженная Царемъ сердечная благодарность дворянскимъ, земскимъ и городскимъ собраніямъ и обществамъ за вѣрноподданническія чувства и готовность содѣйствовать осуществленію намѣченныхъ преобразованій, должна была поставить скопище лжепатріотовъ въ довольно неудобное положеніе, такъ какъ они только что объявляли „внутренними врагами" всѣ эти собранія и общества, именно за ихъ стремленіе къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ на пользу отечества.

Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* до того растерялась при полученіи извѣстія о неожиданномъ новшествѣ, что могла сообщить о немъ своимъ читателямъ лишь очень краткой замѣткой, такъ сказать, чрезъ силу. Въ сообщеніи этомъ, озаглавленномъ „Первый шагъ", *Московскія Вѣдомости* сказали отъ себя только три слова: „Боже, Царя храни!" Въ ужасѣ передъ призывомъ достойнѣшихъ людей они не нашли другихъ словъ въ своемъ „патріотическомъ" репертуарѣ...

Впрочемъ, въ замѣткѣ этой была еще одна интересная особенность: Рескриптъ помѣченъ не 18-мъ, а 16-мъ февраля; оказывалось такимъ образомъ, что послѣ Рескрипта былъ изданъ манифестъ 18 февраля, тогда какъ Рескриптъ былъ обнародованъ послѣднимъ.

Въ статьѣ „Биржа и реформы“, помѣщенной въ № 77 газеты *Слово*, отмѣчено, „какъ отнеслись наши дѣловыя сферы къ различнымъ правительственнымъ актамъ, которыми ознаменовался день 18 февраля. Утромъ, когда были опубликованы лишь Высочайшій Манифестъ, призывающій благомыслящіе элементы населенія къ содѣйствію правительству по искорененію „смуты“, а также Высочайшій указъ Сенату (о петиціяхъ), вполнѣ естественно было думать, что этими двумя актами исчерпывается разрѣшеніе вопроса объ установленіи болѣе тѣсной связи между народомъ и правительствомъ. Такъ, очевидно, истолковала ихъ и петербургская биржа, что и отразилось въ видѣ *рѣзкаго паденія цѣнъ* на огромное большинство дивидендныхъ бумагъ всѣхъ категорій. По разсказамъ присутствовавшихъ, это *была почти паника*. Совсѣмъ иную, совершенно неузнаваемую, картину представляла собою биржа 19 февраля послѣ опубликованія наканунѣ вечеромъ Рескрипта о предстоящемъ призывѣ представителей народа. Паника смѣнилась „твердымъ“ настроеніемъ, и *цѣны быстро пошли вверхъ*.

Какъ отнеслись къ Рескрипту не-сословныя общественныя учрежденія можно судить по примѣру Москвы, гдѣ тотчасъ же было созвано экстренное собраніе думы и выработанъ адресъ, въ которомъ говорилось:

Славныя реформы, сорокъ лѣтъ тому назадъ дарованныя Россіи Царемъ-Освободителемъ, пріучили русскій людъ къ зрѣлой работѣ на общественномъ поприщѣ. Въ думахъ, судахъ, земствахъ, разнообразныхъ собраніяхъ давно уже находила выраженіе творческая работа русской массы. Только дѣлу, только вопросамъ жизни она посвящена тамъ. На вершинѣ государственнаго строя она проявитъ себя въ плодотворномъ трудѣ подлѣ Васъ, Государь, проникнутая глубокимъ знаніемъ жизни и безпредѣльною любовью къ родинѣ. Москва вѣритъ, что въ скоромъ осуществленіи государственныхъ реформъ, Вами предначертанныхъ, лежитъ надежный залогъ прекращенія внутренней распри, измучившей всю Россію.

Мы счастливы, Государь, въ сердечномъ единеніи съ Вами

встрѣтить грядущій день русской исторіи. Онъ несетъ Вамъ великую славу, больше того—безсмертіе. Явленное Вами великодушное довѣріе къ народу Вашему, призывъ свободно избранныхъ представителей его къ участію въ осуществленіи законодательной власти установитъ въ странѣ прочный правопорядокъ, власти же Вашей, Государь, сообщитъ новую силу въ лучезарномъ ореолѣ народной любви.

Прочитанный адресъ былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ.

Государственные акты 18 февраля еще болѣе обострили борьбу общественныхъ партій, такъ какъ они давали точки опоры для двухъ совершенно противоположныхъ стремленій. Партіи прогрессивнаго направленія, почти вовсе умалчивая о Манифестѣ, признавали крупное политическое значеніе только за Рескриптомъ; онѣ доказывали, что слѣдованіе ему и развитіе общественной дѣятельности въ указанномъ направленіи, сами собою должны вносить всюду умиротвореніе, о которомъ напоминалъ Манифестъ; тогда какъ среди консерваторовъ нашлись сторонники того мнѣнія, что все спасеніе Россіи въ томъ, чтобы пойти по пути, указанномъ Манифестомъ, что этотъ призывъ народа къ одолѣнію внѣшняго врага и искорененію внутренней крамолы долженъ болѣе отвѣчать чувствамъ и желаніямъ общества, чѣмъ возвѣщеніе о предстоящемъ призывѣ общественныхъ силъ къ государственной дѣятельности.

Такъ, напр., въ засѣданіи московск. губ. земскаго собранія 22 февраля богородскій уѣздный предводитель дворянства, А. Д. Самаринъ, представилъ „особое мнѣніе“, въ которомъ, признавая значеніе возвѣщенной реформы, онъ высказалъ убѣжденіе, что собраніе должно было выразить полную готовность „положить всѣ свои силы на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и на противодѣйствіе внутренней смутѣ“ и т. д. Къ этому мнѣнію присоединились еще камергеръ Яновъ и д. с. с. Варженевскій. „Прѣній оно не вызвало (по замѣчанію

корреспондента „Слова“), но многихъ земцевъ передергивало отъ фразъ, что земство должно искоренять крамолу и противодѣйствовать „смутѣ“.

XXIX.

„Патріотическій“ подъемъ.

Неудержимо развивавшаяся борьба не задержалась обнародованіемъ рескрипта о народномъ представительствѣ и ничуть не ослаблялась усиленіемъ реакціи, вначалѣ объявившейся, такъ сказать, съ низовъ „власти“. Правительство видимо еще не рѣшалось стать въ открытую оппозицію общественному теченію; оно пока нащупывало организацію и качества общественныхъ силъ. Мѣстныя административныя власти, снабженныя полномочіями усиленной охраны или военнаго положенія, оставались единственною опорой высшей бюрократіи, уцѣпившейся за свои насиженныя позиціи, если не считать еще планомѣрной помощи духовенства. Ей необходимо было испытать дисциплину подвластной массы, оцѣнить способность этой массы къ сопротивленію, и испытаніе это, конечно, всего удобнѣе было произвести посредствомъ давленія на населеніе муштровавшими его агентами. Разъ окажется, что населеніе, воспитанное на покорности къ произволу и на уваженіи къ силѣ, останется покорнымъ и послѣ испытанныхъ потрясеній, съ „крамольнымъ“ обществомъ можно будетъ обойтись совсѣмъ безъ церемоній...

И вотъ наступило время безпредѣльной полицейской разнузданности, особенно въ провинціи. Постепенно были пущены въ ходъ всѣ возможныя и невозможныя средства, кончая разбойничьей расправой черной сотни и полиціи на улицахъ и въ полицейскихъ учрежденіяхъ. Наступило время, когда обывательская неприкосновенность стала менѣе гарантирована, чѣмъ въ Турціи. Столь обширная „свобода“ всевозможныхъ

властей по отношенію къ личности подвластныхъ дала даже поводъ доктору Сергіевскому въ Харьковѣ, въ засѣданіи медицинскаго общества, сдѣлать докладъ *объ эпидеміи трамватическихъ поврежденій!* Недурно освѣтило условія обывательскаго житья-бытья предложеніе по полиціи кишневскаго губернатора г. Харузина, напечатанное въ *Бессарабцѣ;* въ немъ, между прочимъ, говорилось: „Насилія послѣднихъ дней со стороны лицъ, позволившихъ себѣ *самоуправно карать и миловать обывателей по своему усмотрѣнію*, терроризируютъ населеніе Кишинева. Съ глубочайшимъ возмущеніемъ освѣдомившись объ этомъ отъ потерпѣвшихъ и полнаго довѣрія заслуживающихъ лицъ, я прежде всего считаю необходимымъ обратить вниманіе и. д. полицеймейстера на мое предложеніе отъ 21 мая. Въ предложеніи этомъ, повидимому недостаточно усвоенномъ подвѣдомственными вамъ чинами, мною уже было изложено категорическое указаніе къ прекращенію недозволенныхъ дѣйствій тѣхъ нахальныхъ насильниковъ, которые пользуются въ городѣ кличками „хулигановъ“, „голубыхъ рубашекъ“, „черной сотни“ и т. п. Нападая на гуляющую публику, эти преступные люди въ громадномъ большинствѣ случаевъ остаются незадержанными“... и т. д. Однако приказъ этотъ составлялъ исключительное явленіе, зависѣвшее отъ самой личности губернатора. Даже въ столицахъ находила мѣсто совсѣмъ иная „политика“. Въ Петербургѣ, напр., приставъ Охтенской части сзывалъ всѣхъ дворниковъ своего участка и давалъ имъ буквально слѣдующее приказаніе: „какъ только замѣтите какое-нибудь подозрительное лицо, услышите какіе-нибудь разговоры о правительствѣ, немедленно хватайте за шиворотъ и тащите прямо ко мнѣ,—получите награду отъ 5 до 10 рублей“ (*Русь*, № 57). Трудно допустить, чтобы столь щедрое поощреніе шпіонства проистекало изъ личнаго патріотическаго побужденія самого пристава.

Дѣйствовавшія противъ общественнаго движенія силы—администрація гражданская и примкнувшая къ ней часть служителей церкви—повидимому надѣялись легко съ нимъ справиться, такъ какъ не стѣснялись въ выборѣ средствъ и оставляли безъ вниманія возможность законной или нравственной за нихъ отвѣтственности.

„Бурный оборотъ русской жизни, — писала *Наша Жизнь*,—несмотря на Манифестъ 11 авг. 1904 г., упразднившій тѣлесное наказаніе, и вопреки Указа 12 декабря, вызвалъ усиленное примѣненіе „крутыхъ мѣръ", въ результатѣ которыхъ совершенно исчезла тѣнь неприкосновенности обывателя. Въ жизни восторжествовали не формальныя обѣщанія, а естественное *избивательное* право, безъ различія національности, пола и возраста,—право, которое администрація считаетъ своею неотъемлемою прерогативой и которое реализуется ею въ каждую данную минуту".

Пользуясь полнѣйшей свободой на примѣненіе подобныхъ прерогативъ и убѣдившись, что полицейская дисциплина темной массы поколеблена пока сравнительно мало, реакція рѣшительнѣе приподняла голову и вожди ея, исполненные злобы и клеветы, выступили уже съ циничной наглостью; они требовали теперь отъ правительства радикально-звѣрской расправы съ „крамольнымъ" обществомъ; они стали требовать диктатуры, усиленія произвола и казней, „законнаго террора",—словомъ,—требовать, чтобы само правительство явно стало въ ряды черной сотни.

Не останавливаясь на вопляхъ черносотенныхъ листковъ вродѣ „Дня", со степенью подъема духа въ погромной литературѣ можно ознакомиться изъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ со столбцовъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Дѣла". Въ атмосферѣ насилій и дикаго произвола вся нечисть, поощряемая безнаказанностью, почувствовала себя въ полномъ правѣ и пришла въ дѣятельное оживленіе.

Постоянный сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей"

А. Г. Тепловъ, выступилъ въ № 88 этой газеты со статьею „Мечъ начальника". Пытаясь возвратить правительство къ опытамъ среднихъ вѣковъ, „патріотъ" сей напоминалъ о проповѣди апостола Павла о покорности къ властямъ и о страхѣ къ мечу, коимъ вооруженъ начальникъ. „Только мечомъ, а отнюдь не уступками, власть обезглавитъ многоголовое чудовище политической смуты", поучалъ уже отъ себя г. Тепловъ; необходимо примѣнивъ быстро дѣйствующее средство успокоить умы и совершить все это „можетъ одинъ только мечъ начальника". Указывая на примѣръ Петра I, „мечтавшаго о введеніи порядковъ европейскихъ и въ тоже время не стѣснявшагося казнить бунтующихъ стрѣльцовъ", А. Тепловъ умолялъ правительство свершить „богоугодное дѣло"—обнаружить и казнить главарей „кармолы", гдѣ бы она ни гнѣздилась, „казнить всенародно, безпощадно". Г-нъ А. Тепловъ очевидно не сообразилъ, что, слѣдуя примѣру великаго Петра, правительству пришлось бы начать „богоугодное дѣло" съ него, Теплова, и съ его патрона Грингмута, какъ несомнѣнныхъ крамольниковъ противъ реформъ, уже возвѣщенныхъ самою верховною властью.

Не меньшею кровожадностью и, пожалуй, еще большей ненавистью къ прогрессистамъ былъ исполненъ г. Шараповъ. Нравственный обликъ этого публициста въ полной ясности выступилъ съ помѣщеніемъ нѣсколько позднѣе (въ № 31 *Русскаго Дѣла*) статьи нѣкоего „здравомысленнаго обывателя", скрывшагося подъ иниціалами О. М. Этотъ сотрудникъ г. Шарапова ублаготворилъ читателей „Русскаго Дѣла" статьей „Микадо въ Россіи", явившейся, такъ сказать, образцемъ политической развращенности. Развивая свою фантазію на тему той легенды, что будто бы микадо послалъ къ Портъ-Артуру 2000 студентовъ, выразившихъ неудовольствіе по поводу военныхъ дѣйствій подъ этою крѣпостью, „здравомысленный" сотрудникъ г. Шарапова задалъ своей развращенной фантазіи

задачу рѣшить вопросъ: „какъ бы микадо отнесся къ учебнымъ забастовкамъ нашихъ 10.000 молодежи?“ Рѣшеніе вѣроятно превзошло ожиданія даже поклонниковъ „Русскаго Дѣла“: микадо, стѣсняясь быть варваромъ въ Европѣ, поступилъ бы, по мысли г. О. М., такъ: онъ отправилъ бы студентовъ „на болѣе мирный трудъ—строить второй сибирскій трактъ отъ Березова на Охотскъ, или же тракты частичные—Тара—Нарымъ—Енисейскъ и т. д. Это изъяло бы молодежъ изъ оборота... населенныхъ мѣстъ и дало бы исходъ ихъ энергіи въ полезномъ мускульномъ трудѣ... сооруженія столь нужныхъ намъ теперь дорогъ“. Относительно забастовавшихъ рабочихъ микадо постановилъ бы „въ виду угрожающей отчеству опасности—приковать строптивыхъ къ станкамъ и въ каждомъ отдѣленіи, для назиданія, приказалъ бы повѣсить по одному“. Въ томъ же родѣ и дальше объ интеллигентахъ и курсисткахъ... Въ концѣ-концовъ—„нѣтъ худа безъ добра“:—микадо пришелъ бы къ заключенію, что если *свободы* будутъ продолжаться, то онѣ не только разстроятъ слабонервныхъ интеллигентовъ, но и броненосцы направятъ противъ своей же суши*). А потому, сообразивъ изъ подсчета, что на 150 милліоновъ населенія, изступленныхъ найдется только $1^1/_2$ милліона, микадо „былъ близокъ къ рѣшенію *колесовать* ихъ и развѣшать по большимъ дорогамъ для вразумленія, и потомъ использовать (!) на удобреніе, руководясь тѣмъ, что паршивая овца все стадо портитъ“.

Только ради точнаго опредѣленія нравственныхъ качествъ руководителей охранительныхъ партій и ихъ властныхъ сторонниковъ, позволили мы себѣ привести выдержку изъ этой омерзительной „литературы“.

Само собой разумѣется, что давленіе на печать занимало не послѣднее мѣсто въ числѣ средствъ моби-

---

*) Статья писалась послѣ возмущенія команды на броненосцѣ „Потемкинѣ“.

лизованныхъ для укрѣпленія полицейской дисциплины. Пріостановки и закрытія изданій, запрещенія розничной продажи газетъ—сыпались какъ градъ, а кромѣ того, агенты бюрократіи въ провинціи, всячески тормозя дѣло гласности, препятствовали распространенію въ народной массѣ даже царскихъ указовъ, разъ таковые не соотвѣтствовали расчетамъ приказнаго строя.

XXX.

Цусимскій разгромъ.

14 мая Россія потерпѣла новое и небывалое еще въ морской исторіи пораженіе. Вторая наша тихоокеанская эскадра, съ неимовѣрными трудностями проведенная адмираломъ Рождественскимъ въ японскія воды, погибла почти цѣликомъ, не причинивъ противнику никакого ощутительнаго вреда. Кромѣ тысячныхъ человѣческихъ жертвъ, Россія потеряла въ этомъ бою 8 эскадренныхъ броненосцевъ, 3 броненосца береговой обороны, 5 боевыхъ крейсеровъ, нѣсколько вспомогательныхъ крейсеровъ, 5 контръ-миноносцевъ, кромѣ того транспорты и зафрахтованные частные пароходы.

„Новый громовой ударъ пронесся надъ нами. Мы вѣрили въ Куропаткина—и были разбиты, вѣрили въ Портъ-Артуръ—и онъ былъ сданъ непріятелю, вѣрили въ Балтійскую эскадру—и ея не существуетъ больше. Съ пѣснями и музыкой, будто на побѣды, *насъ привели* къ какой-то западнѣ, въ которой гибнемъ мы сами и гибнетъ наша честь. 200 лѣтъ мы шли окольными путями, съ завязанными глазами и, наконецъ, стоимъ на краю пропасти. Наши вожди спрятались за наши же спины и не хотятъ снять повязки съ нашихъ глазъ, но мы сбросили эту повязку,—война заставила насъ сбросить ее! *Мы сами видимъ, куда ведутъ насъ, и въ правѣ крикнуть: довольно!* Пусть самъ народъ русскій скажетъ теперь, что дѣлать дальше. До сихъ поръ онъ все

молчалъ и терпѣлъ; наступила его очередь говорить. Бюрократія сказала все, что могла сказать, и увѣнчала свое дѣло новымъ національнымъ позоромъ" *(Слово)*.

Значеніе цусимскаго боя оказалось почти рѣшающимъ для борьбы съ Японіей. Всякая надежда на успѣхъ исчезла, и вскорѣ, по предложенію президента Соединенныхъ Штатовъ С. Америки, было приступлено къ переговорамъ о мирѣ. Но главное значеніе боя состояло въ томъ, что онъ оказался послѣднимъ пробнымъ камнемъ для всего стараго уклада русской жизни. „Теперь только злонамѣренные мракобѣсы могутъ говорить о положительныхъ сторонахъ развѣнчаннаго порядка... Не живой патріотизмъ руководилъ чиновными дѣятелями войны. Слѣпота, верхоглядство и самонадѣянность, ничѣмъ не оправдываемыя, замѣняли собою точный анализъ, осторожность и бережливость въ обращеніи съ національными средствами. На бумагѣ мы гордо побѣждали враговъ... Бумага все собою поглотила и пропитала. Въ жизни осталась одна фантасмагорія, которая и привела къ цусимскому банкротству" *(Наша Жизнь)*.

Злонамѣренные мракобѣсы не замедлили подать свой голосъ. „Московскія Вѣдомости", признавая, что „пораженіе адмирала Рождественскаго можетъ имѣть весьма тяжкія (съ ихъ точки зрѣнія) послѣдствія для внутренней жизни Россіи", выразили увѣренность, что въ отношеніи исхода войны и такое пораженіе нельзя считать значительнымъ... Рѣшающаго удара газета, даже послѣ Мукдена, ожидала отъ „сухопутной русской мощи", общіе же взгляды на широкую „диверсію" и на значеніе морского „набѣга" (!) признавала ошибочными. Для патріотовъ „Московскихъ Вѣдомостей" полная потеря огромнаго флота, гибель десятка тысячъ людей и плѣненіе остальныхъ—все это было только „сорвавшаяся лотерейная ставка" и „не столь тревожное явленіе"...

Свое циничное признаніе Грингмутъ сопровождалъ

совѣтомъ правительству—сосредоточить все вниманіе исключительно на войнѣ съ Японіей и немедленно учредить военную диктатуру, чтобы обезопасить тыль арміи отъ всей Россіи. Договорившись до такой наглости, „русскій“ патріотъ рекомендовалъ объявить всю Россію на военномъ, а гдѣ нужно,—то и на осадномъ положеніи. Воевать же съ японцами, по его мнѣнію, можно и 20 и 30 лѣтъ; о средствахъ на войну думать нечего: „назначьте чрезвычайные налоги, доведите ихъ до необходимаго для спасенія Россіи уровня—и весь православный русскій народъ (подбодряемый диктатурой) принесетъ эту жертву на алтарь... отечества“.

Взгляды Грингмута поддерживалъ его православный сотрудникъ А. Липранди, который (въ № 137) совѣтовалъ „двинуть на Дальній Востокъ вооруженныя силы массой (вѣроятно въ видѣ Батыевой орды),—двинуть, кромѣ желѣзной дороги, сибирскими рѣками и пѣшкомъ, какъ хаживали встарь“, а чтобы достичь въ такомъ воинственномъ подъемѣ успѣха, нужно предварительно „поднять взоры къ небу... нужно установить всенародный постъ и повсемѣстное совершеніе крестныхъ ходовъ“. Впрочемъ, самъ г. Липранди, повидимому, мало уповалъ на силу рекомендованныхъ имъ средствъ, такъ какъ въ подкрѣпленіе къ молитвамъ и постамъ считалъ необходимымъ учредить опять-таки *военную диктатуру*. Другой „русскій“ патріотъ Л. Тыдманъ (въ № 143 *Моск. В.*), предлагалъ „взять“ *съ народа* нужную для заключенія мира контрибуцію впередъ, *бросить* ее на устройство второго, третьяго и больше путей, двинуть *два милліона* войскъ и утопить японцевъ въ морѣ“.

Патріотическая горячливость „русскихъ“ людей,—Грингмута, Липранди, Тыдмана и т. п., напоминавшая суетливость биржевыхъ зайцевъ, не повліяла на правительство въ дѣлѣ покоренія японцевъ, но, какъ это ни удивительно, многое изъ программы Грингмутъ-Шараповъ было осуществлено немного позднѣе, въ борь-

бѣ съ „внутренними врагами“ — врагами бюрократіи. Россіи пришлось испытать и диктатуру, и наводненіе войсками, и выколачиваніе „контрибуціи“; она увидала и молебствія передъ походами на „крамольниковъ“, и массовыя высылки, и казни безъ суда, по усмотрѣнію казенныхъ патріотовъ-палачей, и даже нѣчто близкое къ совѣту шараповскаго сотрудника—удобрять русскую землю трупами казненныхъ русскихъ людей (см. стр. 233).

* * *

Какъ ни жестокъ былъ цусимскій урокъ, однако и за нимъ послѣдовалъ указъ 21 мая, назначавшій г.-м. Трепова товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ съ полномочіями, возстанавливавшими Третье Отдѣленіе, превышавшими права самого министра. Правительство не хотѣло понять, что чаша народнаго терпѣнія переполнилась... Это было отмѣчено и въ заграничной печати. Такъ, наприм., *Kölnische Zeitung* писала: „Если и теперь правительство не уступитъ, то позже никакія уступки не помогутъ... Изъ русской провинціи приходятъ свѣдѣнія, что мѣстная бюрократія снова подымаетъ голову и не считается ни съ какими рескриптами и комиссіями. Если такія вещи возможны послѣ Цусимы, то удивительно ли, что въ Европѣ предсказываютъ Россіи тяжелый періодъ анархіи и внутреннихъ междоусобій. Русскому обществу придется принести тяжелыя жертвы, а существующій строй при этомъ рискуетъ не только неограниченными полномочіями, не только извѣстной долею привилегій...“

„Уничтоженъ не Рождественскій, писалъ берлинскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, а вдребезги разбита всемогущая и внутренно безсильная, лживая зараженная хищеніемъ *система*“... Есть однако вещи, которыхъ не можетъ объять умъ иностранца, даже „знающаго русскіе порядки“. Въ дни позора и отчаянія честные русскіе люди, представители земствъ и городовъ, отстаиваютъ честь Россіи мужественнымъ сло-

вомъ, обращеннымъ къ источнику власти, телеграфныя агентства сообщаютъ текстъ *резолюцій* во всѣ концы міра, а между тѣмъ, живя за границей, вы жадно ищете отзывовъ нашей *прессы* и съ изумленіемъ констатируете гробовое молчаніе! *Народъ не долженъ знать, о чемъ заявляютъ его представители*,—вотъ чего ни одинъ европеецъ, какъ бы ни было нелестно его мнѣніе о господствующемъ у насъ строѣ, просто не можетъ понять. Удивительно ли, если европеецъ пренебрежительно пожимаетъ плечами и относитъ всѣ офиціальныя обѣщанія къ той же категоріи, къ которой принадлежатъ заявленія, что армія „горитъ желаніемъ наказать дерзкаго врага".

Правящія сферы ничѣмъ не обнаруживали, что онѣ сознаютъ быстро растущую опасность положенія; напротивъ того, усилившаяся оргія беззаконія и насилій надъ населеніемъ со стороны полчища всевозможныхъ властей показывала, что Петербургъ на этотъ счетъ имѣетъ свое, управительское, мнѣніе. А между тѣмъ опасность положенія, открывавшаяся передъ правящими сферами, была очень велика.

Картину современной Россіи, по опредѣленію проф. Гредескула, можно было себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ:

„Верхніе культурные классы — въ полномъ идейномъ и отчасти фактическомъ неповиновеніи правительству; рабочій классъ — и въ идейномъ и въ фактическомъ неповиновеніи; крестьянство—въ крайне опасномъ состояніи полной готовности къ фактическому, хотя и политически безыдейному неповиновенію. Словомъ, вся страна—въ состояніи крайняго недовольства существующимъ порядкомъ и совершенно не вѣритъ тому, чтобы нынѣшнее правительство хотѣло и могло вывести ее на правильную дорогу. Механизмъ цѣлесообразнаго нормальнаго регулированія общественной жизни сверху прекратился, есть только давленіе сверху, — продолжающееся давленіе грубой физической силой. Можетъ

ли жизнеспособный народъ остаться при такомъ положеніи вещей? Но въ описанной картинѣ слѣдуетъ указать еще одну важную подробность, которую мы предвидѣли съ теоретической точки зрѣнія, а именно пробужденіе давно усмиреннаго „звѣря“ въ обществѣ,— пробужденіе тѣхъ антиобщественныхъ элементовъ и инстинктовъ, которые ищутъ себѣ исхода въ безсмысленныхъ и звѣрскихъ преступленіяхъ: грабежа, разрушенія, поджога, убійства и пр...“ Выходъ изъ этого положенія только одинъ: возстановить размѣнъ власти на „золото“ общественнаго блага, а это возможно только путемъ возстановленія соціальнаго авторитета правительства. Русское правительство надо вновь сдѣлать *авторитетнымъ въ глазахъ населенія*, надо перестроить его такъ, чтобы оно стало сознавать, въ чемъ состоитъ общественное благо, и получило охоту дѣйствительно къ нему стремиться. Въ составъ русскаго правительства надо ввести разумъ и волю русскаго народа. Пока этого нѣтъ и пока нынѣшнее правительство не обнаруживаетъ даже охоты дать этому мѣсто, положеніе страны остается чрезвычайно опаснымъ, а тотъ путь, которымъ она добьется нормальнаго положенія,—болѣе чѣмъ загадочнымъ“. (Гредескулъ, „На тему дня“.)

* * *

Какъ хорошо понимали власти и аристократическій Петербургъ значеніе историческаго событія, покрывшаго сѣверную столицу позоромъ и трауромъ, какъ увѣрены были эти власти въ своихъ державныхъ правахъ надъ душою гражданъ, лучшимъ примѣромъ можетъ служить наглое подавленіе скромной демонстраціи въ Павловскѣ. Небольшая группа русскихъ людей, потрясенныхъ извѣстіемъ о гибели эскадры Рождественскаго, вздумала протестовать противъ веселыхъ мотивовъ павловской музыки. Когда манифестантамъ удалось, наконецъ, заставить умолкнуть оркестръ въ залѣ, то на этомъ, вѣроятно, все бы и кончилось; но, по

распоряженію начальства, вдругъ загремѣлъ бравурный маршъ военнаго оркестра въ саду. Это было принято за вывозъ, и манифестація разразилась съ удвоенной силой. Тутъ появились войска и съ ружьями на перевѣсъ устремились на безоружную публику... „Я слышалъ,—сообщалъ г. Рославлевъ, — возбужденныя рѣчи небольшой группы скромно одѣтыхъ людей, сѣрымъ пятномъ тонувшей въ морѣ нарядной и равнодушной публики. Я видѣлъ свалку съ полицейскими, рубившими направо и налѣво, и правыхъ, и „виноватыхъ"; видѣлъ энергичныя дѣйствія взвода солдатъ, „очищавшихъ" садъ; ловилъ на лету страстныя, злобныя, насмѣшливыя и умоляющія замѣчанія; всматривался въ блѣдныя, красныя, искаженныя насмѣшкой и злостью безсилія лица..." (*Разсвѣтъ*).

Далеко не такъ отражались потрясенія, испытывавшіяся Россіей на мыслящей и страдающей массѣ ея населенія. Послѣ мукденскаго пораженія и гибели эскадры Рождественскаго усилилось броженіе въ городахъ и главн. образомъ среди матросовъ въ портахъ Чернаго и Балтійскаго морей, разгорѣлась гражданская война на Кавказѣ; волненія же рабочихъ распространились и на центральный районъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, наприм., въ Иваново-Вознесенскѣ, достигли значительныхъ размѣровъ. Ко всему этому, внѣ всякой зависимости отъ рабочаго движенія, начали развиваться возникнувшія еще весной аграрныя волненія весьма грознаго характера. Массовыя нападенія на экономіи наиболѣе несправедливыхъ помѣщиковъ и на нѣкоторые заводы, подчинившіе себѣ окружное населеніе въ экономическомъ отношеніи, произошли въ губ. Орловской, Полтавской, Саратовской и въ Прибалтійскомъ краѣ. Однако правительство, какъ и раньше, усматривало въ этихъ волненіяхъ только упадокъ крѣпостной дисциплины да козни агитаторовъ, упорно отказываясь видѣть въ нихъ слѣдствіе крайней нужды. Еще весной 1905 г. оно озаботилось издать законъ о круговой от-

вѣтственности сельскихъ обществъ за причиняемые убытки и образовало для этой цѣли спеціальныя комиссіи. Однако и это измышленіе россійской бюрократіи, какъ и все прочее, отъ нея исходившее, оказалось никуда негоднымъ. Вслѣдъ за появленіемъ закона 10 апрѣля послѣдовали заявленія о необходимости его отмѣны, въ виду того, что онъ можетъ привести совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія преслѣдовалъ. Судебные процессы о крестьянскихъ безпорядкахъ вполнѣ выяснили истинныя причины ихъ возникновенія. Они же установили и тотъ фактъ, что сельскія и уѣздныя власти, сами почти грабили крестьянъ, усердствуя въ розыскахъ имущества расхищеннаго при нападеніяхъ на усадьбы.

* * *

Обвинительные акты и уроки, сыпавшіеся на бюрократію съ Дальняго Востока, она, вообще, съ важностью пропускала мимо ушей или же ставила ихъ на счетъ „внутреннихъ враговъ". Въ то время какъ Россія съ ужасомъ подсчитывала жертвы дальновосточной политики, виновныя въ этомъ вѣдомства продолжали выставлять себя непогрѣшимыми и вели дѣла по удобному для нихъ способу. Страшный кровавый опытъ производился *для поученія всего міра, но не для насъ*... Русскихъ солдатъ продолжали обвѣшивать сумками, обращавшими воиновъ во вьючный скотъ, продолжали переправлять ихъ за многія тысячи верстъ въ скотскихъ вагонахъ, убивая всякое чувство воинской чести и озлобляя тѣхъ, кого посылали на жертву „за царя и отечество". Безнаказанное обираніе арміи, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалось несмотря на обличенія.

Между тѣмъ какъ событія заставляли общество и печать неустанно твердить о необходимости спѣшить съ преобразованіями и указывать *на страшную опасность промедленія*, высшая бюрократія оставляла все это безъ вниманія и лишь время отъ времени давала понять этимъ безпокойнымъ элементамъ, совершенно

такъ же, какъ въ переговорахъ съ японскимъ посланникомъ, что ей хорошо извѣстно существующее положеніе, „но вопросъ серьезенъ и не допускаетъ къ себѣ легкаго отношенія“. Каста управителей продолжала запрещать народу активное участіе въ его исторіи... Самоувѣренно игнорируя историческій опытъ всего культурнаго человѣчества, она начальственно отстраняла живыя силы общества, по меньшей мѣрѣ, какъ излишнія; ничто не должно было мѣшать опыту канцелярій и приказному міровоззрѣнію. Народъ *обязанъ* „успокоиться“ и терпѣливо ждать, сколько потребуется бюрократіи,—лишь при такомъ условіи она соизволитъ допустить къ участію въ дѣлахъ родины легкомысленное русское общество!

* * *

Рѣшительное намѣреніе устроить благополучіе страны посредствомъ полицейской „властной руки“ привело къ неизбѣжнымъ результатамъ. Никто и нисколько не успокоился; напротивъ того, окрѣпло убѣжденіе, что полицейская диктатура, зажимая ротъ истерзанной и истекающей кровью Россіи, не остановится ни передъ чѣмъ для спасенія посрамленной бюрократіи и возстановленія отжившаго режима.

Вторая половина іюня ознаменовалась, совершившимся подъ вліяніемъ пораженія эскадры, возстаніемъ моряковъ въ либавскомъ портѣ и бунтомъ матросовъ черноморскаго флота на броненосцѣ „Князь Потемкинъ“, къ которому затѣмъ присоединилось еще нѣсколько судовъ. Послѣднее событіе совпало съ рабочими безпорядками, происходившими въ Одессѣ съ 13 по 17 іюня; безпорядки эти, усилившіеся вслѣдствіе ареста депутатовъ, выбранныхъ рабочими для переговоровъ, подавлялись вооруженною силой какъ разъ въ то время, когда въ одесскій портъ прибылъ миноносецъ съ „Князя Потемкина“ за покупкою провіанта. Этимъ путемъ команда „Потемкина“ освѣдомилась о происхо-

дившемъ въ Одессѣ. Провизія же, привезенная миноносцемъ, принятая какъ доброкачественная, оказалась плохой; вечеромъ къ командиру пришла съ жалобой депутація отъ матросовъ на то, что ихъ борщъ оказался *съ червями*. Принесшій пробу говорилъ настолько грубо, что командиръ выстрѣломъ изъ револьвера, а затѣмъ вторымъ изъ ружья, взятаго у матроса, смертельно ранилъ депутата, который вскорѣ умеръ. Вслѣдъ за выстрѣломъ матросы накинулись на командира и бросили его за бортъ. Затѣмъ убили четверыхъ офицеровъ и доктора, ранили судового священника, а остальныхъ заперли подъ арестъ въ каютъ-компаніи.

Утромъ 15-го тѣло убитаго матроса было вывезено на берегъ и положено подъ сдѣланнымъ нарочно навѣсомъ, съ таблицей на груди, съ надписью: „Тѣло матроса, убитаго командиромъ за то, что онъ сказалъ ему правду. Командиръ понесъ возмездіе". Около тѣла сразу собралась толпа. Пріѣхавшіе на берегъ матросы заявили командиру порта, что коль скоро по толпѣ начнутъ стрѣлять, то съ броненосца будетъ открыта пальба по городу.

Съ утра до вечера народъ валилъ въ портъ; около трупа произносились рѣчи, кричали „ура" при полномъ отсутствіи властей и войскъ. Къ пяти часамъ за тѣломъ пришелъ катеръ и увезъ трупъ на бортъ, и съ этого времени въ портѣ начался грабежъ всѣхъ складовъ. Какъ только стемнѣло, зажглись въ разныхъ мѣстахъ факелы, а затѣмъ заполыхалъ пожаръ, въ теченіе часа охватившій весь внутренній портъ каботажнаго плаванія. Тогда только къ порту прибыли войска, заняли всѣ городскіе спуски и начали разстрѣливать мятежную толпу. Къ 5-ти часамъ утра портъ былъ очищенъ отъ живыхъ и покрытъ грудой мертвыхъ тѣлъ и раненыхъ *(Русск. Вѣд. № 167)*.

Во время пребыванія „Потемкина" у Одессы въ возстаніи матросовъ наблюдалось участіе и нѣсколькихъ

частныхъ лицъ, поддерживавшихъ дѣятельное сношеніе съ броненосцемъ. Ночью городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, но, тѣмъ не менѣе, мятежники заявили командующему войсками свои требованія: торжественно похоронить своего товарища и послать въ Петербургъ телеграмму объ ихъ амнистіи и смѣнѣ командира, заявляя, что они скоро ждутъ себѣ на подмогу еще два броненосца. Похороны были разрѣшены, для чего въ портъ былъ посланъ катафалкъ и карета. Около 8-ми час., когда должны были состояться похороны, съ „Потемкина" раздались три холостыхъ салюта. Затѣмъ около 9-ти час. при зловѣщей тишинѣ, царившей въ городѣ, надъ нимъ раздался взрывъ боевого снаряда, а минутъ черезъ 10—такой же другой. Очевидно, мятежники опасались, что депутаты будутъ задержаны.

Для задержанія взбунтовавшагося броненосца въ одесскій портъ прибыла изъ Севастополя эскадра, но и отъ нея имѣлъ намѣреніе отдѣлиться еще одинъ броненосецъ; сдѣлавъ маневръ, эскадра пропустила чрезъ свой строй „Потемкина" и направилась обратно въ Севастополь, а „Потемкинъ" въ сопровожденіи миноносца отправился крейсировать по Черному морю. Крейсированіе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ дней, поддерживая панику въ прибрежныхъ городахъ, и окончилось высадкой бунтовавшей команды на румынскомъ берегу.

Одновременно съ одесскими событіями произошло возмущеніе моряковъ *въ Либавѣ*. По сообщенію „Рижскаго Вѣстника", вооруженное возстаніе матросовъ началось 16 іюня; всѣ 6 командъ примкнули къ мятежу. Они захватили нѣсколько складовъ съ оружіемъ и боевыми припасами. Произошелъ рядъ столкновеній съ сухопутными войсками, вызванными въ портъ. Отовсюду слышались выстрѣлы. Въ концѣ-концовъ войска разсѣяли мятежниковъ, которые однако скрылись съ захваченнымъ оружіемъ и боевыми припасами.

Властная рука полицейскаго диктатора не предотвратила эти событія и не отвратила отъ нихъ вниманія глубоко взволнованнаго общества. Полицейскія усилія съ успѣхомъ способствовали только размноженію „черныхъ сотенъ“, подготовляя ужасы будущаго. Результаты политики Плеве и общей бюрократической развращенности особенно рѣзко выразились *на Кавказѣ*, гдѣ начавшіеся въ маѣ безпорядки и погромы къ іюлю приняли ужасающіе размѣры.

«Для знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ, — писали въ *Neue Freie Presse*,—самыя ужасныя вѣсти оттуда не могутъ теперь представляться невѣроятными: слишкомъ ужъ много накопилось горючаго матеріала за послѣдніе мѣсяцы въ виду совершенныхъ тамъ жестокостей. Армяне всегда были лояльнѣйшимъ народомъ, всецѣло ушедшимъ въ свои мирныя занятія, и только жестокое руссифицированіе послѣднихъ лѣтъ могло превратить эту страну труда въ арену столь кровавыхъ событій. Въ теченіе многихъ лѣтъ армяне и татары уживались другъ съ другомъ на Кавказѣ, покуда кому-то и для чего-то не понадобилось натравить однихъ противъ другихъ. То, что происходило и происходитъ тамъ теперь, далеко оставляетъ за собою ужасы «армянской рѣзни» въ Турціи, вызвавшей въ свое время вмѣшательство державъ...»

XXXI.

Іюньская депутація къ царю.

Жестокій ударъ, постигшій русскую армаду, вновь вызвалъ цѣлый потокъ резолюцій и петицій, но онъ только обогащалъ коллекціи правительственныхъ архивовъ. Не оставалось почти уже никакой надежды на всѣ эти общественные вопли, и общество металось въ безсильномъ негодованіи; его протесты безапелляціонно глушились властной рукой полицейскихъ. Безполезность бумажныхъ взываній къ патріотизму и нравственному долгу бюрократовъ обнаружилась вполнѣ для всѣхъ; было наконецъ рѣшено обратиться съ живымъ

словомъ къ Государю. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоявшійся въ Москвѣ 24—7 мая, избралъ для этой цѣли депутацію, которая и отправилась немедленно въ Петербургъ.

„На общемъ фонѣ охватившей всю страну смуты организовались общественные элементы, организовались и явились равноправной стороной, сильной стороной, способной выражать общественно-политическія требованія. И вотъ въ день 6 іюня эта новая сила была какъ бы признана самой верховной властью" (*Наша Жизнь*).

Послѣ переговоровъ въ разныхъ правительственныхъ инстанціяхъ, длившихся въ теченіе цѣлой недѣли, и послѣ многочисленныхъ затрудненій, выдвинутыхъ со стороны бюрократіи, депутація всетаки была допущена къ Государю въ слѣдующемъ составѣ: графъ П. А. Гейденъ—опочецкій уѣздный пред. дворянства, псковскій губ. гласный, князь Е. Е. Львовъ—предсѣдатель тульской губ. земской управы, Н. Н. Львовъ—саратовскій губ. гласный, И. И. Петрункевичъ—тверской губ. гл., Ѳ. А. Головинъ—предсѣдатель московской губ. управы, кн. П. Д. Долгоруковъ—рузскій уѣздный предв. дворянства, Н. Н. Ковалевскій—харьковскій губ. гласный, Ю. А. Новосильцевъ—темниковскій уѣздный предв. дворянства, Ѳ. И. Родичевъ—кандидатъ весьегоньскаго предв. дворянства, князь Д. И. Шаховской—ярославскій губ. гласный, кн. С. Н. Трубецкой—профессоръ Моск. университета, баронъ П. Л. Корфъ и М. П. Ѳедоровъ—гласные петербургской думы А. Н. Никитинъ—замѣститель предсѣдателя той же думы.

Депутація эта была принята 6-го іюня въ Петергофѣ, въ Фермерскомъ дворцѣ. Стоявшій во главѣ ея гр. Гейденъ передалъ Государю слѣдующую петицію, составленную въ Москвѣ:

„Ваше Императорское Величество, въ минуты величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для

Россіи и самаго Престола Вашего, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣлающія, движимые одной пламенной любовью къ отечеству. Государь, преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіями Вашихъ совѣтчиковъ Россія ввергнута въ гибельную войну. Наша армія не смогла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ, и грознѣе опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица. Увидавъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ, всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія: угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и растутъ. Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій, а общество волнуютъ страхи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ. Государь, пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими; пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства,—вопросъ о войнѣ и мирѣ. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи; пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй. Государь, въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея. Въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ Престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ.

Не медлите, Государь, въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей".

Другой членъ депутаціи, князь С. Н. Трубецкой, обратился къ Царю съ слѣдующею рѣчью:

«Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ, общественныхъ и земскихъ дѣятелей, чуть ли не измѣнниками Престолу и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство: любовь къ отечеству и сознаніе долга передъ Вами. Государь, въ смутѣ, охватившей все государство,—мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ при нормальныхъ условіяхъ не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть осуждена на безсиліе,—русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и несокрушимое могущество Россіи. Но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу. Онъ чувствуетъ себя обманутымъ, и въ немъ зарождается мысль, что его обманываютъ, и когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово измѣна произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ и генералахъ, и совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ». Вообще это чувство съ разныхъ сторонъ эксплоатируется: одни натравляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы; однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ, ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, поднимается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что начала облекаться въ патріотическія формы; тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь. Мы, люди живущіе на мѣстахъ, измѣрили ее до глубины во всемъ ея значеніи и сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный

выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій это—путь, указанный Вами, Государь, созывъ избранниковъ народа... Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное правительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути: нужно, чтобы всѣ Ваши подданные равно и безъ различія чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя. Нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое отечество, въ Васъ—своего Государя, чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ; какъ русскій Царь—не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ, или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общественнымъ интересамъ. Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу преобразованія государственнаго. Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна занять подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственною. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой въ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій, а для этого оно должно быть поставлено самостоятельно и между имъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій имперіи. Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсу-

жденія государственнаго преобразованія нынѣ же, въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Затѣмъ, гласный с.-петербургской городской думы М. П. Ѳедоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ къ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города. Бѣднѣетъ деревня,— и мы страдаемъ. Мы не можемъ не безпокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго. Какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залѣчивать нанесенныя ею раны, экономическія и финансовыя. Мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества. У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой».

На эти рѣчи послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Императора:

„Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ. Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо

еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ. Отбросьте ваши сомнѣнія: Моя воля—воля Царская созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна, привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ. Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ. Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленной изъ постигшаго ее испытанія. Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всей Русью, общеніе между Мной и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ. Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ" (*Р. А.*).

По офиціальной же телеграммѣ отвѣтъ Государя законченъ такъ: „Вѣрю вашему искреннему желанію содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ". Очевидно, что ревнивая бюрократія довѣріе къ искренности находила менѣе опаснымъ для своихъ цѣлей, чѣмъ призывъ къ содѣйствію. Власть приказной цензуры дерзала распространяться даже на царскія слова. Не показывало ли это, что бюрократія не намѣрена считаться и съ увѣреніями, данными депутатамъ?

Вслѣдъ за пріемомъ депутаціи были пріостановлены газеты *Русь* и *Вечерняя Почта*.

Охранительные элементы были крайне обезпокоены возможными послѣдствіями пріема депутаціи московскаго съѣзда, а потому въ противовѣсъ ей „Союзъ русскихъ людей" поспѣшилъ отправить въ Петергофъ депутацію въ составѣ слѣдующихъ своихъ членовъ: гласнаго орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкина, генералъ-лейтенанта Кирѣева, звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства графа Шереметева, гласнаго петербургской думы графа Бобринскаго, курскаго губернскаго предводителя дворянства графа Дорера, гласнаго московской городской думы Расторгуева, новгородскаго мѣшанина Матро-

сова, крестьянина Дорогобужскаго уѣзда Яковлева, крестьянина Медынскаго уѣзда Несчастнаго и крестьянина Рузскаго уѣзда Бажанова.

Депутація эта была принята 21 іюня и графомъ Шереметевымъ былъ прочитанъ всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ говорилось, что «стремленія нѣкоторой части общества поколебать исторически выработавшійся государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту способы правленія, побудили сплотиться воедино исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ немыслимо. Вмѣстѣ со всей русской землею мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востокѣ бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій, но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія единеніемъ сыновъ своихъ выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба для своего достоинства и своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвѣщенный съ престола 18 февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участію въ разработкѣ законодательныхъ предположеній... Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ связаннымъ между собой бытовымъ группамъ населенія, явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности. Царю Самодержавному при изъявленіи Своей Монаршей воли необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія, выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій. При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собой слоевъ населенія, нѣкоторые изъ нихъ, даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказать передъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранныя такимъ путемъ, *возомнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ.* Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли Русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей».

По прочтеніи адреса гласный петербургскаго губернскаго земскаго собранія и петербургской городской думы графъ Бобринскій обратился къ Его Величеству съ нижеслѣдующей рѣчью, предварительно оговорившись, что не они первые дерзнули обезпокоить Государя, ибо „воля Царская выражена ясно и нынѣ слѣдуетъ спокойно ждать ея выполненія“:

«Государь! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество, но что именно думаетъ вся Россія, этого сказать никто не можетъ, *потому что Россія молчитъ*, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но *смѣемъ завѣрить* Ваше Величество, что *исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣрноподданныхъ Вашихъ*. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь, не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война. Но какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было, не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести. Ваше Величество упомянули объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь, Вамъ нужны люди, берите ихъ,—еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костьми за отечество; а если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы; до тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье, не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства, но обложенія насъ не страшатъ—не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества. Вамъ говорили, Государь, что русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ, и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятующаго слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя первыми дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ русскій Царь не его Царь? Нѣтъ, Государь, Вы—Царь дворянъ и Царь крестьянъ и всѣхъ другихъ сословій и Царь каждаго изъ насъ именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждаго и всѣхъ—Онъ является естественнымъ представителемъ русскаго народа. Онъ одинъ и никто иной. Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтныя пожеланія Вашихъ подданныхъ и осчастливить Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Вели-

чество вызвать этихъ избранниковъ изъ освященныхъ исторіею нашею бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представятъ Вамъ лицъ опытныхъ, разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ въ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе выборы выдвинутъ разрядъ людей, *которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова.* Такіе представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества...»

Такимъ образомъ, въ то время, какъ депутаты земскаго съѣзда указывали на грозную опасность для отечества отъ дальнѣйшаго торможенія бюрократіей давно уже возвѣщенныхъ реформъ, вторая депутація, депутація „русскихъ людей", прибыла хлопотать о спасеніи сословности и при этомъ еще пыталась поколебать довѣріе Монарха къ дѣятелямъ освобожденія. Въ то время, какъ князь Трубецкой ни словомъ не коснулся достоинства и помысловъ какихъ бы то ни было партій или лицъ, графъ Бобринскій не постѣснился предъ лицомъ цѣлаго міра извратить смыслъ словъ честнѣйшаго дѣятеля, не постѣснился изобразить въ глазахъ Царя все общество, рвавшееся къ свободѣ, какой-то толпой пустыхъ болтуновъ.

Истинная цѣль депутаціи еще болѣе выяснилась изъ рѣчи г. Нарышкина, который, не считая возможнымъ признать высказанныя первой депутаціей мысли и пожеланія „за выраженіе мнѣнія всей страны, въ то же время смѣло заявилъ, что они сами, напротивъ того, мыслятъ едино съ огромнымъ большинствомъ коренного русскаго народа", что именно ихъ депутацію „широкая жизненная струя, *помимо всякихъ организацій,* вынесла впередъ", такъ какъ у нихъ „съ народомъ одна вѣра, одно міросозерцаніе". Вслѣдствіе такой твердой увѣренности въ своемъ совершенствѣ и единомысліи со всей страной г. Нарышкинъ, повидимому отъ ея

лица, заявилъ Государю, что „русскому государственному строю, издавна слагавшемуся, несвойственно представительство въ смыслѣ народнаго самодержавства...“

На выслушанныя рѣчи Государь отвѣчалъ:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ. Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ. Только то государство и сильно, и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, насъ и караетъ. Что же касается опасеній, вами выраженныхъ, скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ моихъ подданныхъ. Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу, поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ, господа, Богъ и да поможетъ“ (*Спб. Ал.*).

Въ результатѣ первой депутаціи получилось предложеніе князю Трубецкому представить, минуя министерство народнаго просвѣщенія, свои соображенія о реформѣ университетовъ, а послѣ увѣщаній второй выяснилось, что бюрократія остается вѣрна избранному ей пути, несмотря ни на крайнюю серьезность положенія, ни на слова Государя: полицейскій произволъ, аресты, высылки, запретительные циркуляры,—все было пущено въ полный ходъ, строгій запретъ былъ положенъ даже на рѣчь кн. Трубецкого, *опубликованную „Правит. Вѣстникомъ“*, и на самый отвѣтъ Императора... Что же касается до сановнаго Петербурга, то онъ, увѣренный, что „благополучіе“ страны обезпечено безграничіемъ полицейской власти, разъѣхался на „ка-

никулы“ по курортамъ и имѣніямъ тотчасъ послѣ пріема первой депутаціи, какъ будто ничего особеннаго въ Россіи не происходило.

XXXII.

Указы и циркуляры.

Чѣмъ болѣе потрясалась страна, тѣмъ сильнѣе разгоралось стремленіе къ протесту, обнаруживавшее практическое значеніе указа 18-го февраля. Основывая на немъ свое право разрабатывать и подавать петиціи политическаго характера въ совѣтъ министровъ, различные слои населенія, къ крайней тревогѣ бюрократіи, стали осуществлять столь опасное для нея право собраній. Между тѣмъ опекающіе и пресѣкающіе чины по началу, не рѣшались разгонять ихъ, такъ какъ запрещеніе собираться для выработки петицій и обсужденія связанныхъ съ ними вопросовъ, явно нарушало бы силу самаго указа. Можно сказать, что все время съ начала марта и до августа было временемъ упорной борьбы бюрократіи съ настойчивымъ стремленіемъ россійскихъ „обывателей“ устраивать политическія собранія. *Предполагалось* въ писаніи бумагъ найти выходъ избытку общественной энергіи; собранія же недовольныхъ совершенно не соотвѣтствовали цѣли намѣченной управителями страны.

Старанія администраціи изничтожить силу указа ярко вырисовываются, напр., въ слѣдующемъ случаѣ толкованія его смысла, сообщенномъ изъ Ростова-на-Дону „Сыну Отечества“. Основываясь на Высочайшемъ указѣ, ростовская дума сдѣлала нѣсколько постановленій для обращенія въ совѣтъ министровъ, но мѣстный градоначальникъ графъ Коцебу-Пиларъ-фонъ-Пильхау всѣ эти постановленія думы опротестовалъ и передалъ на разсмотрѣніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе отмѣнило перечислен-

ныя постановленія думы, ибо, по заключенію присутствія, разсмотрѣніе вопросовъ государственной важности Высочайшимъ указомъ 18 февраля предоставляется „частнымъ лицамъ и учрежденіямъ“, что подразумѣваетъ *частныя*, а отнюдь не общественныя учрежденія, какъ думаютъ въ обществѣ. Между тѣмъ, вопреки казуистическимъ разсужденіямъ присутствія, телеграмма о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, посланная въ совѣтъ министровъ тою же думою безъ сообщенія ея содержанія мѣстнымъ властямъ, была имъ принята.

Возпользовавшись правомъ, предоставленнымъ этимъ указомъ, вся Россія неустанно настаивала на немедленномъ выполненіи реформъ, обѣщанныхъ 12 декабря. Собранія общественныхъ представителей выясняли свои твердые взгляды на то, каковы должны быть права будущей Государственной Думы и особенно настойчиво указывали на совершенную невозможность проведенія реформы безъ предварительнаго созданія тѣхъ основъ гражданственности, какими являются неприкосновенность личности и жилища, свобода печати, собраній и союзовъ.

Поэтому-то указъ 18 февраля оказался для управителей Россіи бѣльмомъ на глазу и вызвалъ замѣшательство въ „начальствѣ“. Между тѣмъ, несмотря на усиленныя мѣры властей, сознаніе его значенія начало проникать и въ сѣрую массу народа. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ сообщалъ корресп. „Русскихъ Вѣдомостей“ изъ села Хотомли, Волчанскаго уѣзда, гдѣ крестьяне также рѣшили подать заявленіе о своихъ нуждахъ, но встрѣтились съ препятствіями, которыя служили „лучшею характеристикой правового положенія деревни и наглядною иллюстраціей того, какъ наша бюрократія проводила въ жизнь Высочайшія предначертанія. Прежде всего крестьяне обратились за разъясненіями къ мѣстнымъ властямъ, но низшая администрація отвѣтила, что она ничего не слыхала. Подобный же от-

вѣтъ былъ полученъ и отъ земскаго начальника. Однако послѣ настоятельныхъ требованій огласить указъ на сходѣ, земскій начальникъ велѣлъ принести газету и прочиталъ на сходѣ не указъ, а извѣстный Манифестъ отъ того же числа, сдѣлавъ соотвѣтствующія разъясненія по поводу „смуты“ и „крамолы“. Вслѣдствіе поднявшагося ропота, что начальство желаетъ скрыть царскій указъ, земскій начальникъ наконецъ прочиталъ его, *еле шевеля губами*, и заявилъ, что этотъ указъ данъ только правительствующему сенату и *до крестьянъ не касается*. Когда же крестьяне все-таки рѣшили имъ воспользоваться, *становой приставъ сталъ вызывать къ себѣ „поодиночкѣ“ уполномоченныхъ*, разспрашивалъ о ихъ намѣреніяхъ и, протоколируя ихъ отвѣтъ, *убѣждалъ бросить затѣянное*. Убѣжденія станового на крестьянъ однако не подѣйствовали, и заявленіе было все же составлено. Затѣмъ старанія доказать вредъ образованія, печати и самой крестьянской „затѣи“ продолжались въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, до урядника включительно, который дружески увѣщевалъ мужичковъ бросить затѣянные пустяки, такъ какъ „все это выдумки штунды“. Собранный несмотря на все это сходъ былъ признанъ несостоявшимся. Когда сходъ былъ созванъ вновь, прибывшій земскій начальникъ, чтобы припугнуть, заставлялъ каждаго въ отдѣльности выходить изъ круга и подписывать заявленіе, при немъ... Въ то же время на сходѣ расхаживалъ прибывшій жандармъ и какъ бы примѣчалъ „бунтовщиковъ“. Большинство все-таки подписалось, а въ послѣдовавшіе дни сельскій староста разсказывалъ по селу, что вызваны казаки, которые будутъ пороть подписавшихся“.

Графиня В. Н. Бобринская, подвергнувшаяся гоненіямъ за попытку сблизиться, во время пребыванія въ своемъ имѣніи въ Тульской губ., съ крестьянами окрестныхъ деревень, удостовѣряла, что при установленномъ строѣ полицейской опеки въ деревнѣ исклю-

чается всякая возможность предвыборной агитаціи. Право крестьянина на проявленіе своей личности признается тамъ лишь постольку, поскольку это находитъ допустимымъ начальство. Возмутительныя дѣянія этими опекунами совершаются нагло, съ презрительной усмѣшкой по адресу угнетаемыхъ... Страхъ и уваженіе къ кулаку всѣми силами вбиваются въ сознаніе деревни. Въ противодѣйствіе приблизившимся реформамъ изъ Петербурга мелкимъ властямъ разсылались *тайные циркуляры**), съ предписаніями принимать мѣры противъ всѣхъ собраній, созываемыхъ на основаніи Высочайшаго рескрипта, и возлагать всю тяжесть репрессій за подобныя собранія на крестьянъ *(Русскія Вѣд. № 259)*.

Систематически воспитанное и циркулярно узаконявшееся „уваженіе къ кулаку" сдѣлало свое дѣло.

При разбирательствѣ дѣла о разгромѣ крестьянами дмитровской экономіи Вел. Кн. Сергѣя Александровича защитникъ прис. пов. Маклаковъ указалъ суду на то, что въ этихъ крестьянахъ мы должны видѣть не простыхъ подсудимыхъ, которые въ своей личной винѣ даютъ отвѣтъ своимъ судьямъ. Они—только маленькая часть большого цѣлаго, они—бунтующая, непокорная часть общества... „Если ихъ поступки были неосмысленны, дики и грубы, то могло ли быть иначе? Вѣдь эти люди всегда грубы... грубы даже и въ своей ласкѣ,—могутъ ли они быть иными въ злобѣ и гнѣвѣ? и ихъ ли за это винить? Если же порицать и обвинять станете вы, представители государственной власти, то слѣдуетъ васъ спросить: а что же вы сдѣлали для того, чтобы излѣчить ихъ отъ грубости? Вы о многомъ заботились; вы старались о томъ, чтобы они были покорны, преданы властямъ, смиренны передъ высшими; а заботились ли вы, государственная власть, о томъ, чтобы смягчить ихъ нравы, чтобы вселить отвращеніе

*) Текстъ подобнаго циркуляра попалъ впослѣдствіи въ печать (см. „Наша жизнь" № 356).

къ грубости? И чѣмъ же хотѣли бы вы достигнуть этого? Тѣмъ ли, что, какъ въ данномъ дѣлѣ, уже послѣ 11-го августа въ волостяхъ при допросѣ грозили имъ розгами? тѣмъ ли, что всѣхъ ихъ до этого дня могли дѣйствительно выпороть? тѣмъ ли, что и теперь казацкія нагайки свищутъ по улицамъ, никого не разбирая, не щадя ни дѣтей, ни священниковъ? Жестоки нравы у насъ, но жестоки и сверху, и снизу... Они таковы, какими вы сами ихъ создали...

„У всѣхъ на глазахъ, на виду, къ общему соблазну, законъ нарушается, беззаконіе процвѣтаетъ. И никто не смущается этимъ, никто не подумалъ отъ этомъ.

„И когда теперь вы, представители государственной власти, пріѣхали, чтобы наказать этихъ людей, всѣ вамъ въ правѣ сказать: вы пришли, когда беззаконіе сдѣлали они, *а гдѣ же вы были, когда беззаконіе творилось надъ ними?*“

И вотъ крестьяне, искони пріученные питать уваженіе къ кулаку и видѣть въ законахъ не защиту, а лишь угрозу, стали обнаруживать настойчивое стремленіе къ изысканію путей, которые могли бы привести ихъ къ улучшенію быта и къ гарантіи человѣческихъ правъ. Послѣ указа 18 февраля и они стали составлять приговоры о своихъ взглядахъ на потребныя мѣры для собственнаго и государственнаго благоустройства. Степень противодѣйствія этимъ стремленіямъ со стороны начальства выясняется, напр., изъ циркуляра саратовскаго губернатора земскимъ начальникамъ, въ которомъ онъ указывалъ, какъ на „нежелательное явленіе, тотъ фактъ, что крестьяне собираются тайно *въ лѣсахъ*, обсуждаютъ тамъ свои нужды и тайно записываютъ приговоры и постановленія для отсылки въ высшія правительственныя учрежденія“.

Какъ ни велики темнота и забитость жалкой русской деревни въ связи съ ея повальнымъ обнищаніемъ, даже и здѣсь нельзя было предотвратить возникновенія жгучихъ вопросовъ о причинахъ военныхъ неудачъ, о

плохомъ содержаніи холодной и голодной арміи, которую японцы презрительно именуютъ „оборванцами“, и т. п. Темная и простодушная деревня, охваченная жалостью къ своимъ, отнятымъ войною, поильцамъ-кормильцамъ, страстно искала объясненій на мучившіе ее вопросы; деревня жаждала газетъ, выпрашивала ихъ или покупала на базарахъ за тройную цѣну и, какъ никакъ, силой жизни вовлеклась въ политику. Если вспомнить, что при такомъ, нежелательномъ для „властей“, направленіи крестьянскаго мышленія, деревня была напитана злобой къ режиму земскихъ начальниковъ, убившихъ въ народѣ понятіе о законности, злобой къ высшей администраціи, облагодѣтельствовавшей народъ наглыми надсмотрщиками въ лицѣ плевенскихъ сельскихъ стражниковъ, то станетъ понятнымъ, что таилось въ крестьянской массѣ подъ признаннымъ властями „спокойствіемъ“ народа. Однако увѣренность бюрократіи въ „спокойствіи“ деревни нѣсколько поколебалась предъ изданіемъ Манифеста о Государственной Думѣ: въ концѣ іюня министерство вн. дѣлъ предписало земскимъ начальникамъ *ознакомиться* (!) съ нуждами крестьянскаго населенія, а главное—съ его отношеніемъ къ текущимъ исключительнымъ событіямъ,—„главное“ потому, что земскимъ начальникамъ особенно рекомендовалось приложить всѣ старанія, чтобы „порядокъ“ не нарушался и чтобы „всякія попытки неблагонамѣренныхъ лицъ пресѣкались въ самомъ зародышѣ, а виновные привлекались къ законой отвѣтственности“.

Началась усиленная охота за „неблагонамѣренными“ по усмотрѣнію урядниковъ, сельскихъ батюшекъ и стражниковъ, а удовлетвореніе нуждъ отложено впредь до новаго съ ними „ознакомленія“... Самой важной нуждой признано было разселеніе между мирнаго населенія разнузданныхъ казаковъ...

Не слишкомъ широкій ходъ давала всемогущая бюрократія и другимъ актамъ, не отвѣчавшимъ ея цѣлямъ:

за указомъ 17 апрѣля *о свободѣ вѣроисповѣданія*, вскорѣ послѣдовалъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ *циркуляръ* губернаторамъ, по которому выходило, что хотя во исполненіе Высочайшихъ повелѣній разныя правила, изобрѣтенныя для ограниченія сектантовъ и старообрядцевъ, теряютъ свою силу, но... для гг. губернаторовъ сіе не обязательно, если они *„въ виду соображеній особливой важности признаютъ необходимымъ сохранить ихъ въ силѣ и на будущее время“*...

Удивительно ли, что мѣсяцъ спустя по обнародованіи указа о вѣротерпимости можно было наблюдать, какъ садились на иностранный пароходъ переселенцы молокане, и видѣть заколоченныя избы въ ихъ селеніяхъ. Генералъ-губернаторъ области Самойловъ откровенно признался сотруднику „Новаго Врем.“, что онъ даже радъ, что молокане уѣзжаютъ въ Америку: „слишкомъ ужъ бойкій, неспокойный народъ эти молокане; все имъ мало, все имъ нужно чего-то, все жалуются на что-то. Безъ нихъ будетъ спокойнѣе“.

Мѣстныя власти, опекавшія народъ, не были склонны легко выпустить изъ рукъ и тотъ неисчерпаемый источникъ своего благосостоянія, которое давало имъ безправное положеніе сектантовъ... а подходящія „соображенія“ у насъ вѣдь подыскать не трудно. „Пусть основанія законодательнаго акта будутъ вразумительны хотя бы даже и для дѣтскаго пониманія—мы, впредь до появленія циркуляра, отнюдь не можемъ быть увѣрены, что принципъ вразумительный и ясный будетъ осуществленъ въ полнотѣ и совершенствѣ“ *(Наша Жизнь)*.

А съ другой стороны, и петербургскія канцеляріи не думали считаться съ неотложностью реформъ намѣченныхъ верховною властью, неукоснительно придерживаясь тѣхъ самыхъ привычекъ и методовъ исконной волокиты, которые описаны въ японской „бѣлой книгѣ“, какъ непосредственный поводъ къ войнѣ *).

*) Попытки японскаго посланника вступить въ серьезнѣйшіе переговоры отстранялись по разнымъ поводамъ почти полгода. Наканунѣ

Старанія не допустить „легкое отношеніе“ къ реформамъ проходятъ грубою нитью и черезъ всѣ хрупкія работы комиссій, и черезъ всѣ послѣдовавшія за указами мѣропріятія. Но въ ихъ усердной заботливости чуялось и нѣчто другое: надежда удержать все по-старому,—надежда, что вольнодумство не выдержитъ длительнаго давленія волокитой и репрессіями и, не находя поддержки въ массѣ, лишенной правъ гражданственности, наконецъ ослабнетъ; а тогда, быть можетъ, обывательская жизнь, привычная къ „спокойствію и пріятности“, мирно направится въ прежнее русло.

XXXIII.

Отцы-агитаторы.

Къ великому ущербу для православной церкви, ея высшіе руководители не пожелали стать на сторону правды: они не примкнули къ освободительному движенію, хотя это было необходимо и въ интересахъ самой церкви. Духовенство, оказавъ нравственную поддержку народу въ его борьбѣ противъ произвола и угнетенія, могло бы возстановить свой упавшій авторитетъ и возвратить себѣ утраченную силу духовнаго вліянія на населеніе. Но случилось обратное. За немногими исключеніями, служители церкви предпочли расположеніе властей уваженію народа; „дисциплинированные“ канцелярскимъ режимомъ въ духѣ раболѣпства передъ всевозможнымъ начальствомъ, уже давно стали они усердными сотрудниками „властей“, теперь же открыто примкнули къ лагерю реакціонеровъ *).

Былъ моментъ, когда нѣкоторая часть столичнаго

разрыва гр. Ламсдорфъ увѣрялъ еще посланника, что онъ вполнѣ оцѣниваетъ важность настоящаго положенія, но „вопросъ весьма серьезенъ и не допускаетъ легкаго къ себѣ отношенія“... (*Слово*, № 107).

*) Ректоръ петербургской духовн. академіи, еп. Сергій, на просьбу студентовъ академіи отслужить панихиду по скончавшемся кн. Тру-

духовенства, какъ бы вовлекаясь всеобщимъ порывомъ въ русло обновительнаго движенія, сдѣлала попытку къ реформѣ высшаго церковнаго управленія, путемъ созыва всероссійскаго Церковнаго Собора и учрежденія патріаршества. Мысль о духовной реформѣ вызвала обширную полемику и получила столь быстрое развитіе, что члены Св. Синода, собравшись у митрополита Антонія, уже приняли окончательное рѣшеніе ходатайствовать о созывѣ Церковнаго Собора въ Москвѣ, на святой недѣлѣ. Но вскорѣ затѣмъ вопросъ этотъ былъ заторможенъ вліяніемъ синодальной прокуратуры и отложенъ „до болѣе подходящаго времени". Духовенство было удержано подъ давленіемъ бюрократіи, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ ея системы. Пользуясь тѣмъ, что оно разсѣяно по всей странѣ и, такъ сказать, стоитъ на стражѣ сокровеннѣйшихъ помысловъ народа, а потому является особенно удобнымъ факторомъ для воздѣйствія на массу и незамѣнимымъ наблюдательнымъ органомъ, власти не преминули прибѣгнуть къ соотвѣтствующему воздѣйствію на пастырей. Послѣдствія этой „духовной" политики оказались одинаково вредными какъ для нравственнаго состоянія темнаго люда, такъ и для самихъ пастырей; всѣмъ стало ясно, что отцы духовные ратуютъ противъ достиженія тѣхъ великихъ завѣтовъ, которые составляютъ истинныя основы христіанскаго ученія.

Темная масса народа, начинавшаго уже вступать на путь сознательной жизни, нуждалась въ руководителяхъ, которые объясняли бы ей великое значеніе реформъ, и эта завидная и благодарная доля была въ рукахъ у духовенства. Но около народа оказались церковные чиновники, внушавшіе ему по приказу начальства, что всякое отступленіе отъ установившихся понятій и порядковъ есть преступная крамола. Духовные отцы принялись прислуживаться около бюрократіи въ роли га-

бецкомъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что это былъ человѣкъ другого лагеря.

сителей пробуждавшагося народнаго сознанія и даже выступать агитаторами охранительной партіи.

Одинъ изъ примѣровъ такой дѣятельности далъ епископъ волынскій Антоній, произнесшій 20 февраля въ Петербургѣ *въ Исаакіевскомъ соборѣ* слово о страшномъ судѣ и о политическихъ событіяхъ. Это поученіе, которое архипастырь поспѣшилъ сказать чрезъ день послѣ изданія Рескрипта о призывѣ выборныхъ отъ народа, Мережковскій резюмировалъ такъ: Въ русской печати слышатся епископу Антонію не голоса человѣческой мысли и совѣсти, а только голоса звѣрскихъ инстинктовъ, взывающихъ къ бунту и кровавому насилію, голодный волчій вой. „Всѣ слои общества, говоритъ онъ, какъ волки голодные, требуютъ себѣ всякихъ правъ и льготъ. Они (т.-е. всѣ образованные люди русскіе) дышатъ себялюбіемъ и ненавистью и злорадствомъ; имъ чужда всякая любовь, все ихъ поведеніе, всѣ ихъ рѣчи суть сплошная ложь"... „Не забывай же о нихъ, русскій народъ, берегись богохульниковъ, кощунниковъ, мятежниковъ, желающихъ оторвать тебя отъ вѣчной жизни, отъ царствія Христова". Простой народъ долженъ помнить, что враги его—всѣ образованные русскіе люди. Они ненавидятъ Россію, замышляютъ погубить ее и въ случаѣ ежели достигнутъ своихъ цѣлей, то русскій народъ „будетъ несчастнѣйшимъ изъ народовъ, порабощенный уже не прежнимъ суровымъ помѣщикамъ, но врагамъ всѣхъ дорогихъ ему устоевъ, его тысячелѣтней жизни, врагамъ упорнымъ и жестокимъ, которые кончатъ тѣмъ, что будутъ разрушать святые храмы и извергать мощи угодниковъ Божіихъ, собирая ихъ въ анатомическіе театры". Тогда Россія „распадется на множество частей", „наши западные враги бросятся, подобно коршунамъ, на разлагающійся трупъ Россіи и „обрекутъ ее на положеніе порабощенной Индіи и другихъ западно-европейскихъ колоній" (*Русь*, № 67).

Эта *анаѳема*, всенародно возглашенная всей русской интеллигенціи, повидимому входила въ задачи извѣстной

программы, такъ какъ почти одновременно, и притомъ въ сходныхъ выраженіяхъ, она была поддержена и распространена и въ Московской губерніи рвеніемъ другого сановника церкви, епископа серпуховского Никона. Онъ отпечаталъ свою проповѣдь подъ названіемъ „Голосъ изъ обители преподобнаго Сергія о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени", и безплатно распространялъ ее среди простого народа. Въ проповѣди этой, обращенной къ паствѣ *отъ имени обители*, встрѣчаются, наприм., такія мѣста: „Вотъ горе, вотъ великая скорбь и стыдъ и позоръ для нашей великой многострадальной земли: оказалось, что и у насъ дома, на святой Руси, завелись измѣнники, мечтающіе о томъ, чтобы отнять у царской власти самое главное, ея самодержавіе... А тамъ... тамъ скажутъ, что и совсѣмъ царя не нужно, и захватятъ власть въ свои руки нечистыя, и станутъ по-своему хозяйничать на святой Руси. И постараются они тогда святую церковь православную отдать на расхищеніе всѣмъ волкамъ-лжеучителямъ... Вездѣ они сѣяли безсовѣстную ложь и обманъ. Свои мечты они тщательно скрывали красивыми, но туманными словами въ родѣ „свобода личности, народное представительство, контроль надъ администраціей" и т. п. Такъ разъяснялъ архипастырь темной массѣ значеніе, для ея жизни, участія народныхъ выборныхъ въ законодательствѣ страны. Объявивъ затѣмъ „нашихъ смутьяновъ" союзниками японцевъ, онъ краснорѣчиво восклицаетъ: „они не погнушались безмолвно протянуть дружескую руку заклятымъ врагамъ своей матери—Россіи, врагамъ, на знамени которыхъ помѣщенъ драконъ (?), символъ сатаны"... и т. д. Словомъ, еп. Никонъ не погнушался оправдать военныя неудачи правительства предательскими дѣйствіями „внутреннихъ враговъ", прикрывая такимъ способомъ истинныхъ виновниковъ посрамленія Россіи. „Братья, православные русскіе люди!—взывалъ епископъ,—дадимъ рѣшительный *отпоръ* всякой смутѣ, заградимъ уста, глаголящая

неправедная"... „Берегитесь, возлюбленные, такихъ измѣнниковъ Царскаго самодержавія, гоните ихъ прочь отъ себя, не смущайтесь ихъ сладкихъ рѣчей о свободѣ: они проповѣдуютъ не свободу для добра,—такую свободу всѣ законы ограждаютъ,—а просторъ для зла, для лжи, для насилія надъ совѣстью христіанской (?)... Не слушайте ихъ мечтаній о выборѣ какихъ-то (!)... народныхъ представителей"... „У нашихъ смутьяновъ одинъ обманъ. Ихъ господство будетъ для простого народа хуже *крѣпостного права*. Гоните ихъ"... и т. д.

Тотъ же епископъ позднѣе совершилъ, повидимому, спеціально-политическую поѣзку по Рузскому уѣзду, такъ какъ уѣздъ этотъ находится въ вѣдѣніи другого епископа; сопровождавшія его лица раздавали при этомъ воззваніе одного изъ сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*, ранѣе напечатанное въ этой газетѣ подъ заглавіемъ „Соотечественникамъ".

„Содержаніе этого воззванія настолько возмутительно, настолько нагло и лживо, настолько грубо,—писалъ корресп. *Русск. Вѣд.*,—что является непонятнымъ, какимъ образомъ служитель алтаря, епископъ православной церкви, которая по смыслу христіанскаго ученія должна провозглашать любовь и всепрощеніе, взялъ подъ свое архипастырское покровительство это воззваніе, взывающее къ насилію".

Самъ епископъ тоже занимался, при случаѣ, рекламированіемъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Дня*. Такъ, наприм., Церковный староста с. Никольскаго, крест. Журавлевъ, былъ вызванъ лично къ епископу Никону. За предложеннымъ чаемъ въ присутствіи свиты путешествующаго епископа послѣдній предложилъ старостѣ сейчасъ же прекратить выписку *Русскаго Слова* для чайной и для себя, замѣнивъ *Русское Слово* одной изъ указанныхъ газетъ. Когда со стороны крест. Журавлева послѣдовала попытка защиты *Русскаго Слова*, спутниками іерарха было указано Журавлеву на существованіе губернатора и полиціи (*Русск. Вѣдом.*, №№ 192 и 197).

Масса фактовъ изъ агитаторской дѣятельности духовенства, сдѣлавшихся достояніемъ гласности, показывала, что въ провинціи святые отцы стѣснялись еще меньше.

Политиканствовавшее духовенство пользовалось въ тѣхъ же цѣляхъ и принадлежащими ему органами печати, при чемъ не стѣснялось иногда обращаться къ своимъ читателямъ на жаргонѣ площадныхъ листковъ. Для примѣра достаточно слѣдующихъ выдержекъ изъ статьи „Къ родителямъ", помѣщенной въ № 17 *Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей:* Обсуждая броженіе происходившее въ средѣ русскаго общества, и дѣятельность „внутреннихъ враговъ", къ которымъ, кромѣ обязательныхъ „земцевъ, студентовъ и рабочихъ", причислены также „гимназисты и хулиганы", авторъ такъ опредѣлилъ качества этихъ враговъ:

«Всѣ эти дармоѣды, тунеядцы, грабители и убійцы, неспособные ни къ какому разумному труду, ничего не понимающіе въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ дѣлахъ образованія и воспитанія, вѣчно живущіе на чужой счетъ, не сдѣлавшіе никому въ жизни добра и пользы и не признающіе ни того, ни другого, постоянно стремящіеся причинить всѣмъ и каждому одно зло, произвести повсемѣстно смуту и безпорядокъ,—весь этотъ звѣринецъ, вся эта безнравственная, нечестивая и безумная орда, подъ управленіемъ жидовъ и печати, кричитъ съ пѣной у рта о своемъ недовольствѣ государственнымъ строемъ въ Россіи, требуетъ упраздненія правительственной власти, требуетъ конституціи и собора и, наконецъ, полной свободы во всѣхъ своихъ подлыхъ дѣйствіяхъ, какія бы имъ ни пришли въ голову».

Факты доказывали однако, что хулиганы принадлежали именно къ лагерю редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей: телеграмма изъ Елани, Аткарскаго уѣзда (саратовск. епархіи), извѣщала, что пьяная толпа хулиганствующихъ обывателей, находясь подъ впечатлѣніемъ проповѣдей мѣстнаго духовенства о „крамолѣ", напала на школу и произвела погромъ. Учитель, предупрежденный учениками, спасся. Буяны намѣревались расправиться и съ земскимъ врачомъ.

Въ той же саратовской епархіи въ апрѣлѣ усиленно распространялся *разрѣшенный духовнымъ цензоромъ* проф. П. Юнгеровымъ и подписанный *священникомъ* Владиміромъ Веселицкимъ листокъ - воззваніе. Въ листкѣ этомъ встрѣчаются слѣдующія удивительныя по безстыдству мѣста: „Русь еще жива, въ ней есть еще вѣра, есть еще Богъ, она не смѣнила еще Его на водку. Пусть народъ пьетъ, пусть матери пьяны, *пусть дѣти пьяны*... пусть,—но все это наносное, это не коренное. Настанетъ часъ и всему этому „баста“ скажетъ русскій человѣкъ: довольно, пора исправиться, и пойдетъ спасать вѣру свою, Царя-Батюшку и Русь крещеную самодержавную... ибо явятся же Палицынъ, Діонисій, Гермогенъ. И вотъ тогда-то, дѣйствительно, начнется *раскачка,* такая, какую еще міръ не видѣлъ, раскачка для соціалистовъ, революціонеровъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ-казнокрадовъ, льстецовъ, воровъ и всякихъ подобныхъ негодяевъ“...

XXXIV.

Офиціальныя „ошибки“.

Правящая бюрократія, неразборчивая въ средствахъ борьбы, вовлекла въ нее и „Правительственный Вѣстникъ“: ему пришлось фигурировать въ качествѣ распространителя „ошибочныхъ“ свѣдѣній о тѣхъ событіяхъ, которыя привлекали особое вниманіе общества. Такъ, напр., сообщенія очевидцевъ о курскомъ избіеніи дѣтей вызвали опроверженіе, напечатанное въ этой офиціальной газетѣ, по которому выходило, что въ этомъ дѣлѣ полиція ни при чемъ и вполнѣ невинна; но потомъ оказалось, что полицеймейстеръ и частный приставъ устранены отъ должностей, стало быть, вина была доказана; однако объ этомъ не послѣдовало дополнительнаго разъясненія. По поводу напечатаннаго въ газетахъ письма г-жи Линтваревой о томъ, что въ Сѣв-

скомъ уѣздѣ *сѣкли* крестьянъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, отъ министерства было заявлено, что крестьяне сѣченію не подвергались; но судебное слѣдствіе безусловно установило, что крестьянъ сѣкли розгами; мало того, на судѣ выяснилось, что били не только виноватыхъ (явившихся потомъ на судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ), но даже и свидѣтелей *).

Невѣрными оказались и сообщенныя чрезъ „Прав. Вѣстникъ" обстоятельства убійства аптекаря Гейнце въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ офиціальномъ сообщеніи о безпорядкахъ въ Житомірѣ также оказались вымышленныя подробности, а между тѣмъ это сообщеніе „Прав. Вѣстника" являлось своего рода обвинительнымъ актомъ противъ еврейскаго населенія: правительство доказывало въ немъ всему свѣту, что евреи сами виноваты въ пережитыхъ ими ужасахъ; однако скоро въ печать проникли категорическія опроверженія этихъ офиціально опубликованныхъ обвиненій, а въ газетѣ „Волынь" появилось сообщеніе о томъ, что мѣстная администрація сама просила министерство объ опроверженіи исходящихъ отъ него свѣдѣній.

„Русская печать безгласна, она не можетъ подвер-

*) Приводимъ выдержку изъ отчета корресп. *Русск. Слова* по разбирательству дѣла о разгромѣ Михайловскаго завода.

Свидѣтель, бывшій староста с. Журавки, закончилъ свое показаніе жалобой палатѣ, что его „ни за что, ни про что" высѣкли. Затѣмъ послѣдовалъ слѣдующій діалогъ:

Предсѣдатель. Если вы находите, что власти поступили неправильно, вы можете принести жалобу. Настоящій судъ этого дѣла не касается.

Защитникъ спрашиваетъ свидѣтеля, за что же его высѣкли.

Свид. Не объяснили... Сняли знакъ и говорятъ: „ложись!" Потому выпивши было начальство-то.

Защ. Какое же то было начальство?

Свид. Исправникъ, гу...

Предсѣдатель. Г. защитникъ, прекратите ваши вопросы. Свидѣтеля, очевидно, высѣкли по особымъ соображеніямъ, и къ дѣлу это совершенно не относится.

гать критикѣ текстъ правительственнаго сообщенія; но за предѣлами, охваченными тисками русской цензуры, въ свободныхъ условіяхъ общественнаго мнѣнія культурныхъ странъ, это сообщеніе встрѣтило достойную оцѣнку. Въ общественномъ сознаніи человѣчества нанесенъ новый ударъ чести и достоинству Россіи, оберегать которыя есть первая обязанность всякаго русскаго правительства... Мѣстные органы власти и подвѣдомственные имъ органы печати дѣйствуютъ не какъ представители правительства, а какъ сторонники кучки людей, захватившихъ въ свои руки правительственную власть. Съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія цензуры всюду по странѣ разносится кличъ къ насиліямъ и къ преступленію; онъ раздается даже съ церковныхъ каѳедръ. Трудно исчислить весь тотъ матеріальный вредъ, всю ту анархію, которая вносится въ страну такой разрушительной дѣятельностью на казенныя средства. Дезорганизація государственной машины неудержимо распространяется; и партійная политика фанатической ретроградной группы безжалостно разрушаетъ всѣ части государственнаго механизма. Въ ея рукахъ офиціальная печать превращается въ орудіе разрушенія, а правительство теряетъ послѣднюю возможность давать обществу и народу сообщенія, которыя бы были встрѣчены съ довѣріемъ". Такъ писалъ *В. И. Вернадскій* въ маѣ 1905 г. („Русск. Вѣд.", № 144), а 5 іюля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" сообщалось объ отравленіи въ Тифлисѣ 15-ти русскихъ рабочихъ на жел. дорогѣ, отказавшихся отъ участія въ забастовкѣ, при чемъ, по словамъ офиц. органа, „насиліе надъ иначе мыслящими выразилось въ особенно отталкивающей формѣ",—въ общій котелъ съ горячей водой былъ высыпанъ мышьякъ; 10 человѣкъ тутъ же умерли. Черезъ день однако появилось офиціальное же исправленіе этого ужаснаго сообщенія: покушенія на отравленіе вовсе не было, никто не умеръ, а 9 человѣкъ захворали по ихъ же собственной неосторожности и всѣ скоро

поправились. „Невѣрность“, по послѣдовавшимъ разъясненіямъ, произошла „отъ плохо составленной телеграммы“, исходившей отъ тифлисской жандармской власти.

Далеко не такъ легко относилась всякаго рода цензура къ извѣстіямъ изъ либеральнаго лагеря. Въ отношеніи прессы оппозиціоннаго направленія господа цензоры проявляли мало сказать—усердіе, нѣтъ—почти капризы власти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо какую-то шаловливость Юпитеровъ. Такъ, напримѣръ, въ „Сынѣ Отечества“, когда эта газета была поставлена подъ отеческое попеченіе цензора П. И. Воршева, ежедневно вычеркивались даже перепечатки и сообщенія, взятыя изъ подцензурныхъ статей; на ходатайство же объ „облегченіи участи изданія“ послѣдовалъ отвѣтъ: „Закройте сами газету—вамъ все равно придется закрыться“. Дѣло дошло до того, что конфисковался номеръ газеты за перепечатку изъ „Дня“. Издатель „Русской Мысли“, сообщая о задержаніи 6-й книжки, также обращался къ суду общественнаго мнѣнія по поводу дѣйствій цензурнаго комитета, допустившаго такія „излишнія стѣсненія печати“, которыя составляютъ вопіющее нарушеніе частной собственности. Въ теченіе долгаго времени г. Гольцевъ не могъ добиться отвѣта о судьбѣ задержанной книги и тѣмъ былъ поставленъ въ невозможность подготовлять и слѣдующую книгу. Г. Гольцевъ такъ закончилъ свое письмо: „Государь сказалъ представлявшимся Ему журналистамъ: *Говорите правду, и только правду.* Мы не можемъ выполнить это. Бюрократія не дозволяетъ. Она отвыкла отъ закона и суда“. Дѣйствительно отвыкла отъ суда. Эпоха разгрома величія и чести Россіи, эпоха ужасовъ, вскрывшая невѣроятныя беззаконія, такъ-таки и не дала суду исполнить свой долгъ. Прокуратура и судъ не для сановныхъ особъ; ихъ дѣйствія предусмотрительно ограждались циркулярами.

Печальную судьбу имѣла и основанная княземъ С. Н. Трубецкимъ газета „Московская Недѣля“, совсѣмъ не

узрѣвшая свѣта, такъ какъ всѣ первые три нумера были арестованы еще на печатномъ станкѣ. „Мы можемъ поздравить цензурное вѣдомство,—писалъ С. Н. Трубецкой,—съ новымъ остроумнымъ пріемомъ, благодаря которому оно можетъ разрѣшить и тутъ же задушить любой органъ печати, почему-либо неугодный. Но все это не лишаетъ насъ увѣренности, что обстоятельства измѣнятся... Среди многихъ причинъ, вызвавшихъ наши пораженія, среди великихъ и малыхъ государственныхъ преступленій, приведшихъ нашъ государственный корабль къ теперешнему крушенію, дѣятельность цензуры занимаетъ не послѣднее мѣсто. Будь у насъ свободная печать, у насъ былъ бы теперь и флотъ, и военноначальники и не было бы всего этого народнаго горя. Мы выражаемъ твердую увѣренность, что русское слово получитъ, наконецъ, возвѣщенную свободу, что наступятъ дни, когда мы будемъ говорить съ обществомъ не черезъ рѣшетку, какъ теперь, не подъ унизительнымъ и недостойнымъ насъ надзоромъ агентовъ цензуры, а какъ граждане съ гражданами“.

О провинціальной печати стоитъ ли упоминать? Тамъ, говоря словами редактора „обезкровленной“ газеты „Тамбовскій Голосъ“, она была поставлена въ тѣ условія, въ которыхъ мучилось и истекало кровью печатное слово въ памятную эпоху *сороковыхъ годовъ*. Существованіе самаго „Тамбовскаго Голоса“ было и вовсе прекращено рукою извѣстнаго „охранителя“ г. Луженовскаго. „Это даже и не борьба,—восклицалъ въ своемъ письмѣ редакторъ придавленной Луженовскимъ газеты,—это—просто застѣнокъ, въ которомъ безслѣдно гибнутъ лучшія стремленія“.

Бюрократія сумѣла оцѣнить важность свободнаго слова; она сдѣлала все, чтобы отнять его у своихъ противниковъ, но зато постаралась использовать его для своихъ собственныхъ цѣлей. Погромная литература и хулиганскіе листки, открыто призывавшіе къ убійствамъ, „воспитывали“ улицу и задворки, не встрѣчая

препятствій ни отъ цензурнаго вѣдомства, ни отъ суда; а одновременно съ этимъ пастыри церкви свободно обращали церковный амвонъ въ политическую каѳедру черносотеннаго направленія.

XXXV.

Прелюдія всероссійскихъ ужасовъ.

Гнусная „охранительная политика, почерпавшая свою силу въ сословной розни и оторванности народа отъ интеллигенціи, старательно направлялась теперь къ тому, чтобы выставить всю интеллигенцію, злѣйшимъ врагомъ отечества. Но, стремясь посредствомъ обмана привлечь на сторону правительства темныя массы населенія,— т.-е. какъ разъ тѣхъ, кто наиболѣе страдалъ отъ него,— бюрократія играла огнемъ. И это тѣмъ болѣе, что годъ позорной и разорительной войны въ такой степени просвѣтилъ народную темноту, что къ услугамъ бюрократіи остались лишь безнравственные подонки городского населенія, мракобѣсы, да закоснѣлые „квасные патріоты".

Администрація вознамѣрилась устрашить „крамольниковъ" дубинами патріотовъ, полицейскими застѣнками и тундрами Сибири; однако угнетаемая часть населенія усиленіе административнаго насильничества стала встрѣчать также своего рода репрессіями: газетная хроника переполнилась сообщеніями о безпрерывныхъ покушеніяхъ на представителей власти и полицейскихъ чиновъ. Все шире разливалась по несчастной Россіи анархія...

Но всѣ звѣрскіе ужасы, совершонные въ это время и подготовленные пропагандой междоусобицы и провокаторствомъ, были только прелюдіей чудовищной драмы, разыгравшейся впослѣдствіи. Патріотическія расправы ныхъ сотенъ становились явленіемъ обычнымъ; уже весны 1905 года открылась эпоха погромовъ,—тотъ *ный терроръ,* то позорное явленіе, подобнаго кото-

рому міръ еще не видывалъ... Каждый день приносилъ извѣстія о черносотенныхъ подвигахъ, при обязательномъ участіи наемныхъ хулигановъ. Чувства уже притупились, — люди перестали сознавать ужасъ надругательства надъ отдѣльными лицами; вниманіе взволнованнаго общества останавливалось главнымъ образомъ на звѣрскихъ расправахъ массоваго характера. Къ такимъ относится бойня въ Житомирѣ, усмиренія въ Минскѣ, Гомелѣ, Керчи, Тифлисѣ и мн. др., а также „патріотическія" расправы въ Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ, Балашовѣ и др. городахъ.

Житомирскую бойню, во всякомъ случаѣ, нельзя было считать неожиданною, такъ какъ задолго до погрома по городу ходили патріотическія прокламаціи съ угрозами по адресу интеллигенціи. Дѣло началось за городомъ, ссорой деревенскихъ парней съ евреями, катавшимися на лодкахъ; ссора перешла въ драку и къ ночи разразилась въ погромъ. Толпа евреевъ, прибывшая на помощь изъ города, была оттѣснена прискакавшимъ патрулемъ, а громилы бушевали нѣсколько часовъ. На другой день въ разныхъ мѣстахъ города происходило побоище между еврейской самообороной и громилами, которое дало десятки убитыхъ и множество раненыхъ. Старанія нѣкоторыхъ лицъ умиротворить стороны, окончились трагическою смертью студента Блинова; послѣ того какъ онъ, по предложенію полиціи, убѣдилъ евреевъ разойтись, его, какъ заступника, ударомъ кола свалили съ ногъ и прикончили на мѣстѣ, при чемъ на лицѣ оказались и штыковыя раны! Тѣло самоотверженнаго юноши валялось въ лужѣ крови до ночи... На требованія публики укротить громилъ, патруль отвѣчалъ: „не приказано". Большинство умерло отъ жестокихъ ударовъ дубинами и камнями по головѣ. Трупы были обезображены до неузнаваемости. А 26 апрѣля городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи (по корресп. *Сынъ Отеч.*, № 73).

Въ *Минскѣ* избіеніе было произведено 26 мая; боль-

шинство было ранено пулями, многіе палками, другіе нагайками; но число раненыхъ осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ они лѣчились на дому изъ опасенія преслѣдованія полиціей. Тамъ же 27 іюня рабочіе организовали мирную забастовку, чтобы почтить память невинно пострадавшихъ въ Лодзи. Въ 8 час. веч., по сообщенію *Бѣлорусск. Вѣд.*, собралась огромная толпа народа и произошло столкновеніе съ войсками, вызванное тѣмъ, что требованіе офицеровъ и полиціи—разойтись—не было исполнено; казаки начали стрѣлять сначала холостыми, а затѣмъ боевыми патронами. Число пострадавшихъ не установлено, но было несомнѣнно значительно.

Въ *Нижнемъ-Новгородѣ* 9 іюля произведено было нѣсколько попытокъ устроить демонстрацію по случаю полугодія январской бойни въ Петербургѣ; полиція приняла старательныя мѣры для разсѣянія демонстрантовъ, и при этомъ, по свидѣтельству офиціальнаго сообщенія, со стороны части городскихъ рабочихъ, не пожелавшихъ примкнуть къ демонстрантамъ, замѣчено было „утѣшительное“ контръ-движеніе: проѣзжавшему полицеймейстеру изъ толпы кричали, „чтобы онъ не трудился, что они сами расправятся“. Усердіе толпы осуществилось на другой день на дѣлѣ. По разсказу офиціальнаго сообщенія, избіеніе демонстрантовъ производилось отдѣльными группами, при чемъ толпа такъ вошла во вкусъ и будто бы настолько разсвирѣпѣла, что иногда кидалась на чиновъ полиціи и на войска, старавшіеся отбивать отъ нея жертвы. Сообщалось так. обр., что власти пытались спасать избитыхъ и избиваемыхъ, однако безъ объясненія того, почему было невозможно остановить самоуправныя дѣйствія толпы, хотя бы тѣми же самыми мѣрами, которыми наканунѣ были разсѣяны демонстранты. „Въ этотъ день (10 іюля) около Народнаго дома и острога собралась сходка. Собравшіеся были окружены казаками, полиціей и черной сотней: послѣдняя на глазахъ всѣхъ начала производить избіеніе сначала демонстрантовъ, а затѣмъ

всѣхъ, кто почему либо привлекалъ ея вниманіе. Полиція и казаки оставались безучастными зрителями того, какъ изъ черной сотни, окружавшей ихъ, вырывалось вдругъ по нѣскольку человѣкъ и бросалось на какую-либо жертву. Избіеніе производили совершенно свободно нѣсколько человѣкъ полупьяныхъ чернорабочихъ. Избивали тѣхъ, кто былъ въ хорошей шляпѣ, кто походилъ на еврея, на кого шнырявшіе мальчишки-хулиганы указывали громиламъ... Городъ въ паникѣ". Днемъ 11 іюля также было нѣсколько случаевъ избиванія. Въ 8 часовъ вечера былъ убитъ на пристани, на глазахъ своей семьи, уѣзжавшій изъ Нижняго наборщикъ. Ночью происходила перестрѣлка и рѣзня близъ Откоса (корр. Рус. Вѣд. въ № 188).

Самобытный способъ подавленія общественнаго пробужденія—эти звѣрскія расправы съ свободомыслящей частью населенія — являлся, исполненіемъ завѣтныхъ мечтаній патріотовъ изъ Московскихъ Вѣдомостей, Русскаго Дѣла и т. п. органовъ охранительнаго направленія; дѣйствія нижегородскихъ черносотенцевъ вызвали неистовыя ихъ ликованія. Кто кого тутъ превзошелъ, сказать трудно; но несомнѣнно, что съ этого момента съ г. Шарапова слетѣли остатки либеральной маски. Въ № 30 его „Русскаго дѣла" было помѣщено письмо *Очевидца,* который, какъ бы смакуя эпизоды звѣрской расправы, сообщалъ, что толпа била съ разборомъ: подвертывавшихся господъ обыскивала и если находила какое-либо оружіе или прокламаціи, то такихъ приканчивали немедленно... *искали и избивали только бунтующую интеллигенцію* (курсивъ „Рус. Дѣла"). Нечего и говорить, что въ первую голову были биты всѣ сколько нибудь похожіе (?) на студентовъ и на способныхъ (?) къ забастовкѣ рабочихъ. Признаки таковыхъ: шляпа и красная или синяя рубаха; изъ дѣвицъ поплатились тѣ, у которыхъ на головахъ модныя жокейскія шапочки". Самый жаргонъ *Очевидца* обличалъ въ немъ истаго черносотенника,—быть можетъ, однаго изъ тѣхъ

руководителей, которые помогали толпѣ „бить съ разборомъ“ и вообще указывали, кого „искать и избивать“, такъ какъ *дисциплину* бушующей толпы можно объяснить только подобнымъ руководительствомъ или же предумышленной подготовкой. Заканчивая свою откровенную корреспонденцію, „Очевидецъ“ провелъ интересную паралель, радостно восклицая: „Вотъ оно! началось, наконецъ, великое народное движеніе; народъ заговорилъ погромче, нежели Шереметевская депутація“. Гнусная статейка заключена циничнымъ пожеланіемъ: „Нижегородское движеніе, Богъ дастъ, положитъ прочное начало своеобразной русской конституціи“.

Московскія Вѣдомости обсуждали нижегородское „здоровое движеніе“,—этотъ опытъ осуществленія ихъ политической программы,—даже съ запальчивостью: излишняя гуманность полиціи, вырывавшей у толпы уже избитыхъ людей не дала развиться уличному самосуду въ томъ размѣрѣ, который удовлетворилъ бы инстинктамъ г. Грингмута; очевидно, что для полнаго его удовлетворенія избиваемыхъ надо было бы „приканчивать“ на мѣстѣ.

Въ заботахъ объ укрѣпленіи правительственной власти варварствомъ, *Московскія Вѣдомости* договорились до необходимости отвѣтить на терроръ незаконный „законнымъ терроромъ“, то-есть, попросту, рекомендовали правительству усвоить методъ борьбы, свойственный нелегальнымъ революціоннымъ партіямъ.

Проявленія черносотеннаго разгула, подобныя нижегородскому, произошли въ Смоленскѣ, Балашовѣ и Керчи, не считая менѣе значительныхъ случаевъ.

Еще до балашовскаго происшествія г. Танъ, лично испытавшій на себѣ усердіе извѣстнаго пристава Сахарова, предупреждалъ въ № 192 *Русск. Вѣд.*, что „въ Саратовской губ. въ послѣдніе мѣсяцы возникла тенденція подвергать избіенію всѣхъ, несогласно мысля-

щихъ. Для этой цѣли произносятся проповѣди съ церковной каѳедры и даже расклеиваются соотвѣтствующія воззванія. Такая черносотенная агитація приноситъ свои плоды. Такъ, напр., въ селеніи Красноярцѣ недавно былъ избитъ враждебно настроенной толпой учитель, виновный въ томъ, что проѣхалъ черезъ селеніе на велосипедѣ... Пикеты, разъѣзжающіе во всѣхъ направленіяхъ по уѣздамъ, предаются тому же самому занятію, при чемъ замѣчено изъ опыта, что люди вооруженные кольями, успѣваютъ ограждать свою личную безопасность, а болѣе всего страдаютъ женщины и дѣти... Проповѣдь человѣконенавистничества и шпіонства сдѣлала то, что многія села распались на враждующіе между собою концы... Можно ли удивляться, что во многихъ саратовскихъ селахъ извѣстная „Пѣсня о дубинѣ" стала настоящей народной пѣсней и поется со всѣми новѣйшими прибавленіями".

12 іюля въ самомъ городѣ *Балашовѣ* врачи и земскіе служащіе подверглись нападенію толпы. Причиною патріотическаго подъема духа черной сотни было собраніе внутри зданія земской управы публики, провожавшей земскихъ врачей, которые не пожелали подчиняться плевенскимъ санитарнымъ правиламъ и уѣзжали изъ города. Патріотическая манифестація, начавшаяся пѣніемъ гимна, закончилась грабежомъ. „Громилы разграбили дома Феологова и Тараксина и угрожали разрушить зданіе управы. По улицамъ гонялись за земскими служащими и подвергали ихъ избіенію. Данная губернаторомъ *охрана* — казаки — неожиданно набросились на тѣхъ, кого они должны были защищать отъ толпы и, *невзирая на присутствіе губернатора*, били ихъ нагайками. Ударамъ нагаекъ подверглись и. д. предводителя дворянства Н. Н. Львовъ, 6 врачей и еще 10—12 др. служащихъ. Спасавшіеся отъ толпы врачи Шмелевъ и Невзоровъ были жестоко избиты *въ полицейскомъ управленіи* пожарными. Создалось такое положеніе, что управѣ ничего не осталось дѣлать

другого, какъ, прекративъ всякія дѣйствія, запереть зданіе, опечатавъ его" (Русск. Вѣд., № 205). С. Котляревскій писалъ по этому поводу: „Оказывается, что старыя испытанныя средства, въ родѣ усиленной охраны, хороши лишь для подавленія права, но весьма мало дѣйствительны для его возстановленія. Оказывается, что культъ престижа власти, много лѣтъ исповѣдуемый офиціальной Россіей, приводитъ къ явленіямъ анархическаго характера. Конечно, насъ не должна удивлять та восторженная оцѣнка, которую получили балашевскіе громилы на страницахъ *Дня* и *Московскихъ Вѣдомостей*, это—естественное сродство душъ... Важно не то, что есть „разбойники печати", какъ и разбойники дѣйствій,—важно то, что тѣ и другіе въ глазахъ извѣстной партіи представляются охраной правительственнаго авторитета".

„Не поддающееся разумѣнію и не имѣвшее прецедента событіе" описывалъ корреспондентъ *Русск. Вѣд.* изъ *Тифлиса*: „29 августа публика, собравшаяся на думское засѣданіе къ 8 ч. веч., узнавъ, что засѣданіе не состоится, просила городского голову разрѣшить ей остаться чтобы обсудить бакинскія событія; но такъ какъ это разрѣшеніе зависѣло не отъ головы, то онъ просилъ публику разойтись. Тѣмъ временемъ въ думу явился полицейскій приставъ, который объявилъ публикѣ, что если она не разойдется, то по телефону будутъ вытребованы казаки. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ въ думскую залу вошли пѣшіе казаки. Публика, увидѣвъ казаковъ съ ружьями въ рукахъ, въ ужасѣ бросилась бѣжать. Въ это время раздался первый выстрѣлъ, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, а черезъ нѣкоторое время стрѣльба шла пачками по всѣмъ направленіямъ; стрѣляли не только въ зданіи, гдѣ собралась публика, но и на улицѣ, гдѣ были убиты и ранены случайно проходившіе обыватели... Были найдены трупы на разстояніи болѣе двухъ кварталовъ отъ думы. Казаки, проникнувъ чрезъ

главный входъ, погнали публику къ боковому выходу, гдѣ ее встрѣтили залпами... Въ аптеку Гейнъ были доставлены раненые съ вывалившимися внутренностями... Характерно, что окна и двери аптеки пронизаны насквозь, а между тѣмъ въ это время туда стекались раненые... Стрѣльба, начавшаяся въ 9 ч. веч., кончилась по сигналу горниста, заигравшаго „отбой“ около 10 час. веч. Картина, когда стали подбирать раненыхъ и трупы, не поддается описанію. Разсказы очевидцевъ полны гнетущаго ужаса. По подсчету на 1-е сентября убитыхъ указалось 35, а раненыхъ свыше 75, не считая избитыхъ и тѣхъ, которые успѣли укрыться по домамъ, лишь бы не попасть на попеченіе администраціи. Душу возмутившее событіе это повергло весь городъ въ глубокую скорбь и негодованіе... Генералъ-губернаторъ въ своемъ объявленіи говорилъ, что изъ публики, засѣвшей во дворѣ городского дома, были произведены выстрѣлы на улицу; но нигдѣ не найдено слѣдовъ этихъ выстрѣловъ, а всѣ двери и окна думскихъ учрежденій пронизаны ружейными пулями, думскіе хоры залиты кровью... Результатомъ этого событія явилась всеобщая забастовка въ городѣ, при чемъ 1-го сентября большинство рабочихъ облеклось въ трауръ. Городской голова и весь составъ думы и гор. управы объявили о выходѣ въ отставку“.

„Въ объявленіи объ этомъ ужасномъ событіи временный ген.-губ. Яцкевичъ объяснялъ причину столь невѣроятной строгости дерзкимъ поведеніемъ публики, а также указывалъ, что будто-бы городской голова заявилъ ему что „такое сборище онъ считаетъ надругательствомъ надъ городскимъ самоуправленіемъ“. Но гор. голова отрицая что-либо подобное, категорически заявилъ, что онъ даже не сообщалъ о томъ, что публика собирается въ Думѣ. Напротивъ, самъ ген. Яцкевичъ требовалъ по телефону, чтобы онъ, голова, принялъ мѣры къ удаленію публики, а когда онъ уклонился отъ этого, то ген.-губернаторъ, сказавъ по теле-

фону: „Вы за это отвѣтите“,—оборвалъ разговоръ и далъ отбой“, (*Русск Вѣд.*, № 246).

Особенно *характерно* прошла „патріотическая“ демонстрація въ Керчи. Не слушая приглашенія разойтись,—всегда въ такихъ случаяхъ мягкаго, толпа „съ пѣніемъ“ „Спаси Господи“ двинулась по улицамъ и, взявъ портретъ Государя, направилась къ собору. Тамъ на площади отслуженъ былъ молебенъ. Протоіерей собора сказалъ увѣщавательное слово на тему о христіанской морали, но толпа не внимала ему и приступила къ своему дѣлу, которое начала съ Воронцовской улицы. Впереди шли съ портретомъ Государя и флагами, а сзади—съ камнями и другими снарядами, которыми начали выбивать окна магазиновъ. Вначалѣ этимъ дѣломъ занимались одни подростки, но скоро къ нимъ присоединились и взрослые. Пораженныя ужасомъ нѣкоторыя лица, и въ томъ числѣ секретарь гор. управы г. Бѣлый, рѣшились усовѣщивать громилъ, но это имъ не удалось, и г. Бѣлый, получивъ ударъ доской по головѣ, едва спасся отъ смерти. Погромъ принялъ *правильный* характеръ: ломали только еврейскіе магазины. За ломкой магазиновъ начался грабежъ ихъ: громилы тутъ же сбрасывали лохмотья и облекались въ новые костюмы, надѣвая на себя нерѣдко и по нѣскольку паръ; часть товаровъ уничтожалась. И такъ продолжалось цѣлое воскресенье. Понедѣльникъ не принесъ спокойствія городу... Въ городѣ было двѣ роты солдатъ, разставленныя кое-гдѣ пикетами; одна часть войска съ градоначальникомъ расположилась по Николаевской улицѣ. При такомъ положеніи горожане устроили самооборону, которая погналась за громилами. Послѣдніе при видѣ самообороны, бросились къ расположеннымъ войскамъ. Образовалось двѣ стѣны: съ одной стороны — самооборона, съ другой въ одномъ углу улицы—войска, въ другомъ—громилы. Раздался залпъ самообороны по громиламъ, а затѣмъ—залпъ солдатъ... Всѣ разсѣялись, осталось два убитыхъ, изъ

ихъ одинъ гимназистъ 7-го кл. Кириченко, ставшій а защиту избиваемыхъ. А затѣмъ снова погромъ... ъ 7 ч. веч. полицеймейстеръ и городовые обнажили ашки, и громилы стали разбѣгаться, (*Русск. Вѣд.* № 224).

„Весьма возможно,—говорилъ на экстренномъ засѣ-аніи керченской думы гласный Кристи,—что революі-онная демонстрація вызвала желаніе у искреннихъ атріотовъ продемонстрировать и свои чувства, но эта емонстрація не перешла бы въ погромъ, если бы вла-ти выполняли свои обязанности добросовѣстно и без-азлично ко всѣмъ гражданамъ, по отношенію къ ихъ олитическимъ убѣжденіямъ. Бездѣйствіе и попусти-ельство администраціи, вынудило самооборону высту-ить на защиту разоряемыхъ... Я утверждаю, что стрѣль-а войскъ по самообороне была ничѣмъ неоправды-аемою жестокостью".

Такъ какъ администрація повсемѣстно дѣйствовала ъ подобномъ направленіи и было очевидно, что она лѣдовала какому-то центральному руководству, то ерспектива „ужасныхъ дней", грозившая всей странѣ, аставила многія общественныя учрежденія озаботиться ринятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Такъ, напр., на мя казанскаго городского головы поступило ходатай-тво группы домовладѣльцевъ и жителей Казани, въ оторомъ говорилось, что въ виду доказаннаго суще-твованія *организованныхъ* черныхъ сотенъ, избиваю-щихъ интеллигенцію безъ вниманія къ полу и возрасту общественному положенію, „можетъ быть недалеко о время, когда и улицы Казани будутъ залиты кровью евинныхъ жертвъ". Эта серьезность положенія заста-ляетъ просить о немедленномъ обсужденіи на экстрен-омъ засѣданіи городской думы вопроса о гарантіи езопасности жителей Казани въ случаѣ возникновенія огрома. Городская управа предполагала удовлетво-рить эту просьбу, но губернаторъ не допустилъ обсу-кденія возбужденнаго вопроса (*Русск. Вѣд.*, № 205).

Организацiей самозащиты или городской милиц озабочивались многiе города, но всѣ хлопоты въ этом направленiи не достигали успѣха: высшая администра цiя смотрѣла на самозащиту „гражданъ“ отъ черносо тенныхъ разбоевъ, какъ на нѣчто опасное и даже пре ступное; она находила болѣе цѣлесообразнымъ по крѣплять полицiю расквартированiемъ казачьихъ со тенъ во всѣхъ мѣстахъ, мало-мальски оживленных или кажущихся возбужденными. Казаки повсюду бы облечены властью безконтрольныхъ надзирателей, са мовластно и безотвѣтственно водворявшихъ „порядокъ нагайками. Отовсюду, гдѣ только они появлялись, не медленно же понеслись вопли угнетаемыхъ, жалобы н самыя возмутительныя преступленiя. Общественны учрежденiя видѣли въ расквартированiи казаковъ пря мую угрозу личной и общественной безопасности требовали удаленiя этихъ дикихъ охранителей. Так напр., пермская городская дума узнавъ о намѣренi губернатора вызвать въ Пермь казачью сотню, просил намѣренiе это отмѣнить, „дабы не превращать наш городъ, доселѣ мирный и тихiй, въ арену искусственн создаваемыхъ безпорядковъ *) такъ какъ распростра няемые неизвѣстно кѣмъ *слухи о готовящихся будто бу безпорядкахъ* не оправдались“ (*Русск. Вѣд.*, № 171) Противъ казачьей „охраны“ протестовали также Москва Смоленскъ и др. города.

XXXVI.

Бюрократическiй даръ народу.

Среди такихъ-то условiй общественной жизни, спустя четыре мѣсяца послѣ обнародованiя рескрипта г. Бу лыгину, изъ нѣдръ министерства стали доходить до

*) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что губернаторы тѣхъ мѣстностей, гдѣ объявлялась усиленная охрана, получали для означенной цѣли особыя крупныя суммы.

щества слухи о деталяхъ изготовлявшагося тамъ рприза странѣ—Булыгинскаго положенія о Государ-ственной Думѣ. Но уже одно то, что предрѣшено было ть Думѣ предсѣдателя по назначенію, а постановленія передавать „на уваженіе“ Государственнаго Совѣта, разу выяснило, къ чему клонились канцелярскіе труды. ни были направлены, главнымъ образомъ, къ превра-ненію народныхъ представителей въ собраніе безправ-ныхъ экспертовъ, для сообщенія справокъ на уваженіе овѣта бюрократовъ.

„Въ то самое время, когда нужна полнота авторитета, тобы успокоить страну и облечь имъ обновленное равительство,—писали по этому поводу „Русск. Вѣ-мости“,—обнаружилось намѣреніе создать „учрежденіе вѣдомо безсильное, исключавшее народное предста-тельство, но сохраняющее его вывѣску; оно должно ыло послужить ширмами бюрократическаго абсолю-изма, за которыми все останется по-старому“.

И вотъ, наконецъ, въ день 6 августа, Россія была риглашена радостно встрѣтить даруемое ей бюрокра-ей, учрежденіе. И вводя эту пародію народнаго пред-авительства, — пародію, такъ старательно опутанную анцелярскими измышленіями, что воля народа явно одилась на нѣтъ,—правительство съ большимъ само-нѣніемъ уповало, что упорная и все прогрессировав-ая освободительная борьба добровольно уляжется въ готованныя бюрократіей рамки положенія 6 августа. Между тѣмъ страна, далеко не удовлетворенная новымъ акономъ, все-таки воспользовалась имъ, какъ новой порой для требованія гражданскихъ правъ: наиболѣе ѣнная для населенія сущность положенія 6 августа стояла въ признаніи правительствомъ, такъ сказать, овершеннолѣтія Россіи и она тотчасъ же пожелала бросить съ себя цѣпи полицейской опеки, невѣроятно тѣснявшей даже почти миѳическія избирательныя пра-а. Но бюрократія не только уклонялась отъ неизбѣж-аго, уповая на консервативный подборъ Думы, но даже

медлила съ изданіемъ полицейскихъ правилъ о по
предвыборныхъ совѣщаній избирателей.

Невозможность ни совѣщаться, ни обсуждать в
чати съ должной прямотой недостатки канцеляр
проекта и вмѣстѣ съ тѣмъ явная опасность отъ
нѣйшей задержки реформъ усиливали общее р
женіе: покушенія бюрократіи на значеніе наро
представительства, толкали Россію на путь отк
революціи. Сорганизованные общественные эле
напрягли свои усилія въ борьбѣ съ самовластіем
рократіи и стали рѣшительнѣе осуществлять св
собраній и слова, не обращая вниманія на admini
тивныя мѣры. Къ сожалѣнію, значительная масс
селенія, жаждавшая реформъ, оставалась инер
Убитое охранительнымъ режимомъ чувство гра
скаго долга и отсутствіе общественности, созд
настойчивой административной опекой, сдѣлали т
масса городского населенія,—особенно буржуазные
его—до сего времени чуждавшаяся политическихъ
ресовъ, оказалась почти неспособной принять акт
участіе въ освободительномъ движеніи; большая
общества пока ограничивалась обсужденіемъ б
проносившихся событій и критикой дѣйствій п
тельства, шедшихъ въ разрѣзъ съ предначерта
императора. Но все-таки *жизнь* охватила страну, и
тическое воспитаніе населенія шло гигантскими ша

Создалось то, что та общественная энергія, ко
съ учрежденіемъ Государственной Думы, основ
на конституціонныхъ началахъ, направилась бы н
зидательную, совмѣстную съ обновленнымъ прави
ствомъ, работу, теперь обратилась на дальнѣй
съ нимъ борьбу. Выброшенныя за бортъ избирате
кампаніи силы, особенно полезныя въ обществе
работѣ, были озлоблены и толкались правительст
въ сторону крайнихъ партій, агитировавшихъ у
конституцію, а революцію и созывъ учредите
собранія.

Впрочемъ, и само правительство, навязывавшее странѣ новое произведеніе департаментскихъ мастеровъ, тотчасъ же почувствовало, что оно никого не проведетъ, ибо слишкомъ очевидны были старанія властныхъ сферъ подтасовать желательный составъ Думы: она долженствовала по крайней мѣрѣ въ теченіе 5 лѣтъ, при любомъ правительствѣ, играть роль благородныхъ свидѣтелей, толкущихся въ прихожей натаріуса и всегда готовыхъ безпрекословно подписать любой актъ, сочиненный ихъ патрономъ *).

Такимъ образомъ, законъ 6 августа не удовлетворилъ никого рѣшительно, кончая самимъ правительствомъ, обманувшимся въ своихъ оптимистическихъ ожиданіяхъ. Потрясаемое безпрерывными позорными катастрофами, оно все еще продолжало вѣровать въ силу своего престижа. Безпредѣльное самозабвеніе пріучило ожидать не иначе какъ безсознательной благодарности народа за всякую, выработанную канцелярской заботливостью, подачку; и вдругъ, вмѣсто того,— недоумѣнія, недовѣріе, порицанія... Вмѣсто ожидавшагося хора обычныхъ славословій, явственно слышались голоса кредиторовъ, и къ нимъ уже приходилось прислушиваться.

Мѣропріятія правительства, хотя бы клонившіяся къ уступкамъ народу, теперь оцѣнивались обществомъ съ большой осмотрительностью и большею частью обусловливали собою дальнѣйшія уступки въ рѣшающіе моменты. Совершенно такъ же и выработанное булыгинской канцеляріей Положеніе о Государственной Думѣ, неудовлетворившее никого по существу, тѣмъ не менѣе, немедленно вызвало громкій запросъ на предоставленіе населенію имперіи гарантированныхъ гражданскихъ свободъ, безъ которыхъ немыслимо было бы самое осуществленіе „свободнаго“ избранія народныхъ представителей. Правительство однако старательно от-

*) По опубликованному, напр., списку лицъ, имѣющихъ право участія въ выборномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Нижегородскаго уѣзда, въ общемъ числѣ 206 избирателей оказалось 77 *священниковъ*.

малчивалось по этому предмету, питая надежду на то, что часть населенія, облагодѣтельствованная цензовымъ правомъ, съ благодарностью обойдется въ дѣлѣ выборовъ обычными пріемами, безъ всякой надобности въ „свободахъ"; что касается до крестьянъ, то въ этой средѣ и руководительство и напутствіе на новое дѣло предполагались обезпеченными. Расчеты правительства, какъ и вообще за все время борьбы, оказались ошибочными. Страсти разгорѣлись съ новой силой, и въ виду явной предумышленности безправія учреждаемой Госуд. Думы немедленно возникъ вопросъ о ея бойкотѣ со стороны прогрессивныхъ партій.

Разработкѣ этого вопроса было посвящено одно изъ засѣданій сентябрьскаго съѣзда земскихъ и общественныхъ дѣятелей, допущеннаго въ Москвѣ уже при полной гласности. Въ отношеніи бойкота съѣздъ пришелъ къ тому мнѣнію, что, хотя положеніе о Государ. Думѣ совершенно не соотвѣтствуетъ даже минимальнымъ ожиданіямъ русскаго общества, участіе въ выборахъ является тяжелою *обязанностью*, такъ какъ сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ нихъ съ цѣлью добиться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ неправильностей; другими словами—главнѣйшая задача должна состоять въ избраніи состава Думы, проникнутаго рѣшительностью реформировать только что возникшее учрежденіе.

Сентябрьскій съѣздъ, кромѣ того, выработалъ и самую программу усовершенствованія Думы, а также *воззваніе къ народу* о важности выбора въ Думу такихъ лицъ, которыя поставили бы своею обязанностью это усовершенствованіе. Программа, около которой воззваніе приглашало сплотиться, была выражена такъ:

1. Обезпеченіе правъ личности и всѣхъ гражданскихъ свободъ; установленіе выборовъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права.

2. Рѣшающій голосъ Думы при обсужденіи законопроектовъ, восходящихъ на утвержденіе верховной власти.

3. Рѣшающій голосъ Думы при обсужденіи государственной смѣты и всѣхъ финансовыхъ мѣръ.

XXXVII.

„Умиротвореніе“.

Вслѣдъ за обнародованіемъ уродливаго закона о народномъ представительствѣ, посредствомъ котораго бюрократія разсчитывала внести прежнюю тишину во внутреннюю жизнь страны, ею же истерзанной,—послѣдовало, наконецъ, 16 августа 1905 г., заключеніе мира съ Японіей. „Прекратилась безсмысленная бойня, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣялся и вѣковой обманъ: война сорвала мишуру могущества самодержавной имперіи, и въ далекомъ Портсмутѣ бюрократія расписалась въ своемъ полномъ банкротствѣ... Пока длилась война, еще можно было играть на струнахъ національнаго самолюбія, взывать къ объединенію для отпора и наказанія дерзкаго врага. И въ сладострастныхъ мечтаніяхъ о возстановленіи своего престижа бюрократія могла еще пытаться заставить страну замолчать, чего бы это ни стоило“. Теперь эти надежды должны были рушиться. Правительство, увѣнченное Цусимой, Мугденомъ и прочими лаврами славной эпопеи Безобразова, адм. Алексѣева и К°, стало лицомъ къ лицу съ потрясеннымъ и негодующимъ народомъ. Всѣ жизненные интересы народа, всѣ человѣческія права „вѣрноподданныхъ“ принесены были въ жертву бюрократическому самодержавію не для чего иного, какъ именно ради внѣшняго блеска имперіи. И вотъ, въ результатѣ система деспотическаго всемогущества, разорившая великій народъ, ввергнувшая его въ полицейское рабство, оказалась неспособной защитить свой внѣшній блескъ и могущество даже отъ Японіи!

Но и теперь, когда народъ видѣлъ въ позорномъ концѣ позорной войны начало расчета съ его исконными повелителями, эти повелители смотрѣли на свой позоръ какъ на случайную и временную неудачу. Бюрократическое правительство должно быть всемогущимъ и мудрымъ несмотря ни на что! Чувства же и настроенія

своего народа оно всегда презирало. Оно и самое пораженіе свое рѣшило использовать на дальнѣйшее укрѣпленіе самовластія. Отказавшись отъ непосильной борьбы съ врагомъ внѣшнимъ, оно надѣялось съ помощью военныхъ силъ, освобождавшихся съ Дальняго Востока, подавить другого своего „дерзкаго врага"—весь волновавшійся русскій народъ. Для этого имѣлись къ услугамъ бюрократіи прославленные „герои" проигранной войны. Немедленно по подписаніи мира съ Японіей правительство начало подготовляться къ „умиротворенію" своего народа усиленной мобилизаціей казачьихъ полковъ и приступивъ къ экстренному изготовленію пулеметовъ, столь запоздавшихъ для войны съ японцами...

Но пока что, все же пришлось сдѣлать обществу нѣкоторыя уступки. Такъ какъ, несмотря на угрозы студентамъ и профессорамъ, не замѣчалось ни малѣйшихъ признаковъ прекращенія студенческихъ забастовокъ, правительство, чтобы нѣсколько успокоить молодежь, принуждено было, хотя въ этомъ отношеніи, сдѣлать шагъ впередъ. Оно, въ своихъ „постоянныхъ заботахъ о развитіи въ Россіи высшаго образованія", давно уже всѣмъ извѣстныхъ,—наконецъ надумало уступить требованіямъ автономнаго устройства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о чемъ и послѣдовалъ указъ 27 августа.

Однако въ то же самое время просвѣтительныя заботы правительства не мѣшали ему грубо разгонять собранія, обсуждавшія будущую дѣятельность новаго государственнаго учрежденія. Такъ, напр., въ Москвѣ полиція, сообразуясь съ видами высшихъ властей, разогнала собраніе самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей изъ квартиры г. Новосильцева, членовъ бюро городскихъ и земскихъ съѣздовъ изъ квартиры д-ра Баженова, а также собранія инженеровъ и многія другія.

Жалобы на возмутительное нахальство административныхъ властей по отношенію къ попыткамъ объ-

единиться, необходимымъ уже для того, чтобы намѣтить кандидатовъ въ выборщики, неслись отовсюду. Вообще это время ознаменовалось невѣроятной массой резолюцій съ заявленіями о томъ, что участіе общественныхъ силъ въ законодательствѣ и иной государственной дѣятельности возможно лишь при непремѣнномъ условіи предоставленія всему населенію имперіи основныхъ правъ гражданской свободы. Какъ будто цѣлая страна наивно старалась внушить эту истину правящей кучкѣ, властвовавшей надъ массами именно посредствомъ систематическаго *отбиранія* всякихъ правъ!

Само собою разумѣется, что всѣ вопли о правахъ оставались безъ послѣдствій. Народу приходилось искать иныхъ путей для достиженія цѣли. И вотъ, отброшенныя за бортъ избирательной компаніи наиболѣе активныя общественныя силы—интеллигенція и рабочій классъ—принялись за дѣятельную агитацію созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго избирательнаго права. На этой именно почвѣ получила развитіе дальнѣйшая политическая борьба, завершившаяся всеобщей забастовкой. Въ переспективѣ же вырисовывалась другая, еще болѣе мощная сила: объединялась сѣрая крестьянская масса, рѣшившаяся, наконецъ, выступить на политическую арену; въ началѣ августа въ Москвѣ состоялся крестьянскій съѣздъ, положившій основаніе всероссійскому крестьянскому союзу.

Вмѣсто покорнаго слѣдованія въ прежнее стоячее болото подымалась буря. Правительству было о чемъ подумать. Не говоря уже о Кавказѣ, гдѣ бушевала провоцированная администраціей *) война между татарами

*) Члены Госуд. Думы отъ Кавказа—представители населяющихъ его различныхъ національностей,—въ засѣданіи 12 іюня 1906 г. передъ всѣмъ міромъ удостовѣрили преступную дѣятельность кавказской администраціи. Изъ рѣчей этихъ депутатовъ обрисовалась такая картина этой дѣятельности, что, говоря словами „Русск. Вѣдомостей", война представляется несравненно гуманнѣе русской политики на Кавказѣ. На войнѣ теперь недопустимо истребленіе безоружнаго населенія

и армянами, положеніе повсюду обострялось съ каждымъ днемъ. Надъ всей страной нависли грозовыя тучи.

Открытое волненіе началось въ Москвѣ, во второй половинѣ сентября, типографской стачкой. 20 сентября бастовавшіе рабочіе устроили демонстративное шествіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, между проч. и къ типографіи „Моск. Вѣдомостей", гдѣ, перебивъ стекла, принудили прекратить работы. Въ слѣдующіе дни произошло нѣсколько столкновеній съ полиціей и казаками, при чемъ на Страстной площади доходило до употребленія оружія, а 24 сентября по толпѣ народа, выходившей на Тверской бульваръ съ Бронной улицы, спѣшившаяся полусотня казаковъ открыла пальбу залпами; когда испуганная толпа въ паникѣ кинулась назадъ, другая полусотня, сидѣвшая на коняхъ, ринулась на спасавшихся съ нагайками и шашками. Произошла свалка, въ которой манифестанты пустили въ дѣло револьверы и булыжники. Подобное же побоище произошло позднѣе близъ памятника Пушкина; здѣсь, когда площадь очистилась, на мостовой оказалась лужа крови съ обрывками платья; это былъ изрубленъ шашкой рабочій типографіи Кушнерева. Въ этотъ день безпорядки особенно разгорѣлись. На Тверской ул., у воротъ дома Филиппова собралось до 300 булочниковъ, на которыхъ, не смотря на ихъ вполнѣ мирное поведеніе, бросился отрядъ городовыхъ съ обнаженными шашками. Произошла свалка; часть рабочихъ кинулась спасаться въ фабричный корпусъ, съ чердака котораго въ полицейскихъ было брошено нѣсколько кирпичей. Городовые отступили, но на смѣну ихъ прибылъ полицеймейстеръ баронъ Будбергъ съ казаками, произвелъ облаву ма-

---

отдача непріятельскихъ женщинъ на потѣху солдатамъ, насилія надъ дѣтьми, сожженіе мирныхъ деревень и т. п., а на Кавказѣ все это входило въ программу *успокоенія* края. Въ результатѣ достигалось успокоеніе могилы: многія мѣстности богатаго края ко времени созыва народныхъ представителей, уже представляли собою пустыню.

газина и пекаренъ Филиппова, предварительно приказавъ обстрѣлять изъ винтовокъ громадный, населенный жильцами домъ. Когда отовсюду рабочіе были собраны, всѣхъ ихъ, не исключая мальчиковъ, подъ сильнымъ конвоемъ загнали въ дворъ дома градоначальника и тамъ подвергли звѣрскому полицейскому самосуду. Часа черезъ 3—4 стали возвращаться окровавленные, израненные, забинтованные люди. Они разсказали, что когда ихъ ввели въ дворъ, на нихъ бросились заготовленные во дворѣ жандармы и городовые, и принялись безъ разбора бить ихъ нагайками, прикладами, штыками и кулаками. Первую помощь оказалъ забранный въ числѣ арестованныхъ фельдшеръ пекарни. Администрація пекарни немедленнымъ медицинскимъ осмотромъ 34 израненныхъ рабочихъ установила фактъ свирѣпаго избіенія арестованныхъ.

28 и 29 числа продолжались столкновенія полиціи съ небольшими группами рабочихъ, а также побоища на дворахъ нѣкоторыхъ заводовъ.

Сентябрь закончился неожиданной смертью популярнаго общественнаго дѣятеля, ректора Московскаго университета С. Н. Трубецкого. Вызванный въ Петербургъ для объясненій по дѣламъ университета, онъ внезапно скончался въ самомъ министерствѣ. Эта смерть сразу подняла температуру общественнаго возбужденія. Въ глазахъ общества безвременная кончина кн. Трубецкого при исполненіи обязанностей, да еще въ ненавистныхъ, мертвящихъ, бюрократическихъ нѣдрахъ, являлась крупной жертвой гражданскому долгу. Еще недавно выступавшій во главѣ депутаціи къ Императору и обрисовавшій передъ Нимъ въ искренней рѣчи истинную картину политической борьбы народа съ узурпаторами верховной власти; вложившій всю свою энергію въ борьбу за автономію высшихъ учебныхъ заведеній—С. Н. Трубецкой былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые отдавали себя на служеніе обществу безраздѣльно. Его безвременная смерть среди

самоотверженной дѣятельности на благо отечества, послужила поводомъ для небывало колоссальныхъ манифестацій при проводахъ тѣла въ Петербургѣ и при похоронахъ въ Москвѣ. Закончились эти манифестаціи, по обыкновенію, кровавой расправою полиціи, отъ которой пострадала гл. образ. учащаяся молодежь.

XXXVIII.

Мирная революція.

Первая всеобщая, всероссійская забастовка, удивившая міръ, какъ новый, героическій пріемъ политической борьбы, открылась 7 окт. 1905 г. въ Москвѣ. Въ этотъ день дружно пріостановились всѣ работы на товарной станціи Моск.-Казанской жел. дороги. Забастовавшіе, не встрѣчая особеннаго сопротивленія, стали „снимать" съ работъ рабочихъ и служащихъ на другихъ дорогахъ.

Поѣзда, даже вполнѣ готовые къ отправкѣ, оставались не отправленными; въ тѣхъ случаяхъ, когда машинисты отказывались подчиниться требованію забастовщиковъ, — изъ паровозовъ выпускали пары или же препятствовали движенію другими мѣрами. Желѣзнодорожный телеграфъ оказался въ рукахъ забастовщиковъ, и съ помощью его они прекратили желѣзнодорожную дѣятельность повсюду. Въ центральномъ районѣ движеніе продолжалось еще нѣкоторое время только по Николаевской линіи, и то подъ охраной.

Приступая къ забастовкѣ, комитетъ организовавшагося желѣзнодорожнаго союза, выставилъ рядъ экономическихъ требованій и настаивалъ на немедленномъ осуществленіи правительствомъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, о которыхъ неустанно твердила вся страна, а также на амнистіи пострадавшимъ за убѣжденія и созывѣ народныхъ представителей съ законодательной властью, посредствомъ всеобщаго равна-

го, тайнаго и прямого голосованія, безъ различія пола и національности.

Къ желѣзнодорожной забастовкѣ, охватившей въ теченіе 4 дней всю сѣть россійскихъ жел. дорогъ, примкнули служащіе и рабочіе столичныхъ учрежденій, затѣмъ фармацевты, хлѣбопекарни, всѣ фабрики и заводы, большая часть ремесленныхъ заведеній; закрылись страховыя конторы, всѣ магазины, остановились занятія въ учебныхъ заведеніяхъ, прекратилась дѣятельность почты, телеграфа, телефоновъ, трамваевъ, банковъ включая и государственный, и даже судебныхъ и другихъ правительственныхъ учрежденій. Улицы столицъ и крупныхъ городовъ, съ заколоченными окнами магазиновъ, но наполненныя массами озабоченной публики, производили необычайно странное впечатлѣніе.

Въ возбужденномъ ожиданіи остановилась вся русская жизнь и русскій человѣкъ предсталъ самъ передъ собой въ совершенно новомъ свѣтѣ. Населеніе, лишенное притока продуктовъ первой необходимости, способовъ сообщенія, лѣкарствъ, освѣщенія и даже воды, за небольшими лишь исключеніями, терпѣливо переносило всѣ лишенія, сознавая важность и гражданское значеніе дѣла. Всѣ дружно содѣйствовали осуществленію этой, быстро захватившей общія симпатіи, знаменитой русской революціи. Нѣкоторый ропотъ бѣднаго населенія на чрезвычайное вздорожаніе хлѣба, дровъ и мяса (доходило до 40 к. ф.), больше относился къ поднявшимъ цѣны торговцамъ, чѣмъ къ упреку бастующихъ. Ворчаніе закоснѣлыхъ враговъ освободительнаго движенія ни въ комъ не встрѣчало сочувствія.

Грандіозная забастовка, длившаяся 9 дней, сопровождалась безчисленными многолюдными митингами разнообразныхъ корпорацій, собиравшихся преимущественно въ помѣщеніяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, защищенныхъ автономными правами отъ вторженія полиціи.

Но и эта мирная революція, конечно, не обошлась безъ кровавыхъ столкновеній съ полиціей и войсками

Такъ, напр., въ Харьковѣ, когда демонстранты расходясь со сходки, состоявшейся на открытомъ воздухѣ при участіи болѣе 15000 ч., при переходѣ черезъ Екатериненскій мостъ убѣдились, что набережная занята драгунами и казаками, они разбили попавшійся на пути оружейный магазинъ и захватили найденное оружіе для сопротивленія, но были встрѣчены залпами и отступили, потерявъ многихъ ранеными. На другой день въ Харьковѣ происходили митинги на паровозостроительномъ заводѣ и въ университетѣ, при чемъ въ ожиданіи нападенія войскъ были забаррикадированы Университетская ул. и Соборная площадь, а на колокольнѣ собора было вывѣшено красное знамя; въ зданіе университета, для отраженія солдатъ, демонстранты натаскали кирпичей и булыжниковъ. „Дѣло" открылось буйствомъ толпы черносотенныхъ манифестантовъ, которая, шествуя съ національными флагами и портретомъ Государя, избивала и грабила прохожихъ и студентовъ не желавшихъ снять фуражекъ. Подвиги черной сотни, разгромившей даже карету скорой медицинской помощи, были прекращены выстрѣлами прибывшихъ на помощь вооруженныхъ рабочихъ, при чемъ одинъ знаменосецъ былъ убитъ. Затѣмъ толпою былъ разбитъ оружейный магазинъ „Спортъ" и бывшее въ немъ оружіе разобрано. Прибывшіе казаки, принявъ упавшаго съ лошади офицера за раненаго демонстрантами, открыли ожесточенную стрѣльбу по народу, находившемуся на улицахъ, послѣдствіемъ чего опять получилась масса раненыхъ и убитыхъ.

„Послѣ перваго залпа кучка бѣжавшихъ, преимущественно женщинъ, протягивала руки къ скакавшимъ казакамъ, умоляя ихъ не стрѣлять, но по нимъ послѣдовало еще два залпа, а пѣхота разстрѣливала поднимавшихся съ земли. Въ другихъ мѣстахъ въ это время дѣйствовали холоднымъ оружіемъ и нагайками... Потомъ оказалось, что губернаторъ объявилъ центръ города въ осадномъ положеніи и передалъ власть ген. Мау.

Между тѣмъ, по просьбѣ образованнаго виднѣйшими общественными дѣятелями „комитета безопасности“, губернаторъ разрѣшилъ утвердить для охраны гражданъ народную милицію, и вскорѣ такіе отряды, вооруженные ружьями и револьверами, направились въ разныя части города. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не предупрежденныя войска открыли по милиціонерамъ стрѣльбу и два отряда милиціи были положительно разстрѣляны. Стрѣльба въ городѣ продолжалась до ночи, а засѣданіе „комитета безопасности,“ посвященное вопросу объ освобожденіи забаррикадированныхъ непрекращалось всю ночь“. *(Право, № 46.)*

Въ Екатеринославѣ 13 окт. происходила борьба на баррикадахъ, защищавшихся учащимися, рабочими и интеллигенціей; войска выбивали залпами защитниковъ, отражавшихъ нападенія револьверами. Было брошено также 2 бомбы.

Въ Петербургѣ предполагалось сдержать забастовку суровыми мѣрами: 12 окт. Высочайшимъ повелѣніемъ ген.-майоръ Треповъ былъ назначенъ командующимъ войсками петербургскаго гарнизона. Вступленіе въ эту должность г. Треповъ ознаменовалъ приказомъ, увѣковѣчившимъ имя сего полицейскаго полководца; было предписано, „при оказаніи сопротивленія со стороны толпы, *холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть*“. (Въ приказѣ не упоминалось даже, имѣется ли въ виду сопротивленія вооруженное или не вооруженное.) Въ это же время былъ изданъ указъ о правилахъ, на которыхъ могутъ допускаться собранія; и правительство, не принимая во вниманіе исключительности положенія, опираясь на эти правила, поспѣшило предложить совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній, чтобы сборищъ въ ихъ стѣнахъ болѣе не допускалось. Однако „академическій союзъ“, призналъ, что митинги стали составлять уже насущную потребность населенія, и постановилъ не подчиняться новому измышленію бюрократіи, невзирая на распоряженіе Трепова не допу-

скать сходокъ въ Горномъ институтѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, не останавливаясь передъ рѣшительными мѣрами, вплоть до потоковъ крови. При такихъ обстоятельствахъ забаррикадировался Технологическій Институтъ и выдерживалъ осаду войскъ всѣхъ родовъ оружія. Войска были размѣщены и вокругъ прочихъ учебныхъ заведеній; а въ ночь на 17 окт. въ больницы начали уже поступать люди тяжело избитые нагайками...

Такимъ образомъ, несмотря на угрозы и даже осуществленіе ихъ, несмотря на всевозможное полицейское насильничество, стремленіе гражданъ высказываться на собраніяхъ усиленно развивалось. И на всѣхъ разгонявшихся и вновь въ другихъ мѣстахъ собиравшихся митингахъ, вездѣ—привѣтствуя желѣзнодорожниковъ, „смѣло выступившихъ на путь революціонной борьбы съ правительствомъ за попранныя права народа",—собравшіеся заявляли о своемъ присоединеніи къ политической забастовкѣ. Только относительно забастовки наборщиковъ газетныхъ типографій былъ признанъ ея вредъ, въ смыслѣ устраненія ею прессы отъ участія въ освободительной борьбѣ; вслѣдствіе этого собраніе депутатовъ отъ 65.000 фабрично - заводскихъ рабочихъ сдѣлало воззваніе къ наборщикамъ прогрессивныхъ газетъ о необходимости продолжать эту работу.

Изъ числа другихъ городовъ, гдѣ происходили столкновенія забастовщиковъ съ войскомъ, упомянемъ объ Ригѣ, Казани и Одессѣ; въ послѣдней въ усиленной степени повторилось курское избіеніе дѣтей: учениковъ всѣхъ возрастовъ казаки и городовые били и рубили шашками. Въ Вильнѣ по улицамъ были разставлены патрули, занявшіеся избиваніемъ прохожихъ; эта мѣра, а также произведенные провокаторами выстрѣлы вызвали раздраженіе населенія. Было возбуждено ходатайство о снятіи патрулей, а когда согласія на это не послѣдовало, произошло покушеніе на губернатора, а

затѣмъ — стрѣльба солдатъ по толпѣ и отвѣтные выстрѣлы изъ револьверовъ.

Въ Твери, 17 окт., во время происходившаго въ земской управѣ собранія служащихъ губернскаго земства, въ окна управы съ улицы стали бросать камни. Оказалось, что управу окружила собранная кѣмъ-то толпа праздношатающихся подростковъ, крючниковъ и мелкихъ торговцевъ, а вожаки этой толпы заняли подъѣзды управы. Затѣмъ толпа ворвалась въ зданіе, стала выволакивать собравшихся и звѣрски избивать ихъ на глазахъ полицейскихъ чиновъ, поощрявшихъ избіеніе. *Черезъ часъ* прибылъ полицеймейстеръ Кирѣевскій и эскадронъ драгунъ, который, однако, выстроившись какъ на парадѣ, ограничился наблюденіемъ происходившаго. Лужи крови залили снѣгъ и ступени подъѣздовъ; полумертвыя жертвы переносились въ госпиталь. Черносотенные агитаторы тутъ же распространяли слухъ, будто земскіе служащіе вынесли на балконъ портретъ Государя и здѣсь разорвали его. Когда же оказалось, что портретъ цѣлъ, а дверь на балконъ замазана и вовсе не могла быть открыта, то общество потребовало отъ властей опроверженіе злокозненной лжи провокаторовъ, но въ исполненіи сего было отказано... Во время „патріотической“ расправы площадь оглашалась ревомъ черносотенныхъ палачей и раздирающими душу криками отчаянія прибывшихъ сюда родственниковъ избиваемыхъ; и на ихъ глазахъ изверги, чтобы заставить выйти на растерзаніе или же сжечь живьемъ тѣхъ, которые хотѣли спастись, запершись на чердакѣ, — облили керосиномъ и подожгли мебель и полы управы... „Управа запылала, а прибывшій губернаторъ Слѣпцовъ, начальникъ жандармскаго управленія Гноинскій и его помощникъ Бекъ спокойно смотрѣли на разгоравшійся пожаръ“... Выбѣгавшихъ служащихъ продолжали избивать, несмотря на то, что еще раньше предсѣдатель управы Н. К. Милюковъ изъ управы просилъ губернатора, чтобы

ихъ спасли отъ толпы, и губернаторъ увѣрилъ, что мѣры къ охранѣ ихъ приняты. Въ больницу поступило 23 ч., тяжело пострадавшихъ.

* * *

Наиболѣе ярко выразилось революціонное настроеніе въ Москвѣ. Первыя столкновенія произошли близъ почтамта, при попыткѣ забастовщиковъ остановить дѣйствіе почты и телеграфа, а также на Патріаршихъ прудахъ, гдѣ собралась сходка рабочихъ. Настойчиво собирались грандіозные митинги въ университетѣ, въ техническомъ училищѣ и въ межевомъ институтѣ. Когда 14 числа студентамъ было объявлено, что зданіе Стараго университета не будетъ открыто, то студенты отвѣтили, что они изъ зданія не уйдутъ до вечера и что, несмотря на запрещеніе митингъ соберется. Къ вечеру коридоры и аудиторіи университета наполнились массами народа, въ количествѣ до 10.000 чел. и при освѣщеніи принесенными свѣчами и огарками начались дебаты о вступленіи въ активную борьбу. На этотъ разъ участники митинга разошлись безъ всякихъ инцидентовъ.

Съ 14 октября въ московской думѣ, какъ и въ Петербургѣ, въ виду крайне серьезнаго положенія, засѣданія были объявлены непрерывными и въ этотъ день обсуждались—заявленіе гл. Щепкина о необходимости гарантировать неприкосновенность предсѣдателя рабочаго правленія Красникова и заявленіе комитета корпораціи служащихъ при городской управѣ о присоединеніи ихъ къ политической забастовкѣ. Послѣ преній по этимъ вопросамъ происходили переговоры съ служащими, которые не отказываясь отъ забастовки, какъ орудія политической борьбы, и поддерживая требованія городскихъ рабочихъ, выразили согласіе на урегулированіе, при посредствѣ смѣшанной комиссіи, дальнѣйшаго теченія забастовки, въ смыслѣ устраненія излишнихъ страданій бѣднѣйшей части населенія.

Для воздѣйствія на городскихъ рабочихъ, собравшихся въ это время на митингѣ въ университетѣ, туда отправилась депутація изъ трехъ гласныхъ. Однако произнесенныя депутатами рѣчи и указанія на тяжелое положеніе горожанъ не произвели дѣйствія. Рабочіе отвѣтили, что они сами и ихъ семьи не менѣе страдаютъ отъ забастовки. Университетскій митингъ вынесъ революцію, которой предлагалъ Думѣ передать ея обязанности комитету, устроившему митингъ, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ выдачи денегъ на организацію народной милиціи.

15 октября положеніе въ Москвѣ обострилось еще больше. Съ утра толпы забастовщиковъ ходили по улицамъ, принуждая закрывать тѣ магазины, гдѣ еще пытались торговать. Гнусная травля учащейся молодежи была устроена торговцами Охотнаго ряда; здѣсь было избито не мало студентовъ; побоище это вызвало бойкотъ искони черносотеннаго рынка со стороны интеллигентныхъ покупателей.

Почти одновременно, противъ зданія Думы, на мирно стоявшую публику полицейскимъ приставомъ были пущены конные драгуны съ обнаженными шашками; рубили разбѣгавшихся безоружныхъ людей, а сшибленныхъ лошадьми били городовые... Пострадавшихъ доставили въ Университетъ, гдѣ устроился перевязочный пунктъ. А въ виду выраженнаго черносотенными „патріотами“ намѣренія громить университетъ и поголовно уничтожать студентовъ, масса учащихся и рабочихъ заняла университетскія помѣщенія и забаррикадировала дворъ, приготовляясь къ оборонѣ. Вечеромъ эта мѣстность представляла оригинальную картину: университетъ съ развивавшимся надъ нимъ флагомъ краснаго креста, освѣщался отблесками пылавшихъ во дворѣ костровъ, вокругъ которыхъ хлопотали группы молодежи; снаружи всѣ зданія университета были оцѣплены солдатами.

Въ то время когда передъ зданіемъ Думы полиція

при помощи драгунъ побѣждала, безоружную публику, тамъ шло засѣданіе, обсуждавшее при участіи представителей различныхъ организацій и общественныхъ группъ, вопросъ объ учрежденіи городской милиціи. Во время преній представитель Московскаго университета заявилъ о необходимости поручить милиціи и охрану университета, но депутатъ отъ центральной студенческой организаціи объяснилъ, что организація эта, имѣя вооруженную дружину, будетъ защищать университетъ своими силами, при чемъ двери его будутъ открыты для каждаго желающаго найти въ немъ убѣжище. Представители крайнихъ революціонныхъ партій настаивали, чтобы Дума передала имъ свои полномочія и средства для организаціи національной гвардіи. При этомъ было высказано, что общественныя силы могутъ теперь управляться безъ вмѣшательства бюрократіи, что нужно избрать комитетъ и поручить ему управленіе Москвой. Затѣмъ были прочитаны резолюціи различныхъ группъ и партій. Нѣкоторыя изъ нихъ высказывались за немедленное образованіе въ Москвѣ временного „комитета общественной безопасности“ въ смѣшанномъ составѣ: изъ гласныхъ, представителей интеллигентныхъ группъ, представителей рабочихъ и студентовъ. Предсѣдатель объявилъ, что Дума разсмотритъ резолюціи и дастъ на нихъ свой отвѣтъ вечеромъ; представители организацій на это объявили, что они не уйдутъ изъ Думы, пока не услышатъ этого отвѣта.

Вечеромъ происходидо частное совѣщаніе гласныхъ по урегулированію забастовки, послѣ котораго состоялось, наконецъ, соглашеніе съ рабочими о возстановленіи дѣйствія водопровода.

Отвѣтъ Думы на внесенныя предложенія былъ объявленъ около 2-хъ часовъ ночи. Дума, за исключеніемъ гласныхъ С. А. Левицкаго, С. А. Муромцева и М. Г. Комиссарова, оставшихся при особомъ мнѣніи, вынесла постановленіе, въ которомъ не находила возможнымъ

принять въ полномъ объемѣ ни одного изъ предложенныхъ проектовъ по образованію общественной обороны и городской милиціи, а рѣшила въ ближайшемъ засѣданіи обсудить вопросъ объ организаціи самостоятельнаго управскаго комитета. По прочтеніи постановленія изъ среды собравшихся было высказано, что такое постановленіе обезславитъ московскую Думу передъ исторіей, и раздались крики „долой Думу", „горе вамъ, гласные"...

Независимо отъ постановленнаго Думой отвѣта, группа изъ 12 гласныхъ (Н. Н. Щепкинъ, А. Г. Голиковъ, Н. М. Столповскій, С. С. Протопоповъ, В. В. Пржевальскій, В. И. Астровъ, Г. А. Мейнгардъ, А. И. Шамшинъ, П. Н. Шустовъ, Н. М. Лазаревъ и А. П. Бруханскій) внесли въ Думу слѣдующее предложеніе: 1) немедленно организовать комитетъ безопасности, для обезпеченія неприкосновенности личности, жилища и имущества гражданъ; для защиты освободительнаго движенія и достигнутыхъ имъ результатовъ отъ опасностей, ему угрожающихъ и впредь угрожать ему могущихъ, откуда бы таковыя ни исходили, для обезпеченія свободы совѣщаній и собраній, съ мирными цѣлями происходящихъ, и для возстановленія правильнаго удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей гражданъ въ продовольствіи чистой водой, освѣщеніи, отопленіи и врачебной помощи. 2) Пригласить къ участію въ составѣ означеннаго комитета московскія губернское и уѣздное земства, Московскій университетъ, моск. академическій союзъ, моск. совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ; просить примкнуть всѣ прочія организаціи и союзы. 3) Нынѣ же произвести выборы личнаго состава комитета изъ числа гласныхъ Думы. 4) Поручить „комитету" немедленно приступить къ организаціи городской милиціи, съ привлеченіемъ къ участію мѣстныхъ жителей.

Большинство гласныхъ, руководимыхъ, за болѣзнью городского головы, членомъ управы Дувакинымъ, въ

эту щекотливую для городского управленія минуту не рѣшилось признать за Думой право и обязанность выступить въ качествѣ активной руководительницы московской жизни, потрясаемой событіями; вспыхнувшая было и вызвавшая ожиданія энергія органа городского самоуправленія, затѣмъ быстро погасла, и думскія засѣданія потеряли всякій интересъ... Начало сдвиженіе вправо.

Въ моментъ назрѣвшаго кризиса состоялся учредительный съѣздъ конституціонно-демократической партіи, который въ постановленіи своемъ отъ 14 октября призналъ, что происходящее въ Россіи „безпримѣрное по размѣрамъ и по характеру движеніе организованныхъ рабочихъ массъ“ представляетъ собою явленіе огромнаго политическаго значенія, заставляющее даже „ослѣпленныхъ противниковъ понимать, что дѣло идетъ о чемъ-то несравненно болѣе серьезномъ, чѣмъ одиночныя вспышки недовольства“. Находя, что главнѣйшія политическія требованія забастовщиковъ сводятся къ цѣлямъ общимъ съ требованіями конституціонно-демократической партіи, съѣздъ заявилъ свою полную солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ. „На своемъ мѣстѣ и доступными партіи средствами она стремится къ достиженію тѣхъ же началъ (политической свободы гражданъ, всеобщаго голосованія и общей политической амнистіи) и, подобно всѣмъ остальнымъ борющимся группамъ, рѣшительно отказалась отъ мысли добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями правительственной власти. По тѣмъ или другимъ причинамъ эта власть, плохо освѣдомленная и еще хуже подготовленная къ удовлетворенію запросовъ времени, съ трудомъ собирается сдѣлать сегодня то, что нужно было дѣлать вчера, и такимъ образомъ всегда приходитъ слишкомъ поздно. Она провозглашала децентрализацію губернаторской власти, когда Россія требовала политической свободы. Она объявляла вѣротерпимость, но въ предѣлахъ *существу-*

ющихъ законовъ. Она обѣщала ввести перемѣны, потребность въ которыхъ назрѣла, и въ то же время объявила потребность въ народномъ представительствѣ — минутнымъ увлеченіемъ. Она, наконецъ, согласилась признать серьезность этого увлеченія и попробовала (6 августа) удовлетворить его цензовымъ придаткомъ къ бюрократическому органу законодательства. Довѣріе къ обѣщаніямъ правительства въ конецъ подорвано этими безконечными проволочками и политическими подтасовками. Русскій народъ усталъ ждать и не хочетъ болѣе терпѣть надъ собой бюрократическихъ упражненій въ реформахъ. Русскій народъ достаточно богатъ зрѣлыми политическими силами, и онъ болѣе не нуждается въ опекѣ временщиковъ. Вопросъ теперь уже не въ томъ — быть или не быть въ Россіи политической свободѣ, и не въ томъ, согласятся ли ее ввести сверху. Вопросъ только въ томъ, осуществится ли свобода путемъ насильственнымъ или мирнымъ, путемъ стихійнаго взрыва или организованнаго дѣйствія народной силы. И съ этой точки зрѣнія конституціонно-демократическая партія горячо привѣтствуетъ крупный шагъ народа на томъ пути, на которомъ стоитъ сама: организованное мирное и въ то же время грозное выступленіе русскаго рабочаго класса, политически безправнаго, но общественно могучаго. Отъ правительства зависитъ открыть широкій путь этому торжественному шествію народа къ свободѣ,—или превратить его въ кровавую бойню. Наученное опытомъ 9 января, правительство можетъ быть, остережется повторить его и не рѣшится еще разъ заслужить эпитетъ убійцъ. Но если оно все-таки это сдѣлаетъ, пусть оно знаетъ, что все, что есть въ Россіи просвѣщеннаго и сознательнаго, стоитъ на сторонѣ народа"... (*Право* № 46).

Однако противъ мирнаго разрѣшенія кризиса уже работали темныя силы. Прекращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія изолировало центры и потому изъ провинціи

не приходило никакихъ извѣстій о томъ, что предприняли тамъ эти темныя силы, но въ Москвѣ ихъ „патріотическія“ заботы выразились въ достойномъ ихъ планѣ: вызвать междоусобицу, воздѣйствуя церковной проповѣдью; съ подогрѣтыми такимъ путемъ чувствами, былъ замышленъ крестовый походъ организованныхъ при приходахъ „патріотическихъ“ сотенъ противъ бастующихъ собратьевъ. Замыселъ этотъ выразился опубликованнымъ въ *Моск. Вѣдомостяхъ, Моск. Листкѣ* и въ *Русскомъ Листкѣ* „постановленіемъ“ *Союза русскихъ людей*, въ составѣ котораго числились м. пр. г. Грингмутъ съ комплектомъ сотрудниковъ, С. Ф. Шараповъ, кн. А. Г. Щербатовъ, А. С. Шмаковъ и т. п. Почтенный этотъ „союзъ“ находя необходимымъ дать отпоръ „смутѣ“ собственными соединенными усиліями постановилъ: предложить всѣмъ русскимъ людямъ образовать повсюду приходскіе „комитеты порядка“, для чего всѣ благомыслящіе жители должны собраться въ свои приходскіе храмы ко всенощной въ субботу 15 октября; послѣ всенощной должно было послѣдовать избраніе членовъ приходскихъ комитетовъ, при чемъ канцеляріи этихъ комитетовъ развязно предполагалось устроить въ квартирахъ приходскихъ священниковъ; комитеты, избравъ предсѣдателей съ „самой широкой властью“, безотлагательно должны были приступить къ вербовкѣ „патріотовъ“, преданныхъ бюрократическому строю, для мобилизаціи дружинъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ „личную и непосредственную борьбу со смутой“. Публикуя свой призывъ къ походу съ крестомъ и ножомъ, „Союзъ русскихъ людей“ выразилъ надежду, что „комитетамъ не придется прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ воздѣйствія, т. к. „бунтарямъ“ станетъ ясно, что идти противъ проснувшейся огромной (черносотенной) силы было бы безуміемъ“. Хотя руководители „попятнаго движенія“ поспѣшили вывести только предполагаемый ими итогъ своихъ „огромныхъ силъ“, опасность воззванія въ смыслѣ

вызыва кровопролитія и погромовъ оказалась настолько велика, что, уступая взрыву общаго негодованія, членъ союза московскій митрополитъ Владиміръ принужденъ былъ опубликовать заявленіе такого рода: „Московское столичное духовенство *обязывается* на воскресной литургіи, имѣющей быть 16 октября, къ точному исполненію лишь того, о чемъ получитъ *опредѣленное распоряженіе* отъ епархіальнаго начальства. Допущеніе производства какихъ-либо выборовъ въ храмахъ епархіальное начальство признаетъ неудобнымъ". Одновременно съ этимъ вынужденнымъ заявленіемъ духовной власти, нѣсколько сдержавшимъ развязность „патріотовъ", но все-таки предувѣдомлявшимъ москвичей о какомъ-то готовящемся сюрпризѣ, громко заявила свой протестъ и часть самаго духовенства. Она выразила негодованіе противъ попытки засѣдавшихъ въ „коннозаводствѣ" руководителей черносотеннаго движенія не только принудить священниковъ къ участію въ гнусномъ замыслѣ, а храмы обратить въ притоны заговорщиковъ,—но и ворваться въ жилища ихъ, какъ въ мѣста наиболѣе удобныя для цѣлей охранительной клики.

Сюрпризъ епархіальныхъ властей выяснился изъ слѣдующаго распоряженія, разосланнаго настоятелямъ московскихъ храмовъ: „1905 года, октября 14, № 9514. Въ воскресенье 16 октября, во всѣхъ церквахъ города Москвы послѣ литургіи, по распоряженію его высокопреосвященства, долженъ быть совершонъ молебенъ о прекращеніи тяжелой смуты народной, при чемъ должны быть вознесены особыя прошенія и произнесено передъ началомъ молебна особое поученіе, текстъ котораго при семъ прилагается". Особымъ поученіемъ оказалось напечатанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слово „извѣстнаго" епископа Никона.. Закабаленное бюрократіей духовенство все-таки „*обязывалось* къ точному исполненію" одной изъ деталей плана „союза русскихъ людей"; духовнымъ отцамъ циркулярно предписано было, не слушая голоса собственной совѣсти и убѣжденій

разума, проникнуться взглядами политиканствующаго епископа, оно *обязывалось*, отстраняя положенныя для подобныхъ случаевъ молитвы, „вознести прошенія“, сочиненныя его начальствомъ, сочиненныя повидимому въ силу признанія собственнаго духовнаго преимущества. Но на этотъ разъ высоконравственному епархіальному „начальству“ довелось потерпѣть сугубое пораженіе. Во-первыхъ, многіе изъ священниковъ черезъ газету *Русское Слово* громко заявили „о своей полной несолидарности съ тѣмъ возмутительнымъ и по содержанію, и по тону рѣчи поученіемъ, которое ихъ обязывали читать“, а самое это дѣйствіе епархіальной власти признали насиліемъ надъ ихъ пастырской совѣстью. Во-вторыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ церквей, гдѣ настоятели ихъ произнесли поученіе „смиреннаго“ епископа,—ихъ своды огласились воплями и бранью; произнесенная съ амвона политическая проповѣдь, вызвала возраженія, а затѣмъ звѣрскія расправы молитвенно настроенныхъ „патріотовъ“ съ тѣми, кто имѣлъ мужество протестовать противъ клеветы... въ храмахъ раздались стоны избиваемыхъ и ругательства фанатиковъ; священнику Алексѣевскаго монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, едва удалось спасти отъ растерзанія на церковной паперти человѣка, котораго озвѣрѣвшая толпа доколачивала ногами; въ церкви Стараго Пимена былъ изувѣченъ студентъ за то, что сказалъ священнику: „не мѣсто въ церкви произносить такія проповѣди“... Послѣдствія епархіальныхъ поученій, „призывающихъ къ насиліямъ темную толпу“, заставили городскую думу обратиться къ митрополиту съ предложеніемъ принять мѣры противъ возбужденія вражды церковными проповѣдями.

16-е октября, день осады Московскаго университета, впрочемъ ознаменовался и другими подвигами „охранителей“; небольшія шайки черносотенныхъ патріотовъ заняли нѣкоторые наблюдательные пункты, приготовясь къ расправѣ при участіи полиціи. Центръ операцій

составляли окрестности университета, противъ котораго въ „манежѣ“ были расположены казаки. За дни 15—17 окт. газеты дали длинный рядъ писемъ свидѣтелей творившихся здѣсь насилій. Одинъ очевидецъ, жившій въ домѣ противъ манежа, сообщилъ „Русск. Вѣдомостямъ“ (№ 272), свои наблюденія надъ подвигами доблестныхъ казаковъ. „Цѣлый день 16 октября казаки вновь введеннаго въ Моску донского полка развлекались избіеніемъ проходившей мимо манежа, вдоль Александровскаго сада, публики; насчитано *62* случая единичныхъ избіеній. Казаки, намѣтивъ жертву, подкрадывались и начинали хлестать нагайками по лицу и по головѣ. Люди падали въ грязь, кричали, но ихъ продолжали бить лежачихъ. Наименьшее число ударовъ доставшихся одному было 3, наибольшее—16 (студенту, котораго били два казака). Между прочимъ въ кровь былъ избитъ мальчикъ лѣтъ 13 (повидимому, посыльный). Полиція присутствовала безмолвно. Офицеры смѣялись, а толпа казаковъ при каждомъ ударѣ поощряла товарищей сочувственными криками. Избиваемыя лица ничѣмъ не вызывали казаковъ на подобное избіеніе“. Это обличеніе, подписанное очевидцемъ, съ указаніемъ адреса, не вызвало никакихъ опроверженій. Впрочемъ насилія подобнаго характера, хотя бы и совершенныя надъ мирными прохожими въ количествѣ 62-хъ случаевъ въ одинъ и тотъ же день, на одномъ и томъ же пунктѣ, еще не представляли собою тѣхъ „настоящихъ звѣрствъ“, совершавшихся въ столицѣ, примѣръ которыхъ приводится далѣе; быть можетъ, здѣсь выразилась даже забота властей о безопасности населенія, въ смыслѣ предупрежденія забавами той чрезмѣрной *нервности* войскъ, которая впослѣдствіи констатировалась для оправданія невѣроятной жестокости „семеновцевъ“. Характерный случай казачьей нервозности описанъ очевидцемъ въ № 271 *Русск. Вѣд.:* Вслѣдствіе столкновенія, произшедшаго близъ Симонова монастыря между городовыми и рабочими, туда были

присланы казаки. „Нѣсколько казаковъ, пригнувшись къ сѣдламъ, понеслось по направленію къ Крутицамъ, большая же часть ихъ подъѣхала къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли. На откосѣ пути лежалъ человѣкъ. Окруживъ лежачаго, казаки (которыхъ было нѣсколько десятковъ) попеременно стали бить его нагайками и такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ, осталось только два казака; одинъ изъ нихъ слѣзъ, какимъ-то образомъ принудилъ свою жертву сѣсть и сталъ бить нагайкой по головѣ. Послѣ одного-двухъ ударовъ жертва свалилась. Казакъ сѣлъ на лошадь и *поѣхалъ черезъ лежачаго;* то же сдѣлалъ и другой. Видно было, какъ они крутили лошадей, желая раздавить несчастнаго, но умное животное оказалось благороднѣе созданнаго по образу Божію... Проходившіе мимо рабочіе говорили, что это—женщина, у которой нашли револьверъ. Натѣшившись, казаки зарядили свои винтовки и выѣхали на гору. Подойдя мы удостовѣрились, что изувѣченная — дѣйствительно женщина. Опредѣлить возрастъ по лицу было невозможно, оно было сильно избито, а на мѣстѣ лѣваго глаза кровавая масса... Тѣло еще дышало“... Таковъ былъ режимъ, установленный казаками, разсѣянными бюрократіей по всей землѣ русской, въ ожиданіи созыва булыгинской Государственной Думы.

Осада Московскаго университета была снята утромъ 17 окт., при чемъ забаррикадировавшіеся въ немъ согласились выйти только всей массой и при условіи гарантій отъ арестовъ и обысковъ. Выходившіе, въ числѣ около 1500 ч., среди которыхъ было много женщинъ, построились густой коллоной передъ университетомъ, и стройно двинулись, предшествуемые ректоромъ съ нѣсколькими профессорами и пом. градоначальника г. Рудневымъ; у Никитскихъ воротъ всѣ стали расходиться группами.

XXXIX.

Манифестъ 17 октября и первые дни свободы.

Задержанная на полномъ ходу машина государственной и экономической жизни громадной страны, казалось, не могла выдержать и двухъ-трехъ дней дальнѣйшаго напряженія. Каждый часъ приносилъ неисчислимые убытки и создавалъ невѣроятныя осложненія въ общественныхъ отношеніяхъ и запутанность во всѣхъ дѣлахъ. Всѣ обыденныя заботы были забыты и люди жили исключительно нервами, ежеминутно ожидая разрѣшенія кризиса... Наконецъ, онъ послѣдовалъ, и все моментально преобразилось. Вѣсть о манифестѣ въ столицахъ распространилась къ ночи на 18-е октября, а утромъ всѣ убѣдились въ совершившемся событіи изъ газетъ.

Высочайшій манифестъ, данный въ Петергофѣ 17 октября и исходившій, попрежнему, отъ Императора и Самодержца, былъ изложенъ такъ:

„Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

„Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государствен-

ной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ".

Одновременно съ манифестомъ были опубликованы Высочайшее повелѣніе предсѣдателю комитета министровъ, графу Витте, принять мѣры къ объединенію дѣятельности министровъ и всеподданнѣйшій докладъ его. Въ своемъ докладѣ гр. Витте устанавливалъ, что волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, имѣетъ корни въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями и внѣшними формами жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому, на основѣ гра-

жданской свободы... Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи чрезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правоваго строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. При этомъ, однако гр. Витте, находилъ, что принципы правоваго порядка могутъ воплощаться лишь постольку, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку — гражданскій навыкъ; что сразу пріуготовить страну со 135 мил. населенія и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію нормъ правоваго порядка не по силамъ никакому правительству. А потому, чтобы водворить порядокъ въ странѣ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность. Далѣе гр. Витте считалъ важнымъ реформацію государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

„Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, — писалъ въ своемъ докладѣ гр. Витте,—я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами: 1) прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы; 2) стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній, 3) согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства; 4) устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству, и 5) противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законы и въ духовномъ (?) единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества. Осуществленіе поставленныхъ задачъ гр. Витте находилъ возможнымъ лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ (?) спокойствіи. Докладъ гр. Витте

надписью Императора: „Принять къ руководству“, былъ обращенъ въ правительственную программу.

Вскорѣ обнаружилось, какъ намѣрены были выполнять гг. бюрократы и эту волю Государя. Прежде всего у самого гр. Витте оказался своеобразный взглядъ на столь цѣнимую имъ „искренность“, вслѣдствіе чего „обращеніе къ широкому и дѣятельному содѣйствію общества“ выразилось наипаче въ „духовномъ единеніи“ администраціи съ тѣми „благоразумными патріотами“, которые всячески старались мѣшать освободительному движенію. Пунктъ 5-й этой программы подсказалъ реакціонерамъ ихъ задачу; они хорошо знали, что совѣтъ „опираться на законы“ будетъ составлять пустой звукъ, пока существуетъ только „стремленіе“ къ устраненію исключительныхъ законоположеній, а не указъ объ ихъ совершенной отмѣнѣ. Условія же для возбужденія массъ оказались налицо: при провозглашеніи свободъ и неприкосновенности ни слова не упоминалось о давно жданной амнистіи, а равно осталось безъ удовлетворенія требованіе всеобщаго избирательнаго права.

* * *

Въ Петербургѣ, въ день подписанія манифеста, уже съ 12 ч. ночи стали появляться отдѣльныя группы манифестантовъ и слышны были раскаты „ура“. Изъ университета двинулась по Невскому группа студентовъ; по дорогѣ къ ней стали примыкать другія группы молодежи и рабочихъ, и около Думы образовалась толпа уже въ тысячу человѣкъ. Впереди толпы на извозчикѣ везли красное знамя. На мѣстахъ, гдѣ была пролита народная кровь 9 января, процессія останавливалась, и всѣ, обнаживъ головы, пѣли „вѣчную память“. Городовые и дворники, встрѣчая процессію снимали шапки и не проявляли никакихъ стремленій къ прекращенію манифестаціи. Толпа, пройдя съ пѣніемъ марсельезы до угла Литейнаго, рѣшила идти къ дому предварительнаго

заключенія, чтобы увѣдомить заключенныхъ о близкой свободѣ. По дорогѣ манифестанты остановились у дома К. П. Побѣдоносцева и пропѣвъ марсельелу, двинулись далѣе. У окружнаго суда однимъ изъ участниковъ была произнесена горячая рѣчь по адресу суда, который такъ часто попиралъ истинное право и служилъ цѣлямъ административно-полицейскаго произвола. У дома предварительнаго заключенія раздались звуки марсельзы, а затѣмъ громовое „ура", длившееся нѣсколько минутъ. Затѣмъ толпа мирно разошлась, унося самое свѣтлое впечатлѣніе отъ этой первой свободной манифестаціи. *(Наша Жизнь).*

Въ Москвѣ вѣсть о манифестѣ распространилась съ изумительной быстротой утромъ 18-го. Народъ со всѣхъ концовъ столицы потянулся къ Театральной площади и здѣсь состоялся первый колоссальный народный митингъ, прибывшій на площадь пом. градонач. г.-м. Рудневъ привѣтствовалъ манифестантовъ и на требованіе убрать полицію сказалъ, что полиція имъ мѣшать не будетъ. Ректоръ университета пр. Мануйловъ, одинъ изъ первыхъ обратился къ толпѣ съ политической рѣчью, указывавшею на важность момента и на то, что полученіе свободъ есть результатъ огромнаго общественнаго движенія, въ которомъ одну изъ первыхъ ролей сыграла, единственная въ мірѣ по способности къ самопожертвованію, наша молодежь. Затѣмъ рѣчи перешли на тему о необходимости, для полноты торжества, амнистіи пострадавшихъ въ борьбѣ за свободу. Во время митинга здѣсь дважды проѣхало войско—драгуны и казаки; драгунъ встрѣтили свистками, а казаковъ приставъ попросилъ повернуть обратно. Затѣмъ масса манифестантовъ съ красными флагами и революціоннымъ пѣніемъ отправилась по Тверской къ дому ген.-губернатора съ требованіемъ освобожденія административно-заключенныхъ и съ ходатайствомъ объ амнистіи. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ первое было исполненно въ тотъ же день; выпускаемыхъ изъ тюремнаго замка при-

бывшая къ нему толпа встрѣчала криками „ура“ и пропускала ихъ чрезъ арки изъ склоненныхъ красныхъ флаговъ... Весь день въ Москвѣ шло ликованіе, и магазины были закрыты, хотя забастовка прекратилась немедленно сама собой.

Такъ же восторженно и мирно прошли первые часы русской конституціи по всей Россіи. Вездѣ митинги на открытомъ воздухѣ *), смѣшавшіе въ одну оживленную массу людей всѣхъ состояній и возрастовъ, вездѣ горячія и иногда черезчуръ горячія рѣчи, вездѣ красные флаги, какъ эмблема отвоеванной свободы... Но въ этомъ оживленномъ сознаніемъ побѣды торжествѣ наблюдатели могли подмѣтить не участвовавшихъ въ немъ, но все-таки вынесенныхъ общимъ теченіемъ на улицы, людей мрачно посматривавшихъ на ликованіе колоссальной массы „внутреннихъ враговъ“. Еще моментъ, и эти рабы созданныхъ себѣ кумировъ, поклонники властнаго кулака, выступили яростными палачами людей, не смогшихъ сдержать своего безграничнаго энтузіазма. *Имъ*, выступившимъ со злобой старательно подогрѣтаго фанатизма и въ безумствѣ нравственнаго убожества, предоставлена была также полная „свобода“ *дѣйствій* и даже, съ поощреніемъ. Явное поощреніе дикаго разгула привлекло въ лагерь черной сотни толпы любителей безнаказаннаго измывательства надъ студентами и интеллигенціей. И тотчасъ же надъ страной, по опредѣленному плану, разразился потокъ организованныхъ варварскихъ погромовъ.

Столкновенія властей съ манифестантами въ нѣкоторыхъ городахъ начались уже 18-го. По сообщеніямъ „Руси“, въ Петербургѣ около 11 ч. у. собрался совер-

---

*) *Въ Варшавѣ* 24 окт. состоялся колоссальный митингъ, кончившійся шествіемъ, въ которомъ участвовало около 250.000 человѣкъ. Очень многолюдные митинги собирались и въ селахъ, какъ напр., въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Дмитровскомъ, Бендерскомъ и Чистопольскомъ. Въ послѣднемъ происходили демонстраціи и служились панихиды по павшимъ борцамъ за свободу.

шенно мирный митингъ у технологическаго института. Говорились рѣчи, были красные флаги. Находившійся вблизи эскадронъ конной гвардіи, высылая разъѣзды, старался не допускать скопищъ, но вотъ командывавшій коннымъ отрядомъ *корнетъ* Фроловъ, несмотря на запрещеніе ближайшаго начальника, произвелъ настоящую кавалерійскую атаку, всѣмъ эскадрономъ, на мирно стоявшую толпу, при этомъ лично зарубилъ шашкою профессора Тарле... Дальнѣйшія манифестаціи вызывали приказъ г. Трепова по войскамъ петербургскаго гарнизона не допускать къ себѣ толпы или процессіи ближе полутораста шаговъ, открывая огонь на этомъ разстояніи. Тысячныя толпы демонстрантовъ, украшенныхъ красными перевязями и значками, не подозрѣвая опасности, ходили по всему городу и не встрѣчали препятствій громкому выраженію восторговъ. Когда же одна толпа подошла къ Гороховской улицѣ, неожиданно изъ казармъ Семеновскаго полка вышелъ отрядъ и преградилъ путь шествію. Солдаты продѣлали ружейные пріемы и вложили патроны. Въ толпѣ произошло замѣшательство, но первое время царило недоумѣніе... Вдругъ, по командѣ офицера, солдаты свернули фронтъ, затѣмъ растянулись цѣпью и дали четыре залпа. Въ то же время появился сзади конный отрядъ. Паника усилилась; передняя часть процессіи устремилась на Семеновскій мостъ и была у Садовой встрѣчена новымъ отрядомъ конногвардейцевъ, который дѣйствовалъ шашками. Публику бросившуюся въ Лештуковъ переулокъ, избивали дворники кулаками; а тѣ, которые кинулись въ ворота Московскаго частнаго дома, преимущественно женщины, были встрѣчены пожарными, съ ломами въ рукахъ, подъ командой своего начальника. Въ тотъ же день произошелъ разстрѣлъ казаками рабочихъ путиловскаго завода за Нарвской заставой, когда они съ пѣніемъ вышли изъ воротъ завода праздновать первый день свободы. Толпа встрѣченная залпами и не ожидавшая ничего подобнаго, въ ужасѣ ринулась во всѣ стороны,

оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ. Вечеромъ въ петербургскомъ университетѣ состоялся рядъ митинговъ, на которыхъ приняты слѣдующія требованія: 1) полная политическая амнистія, 2) отмѣна смертной казни, военнаго положенія и усиленной охраны, 3) учрежденіе милиціи, управляемой „Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ", 4) удаленіе Трепова, и 5) удаленіе войскъ изъ Петербурга.

Съ вечера 18-го окт. начались „патріотическіе" подвиги черной сотни, выразившіеся избиваніемъ попадавшихся студентовъ и евреевъ, а также интеллигенціи вообще; такимъ образомъ, въ ночь на 19-е только на Сѣнной площади было избито около 40 ч. Показаніями очевидцевъ удостовѣрено, что полиція ходила по мелкимъ торговцамъ Сѣнного рынка и убѣждала ихъ дать отпоръ манифестантамъ съ красными флагами, а затѣмъ полицейское начальство даже выражало имъ свою благодарность.

Большая гнусность была произведена въ Петербургѣ утромъ 19 ч. Въ то время, когда въ университетъ собралось много народа, въ ходъ въ него былъ занятъ отрядомъ кирасиръ, а собравшимся предложено было удалиться изъ университета, при чемъ по требованію студентовъ полицейскіе пристава совмѣстно съ офицерами-кирасирами, гарантировали публикѣ безпрепятственный выходъ. Но когда довѣрившаяся публика стала выходить поодиночкѣ, ее подвергли нещадному избіенію; кирасиры били нагайками, давили лошадьми и пр. Въ этотъ моментъ къ университету подъѣхалъ студентъ; не зная въ чемъ дѣло, онъ напривился ко входу. „Бей его!" закричалъ офицеръ и 5 кирасиръ во весь опоръ ринулись на студента; когда несчастный бросился спасаться и полѣзъ на рѣшетку, налетѣвшій кирасиръ нанесъ ему сильный ударъ шашкой, и студентъ, заливъ тротуаръ кровью, навзничь повалился мертвымъ *(Наша Жизнь)*. Въ тотъ же день противъ Казанскаго собора носился эскадронъ жандармовъ съ двумя ротмистра-

ми во главѣ, разгоняя саблями собиравшуюся въ группы публику. Жандармы потѣшались надъ публикой и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, отрядъ пьяныхъ жандармовъ рысью кинулся на прохожихъ, шедшихъ по тротуарамъ около Доминика, и избилъ нагайками женщинъ и дѣтей. У одного избитаго студента-санитара оказалось, кромѣ кровоподтековъ отъ нагаекъ, 11 колотыхъ и рѣзанныхъ ранъ. Вооруженное безчинство охранителей порядка и черносотенная агитація избіенія учащихся и интеллигенціи вызвали въ Петербургѣ панику и усиленный выѣздъ за границу.

Въ Москвѣ 18-го окт. былъ звѣрски убитъ ветеринарный врачъ Бауманъ, одинъ изъ видныхъ руководителей соціалъ-демократовъ; онъ былъ убитъ въ то время, какъ ѣхалъ на извощикѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, впереди толпы, шедшей освобождать политическихъ заключенныхъ. Событіе это дало поводъ къ невиданной въ Европѣ по грандіозности политической демонстраціи, въ видѣ первыхъ въ Россіи гражданскихъ похоронъ. Московскія административныя власти по ходатайству особой депутаціи и въ виду обѣщанія руководителей процессіи поддерживать порядокъ своими заботами, дали согласіе не допускать по пути шествія ни нарядовъ полиціи, ни войска, ни казаковъ. И процессія, привлекшая до 200 тысячъ провожатыхъ, прошла чрезъ всю Москву въ образцовомъ порядкѣ. Всѣ участники шествія были распредѣлены по группамъ организацій, учрежденій и заводовъ; они шли правильными рядами, взявшись подъ руки, по 10 чел. въ рядъ, и каждая группа несла красное знамя или щитъ съ революціонной надписью. Всѣхъ знаменъ, флаговъ и щитовъ было до 300 и, кромѣ того, до 100 вѣнковъ. Эта безконечная процессія, шедшая всю дорогу съ пѣніемъ „похороннаго марша“ и „марсельезы“, съ обѣихъ сторонъ отдѣлялась отъ зрителей цѣпью взявшейся за руки самой разнообразной публики. Колоссальная процессія растянулась на такое пространство, что чтобы пропу-

стить ее отъ начала до конца, нужно было два часа времени; въ общемъ она представляла собою медленно двигающуюся черную массу, надъ которой извивалась красная полоса значковъ и лентъ. Противъ консерваторіи къ процессіи присоединился огромный оркестръ съ краснымъ знаменемъ, который и сопровождалъ ее, играя маршъ. Ходившіе слухи о готовившемся нападеніи черносотенцевъ, чтобы произвести избіеніе учащихся во время этихъ похоронъ, не оправдались; повидимому, планъ, въ виду грандіозности шествія, былъ отмѣненъ. Двигавшемуся въ хвостѣ процессіи въ нѣсколькахъ фургонахъ санитарному отряду не понадобилось на этотъ разъ оказывать помощи пострадавшимъ. Однако частичное выполненіе черносотеннаго плана все-таки произошло въ ту же ночь, такъ сказать изъ-за угла... По сообщенію „Русск. Слова", уже съ 6 ч. веч. вблизи университета стали собираться кучки полупьяныхъ черносотенцевъ. Въ центрѣ одной кучки стоялъ вышедшій изъ манежа (гдѣ былъ расположенъ отрядъ вновь введеннаго въ Москву казачьяго полка) казачій офицеръ и о чемъ-то совѣщался съ обступившей его вплотную толпой. Въ 11 ч. в., когда къ университету стали подходить возвращавшіяся съ похоронъ группы молодежи, изъ толпы черносотенцевъ раздался залпъ. Произошла паника, но подоспѣвшая часть боевой дружины обратила стрѣлявшихъ въ бѣгство. Видя однако, что черносотенцы прибываютъ со всѣхъ сторонъ, студенты бросились къ воротамъ университета, но они оказались запертыми. Въ этотъ моментъ откуда-то прозвучалъ рожокъ, и тотчасъ же изъ дверей и оконъ манежа пошла трескотня казачьихъ винтовокъ. Въ результатѣ 6 убитыхъ и до 30 тяжело раненыхъ (у одного 8 пулевыхъ отверстій на спинѣ). Разслѣдованіемъ этого случая установлено, что во время стрѣльбы въ манежѣ находились и. д. полицеймейстера и пом. пристава (*Право*). Подвиги черносотенцевъ продолжались и слѣдующіе дни; такъ, 22-го сдѣлано нападеніе на зданіе юридическаго

факультета, гдѣ помѣщался временный лазаретъ, а на разныхъ улицахъ происходили звѣрскія убійства и истязанія людей, при чемъ лица, натравливавшія толпы сброда, старались держаться въ сторонѣ, а полицейскіе не только не принимали мѣръ къ прекращенію дикой травли, но даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, помогали излавливать спасавшихся. Между жертвами черносотенныхъ патріотовъ оказался одинъ изъ героевъ отряда Мищенко, георгіевскій кавалеръ сотникъ Ивановъ, убитый за то, что передъ черносотенной процессіей не снялъ шапку, а только взялъ „подъ козырекъ". Изъ массы другихъ „патріотическихъ" звѣрствъ, совершонныхъ въ Москвѣ, не изгладится изъ памяти москвичей мученическая смерть студента инженернаго института Лопатина, который на глазахъ тысячной толпы „патріотовъ" шествовавшей къ Замоскворѣчью съ пѣніемъ „спаси, Господи, люди Твоя", буквально живьемъ былъ растерзанъ, брошенъ съ Каменнаго моста въ Москву-рѣку и добитъ камнями, когда всплылъ надъ ледяной водой. Вина Лопатина состояла въ томъ, что когда его, ѣхавшаго въ закрытой пролеткѣ, остановили и заставили снять передъ толпой шапку, несчастный молодой человѣкъ отказался подчиниться насилію и приготовился защищаться бывшимъ при немъ револьверомъ. Послѣ совершенія этого ужаснаго преступленія „патріоты" съ пѣніемъ гимна и молитвъ направились служить молебенъ въ ближайшую часовню.

Особенной грандіозностью черносотенныхъ звѣрствъ и явнымъ попустительствомъ къ нимъ мѣстной администраціи отличилась *Одесса*. Извѣстіе о манифестѣ здѣсь, какъ и вездѣ, было встрѣчено общимъ восторгомъ. Бульваръ и лучшія улицы были залиты ликующей публикою, украсившейся красными розами и гвоздикой. Чинно проходившія съ пѣніемъ и красными знаменами процессіи публика привѣтствовала крикомъ „ура"! Генералъ Кульбарсъ съ подъѣзда своего дома произнесъ рѣчь, которую закончилъ фразой: „Да здрав-

ствуетъ Россія и свободный русскій народъ". Волненіе началось съ того момента, какъ толпа демонстрантовъ, прибывшая къ дому градоначальника Нейдгарта просить освобожденія политическихъ арестантовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовала выдачи труповъ, украденныхъ ночью изъ еврейской больницы. Воспоминаніе объ этомъ полицейскомъ дѣяніи вызвало взрывъ негодованія людей, теперь почувствовавшихъ себя свободными, и по адресу г. Нейдгарта понеслись проклятія... Но насилій со стороны демонстративныхъ группъ нигдѣ не производилось. И вотъ, среди ликовавшаго въ центрѣ города населенія пронеслась ужасная вѣсть: „на Гальницкой рѣжутъ евреевъ"... Тамъ переодѣтые полицейскіе водили хулигановъ на евреевъ—враговъ Царя и отечества. Утро 19-го началось росказнями о совершаемыхъ евреями поруганіяхъ святынь и царскихъ портретовъ, пущенными въ ходъ по одномъ шаблону, какъ и въ другихъ городахъ южныхъ губерній. Въ этотъ день одесскій градоначальникъ промчался къ своему дому, стоя въ коляскѣ, въ мундирѣ, размахивая треуголкой съ крикомъ „ура". Передъ градоначальникомъ имѣлся царскій портретъ, а коляску эскортировало нѣсколько казаковъ... Вѣсти, приходившія съ окраинъ города, ужасали. Убійства, истязанія и всякія измывательства надъ еврейскимъ людомъ заслонили собою денное ограбленіе квартиръ и магазиновъ. Нѣкоторую охрану можно было находить лишь за особое вознагражденіе. Когда къ ген. Каульбарсу прибыла депутація, умолявшая дѣйствовать войсками, генералъ на всѣ мольбы твердилъ два слова: „Не могу"...

„Разгаръ убійствъ и грабежа начался утромъ 20-го октября. Гдѣ-то разорвалась бомба. Въ дѣло пущены были пулеметы. Ужасъ окончательно овладѣлъ населеніемъ. Улицы опустѣли и только громилы дѣлали свое страшное дѣло. Если на улицѣ попадался еврей или студентъ—ихъ ждала смерть... Патрули отъ войскъ показались съ 20-го, они имѣли такой видъ: кругомъ

городовые безъ №№ и съ револьверами, поднятыми вверхъ, въ серединѣ ихъ солдаты съ ружьями вверхъ, а между ними околоточный надзиратель и сыщикъ, сзади же идетъ толпа хулигановъ съ дубинами, полосами желѣза, молотами и т. п. „вооруженіемъ“... Патрули эти проходили по улицамъ, гдѣ продолжался грабежъ и совершались убійства, гдѣ истязали попа давшихся евреевъ и тѣхъ, кто за нихъ заступался. Хулиганы, грабившіе квартиры, сбрасывали съ балконовъ дѣтей, стариковъ и родильницъ... Убивали людей, бія головой объ мостовую... Подстрѣленному юношѣ шашкой былъ вскрытъ животъ... На одномъ чердакѣ было найдено 36 труповъ... и т. д. и т. д. Военный врачъ Ю., вынесшій всю портъ-артурскую страду заболѣлъ психически отъ испытанныхъ имъ здѣсь, въ качествѣ врача, „впечатлѣній“! Винныя лавки все время торговали по установленію, а награбленное безпрепятственно разносилось по городу. Только къ вечеру 21-го кое-гдѣ появилось объявленіе о приказѣ командующаго войсками прекращать силою оружія насилія надъ личностью и грабежи. Самъ ген. Каульбарсъ обратился съ увѣщаніемъ къ толпѣ, говоря что она „покрыла стыдомъ Россію“... *(Право)*. Но въ какой странѣ *возможенъ* трехдневный разгулъ подобной толпы, на глазахъ администраціи города съ полумилліоннымъ населеніемъ? Гдѣ возможно найти толпу, способную насиловать дѣтей, вырѣзывать груди женщинамъ, разрывать новорожденныхъ на части на глазахъ матери?.. Откуда это ужасное одичаніе души и сердца? Думало ли объ этомъ русское правительство и православное духовенство?

Приведенные выше краткіе очерки казенно-патріотическаго воздѣйствія на только что „освобожденныхъ“ гражданъ представляютъ собою приблизительную картину насилій и погромовъ, обрушившихся въ „октябрьскіе дни“ на 65 городовъ и селеній Россіи... Ходъ событій и отношеніе къ нимъ властей во всѣхъ случаяхъ за-

мѣчательно однообразны, разнообразіе составляли лишь отдѣльные эпизоды, выдѣляясь своимъ поразительнымъ звѣрствомъ. Такъ, напр., въ Кременчугѣ, на митингъ собравшійся въ народной аудиторіи, ворвалась полсотня казаковъ и пустила въ ходъ револьверы и шашки; въ числѣ израненныхъ оказался мальчикъ съ перерубленными костями лица и обоими глазами... Въ Ростовѣ-на-Дону по распоряженію полицейскаго чина, картечью разсѣяли горожанъ, пытавшихся водворить порядокъ, послѣ чего громилы принялись за свое дѣло съ удвоенной энергіей. За 3 дня погрома здѣсь убито 176 и ранено около 500 чел. Въ Томскѣ „патріотическая" толпа, послѣ молебна, загнала часть публики, собравшейся на митингъ, въ громадное желѣзнодорожное зданіе и подожгла его; на глазахъ многотысячной толпы было сожжено около 200 человѣкъ. Спасавшихся ловили и пристрѣливали... Убитыхъ и изувѣченныхъ насчитывалось 226 чел. Грабежъ шелъ день и ночь; награбленное возили возами. И т. д. и т. д. и т. д. Саратовъ, Орша, Ѳеодосія, Казань, Минскъ (убито и ранено перекрестной стрѣльбой до 500 челов.) Тула, Ярославль, Екатеринославъ, Владиміръ...—вездѣ одна картина: грабежъ, лужи крови, охраняющая громилъ полиція, „патріоты", портреты и молебны. Ради изліянія патріотическихъ чувствъ допускалась полная свобода добывать жертвы въ любомъ количествѣ и гдѣ угодно. Такъ, на ст. Раздѣльная на глазахъ начальника станціи и начальника патрульнаго отряда, днемъ и безъ всякаго повода, хулиганы вытаскивали изъ вагоновъ на полотно дороги пассажировъ евреевъ, затѣмъ они были жестоко избиты и ограблены. Въ результатѣ—10 убитыхъ (изъ нихъ трое дѣтей), трое умерло въ больницѣ, тяжело изувѣчено 29 (четверо дѣтей). Не менѣе страшныя жестокости творились въ эти дни по всему Кавказу, гдѣ населеніе долгое время поддерживалось въ крайнемъ возбужденіи и гдѣ уже всю осень разрасталась анархія.

XL.

Огнемъ и мечомъ къ старымъ порядкамъ.

Манифестъ 17 октября, выразившій собою кризисъ самодержавія, многіе склонны были считать исключительно результатомъ натиска первой политической забастовки; въ дѣйствительности актъ этотъ былъ неизбѣженъ, какъ отвѣтъ на настоятельныя требованія страны, на потокъ петицій и безпрерывныя демонстраціи общеполитическаго характера; забастовка принудила осуществить неизбѣжное. Правительство упорно уклонялось признать свои обязанности передъ страной, но оно не могло не сознавать, что окончательный расчетъ приблизился и часы стараго порядка сочтены. Сдаваясь подъ натискомъ забастовки, правительство уступало не только передъ этимъ пріемомъ борьбы, но и передъ колоссальностью общественаго подъема.

„Русское общество завоевало политическую свободу. Идея народоправства становится непобѣдимой съ того момента, какъ она проникаетъ въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ. Долгой и самоотверженной работой русская интеллигенція поддерживала огонь въ историческомъ горнѣ,—тотъ огонь, на которомъ медленно плавились цѣпи политическаго рабства... Своей добычи, купленной дорогою цѣной, народъ никогда не отдастъ, и бюрократія одна не попытается его взять... Одна бюрократія не страшна. Но въ настоящее время освободительному движенію грозитъ опасность реакціи со стороны тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые донынѣ пребываютъ во власти тьмы. Не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями: время мира и даже перемирія еще не приспѣло; больше того, быть можетъ, именно теперь, послѣ частичной побѣды, придется вести борьбу на два фронта—противъ самодержавнаго режима и противъ слѣпыхъ силъ общественной реакціи... Пусть каждая политическая партія пересмотритъ свою тактику борьбы, считаясь не только со вчерашнимъ, но и съ завтраш-

нимъ врагомъ, не только съ хищниками, которые гнѣздятся на горѣ, но и съ гадами, которые пресмыкаются въ долинѣ".

Такъ опредѣляла газета *Право* значеніе общественной побѣды и созданное ею положеніе. „Трагизмъ положенія Россіи заключался въ томъ, что, теоретически являясь уже конституціонной монархіей, она, до созыва народныхъ представителей, фактически оставалась монархіей абсолютной. Мучительное противорѣчіе между фактомъ и правомъ могло бы быть хоть отчасти смягченно разумной и цѣлесообразной политикой правительства". Но правительство не пожелало считаться съ неорганизованной волей народа и подчиниться общественному мнѣнію страны; оно осталось и въ этотъ великій историческій моментъ вѣрнымъ своей системѣ измывательства; обольщая картинами будущаго, оно, въ настоящемъ, желало оставить въ неприкосновенности внѣзаконныя права временщиковъ и насильниковъ. „Россія обращалась въ конституціонное государство, но надъ нею продолжала хозяйничать грубая рука съ безграничною властью. Личность русскаго человѣка объявлялась неприкосновенной, но жизнь и честь его оставлялись во власти казацкаго неистовства". Свобода предстала передъ жадно ожидавшимъ ее народомъ, какъ Христосъ, со связанными руками и украшенная терніями... Такою желали видѣть ее тѣ темныя силы, которыя ожидали отъ толпы крика: распни!—но даже изувѣры реакціи, рабы, искони боготворившіе власть, ихъ же топтавшую какъ гадовъ, въ этотъ моментъ были подавлены восторгами побѣдителей.

Однако побѣжденные не сложили своего позорнаго оружія. Звѣрствами натравленной на интеллигенцію черни было рѣшено доказать, что *народъ* возстаетъ противъ всякихъ реформъ, что стремленіе къ конституціи онъ признаетъ происками враговъ Россіи, что ничего, кромѣ рабскаго подчиненія опекунской власти начальства, онъ не желаетъ; и этотъ планъ свой, заду-

манный еще до изданія манифеста, охранительная клика принялась выполнять, не обращая на манифестъ никакого вниманія. Надъ страной пронесся ураганъ варварскихъ насилій; но какъ только стихъ приступъ общественнаго гнѣва, какъ только русское общество взглянуло на совершонные ужасы спокойнымъ взоромъ судьи, тотчасъ же стало яснымъ, что это дикое озорство вовсе не было стихійнымъ движеніемъ народныхъ массъ противъ правъ, отвоеванныхъ сознательными слоями населенія; на это указывало, между прочимъ, то интересное обстоятельство, что погромы разражались, за малыми исключеніями, въ такихъ пунктахъ, гдѣ революціонное настроеніе выражалось наиболѣе слабо. Однообразіе плана погромовъ, съ постояннымъ участіемъ громилъ изъ хулагановъ и уличнаго сброда при руководительствѣ главарей охранительнаго направленія, наконецъ возникновеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ погромовъ еще *до* изданія манифеста о свободахъ,— все это обнаруживало не протестъ темнаго населенія противъ побѣды „внутреннихъ враговъ", а организованный замыселъ придушить освободительное движеніе и отомстить тѣмъ, кого бюрократія считала виновниками своего крушенія.

«Разоблаченіе этого дьявольскаго плана впослѣдствіи подтвержденное бывшимъ тов. министра кн. Урусовымъ и бывш. директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ, было дано горнопромышленникомъ Ф. А. Львовымъ. Онъ подалъ гр. Витте записку, въ которой, принимая на себя полную отвѣтственность за достовѣрность, раскрывалъ тайны реакціоннаго заговора противъ русскаго народа. Въ запискѣ этой, полностью опубликованной въ газетахъ и оставшейся безъ опроверженія, г. Львовъ утверждалъ, что погромы и звѣрства, свободно допущенные въ «октябрьскіе дни» на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, были организованы заблаговременно; организаціей же «кровавой бани», учиненной надъ Россіей и ужаснувшей весь культурный и некультурный міръ, она обязана все тѣмъ же силамъ, которыя вовлекли ее въ жестокую и позорнѣйшую войну: «лиходѣямъ бюрократиче-

скаго самовластья, пресмыкающимся возлѣ престола», тѣмъ лиходѣямъ, которые, пребывая въ безнаказанности и благополучіи съ набитыми золотомъ карманами, «призываютъ насъ же къ довѣрію и тащатъ къ подножію престола новую клевету на народъ, что ему не нужны никакія свободы, что вся смута—дѣло рукъ небольшой кучки революціонеровъ да жидовъ...»

«Лиходѣи выдвинули классическаго «стрѣлочника», за которымъ удобно вампирствовать», писалъ г-нъ Львовъ, и прямо утверждалъ, что почетными и иными видными членами Русскаго Собранія былъ выработанъ адскій планъ—огнемъ и мечомъ утвердить на Руси самодержавіе отнынѣ и довѣка».

«Какъ подготовлялась къ этому почва... кто насыщалъ воздухъ пороховой пылью національной вражды и съ чисто нѣмецкой свирѣпостью душилъ всякую живую мысль... откуда взялись черносотенцы, кѣмъ взлелѣяны провокаторы, кто и по чьему приказу сѣялъ съ амвоновъ церквей братоубійственную распрю, кому нужно было напустить ужасъ на всю Россію въ видѣ 35 полковъ казаковъ (не пожалѣвъ на это милліоновъ),—все это извѣстно всей Россіи и, особенно, Русскому Собранію...»

«Ядро организованныхъ «боевыхъ дружинъ» составляло 6000 чел., а остальную силу должны были имъ доставить такіе мастера по части декоративнаго патріотизма, какъ Клейгельсъ, Нейдгардъ, Азанчевскій, Пилеръ-фонъ-Пильхау, Курловъ, Роговичъ и др. Депутаты отъ боевой дружины опричниковъ, или «сотенные», какъ они себя называли, съѣхались въ Петербургѣ въ началѣ октября и задержались здѣсь, благодаря общей забастовкѣ желѣзныхъ дорогъ, почему и не могли своевременно выѣхать къ мѣстамъ будущихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, кровавая бойня надъ Россіей задумана была гораздо раньше и въ иныхъ цѣляхъ, чѣмъ осуществившаяся вслѣдъ за манифестомъ. Подготовлялась контръ-революція, а разыгралась контръ-конституція. И произошло это потому, что быстрый ходъ событій обогналъ контръ-революцію. Достаточно было ликующему населенію выкинуть 18 октября красные флаги, знаменовавшіе собою завоеваніе свободы кровью народа и ничто другое; довольно было провокаторской бомбы, нѣсколько дикихъ возгласовъ изъ многотысячной толпы чтобы полицейскіе телефоны завопили: «Революція идетъ»...

Въ такихъ условіяхъ народившейся на Руси свободѣ грозила явная опасность. И это тѣмъ болѣе, что рево-

люціонно настроенное общество, упиваясь своей побѣдой и презирая неотмѣненныя еще привилегіи приказнаго строя, продолжавшаго цѣпляться за власть, рѣшительно вступило въ фактическое обладаніе всѣми правами гражданъ въ неограниченномъ ихъ объемѣ; оно рѣзко отказалось исполнять какія бы то ни было измышленія бюрократической канцелярщины. Прежде всего оно осуществило полную свободу собраній и союзовъ. Вполнѣ инертное до сего времени большинство городского населенія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, съ необычайною быстротой организовалось въ безчисленные союзы и партіи. Газеты этого времени переполнены были программами, уставами и воззваніями. Осуществляя свободу слова, пресса съ своей стороны не пожелала признавать наскоро составленныхъ правилъ о періодической печати; этому примѣру послѣдовали и типографіи, порѣшивши вести свои дѣла, вполнѣ игнорируя административный надзоръ и цензуру. И закипѣла небывалая политическая жизнь. Собранія и сходки происходили повсюду безпрерывно, увлекая въ бурный ходъ событій все большее и большее количество ослѣпленныхъ свѣтомъ свободы гражданъ. То былъ моментъ всеобщаго опьянѣнія свободами.

Что касается администраціи, то въ это время въ ея средѣ царила какая-то растерянность; она какъ бы стушевалась, пребывая въ хищномъ ожиданіи всесильныхъ циркулярныхъ указаній.

Мѣстныя власти, привыкшія исполнять царскіе указы лишь по толкованію ихъ своимъ начальствомъ, и теперь ожидали сигнала, чтобы положить конецъ ненавистнымъ свободамъ.

Всѣмъ этимъ черносотеннымъ покушеніямъ и ожиданіямъ соотвѣтствовало въ значительной степени и поведеніе самого правительства. Объявленное одновременно съ манифестомъ объединеніе дѣятельности министровъ, съ назначеніемъ гр. Витте премьеромъ, да-

вало вначалѣ нѣкоторую надежду на скорое упорядоченіе государственной жизни, такъ какъ предполагалось, что глава министерства конституціоннаго, безъ всякихъ компромиссовъ, открыто и безповоротно станетъ уже на сторону прогресса. Къ сожалѣнію, оправдались выводы и опасенія тѣхъ, кто усматривалъ въ графѣ Витте не геніальнаго государственнаго дѣятеля, а выдающагося дѣльца, не дальновиднаго политика, а политиканствующаго бюрократа-либерала. Оказалось, что „премьеръ" вступилъ въ какую-то сдѣлку съ дѣятелями отжившаго строя. Онъ, стало быть, рѣшилъ овладѣть положеніемъ не въ союзѣ съ живыми силами страны, а при помощи какого-то секретнаго фортеля.

„Геній" графа Витте старался открыть глаза легкомысленному обществу и заставить это общество видѣть даже въ г. Треповѣ яраго либерала, и это въ то время, когда вся Россія, впервые осуществляя свободу слова, въ одинъ голосъ требовала его удаленія. Сразу обнаружилось, что о полной смѣнѣ дѣятелей забракованнаго строя въ высшихъ сферахъ не могло быть даже и рѣчи; населеніе немедленно убѣдилось, что сила власти остается попрежнему въ тѣхъ же ненавистныхъ рукахъ, противъ которыхъ велась упорная борьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что при такихъ условіяхъ правительство, переходя въ новый строй, ни въ комъ и нигдѣ не пріобрѣтетъ къ себѣ и тѣни довѣрія. „Дальновидный" гр. Витте съ первыхъ же шаговъ своего премьерства проявилъ пренебреженіе къ выдвинувшимся общественнымъ силамъ. Прежде всего онъ попытался составить кабинетъ изъ видныхъ, но по времени уже отсталыхъ либеральныхъ дѣятелей прежнихъ временъ; и только когда эта попытка оказалась неудачной, онъ сдѣлалъ нѣкоторый маневръ въ сторону общественныхъ силъ. Но приглашенныя лица изъ дѣятелей умѣренно-прогрессивнаго направленія нашли неподходящими предложенныя условія и отказались отъ участія въ неопредѣленной политикѣ. Вслѣдъ

затѣмъ карты открылись, и „свободные граждане“ получили пріятное извѣстіе, что свой „секретъ спасенія Россіи“ гр. Витте будетъ выполнять при дѣятельномъ участіи сподвижника Плеве — П. Н. Дурново, свирѣпостью вскорѣ затмившаго славу своего патрона.

Сформировавшійся „дѣловой кабинетъ“ Витте—Дурново уже однимъ послѣднимъ именемъ убилъ надежду на то, что переходъ къ конституціонному строю совершится безъ дальнѣйшихъ жертвъ, а для разгула реакціи открывалось обширное поле. Русскій пролетаріатъ, политически еще почти не развитый, но познавшій силу организацій, съ жадностью бросился организоваться въ союзы и, разжигаемый соціалъ-демократической пропагандой, рѣшительно устремился на путь открытой революціи. Между тѣмъ было несомнѣнно, что актъ 17 октября значительно понизилъ температуру революціоннаго настроенія массы, жаждавшей главнымъ образомъ упорядоченія государственной жизни.

Соціалъ-демократы не пожелали считаться съ настроеніемъ страны; они съ горячностью слишкомъ юношеской для небывало серьезнаго момента въ судьбѣ Россіи, спѣшили использовать въ партійныхъ интересахъ бурное настроеніе трудящихся классовъ и тотъ хаосъ, который создала внезапная пертурбація въ области гражданскихъ правъ. Однако ихъ усилія могли въ этотъ моментъ лишь поддерживать не вполнѣ еще потухшіе очаги революціи, безъ шансовъ на сочувствіе страны. Въ результатѣ, вмѣсто дружной борьбы съ реакціоннымъ теченіемъ, получилась ожесточенная распря партій, разгорѣлась проповѣдь борьбы пролетаріата съ буржуазіей, рабочихъ съ хозяевами и т. д. Словомъ, Россія, еще не добившаяся правового строя, еще стоявшая лицомъ къ лицу съ своимъ кровнымъ врагомъ при крайне спутанныхъ отношеніяхъ всѣхъ классовъ ея населенія, неосмотрительно вовлеклась въ анархическое состояніе, къ несомнѣнному удовольствію бюрократіи.

И высшая администрація не замедлила воспользоваться заблужденіемъ крайнихъ революціонеровъ; она посредствомъ извѣстныхъ маневровъ заставила ихъ раскрыть всѣ свои силы и всѣ нити своей организаціи. Въ быстро пролетѣвшіе дни неограниченнаго и безразсуднаго пользованія свободами администрація приняла положеніе наблюдательное и даже подбадривающее революцію; растерянность же разнообразнаго начальства оказалась фиктивной: считаемое уже безвреднымъ, оно получило возможность незамѣтно изучать пружины революціи и точно ознакомиться съ составомъ дѣятелей революціоннаго и забастовочнаго движенія. Была дана возможность высказать всѣмъ все, а тѣмъ временемъ реакція расправляла свои черныя крылья и оттачивала когти...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Князь Святополкъ-Мирскій	8
II.	Призраки „весны“	13
III.	Пробужденіе	37
IV.	Горькая правда	40
V.	Козни „внутреннихъ враговъ“	48
VI.	Историческая резолюція	50
VII.	Сороколѣтняя война съ Судебными Уставами	59
VIII.	Протестъ подназорной науки	71
IX.	Голосъ сердца Россіи	74
X.	„Весеннія“ картинки	81
XI.	Студенческія манифестаціи	92
XII.	„Такъ жить нельзя“	98
XIII.	Попытка мобилизаціи охранителей	104
XIV.	Призывъ темной силы	110
XV.	Въ провинціи до Указа 12 декабря	115
XVI.	Высочайшій Указъ 12 декабря и Правительственное сообщеніе	126
XVII.	Протестъ общественныхъ организацій	133
XVIII.	Подъемъ общественнаго мнѣнія	141
XIX.	Чего ждать?	146
XX.	Паденіе Артура	160
XXI.	Рабочее движеніе	166
XXII.	Полицейскій опытъ	181
XXIII.	„Все обстоитъ благополучно“	186
XXIV.	По смыслу присяги и по совѣсти	190
XXV.	„Несвоевременно“	199
XXVI.	Предупрежденіе и пресѣченіе	205
XXVII.	Вступленіе въ открытую борьбу	212
XXVIII.	Три акта	221
XXIX.	„Патріотическій“ подъемъ	229
XXX.	Цусимскій разгромъ	234
XXXI.	Іюньская депутація къ царю	245

XXXII. Указы и циркуляры 256
XXXIII. Отцы-агитаторы 263
XXXIV. Офиціальныя „ошибки“ 269
XXXV. Прелюдія всероссійскихъ ужасовъ 274
XXXVI. Бюрократическій даръ народу 284
XXXVII. „Умиротвореніе“ 289
XXXVIII. Мирная революція 294
XXXIX. Манифестъ 17 октября и первые дни свободы . . 311
XL. Огнемъ и мечомъ къ старымъ порядкамъ 325

Исправленія.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
13	14	близка	приближалась
24	5	ей	имъ
31	11	„опричнина“	„опричина“
105	3	либерально	либеральнаго
162	19	полумилліарды	милліардъ
195	12	Компаніи	Кампаніи

769к

DK 256 .Z6
Perelom
Stanford University Libraries
3 6105 041 525 606

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.